8Р
748945
М604
59—11

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ
ПОСЛѢ ГОГОЛЯ

ЧТЕНІЯ, РѢЧИ И СТАТЬИ

ОРЕСТА МИЛЛЕРА

Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ проф. **И. А. Шляпкина**

ТОМЪ III

С. Т. АКСАКОВЪ.—П. И. МЕЛЬНИКОВЪ.
А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

Изданіе пятое

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ | МОСКВА
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.

Пр. 2010

748945

[illegible]

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ
ПОСЛѢ ГОГОЛЯ

8770

ДЕТСКИЙ
Инв. №

108

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ
ПОСЛѢ ГОГОЛЯ

ЧТЕНІЯ, РѢЧИ И СТАТЬИ

ОРЕСТА МИЛЛЕРА

Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ проф. **И. А. Шляпкина**

ТОМЪ III

С. Т. АКСАКОВЪ.—П. И. МЕЛЬНИКОВЪ.
А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

Изданіе пятое

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13 || МОСКВА, Кузн. Мостъ, 12 и Моховая, 22.

8р
М 604

1.3

Печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ, Вас. Остр. 16 линія, соб. домъ.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
У[illegible]ьного
Госуни[illegible]ситета
г. Свердловск

748945

ОТЪ АВТОРА.

Около года тому назадъ я выпустилъ въ свѣтъ третьимъ изданіемъ мои публичныя лекціи о новыхъ русскихъ писателяхъ, дополнивъ ихъ нѣкоторыми статьями и рѣчами. Изъ одной книги первыхъ двухъ изданій вышли такимъ образомъ цѣлыхъ двѣ части. Въ предисловіи къ 3-му изданію я указалъ на то, что со временемъ могутъ появиться въ свѣтъ и дальнѣйшія части. Въ настоящее время издается 3-ья, посвященная С. Т. Аксакову, П. И. Мельникову и А. Н. Островскому. Всѣ три характеристики появляются въ печати въ первый разъ.

Ор. Миллеръ.

26-го ноября
1887 г.

С. Т. АКСАКОВЪ [1]).

Что это, и С. Т. Аксаковъ въ числѣ русскихъ писателей послѣ Гоголя? Да вѣдь если онъ умеръ семью годами позже геніальнаго родоначальника русскаго реализма, то вѣдь онъ началъ свое литературное поприще еще въ двадцатыхъ годахъ, даже ранѣе. Положимъ; но развѣ до своего знакомства съ Гоголемъ Аксаковъ былъ тѣмъ-же, кѣмъ сталъ подъ конецъ жизни Гоголя? Правда, уже въ «Буранѣ», напечатанномъ Аксаковымъ еще въ 1834 г., блистательно сказываются признаки того дарованія, которое такъ поразило читающую публику при появленіи «Семейной хроники». Но вѣдь и въ небольшомъ очеркѣ 1834 г. уже могло сказаться вліяніе Гоголевскаго, а отчасти, конечно, и Пушкинскаго реализма, хотя еще критикъ «Русской Бесѣды» напомнилъ о томъ, что Аксаковскій очеркъ появился «за два года до знаменитаго Пушкинскаго описанія бурана въ «Капитанской дочкѣ» [2]). Какъ бы то ни было, набрасывать прославившую его потомъ «Семейную хронику» Аксаковъ началъ только въ 1840 г., а отрывки изъ нея появились въ печати уже шесть лѣтъ спустя, въ «Московскомъ Сборникѣ» 1846 г. Первый узналъ про эти отрывки и первый по достоинству ихъ оцѣнилъ не кто другой, какъ Гоголь,—этотъ младшій другъ С. Т. Акса-

---

[1]) Изъ лекцій, читанныхъ въ Спб. университетѣ въ 1887 г.
[2]) Р. Бесѣда 1856 г., кн. 1, стр. 45. Отд. критики

кова, имѣвшій несомнѣнное право считать его въ числѣ своихъ учениковъ. Первыми большими трудами Аксакова, сразу появившимися въ полномъ видѣ и впервые обратившими на себя вниманіе публики, были, какъ извѣстно: «Записки объ уженьи рыбы» (1847 г.), «Записки ружейнаго охотника» (1852 г.) и «Разсказы и воспоминанія охотника» (1855 г.). Вторая изъ поименованныхъ книгъ нашла себѣ восторженнаго цѣнителя въ одномъ изъ знаменитыхъ послѣдователей Гоголя, И. С. Тургеневѣ. «Онъ смотритъ на природу (одушевленную и неодушевленную),—говоритъ объ Аксаковѣ авторъ «Записокъ охотника»,—не съ какой-нибудь исключительной точки зрѣнія, а такъ, какъ на нее смотрѣть должно: ясно, просто и съ полнымъ участіемъ... Передъ такимъ взоромъ природа раскрывается и даетъ ему «заглянуть» въ себя. Оттого... когда я прочелъ, напримѣръ, статью о тетеревѣ, мнѣ, право, показалось, что лучше тетерева жить невозможно... Если-бы тетеревъ могъ разсказать о себѣ, онъ бы, я въ томъ увѣренъ, ни слова не прибавилъ къ тому, что о немъ повѣдалъ намъ г. Аксаковъ» [1]).

Объ охотничьихъ книгахъ Аксакова и о книгѣ его объ уженьи и критикъ «Р. Бесѣды» (И. П. Г—въ), и критикъ «Отечественныхъ записокъ» (С. С. Дудышкинъ) замѣтили, что это не спеціальныя, а скорѣе поэтическія книги, хотя самъ авторъ, можетъ быть, и придавалъ имъ болѣе утилитарное значеніе (первое изданіе книги объ уженьи, по замѣчанію г. И. Г—ва, отличается большею сухостью, чѣмъ второе, въ которомъ художническая натура автора окончательно одержала верхъ надъ его утилитарною цѣлью). Къ такому-же мнѣнію приходитъ и И. С. Тургеневъ, хотя, самъ страстный охотникъ, онъ способенъ былъ признавать у С. Т. Аксакова и многое поучительное въ чисто охотничьемъ смыслѣ [2]). Въ какой-бы мѣрѣ ни признавали мы въ этихъ книгахъ

---

[1]) Соч. И. С. Тургенева; т. I, стр. 352.

[2]) «Не чуждыми внѣшней, спеціальной или практической цѣли» признавалъ охотничьи книги Аксакова и критикъ «Атенея» (А. Станкевичъ).

Аксакова и художественный интересъ, остается, кажется, только согласиться съ критикомъ «Русской Бесѣды», что «художественно изображенная охота возбуждаетъ наше сочувствіе только отрицательно...» «Въ сущности, эта борьба (т.-е. борьба охотника съ представляющимися ему препятствіями) пуста... Сочувствіе и любовь охотника къ своимъ жертвамъ также пусты: ибо они обращены на природу, не имѣющую нравственнаго достоинства. Перейдите маленькую черту, и успокоивающее, а отчасти трогающее впечатлѣніе превратится въ комическое... Охотникъ въ пыли, наполовину въ грязи, съ едва переводимымъ дыханіемъ слѣдящій за движеніями маленькой птички, истощающій запасъ силы, ума и искусства, чтобы убить ее, не комическое-ли явленіе?» [1]). Иначе, конечно, смотритъ И. С. Тургеневъ, говоря, по поводу книги Аксакова, объ историческомъ значеніи у насъ охоты съ издавнихъ княжескихъ временъ, о томъ значеніи ея, какъ одного изъ видовъ оборонительной земской службы, которое сказывается, конечно, и въ слѣдующихъ словахъ Тургенева: «дайте мужику ружье, хоть веревками связанное, да горсточку пороху, и пойдетъ онъ бродить, въ однихъ лаптишкахъ, по болотамъ да по лѣсамъ съ утра до вечера. И не думайте, что бы онъ стрѣлялъ изъ него однѣхъ утокъ: съ этимъ-же ружьемъ пойдетъ онъ караулить медвѣдя на «овсахъ», вобьетъ въ дуло не пулю, а самодѣльный, кой-какъ сколоченный жеребій—и убьетъ медвѣдя; а не убьетъ, такъ дастъ медвѣдю себя поцарапать, отлежится, полуживой дотащится до дому и, коли выздоровѣетъ, опять пойдетъ на того-же медвѣдя съ тѣмъ-же ружьемъ. Правда, случится иногда, что медвѣдь опять его поломаетъ; но вѣдь русскимъ-же человѣкомъ сложена пословица, что звѣря бояться—въ лѣсъ не ходить» [2]). Тутъ, разумѣется, нѣтъ уже пустоты, какъ нѣтъ и ничего комическаго; тутъ совсѣмъ другая сторона охоты, нимало, разумѣется, не роняющая человѣческаго достоинства.

[1]) Р. Бесѣда 56 г., кн. 1, стр. 26. От. критики.
[2]) Соч. Тургенева, т. I, стр. 350.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно правъ, конечно, покойный Дудышкинъ, усматривая въ поэтической сторонѣ охотничьихъ книгъ Аксакова собственно только «фактъ той большой картины русской жизни, которая настоящій свой интересъ получаетъ лишь изображеніемъ человѣка, обитателя этихъ лѣсовъ, этихъ безпредѣльныхъ полей». Но такое изображеніе дастъ намъ уже «Семейная хроника», воспроизводящая передъ нами, по замѣчанію того-же критика, жизнь русскаго человѣка XVIII ст. въ цѣломъ рядѣ художественныхъ портретовъ [1]).

Мы не станемъ по всему этому останавливаться не только на технической, но даже и на поэтической сторонѣ книгъ Аксакова объ охотѣ и уженьи, хотя-бы самъ Гоголь сказалъ, что въ птицахъ и рыбахъ Аксакова болѣе жизни, чѣмъ въ его собственныхъ, т.-е. Гоголевскихъ людяхъ, и хотя-бы въ разсказѣ 2-го тома «Мертвыхъ душъ» о двухъ мартынахъ (птицахъ) — мартынѣ, уже поймавшемъ рыбу, и мартынѣ, еще не поймавшемъ рыбы, и слышалось, какъ это кажется г. Н. Г—ву, вліяніе на самого Гоголя охотничьихъ сценъ Аксакова [2]).

Мы вполнѣ готовы допустить обратное вліяніе старика Аксакова на своего, сравнительно молодого, учителя. Но вѣдь тѣмъ-же критикомъ признано, что «окончательнымъ развитіемъ своего таланта Аксаковъ, безъ сомнѣнія, обязанъ Гоголю», который «первый вполнѣ показалъ намъ все художественное значеніе для насъ современной народной дѣйствительности...» «первый пригнулъ насъ совершенно къ землѣ, чтобъ оттуда, какъ все получаетъ себѣ жизнь и силу, такъ извлекалъ-бы [3]) себѣ и художникъ силу и одушевленіе». Это, конечно, не помѣшаетъ намъ признать и вѣрность мнѣнія покойнаго Дудышкина, что «манера Аксакова напоминаетъ манеру Пушкина въ повѣстяхъ послѣднихъ его лѣтъ» [4]). Но вѣдь существо-

---

[1]) Отеч. Зап. 56 г., апрѣль, стр. 72. Отд критики.
[2]) Р. Бесѣда 56 г., кн. 1, стр. 5. Отд. критики.
[3]) Тамъ же, стр. 43.
[4]) Отеч. Зап. 56 г., апрѣль, стр. 84.

вало-же и взаимовліяніе между Пушкинымъ и Гоголемъ. Замѣтимъ, наконецъ, тутъ-же, что иностранная критика оговаривалась совершенно справедливо: «хотя и ученикъ Гоголя, Аксаковъ не обладаетъ нисколько юмористическимъ талантомъ своего учителя и на предметъ свой, во всѣхъ его разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ, смотритъ съ совершенною ясностью» [1]). Эта «ясность» французскаго критика, повидимому, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому «полному безпристрастію къ дѣйствительности», какое замѣтилъ у Аксакова критикъ «Русской Бесѣды»,—«безпристрастію,—какъ пояснялъ онъ,—сочувствующему, желающему въ каждомъ явленіи отыскать свѣтлую сторону, которою-бы смягчалось впечатлѣніе, производимое его темною стороною». Въ этомъ справедливо можно видѣть у Аксакова шагъ впередъ, «возникающее,—по выраженію того-же критика,—въ немъ виднѣе, нежели въ другихъ, отрѣшеніе искусства отъ прежней отрицательности» [2]). Покойный А. С. Хомяковъ, формулируя взглядъ «Р. Бесѣды», выразился такимъ образомъ, что С. Т. Аксаковъ «первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на нашу жизнь съ положительной, а не съ отрицательной точки зрѣнія» [3]). Онъ такимъ образомъ достигъ того, къ чему такъ болѣзненно, а потому и такъ неудачно, сталъ стремиться Гоголь. Такимъ образомъ не только такой молодой ученикъ великаго юмориста, какъ Достоевскій въ своихъ «Бѣдныхъ людяхъ», но и такой старый его ученикъ, какъ Аксаковъ, въ извѣстномъ смыслѣ опередилъ учителя, т.-е. представилъ своего рода «поправку» или, вѣрнѣе сказать, дополненіе къ его направленію. Это нимало не упраздняетъ зависимости обоихъ отъ Гоголя, т.-е. отъ Гоголевской близости къ жизни, отъ его простоты и безыскусственности. Самъ С. Т. Аксаковъ признавалъ

---

[1]) Мнѣніе Делаво въ Revue des deux Mondes, сообщенное въ № 9 «Современника» 1857 г.

[2]) Р. Бесѣда 56 г., т. I, стр. 22. Къ тому же пришелъ и критикъ Русск. Вѣстника Ф. Дмитріевъ.

[3]) Полное собраніе сочиненій С. Т. Аксакова т. I, стр. 15. Къ тому же въ сущности приходилъ и покойный П. В. Анненковъ въ «Современникѣ» 1856 г.

вліяніе на себя Гоголя, наприм., вспоминая, какъ во время оно сказалъ онъ кн. Шаховскому, что считаетъ оскорбленіемъ искусству представлять на сценѣ, какъ мошенники вытаскиваютъ деньги изъ кармановъ добрыхъ людей и плутуютъ въ карты. «Я,—замѣчаетъ онъ при этомъ,—былъ не совсѣмъ правъ и не предчувствовалъ Гоголевскихъ «Игроковъ»; неясно и нетвердо понималъ я, что высокое художество можетъ воспроизводить и пошлое и, до извѣстной степени, низкое въ жизни, не оскорбляя чувства изящнаго въ душѣ человѣческой» [1]).

Торжество надъ Аксаковымъ Гоголевскаго начала именно въ этомъ смыслѣ тѣмъ болѣе замѣчательно, что Сергѣй Тимоѳеевичъ не только выросъ, но и возмужалъ, какъ это видно изъ его «Воспоминаній», совсѣмъ подъ иными литературными впечатлѣніями. Въ дѣтствѣ зачитываясь «Россіадою» и Сумароковымъ, въ юности принявъ сторону Шишкова противъ Карамзинской новизны, онъ и позже очень долго носилъ на себѣ отпечатокъ псевдо-классическихъ вліяній. «Какъ не подивиться,—справедливо замѣчаетъ по этому поводу А. Станкевичъ,—что онъ могъ впослѣдствіи разсказать свои воспоминанія простымъ, ровнымъ, точнымъ и прекраснымъ языкомъ» [2]). Другой критикъ Аксакова, Ѳ. Дмитріевъ, отмѣтилъ въ воспоминаніяхъ нашего автора объ актерѣ Шушеринѣ тотъ фактъ, что его «простая, естественная игра увлекала зрителей, не умѣвшихъ объяснить себѣ своего увлеченія» [3]). Надъ такимъ фактомъ, кажется намъ, стоило бы позадуматься. Прежде всего слѣдовало-бы сопоставить съ нимъ то, что̀ разсказывается Аксаковымъ о старѣйшей изъ нашихъ театральныхъ знаменитостей, Дмитревскомъ. Вѣдь и онъ, выросшій на Сумароковѣ да на Княжнинѣ и дожившій только до Озерова, возставалъ противъ крайней напыщенности, сказывавшейся, подъ вліяніемъ господствовавшей школы, и у гораздо младшаго

---

[1]) Соч. С. Т. Аксакова, т. IV, стр. 102.
[2]) Атеней 1858 г. № 4.
[3]) Р. Вѣстникъ 1856 г., № 7, стр. 473.

Яковлева. Не ясно-ли, что стремленіе къ простотѣ могло проявиться у насъ на сценѣ еще въ самый разгаръ прививного псевдо-классицизма. Не сказалась-ли тутъ невольно побѣда надъ нимъ русской природы, и не этимъ ли объясняется и увлеченіе публики, хотя и иначе совсѣмъ воспитываемой, простою, естественною игрою Шушерина? Какъ-бы то ни было, хотя самъ С. Т. Аксаковъ и не указываетъ на это, намъ невольно сдается, что вліяніемъ Шушерина на него самого, какъ записного театрала и публичнаго чтеца, подготовлено было литературное на него вліяніе Гоголевской простоты и естественности. Это послѣднее, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Во всемъ блескѣ сказалось оно уже въ «Семейной хроникѣ», появившейся въ полномъ видѣ только четыре года спустя послѣ смерти Гоголя (1856 г.)—тогда, когда успѣли уже привлечь къ себѣ вниманіе публики многіе изъ младшихъ учениковъ Гоголя, рѣчь о которыхъ и была у насъ ранѣе.

I.

«Семейная хроника».

«Прощайте, мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать, образы, въ которыхъ есть и свѣтлыя и темныя стороны, люди, въ которыхъ есть и доброе и худое! Вы не великіе герои, не громкія личности; въ тишинѣ и безвѣстности прошли вы свое земное поприще, и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внѣшняя и внутренняя жизнь исполнена поэзіи, такъ же любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь въ свою очередь будемъ любопытны и поучительны для потомковъ.... Да не оскорбится же никогда память ваша никакимъ пристрастнымъ судомъ, никакимъ легкомысленнымъ словомъ» [1]). Такъ напутствовалъ своихъ, какъ выразился

[1]) П. С. С. Аксакова, т. I, стр. 222.

онъ, совсѣмъ не героевъ самъ С. Т. Аксаковъ, уже этимъ прямо подавая критикѣ поводъ къ вышеприведеннымъ ея словамъ объ его художническомъ безпристрастіи и сочувственной снисходительности. Не даромъ и иностранная критика приходила къ подобному же о немъ заключенію. «Изображая,—говорилъ Делаво,—дикое состояніе нѣкоторой части русскаго общества при Екатеринѣ II, авторъ выставляетъ и тѣ природныя достоинства, которыми нѣсколько умѣрялась эта дикость». Нѣмецкій-же критикъ въ объясненіе темныхъ сторонъ тѣхъ личностей, которыя выставлены Аксаковымъ, приводилъ параллели изъ западно-европейской жизни. «Разбросанность и уединенность жилищъ,—говорилъ онъ,—недостаточность сообщеній ...все это, сто лѣтъ тому назадъ, вызывало въ Германіи и Франціи такія же явленія, какъ въ Россіи: являлись грубый произволъ и дикое насиліе.... Но и тутъ,—оговаривался онъ,—человѣческая природа не теряетъ своихъ правъ, и въ господинѣ и въ рабѣ не умираетъ чувство чести, и среди глубочайшей одичалости громко говоритъ совѣсть». Сообщившій намъ отзывы о «Семейной хроникѣ» нѣмецкой критики, С. А. Рачинскій дѣлаетъ изъ нихъ такой общій выводъ, что «кровавая повѣсть о Куролесовѣ не возбудила ни отвращенія, ни удивленія, а характеръ Степана Михайловича находятъ чуть ли не идеальнымъ» [1]).

Объясненіе этому любопытному факту можно найти въ самой же «Семейной хроникѣ»—тамъ, гдѣ говорится о палочныхъ ударахъ, которымъ, вмѣстѣ съ другими молодыми офицерами, подвергся сынъ Степана Михайловича по приказанію нѣмца-генерала, внушавшаго этимъ способомъ своимъ подчиненнымъ «благоговѣніе къ служба Господня»,—какъ выражался на своемъ жаргонѣ этотъ нѣмецъ и лютеранинъ, по долгу службы всегда присутствовавшій при православномъ богослуженіи, но вовсе не считавшій неблагоговѣйнымъ прибѣгать къ палочной расправѣ въ сосѣдней съ домовою церковью комнатѣ.

---

[1]) Библіогр. Записки 1858 г., № 8.

«Большая часть этихъ господъ нѣмцевъ, — замѣчаетъ С. Т. Аксаковъ,—и вообще иностранцевъ, служившихъ тогда въ русской службѣ, постоянно отличалась жестокостью и большою охотою до палокъ» [1]). Эта *иностранная* грубость, такъ долго сохранявшаяся и въ нашихъ управляющихъ изъ *нѣмцевъ*, поддерживаемая въ нихъ презрѣніемъ къ невѣжественнымъ представителямъ низшей расы, слишкомъ медленно уступала вліянію такъ давно развившейся на Западѣ культуры. Только у насъ вѣдь серьезно воображали, подъ вліяніемъ того восторженнаго культа культуры, къ которому насъ, наконецъ, привело наше продолжительное невѣжество, будто, напримѣръ, сентиментальныя повѣсти Карамзина, съ вызванными ими слезами надъ Лизинымъ прудомъ, должны были такъ рѣшительно содѣйствовать смягченію нравовъ. Иностранцы не поддавались подобному самообольщенію. Они знали, что реформація, при всемъ своемъ громадномъ культурномъ значеніи, не помѣшала протестантамъ соперничать въ варварскомъ истребленіи колдуновъ съ папистами, и что случаи сожженія вѣдьмъ возможны были въ Европѣ еще при началѣ французской революціи. Они понимали, что наиболѣе культурная часть общества, какъ часть привилегированная, могла упорно держаться очень многихъ жестокихъ привычекъ, коренившихся во властности ея положенія. Во властности-же, разумѣется, заключается и главное объясненіе дикихъ порывовъ Степана Михайловича, которые обуздывались въ немъ природною добротой его сердца едва-ли не въ большей степени, чѣмъ обуздываются такіе порывы хотя бы и при значительной, но односторонней воздѣланности ума.

Характеръ *той* властности, которою искажались лучшія стороны русской природы, конечно, является у Аксакова со всѣми специфическими сторонами нашего XVIII столѣтія, снявшаго съ русскихъ дворянъ всякія обязанности и предоставившаго имъ *права*, одни лишь

[1]) П. С. С. Аксакова, т. I, стр.

права. При этомъ у самыхъ невѣжественныхъ изъ нихъ невольно сказывалось, конечно, и кое-какое позаимствованіе у чужой жизни—въ видѣ того увлеченія родовитостью, которое и Степана Михайловича Багрова привело къ фикціи, будто родъ его происходитъ отъ какого-то варяжскаго князя, а потому его сыну и не подобаетъ бракъ съ внучкою казацкаго урядника, хотя, разумѣется, онъ не могъ-бы пріискать (да и не пріискивалъ) русскаго слова, сколько-нибудь соотвѣтственнаго слову *mésailliance*, (такъ какъ *неравный бракъ* выражаетъ у насъ совсѣмъ не то) [1]). Такая черта, разумѣется, всего менѣе могла поразить иностранныхъ читателей.

Властность и связанная съ нею *самость* Степана Михайловича, уподобляющая его всеобщему сказочному царю—этому «вольному человѣку» (по выраженію русскихъ сказокъ), дѣлаетъ его и вообще такимъ представителемъ крупно развившагося личнаго начала, который не можетъ не прійтись сродни западно-европейскому читателю, давно привыкшему ко всевозможнымъ типамъ, возникшимъ изъ этого начала.

Степанъ Михайловичъ пересталъ считать себя вольнымъ въ своей родовой вотчинѣ, потому что она мало-по-малу стала разнопомѣстною,—и вотъ онъ затѣялъ переселиться. «Сказано—сдѣлано»—такова настоящая формула образа дѣйствій подобныхъ господъ. «Сказано—сдѣлано», несмотря на то, что «переселеніе, тяжкое вездѣ, особенно противно русскому человѣку», что «переселяться тогда въ неизвѣстную бусурманскую сторону, про которую, между хорошими, ходило много и недобрыхъ слуховъ, гдѣ, по отдаленности церквей, надо было и умирать безъ исповѣди и новорожденнымъ младенцамъ долго оставаться некрещенными—казалось дѣломъ страшнымъ» (т. I, стр. 9). «Сказано—сдѣлано», и вотъ Степанъ Михайловичъ—«одинъ полный господинъ, не только надъ своей землей, но и надъ чужой. Паси стада, коси траву, руби дрова—никто слова не скажетъ» (стр. 15). Жажда

[1]) П. С. С. Аксакова, т. I, стр. 6 и 81.

полной свободы заставляла Степана Михайловича говорить: «не хочу мѣшаться въ эти поганыя дѣла» (стр. 63). А «мѣшаться въ эти поганыя дѣла» — значило спасать отъ ихъ злодѣя-помѣщика крестьянъ двоюродной сестры, которую, однако-же, спасъ, при помощи своихъ крестьянъ, тотъ-же Степанъ Михайловичъ, такимъ образомъ вмѣшавшійся въ эти «поганыя дѣла» ради близкаго человѣка, но только по отношенію къ страждущимъ мужикамъ державшійся «непротивленія злу», хотя тогда, конечно, еще не существовало теоріи Л. Н. Толстого.

А между тѣмъ Степанъ Михайловичъ былъ же способенъ, по добрымъ сторонамъ своей природы, быть полезнымъ своимъ крестьянамъ—насколько это ему было угодно и насколько это было возможно безъ особеннаго напряженія воли. «Я зналъ,—разсказываетъ С. Т. Аксаковъ,—внуковъ, правнуковъ тогдашняго поколѣнія, благодарной памяти которыхъ въ изустныхъ разсказахъ переданъ былъ благодѣтельный и строгій образъ Степана Михайловича, незабытаго еще и теперь» (стр. 18). Дѣло въ томъ, что какъ гнѣвъ, такъ и милость сказывались въ немъ совершенно *стихійно*, подобно тѣмъ разрушительно-бурнымъ и благодѣтельно-тихимъ днямъ, пестрая смѣна которыхъ сказывается въ природѣ. Чисто стихійнымъ оставалось въ немъ и самое чувство правды и справедливости, въ силу которыхъ «не было человѣка, кто бы ему не вѣрилъ» такъ какъ «его слово, его обѣщаніе были крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ» (стр. 4). Что это именно только лежало уже въ самой его природѣ, а не было выработано въ немъ борьбою и нравственнымъ уходомъ за самимъ собою, что онъ въ этомъ отношеніи какъ бы не понималъ самой возможности какихъ-нибудь соблазновъ и колебаній, ясно изъ того, что, по замѣчанію автора, «кто разъ солгалъ, разъ обманулъ, тотъ и не ходи къ нему на господскій дворъ: не только ничего не получитъ, да въ иной часъ дай Богъ и ноги унести» (стр. 18). Понятно, что при такой стихійности въ немъ самаго добра, при такомъ отсутствіи въ немъ сознательности, ему приходилось

подчасъ, желая добра, дѣлать прямо зло. Вспомнимъ, какъ первая надежда на то, что у него будетъ внукъ, возбудила въ старикѣ страстное желаніе порадовать когонибудь изъ своихъ людей,—и вотъ онъ выдалъ некрасивую и немолодую уже Аксютку за молодого, давно уже понравившагося ей красавца-парня. Въ результатѣ, конечно, оказалось, что «Аксютка ревновала съ утра до вечера, и не безъ причины, а Малышъ колотилъ ее съ утра до вечера и также не безъ причины, потому что одно только полѣно, и то не надолго, могло зажимать ей ротъ, унимать ея злой языкъ» (стр. 185). Замѣчая по поводу этого: «жаль, очень жаль! погрѣшилъ Степанъ Михайловичъ и сдѣлалъ онъ чужое горе изъ своей радости», авторъ и не касается того, сознавалъ ли Степанъ Михайловичъ свой невольный грѣхъ. Но, на основаніи всего, что о немъ говорится въ книгѣ, мы едва ли не имѣемъ права заключить, что онъ его такъ и не сознавалъ. Вѣдь и самая совѣсть сказывалась въ немъ какъ-то стихійно—въ томъ, напримѣръ, что послѣ страшной расправы съ ближайшими къ нему людьми ему вдругъ хотѣлось, чтобы они объ этомъ забыли и весело шли на его ласковый зовъ со всѣми очевидными признаками недавней расправы. При этомъ, конечно, въ немъ оставалось и самолюбивое чувство своей все-же-таки правоты,—такъ какъ гроза поднималась въ немъ изъ-за правды, принимала видъ карающаго отеческаго самосуда, и самый голосъ совѣсти, возбуждаемый безчеловѣчною жестокостью его расправы, нашептывалъ ему только то что надо же смѣнить свой, хотя и праведный, гнѣвъ на милость. Что-то въ родѣ сознанія и своей собственной настоящей вины сказывается въ немъ развѣ тогда, когда на его требованіе: «подайте Сережу», ему, однако-же, не подаютъ внука, и онъ, вмѣсто того, чтобы грозно повторить свое требованіе, самъ идетъ къ его матери, такъ болѣзненно имъ озадаченной, обнимаетъ ее и ее нѣжно ей говоритъ, что ему «безъ невѣстыньки будетъ скучно» (стр. 19—20). Дѣло въ томъ, что въ природѣ его несомнѣнно заключаются любящія наклонности, только постоянно заглуша-

смыя въ немъ прирожденнымъ избыткомъ властной «самости». Затаенная въ основахъ его природы, прямо даже мягкость приводитъ его подчасъ и къ той полнѣйшей снисходительности къ дерзкимъ даже продѣлкамъ своихъ дворовыхъ людей, къ той снисходительности, въ которой, конечно, отзывается съ другой стороны опять-таки барское: «я караю, я и милую» (стр. 27—28). Конечно, не что иное, какъ доброта и нѣжная заботливость о любимомъ существѣ заставляютъ его не велѣть будить Танюшу, про которую только что сказали ему, что она дурно провела ночь; между тѣмъ, эта же самая любовь и заботливость обращаются въ пытку для его милой дочери, которую, уже давно одѣтую, заставляютъ опять улечься въ постель, боясь доложить старику, что она уже встала, т.-е. что вышло не такъ, какъ онъ въ своей заботливости порѣшилъ.

Способность къ самой нѣжной любви сказывается и въ отношеніяхъ Степана Михайловича къ своей двоюродной сестрѣ, Прасковьѣ Ивановнѣ, которую, несмотря на его грозный нравъ, женская хитрость умѣетъ, однако же, пристроить тайкомъ отъ него за такого человѣка, которому нужно было лишь «прибрать къ рукамъ ея богатство» (стр. 36). Не только свѣтлый, отъ природы проницательный умъ Багрова, но именно также и любовь къ сестрѣ, доводящая, такъ сказать, до сердечной прозорливости, даетъ ему возможность столь вѣрно разгадать Куролесова, такъ ловко замаскировывающагося отъ другихъ и даже отъ своей молодой жены, которую умѣлъ же онъ къ себѣ привязать такою прочной привязанностью. «Ласковыя рѣчи и почтительный тонъ не обманули Степана Михайловича,—замѣчаетъ авторъ, прибавляя, конечно, съ другой стороны, — при томъ дѣдушка былъ самой строгой и скромной жизни, и слухи, еще прежде случайно дошедшіе до него, такъ легко извиняемые другими, о безпутствѣ майора, поселили отвращеніе къ нему въ цѣломудренной душѣ Степана Михайловича, и хотя онъ самъ былъ горячъ до бѣшенства, но недобрыхъ, злыхъ и жестокихъ безъ гнѣва людей — терпѣть не могъ»

(стр. 37). Это послѣднее указаніе автора, замѣтимъ мимоходомъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Багрову была, стало быть, противна холодная, преднамѣренная, разсчетливая жестокость, при которой, разумѣется, невозможна никакая, даже инстинктивная, доброта, такъ громко опять пробуждавшаяся въ Степанѣ Михайловичѣ послѣ самыхъ жестокихъ проявленій его страшнаго гнѣва. Но вѣдь именно при такой стихійной страстности Багровской природы и представляется особенно замѣчательною его строгая и скромная, его цѣломудренная, какъ выражается авторъ, жизнь. Она, конечно, можетъ объясняться отводомъ всѣхъ страстныхъ поползновеній Багровской природы въ одну сторону—въ сторону рьянаго ратованія за правду, ратованія, понимаемаго односторонне и извращенно—въ смыслѣ постояннаго преслѣдованія и малѣйшихъ уклоненій отъ нея въ своей семьѣ одною патріархальною грозою. Всего же вѣрнѣе, конечно, цѣломудренность Степана Михайловича объясняется силою его привязанности къ семьѣ, заставляющей его сосредоточивать свои чувства, не позволяющей ему проматываніемъ этихъ чувствъ на сторонѣ оскорблять дорогую для его сердца святыню семьи. Кромѣ жены и дѣтей, крѣпко и постоянно любя, какъ бы родной братъ, и свою двоюродную сестру, Багровъ любитъ ее вовсе не эгоистически; онъ готовъ увидѣть ее замужемъ, но за человѣкомъ, который былъ бы достоинъ ея, который понималъ бы, что настоящая человѣческая привязанность къ женщинѣ—это только привязанность сосредоточенная, прочная, способная лечь въ основу семейной жизни—съ ея святыней любви уже вовсе не страстной, не заполняющей всего человѣка, но оставляющей его свободнымъ для всѣхъ проявленій высшей человѣческой жизни. Все это, конечно, чуется Багровымъ чисто инстинктивно, но чуется имъ глубоко. Отсутствіе всякаго эгоизма въ отношеніяхъ его къ Прасковьѣ Ивановнѣ, судьбою которой такъ легкомысленно распоряжаются другіе, навлекающіе на себя за то, съ его стороны, такую ужасающую грозу, заставляетъ его, при всей его непреклонности въ своихъ рѣ-

шеніяхъ, сказать ей: «если черезъ годъ ты будешь также довольна своимъ мужемъ, и онъ будетъ также хорошо съ тобою жить, то я помирюсь съ нимъ»(стр. 46). Видя, какъ благополучно проходитъ не только годъ, но и нѣсколько лѣтъ, Степанъ Михайловичъ, преодолѣвая себя, способенъ даже признать хозяйственныя распоряженія Куролесова дѣльными и сказать ему самому: «ну, братъ Михайло, ты изъ молодыхъ да ранній, и тебя учить нечего»(стр. 62) [1]). А все же на повѣрку оказывается, что не даромъ Багровъ повторялъ такъ долго: «хорошъ парень, ловокъ и смышленъ, а сердце не лежитъ», и Прасковьѣ Ивановнѣ все болѣе и болѣе приходится убѣждаться въ томъ, что «изъ всѣхъ баловницъ и потатчицъ ея ребяческимъ желаніямъ—всѣхъ больше любитъ ее грубый братъ, противникъ ея счастья». Онъ-то, какъ извѣстно, и спасаетъ ее отъ мужа, обернувшагося, наконецъ, настоящимъ извергомъ.

Своего рода сердечная прозорливость, а не однѣ причуды вообразившаго себя такимъ родовитымъ отца-самодура, заставляетъ Степана Михайловича такъ долго сопротивляться намѣренію своего сына жениться на Софьѣ Николаевнѣ Зубиной. Прежде всего, конечно, его смущаетъ уже одно то, что его сынъ *влюбился.* «Онъ,— говоритъ авторъ про старика Багрова, — мало понималъ романическую сторону любви, и мужская его гордость оскорблялась влюбленностью сына, которая казалась ему слабостью, униженіемъ, дрянностью въ мужчинѣ» (стр. 88). По поводу этого совершенно вѣрно замѣчено было покойнымъ Дудышкинымъ: «черта замѣчательная и особенно важная въ примѣненіи къ нашей старинной до-Петровской жизни;—черта, которою многое поясняется, а еще больше уничтожается фальшивыхъ драмъ, фальшивыхъ историческихъ романовъ, гдѣ наши степенные бояре безъ ума влюбляются въ красавицъ подъ романти-

---

[1]) По свидѣтельству автора, внукъ Степана Михайловича нашелъ въ бывшихъ крестьянахъ Прасковьи Ивановны даже благодарную память объ управленіи ея мужа, потому что они чувствовали постоянную пользу многихъ его учрежденій (стр. 69).

ческими фатами». Критикъ при этомъ вмѣняетъ въ особенную заслугу С. Т. Аксакову то, что онъ въ своей характеристикѣ Степана Михайловича да и самой Софьи Николаевны обошелся «безъ помощи тѣхъ рессурсовъ, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ наши повѣствователи, т.-е. безъ помощи любви, какъ главной дѣйствующей страсти» [1]). Да и одни-ли наши, готовы-бы мы спросить. Не романы-ли всего міра повѣствуютъ намъ—не о любви, безъ которой въ ея высокомъ міровомъ смыслѣ обойтись нельзя,—а о *влюбленности*, этой жалкой порабощенности одного человѣка другимъ или же обоюдной порабощенности двухъ существъ; а то, что это еще не опротивѣло, не довело читателей всего міра до повальной тошноты, — не объясняется-ли замѣчаніемъ доктора Крупова, что всѣ мы нѣсколько психопаты? Какъ-бы то ни было, но «Семейная хроника» С. Т. Аксакова, какъ и нѣкоторыя другія произведенія нашей новѣйшей литературы, дѣйствительно выводятъ насъ на новую дорогу, — такую, на которой можно будетъ обходиться — не безъ любви, повторимъ еще разъ, а безъ того, что не даромъ же русскій человѣкъ обозначаетъ презрительно-насмѣшливыми глаголами: *втюриться*, *врѣзаться* и т. п., выражающими то глупое положеніе, когда человѣкъ, ради личной страсти, теряетъ свою свободу, свою способность принадлежать себѣ, т.-е. своей сознательной связи съ обществомъ и всѣмъ высшимъ отправленіямъ своей духовной природы.

Но если Степанъ Михайловичъ оскорблялся влюбленностью своего сына, какъ признакомъ его «слабости, дрянности», то это, конечно, связывалось у него и съ тѣмъ, что онъ не могъ не признавать въ своемъ сынѣ и вообще довольно слабаго характера. «Она найдетъ себѣ получше и побойчѣе жениха», говорилъ онъ про Софью Николаевну женѣ и дочерямъ.—«Онъ ей не пара» (стр. 86). «Она,—твердилъ онъ самому влюбленному въ нее сыну,—горожанка, ученая, бойкая, привыкла послѣ мачихи

[1]) «Отеч. Зап.» 1856 г., стр. 84.

повелѣвать въ домѣ и привыкла жить богато, даромъ что сама бѣдна; а мы люди деревенскіе, простые и наше житье ты самъ знаешь, да и себя ты долженъ понимать: ты парень смирный; но хуже всего, что она больно умна».—Отсюда у Степана Михайловича, при его свычаѣ и обычаѣ, выводъ короткій: «Ну такъ вотъ тебѣ мое отцовское приказаніе: выкинь эту любовь изъ головы». А кончается все-таки тѣмъ, что, когда эта любовь изъ головы у Алексѣя не выкидывается, старикъ сдается при всей своей обычной властности—сдается передъ страхомъ, что сынъ, пожалуй, и не даромъ грозитъ ему взять да и покончить съ собою. (Кѣмъ-то очень вѣрно было замѣчено, что старикъ не читалъ сентиментальныхъ романовъ, а потому и не догадывался о происхожденіи этой угрозы сына). Такимъ образомъ, любовь къ сыну,—любовь, можно сказать, прямо нѣжная, одерживаетъ верхъ надъ властною натурою отца. А старикъ, между тѣмъ, вѣдь правъ относительно своей невѣстки. «Поневолѣ должно признать, говоритъ авторъ, что въ основаніи ея характера уже лежали сѣмена властолюбія и что въ настоящее время, освобожденныя изъ-подъ тяжкаго гнета жестокой мачихи, они дали сильные ростки; что безъ вѣдома самой Софьи Николаевны—любовь къ власти была тайною причиною ея рѣшимости» (стр. 102) (т.-е. рѣшимости на бракъ съ Алексѣемъ, въ котораго она вовсе не была влюблена). И впослѣдствіи, и самъ даже нѣжно привязавшись къ невѣсткѣ—за ея замѣчательный умъ и за ея умѣніе, при всемъ различіи въ воспитаніи, привычкахъ и даже взглядахъ, ладить со старикомъ, Степанъ Михайловичъ остался при своемъ взглядѣ. «Онъ былъ такъ уменъ, не смотря на то, что не получилъ никакого образованія, такъ тонко понималъ, не смотря на то, что выражался грубо, по топорному,—что почувствовалъ все неравенство природы этихъ двухъ существъ,—и крѣпко призадумался» (стр. 157). Не даромъ же говорилъ онъ Софьѣ Николаевнѣ: «дорогая невѣстушка, всѣмъ тебя Богъ не обидѣлъ, одно скажу тебѣ: не давай воли своему горячему сердцу; мужъ у тебя доб-

7418945

рый и честный человѣкъ; правъ у него тихій и ты отъ него никогда терпѣть не будешь никакой обиды; не обижай же его сама. Чти его и поступай съ уваженьемъ. Не станешь почитать мужа—пути не будетъ. Что онъ скажетъ или сдѣлаетъ не такъ, не по твоему,—промолчи, не всяко лыко въ строку, не всяка вина виновата. Больно я тебя полюбилъ, вижу я тебя всю! (Какой чудный, собственный намекъ старика на ту прозорливость, которая вытекаетъ изъ любви). Ради Бога, не переливай черезъ край; все хорошо въ мѣру, даже ласки и угожденья». Сумѣвъ и къ себѣ привязать невѣстку, старикъ какъ будто тѣмъ самымъ сильнѣе ее привязалъ къ своему сыну. «Подобно всѣмъ страстнымъ, восторженнымъ людямъ, она перенесла нѣкоторую часть качествъ, плѣнившихъ ее въ свекрѣ, на своего молодого, прекраснаго друга и любила его въ то время больше, чѣмъ когда-нибудь» (стр. 146). Но вѣдь такъ оно было только на время. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше самая мягкость и ровность, самое его природное спокойствіе тяжело дѣйствовали на нее. Стоитъ только припомнить, какъ, послѣ бурной сцены съ нею изъ-за его сестеръ и послѣдовавшаго съ ея стороны раскаянія, «онъ проспалъ всю ночь преспокойно,—она всю ночь не спала» (стр. 164). Уже одного этого вполнѣ достаточно, чтобы понять, до какой степени она только пыталась его идеализировать.

Все болѣе и болѣе оглядываясь вокругъ себя, она стала судить вѣрнѣе: «разумнѣе, снисходительнѣе смотрѣла она на чуждыхъ ей во всѣхъ отношеніяхъ свекровь и молодую золовку; съ меньшимъ увлеченьемъ взглянула на свекра и поняла, изъ какой среды вышелъ ея мужъ» (174).

Вотъ этого-то никакъ не могъ понять самъ столь умный и прозорливый свекоръ. Да, онъ никакъ не могъ понять, что именно ему-то, его слишкомъ частой семейной грозѣ и былъ обязанъ Алексѣй своимъ черезъчуръ податливымъ, мягкимъ, въ сущности совсѣмъ не мужскимъ характеромъ. На всѣ печальныя внутреннія послѣдствія домашняго строя Степана Михайловича, зави-

сѣвшія отъ его нрава и впослѣдствіи отразившіяся даже на его внукѣ (какъ то можно прослѣдить по «Дѣтскимъ годамъ Багрова»), справедливо обратилъ вниманіе еще покойный Шевыревъ (въ статьѣ своей объ этой послѣдней книгѣ [1]). При всѣхъ обильныхъ задаткахъ любви въ своей природѣ, старикъ Багровъ былъ далекъ отъ того, чтобы сознательно возвести начало любви на степень руководящей силы въ семейной жизни. Онъ прямо потакалъ своимъ гнѣвнымъ наклонностямъ, придавая такую руководящую силу именно грозѣ, устрашающему значенію своей патріархальной власти. Это не мѣшало ему, какъ неоднократно показываетъ намъ авторъ, быть порою прямо пересиливаему женскимъ упрямствомъ или же перехитряему женскою хитростью; но онъ слѣпо держался за то же свое руководящее начало, невразумляемый никакимъ опытомъ, при всемъ своемъ свѣтломъ умѣ. Онъ держался въ семьѣ, этомъ маленькомъ своемъ государствѣ, той фикціи *сильной власти*, которая на повѣрку оказывается только властью самодовлѣющею, не желая вразумиться ничѣмъ, что настоящая сила власти именно и заключается въ любви. Такимъ образомъ становясь подчасъ для своихъ ближайшихъ настоящимъ Иваномъ Грознымъ, онъ создалъ въ лицѣ своего Алексѣя Степановича какое-то подобіе кроткаго и безличнаго Ѳеодора Ивановича. Потому-то и лучшія стороны природы, не заглушенныя въ немъ, какъ были онѣ наконецъ заглушены въ Грозномъ, но оставшіяся въ состояніи природной невоздѣланности, не спасли благороднаго Степана Михайловича отъ величайшаго изъ несчастій—стать виновникомъ нравственнаго несчастья въ своемъ потомствѣ. Все это, конечно, зависѣло отъ той безъидейности, до которой всегда доходитъ самоовладѣвающая властность. Какъ Грозный пришелъ наконецъ къ тому, что сталъ исключительно защищать свою власть, просто какъ власть, отрѣшивъ ее отъ высшаго ея назначенія, не думая даже о томъ, чтобы оправдать ея крайности служе-

---

1) «Русская Бесѣда» 1858 г.

ньемъ землѣ,—такъ и старикъ Багровъ, на высотѣ своей барской безотвѣтственности и отрѣшенности отъ всякаго сознательнаго служенія общему благу, является въ сущности тѣмъ, что называется у народа самодуромъ, хотя и сохраняетъ до конца потребность смѣнять свои грозные дни днями свѣтлыми и спокойными. Мы не можемъ поэтому согласиться съ характеристикою старика Багрова у одного изъ современныхъ Аксакову критиковъ, въ которой является онъ выразителемъ основныхъ свойствъ всего русскаго народа. «Въ жизни, — по словамъ этого критика (т.-е. въ жизни народа) великая практичность; въ семьѣ полное самовластіе, въ области идей и смыслѣ нравственномъ—немногія обиходныя правила, почерпнутыя изъ жизни и укрѣпленныя обычаемъ той же жизни». Что касается такъ называемой практичности, то именно ея-то, пожалуй, и не было въ строгомъ смыслѣ у Степана Михайловича; но за то въ строгомъ смыслѣ не было у него и тѣхъ твердыхъ правилъ, той руководящей идеи, которыя заключаются для народа въ его бытовомъ началѣ—общинѣ. «Въ жизни дѣйствительной,—продолжалъ критикъ,—въ большинствѣ, онъ (т.-е. народъ), тѣснимый практическимъ умомъ, часто, можетъ быть, жертвовалъ безукоризненностью своей нравственности исторической пользѣ... Тогда онъ умѣлъ и терпѣть и хитрить... и, помощью этихъ двухъ новыхъ силъ, способенъ былъ управиться съ татариномъ, вытерпѣвъ все, что только можетъ вытерпѣть человѣкъ, и перехитривъ своего врага, отъ котораго во время борьбы позаимствовался многимъ немягкимъ въ своемъ характерѣ» (85—86). По Степану Михайловичу, продолжаемъ мы не сближать, а противопоставлять, совсѣмъ не приходилось кривить душой, потому что, въ сущности, не приходилось и терпѣть, бороться. Ему выпала красная доля той части русскаго народа, которая оторвалась отъ его общей, столь незавидной жизни, зажила своею особою, привольною верховою, но поплатилась за это утратою нравственно возвышающаго вліянія связи съ великимъ цѣлымъ, утратою и того руководящаго начала на-

роднаго быта, безъ котораго барская личность осталась вполнѣ предоставленною самой себѣ, произволу своей властной самости. Старикъ Багровъ далекъ отъ сознанія всего этого, несмотря на свой свѣтлый и даже проницательный умъ; онъ вполнѣ сжился со своею жизнью,—вольною и въ то же время столь узкою жизнью, отъ однообразія которой онъ находитъ спасенье въ семейныхъ буряхъ, способныхъ и помимо какого-либо байронизма подчасъ ему доставлять особаго рода покой. Въ этомъ отношеніи уже нѣчто иное представляетъ намъ, столь ненавистный Степану Михайловичу, мужъ его милой Прасковьи Ивановны. «Куролесовъ,—говоритъ тотъ же критикъ,—начинаетъ тяготиться деревенскою жизнью, тогда какъ Багровъ постоянно ею доволенъ... но въ этомъ стремленіи выйти изъ монотонной и недѣятельной жизни онъ бросается въ ту крайность, которая можетъ быть только у человѣка вполнѣ необразованнаго... Будь Куролесовъ настолько доступенъ вліянію идей, насколько у него достаетъ сметки на каждое практическое дѣло (авторъ выставляетъ его, напомнимъ мы отъ себя, человѣкомъ очень способнымъ); будь душа этого человѣка занята мыслью въ безконечные праздные дни; будь она подготовлена къ принятію какого-нибудь благороднаго помысла, вѣрно Куролесовъ не кончилъ бы свой вѣкъ въ безобразныхъ оргіяхъ...» Въ этомъ много правды. Самъ С. Т. Аксаковъ замѣчаетъ, что «только дѣло спасало Куролесова, что когда онъ привелъ въ порядокъ обѣ новыя деревни, пьянство и буйство совершенно имъ овладѣли» (53). «Переходъ отъ трезвой дѣятельности къ безумной оргіи,—продолжаетъ критикъ,—какъ переходъ отъ старинной заунывной пѣсни къ плясовой, составлялъ характеристическую черту нашей старины» [1]). Да, но и тутъ надо вѣдь умѣть различать такой переходъ въ народѣ, гдѣ онъ происходитъ по большей части съ горя или съ отчаянія, происходитъ ради того, чтобы хоть на время забыться отъ подобнаго же

---

[1]) «Отеч. Зап.» 1856 г. кн., стр.88—89 отд. критики.

перехода на той высотѣ барской жизни, гдѣ оргія принимаетъ характеръ какого-то особаго права или привилегіи. Не надо вѣдь забывать, что, по замѣчанію Аксакова, несмотря ни на какія оргіи, ни на какое безшабашное самоуправство, авторитетъ Михайлы Максимовича въ общественномъ мнѣніи росъ не по днямъ, а по часамъ. «Съ мелкимъ и бѣднымъ дворянствомъ, правду сказать, поступалъ онъ крутенько и самовластно, и хотя оно его не любило, но за то крѣпко боялось, а высшее дворянство только похваливало Михайлу Максимовича за то, что онъ не дастъ забываться тѣмъ, кто его пониже» (стр. 49). Только при такомъ общественномъ попустительствѣ или даже санкціи, «кровожадная натура Куролесова, воспламеняемая до бѣшенства спиртными парами, и развивалась на свободѣ во всей своей полнотѣ и представила одно изъ тѣхъ страшныхъ явленій, отъ которыхъ содрогается и которыми гнушается человѣчество. Это ужасное соединеніе инстинкта тигра съ разумностью человѣка» (стр. 50). Мы можемъ, пожалуй, привести параллель и изъ народныхъ былинъ, но собственно изъ тѣхъ былинъ Новгородскихъ, героемъ которыхъ является не крестьянскій сынъ Илья, а Васька Буслаевъ, котораго по теперешнему пришлось бы назвать богатымъ купеческимъ сынкомъ съ его «рукою-владыкою» (къ такой параллели мы вернемся еще по поводу комедій Островскаго). Типъ этотъ столь же, конечно, не милъ народу, потому-то и сохранившему о Васькѣ такъ мало пѣсенъ, какъ, напротивъ того, милъ народу, сохранившійся въ такомъ громадномъ количествѣ былинъ, типъ Ильи. Но у Куролесовыхъ опорой для варварскаго ихъ самодурства служило не только богатство, но и гнусной памяти крѣпостное право. Оно-то окончательно имъ давало возможность доходить до того Карамазовскаго безудержа, который, разумѣется, существовалъ въ нашей жизни задолго до Достоевскаго, существовалъ въ разныхъ видахъ и былъ только формулированъ въ его общемъ широкомъ смыслѣ нашимъ великимъ психологомъ-романистомъ. Мы положительно знаемъ, что Куролесов-

щина продолжала еще держаться въ Оренбургской губерніи даже въ то время, когда появилась «Семейная хроника», знаемъ по тогдашнимъ разсказамъ одного изъ тамошнихъ землевладѣльцевъ, нашего университетскаго товарища, которому вполнѣ довѣряемъ. Да, еще въ то время, т.-е. почти наканунѣ отмѣны крѣпостного права, одинъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, занимавшій должность уѣзднаго предводителя дворянства, подвергшись опасности быть приколоченнымъ однимъ изъ своихъ крестьянъ за любезности къ его женѣ, упекъ этого крестьянина въ Сибирь, а жену его оставилъ при себѣ. Другой изъ Оренбургскихъ помѣщиковъ продолжалъ въ то время пользоваться правомъ primae noctis—съ особенными изощреніями, достойными самыхъ гнусныхъ временъ Римской имперіи. Тотъ же изобрѣтательный сладострастникъ, въ случаяхъ гнѣва на своихъ крестьянъ, выжигалъ иногда у нихъ хлѣбъ, безъ разбора сдавалъ ихъ въ рекруты, а однажды, въ разгарѣ бѣшенства, погрозился всѣмъ годнымъ изъ нихъ забрить лобъ, остальныхъ же сослать въ Сибирь. Когда, вслѣдствіе крестьянкихъ жалобъ, по старанію тогдашняго вице-губернатора того края, варваръ помѣщикъ подвергся, наконецъ, заключенію, то почтенные дворяне Оренбургской губерніи сердобольно навѣщали его, исполненные признательной памяти о роскошныхъ пирахъ, которые онъ имъ давалъ. По ходатайству своихъ доброхотовъ вскорѣ выпущенный на свободу, онъ удостоился приглашенія на обѣдъ къ губернатору, а виновнику его долгой невзгоды, вице-губернатору, сдѣланъ былъ строгій выговоръ. Кончилось, впрочемъ, тѣмъ, что новому Куролесову приказано было жить безвыѣздно въ Вяткѣ. Былъ, наконецъ, въ то время на границѣ Оренбургской и Казанской губерній и такой шутникъ, который наставлялъ своихъ крѣпостныхъ въ воровствѣ и разбоѣ по проселочной дорогѣ и хранилъ у себя добычу, когда же къ нему наѣзжалъ исправникъ, по-просту говорилъ ему, что домъ дворянина не можетъ подвергаться обыску (находя, можетъ быть, возможнымъ подкрѣплять свои доводы и кое-чѣмъ

нымъ). Все это было записано нами со словъ нашего бывшаго товарища въ 1858 г., когда появились, въ видѣ продолженія «Семейной хроники», и «Дѣтскіе годы Багрова внука», по поводу которыхъ написана была извѣстная статья покойнаго Добролюбова: «Деревенская жизнь помѣщика въ старые годы». Замѣчательно, что въ статьѣ этой Добролюбовъ утѣшалъ себя такими соображеніями: «Нынѣ распространившееся образованіе измѣнило во многомъ даже деревенскую жизнь. Помѣщики, конечно, поняли нынѣ свои отношенія къ крестьянамъ гораздо лучше, чѣмъ прежде: доказательствомъ этого можетъ служить то радостное чувство, съ которымъ принимается ими, за исключеніемъ самыхъ грубыхъ и необразованныхъ, Высочайшая воля объ освобожденіи крестьянъ (?!)... Рѣдкій помѣщикъ въ наше время не выписываетъ журналовъ и хорошихъ книгъ. Слѣдовательно, у нихъ есть куда дѣвать свое время не безъ пользы... и, при помощи просвѣщающаго вліянія новыхъ книгъ, есть уваженіе къ человѣческому достоинству и въ лицѣ крестьянина» [1]). На самомъ же дѣлѣ остатки Куролесовщины пережили крѣпостное право, и послѣдніе ея представители, въ числѣ всякаго другого подходящаго люда, нахватываемаго отовсюду, стали вербоваться въ ряды дѣятелей, посвятившихъ себя дѣлу разрушенія ради политическихъ цѣлей. Вотъ откуда произошелъ въ «Бѣсахъ» Достоевскаго Николай Ставрогинъ.

Совершенно особеннымъ, и по своему положенію, и по своему характеру, является въ «Семейной хроникѣ» отецъ Софьи Николаевны, выслужившійся сынъ казацкаго урядника, Зубинъ—«человѣкъ, по выраженію автора, умный и честный, но слишкомъ нѣжный и слабый» (стр. 74), къ тому-же «носившій на себѣ печать уклончиваго, искательнаго чиновника, который, начавъ съ канцелярскаго писца, дослужился до званія товарища намѣстника» (стр. 145). Та *нѣжность*, которой онъ даетъ въ себѣ проявляться такъ-же на свободѣ, какъ другіе герои «Хро-

---

[1]) Соч. Добролюбова, т. I, стр. 353.

ники» даютъ проявляться другого рода наклонностямъ, доходитъ наконецъ до противности, невольно заставляющей предпочесть ей грубость. Дѣло въ томъ, что эта нѣжность, непомѣрно развитая въ одну сторону, доводитъ его до безчувственности, до прямого равнодушія къ жестокости, даже мирволенья ей (или, говоря языкомъ Л. Н. Толстого, до «непротивленія злу»). Зубинъ — это вѣдь одинъ изъ тѣхъ милыхъ отцовъ, которые, овдовѣвъ, считаютъ, видите-ли, своимъ долгомъ опять жениться— конечно «ради дѣтей», на самомъ-же дѣлѣ ради самихъ себя (болѣе откровенные изъ нихъ позволяютъ себѣ сознаться какому-нибудь подрастающему сыну, что безъ этого они не могутъ,—и это, пожалуй, еще лучшіе!). Зубинъ — одинъ изъ тѣхъ мерзкихъ отцовъ, которые являются на глазахъ у своихъ дѣтей въ дурацкой роли влюбленныхъ, которые, втюрившись по уши, позволяютъ своей второй женѣ обратиться въ гонительницу и мучительницу ихъ дѣтей. Къ счастью для Зубина, его вскорѣ постигаетъ несчастье—вторая его жена преждевременно умираетъ, и хотя онъ, вслѣдъ затѣмъ, самъ оказывается разбитымъ параличомъ, но въ немъ за то не въ конецъ разбивается его мужское и вообще человѣческое достоинство,—впрочемъ только до поры до времени. Все болѣе и болѣе позволяя своему физическому недугу одолѣвать себя, т.-е. и свою духовную сторону, онъ доходитъ наконецъ до того, что той самой дочери, которая была главнымъ предметомъ гоненій его жены, а послѣ ея смерти стала его правой рукой, рѣшается предпочесть своего крестника калмыка, бывшаго любимца его второй жены, сумѣвшаго во время отлучки Софьи Николаевны, приноровившись къ его вкусамъ, съ какою-то нѣжностью ухаживать за больнымъ. Родная, дѣйствительно нѣжно любившая его, несмотря на свою ссылку на кухню при мачихѣ, умная и даровитая дочь, которой одной онъ обязанъ былъ тѣмъ, что могъ, несмотря на параличъ, исполнять всѣ служебныя обязанности,—вынуждена, ради калмыка-любимца, выѣхать съ мужемъ изъ его дома — потому что къ отцу ея вполнѣ примѣнима пословица «ка-

ковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилку». Какъ всегда, такъ и теперь, Зубинъ весь уходитъ своей дряблой душой въ одно—въ привязанность къ существу, умѣющему лично ему понравиться—удовлетвореньемъ его похотливой жаждѣ усерднаго ухода, жаждѣ того, чтобы другое существо, какое-бы то ни было, хотя-бы только казалось отдавшимъ себя ему вполнѣ. Но отойдемъ поскорѣе отъ Зубина, къ которому, повидимому, душа не лежитъ и у самаго безпристрастнаго художника, умѣвшаго насъ заставить, хотя мы и чувствуемъ подчасъ ужасъ передъ старикомъ Багровымъ, не только вообще уважать, но отчасти и любить этого старика.

Женскіе образы «Семейной хроники», особенно Прасковьи Ивановны, не вполнѣ еще дорисованы въ ней, переходя и въ «Дѣтскіе годы Багрова». И Прасковья Ивановна, и Софья Николаевна, когда-то хотя и жертвы гнета, несмотря на то, а вѣрнѣе, пожалуй, и вслѣдствіе того, выступаютъ передъ нами, какъ женщины въ своемъ родѣ властныя, хотя и въ болѣе, конечно, смягченномъ смыслѣ, чѣмъ грозно-благодушный Степанъ Михайловичъ. Прасковья Ивановна впрочемъ проявляетъ свою властность въ «Семейной хроникѣ» собственно въ моментъ своего появленія передъ мужемъ, среди самаго разгара его отвратительной оргіи; — это, конечно, властность вполнѣ законная, чисто нравственная, напоминающая величавый образъ эпической Дамаянти въ моментъ ея расправы, силою своего негодующаго слова, со «святотатцемъ», напавшимъ на нее въ пустынѣ. Мы смѣло можемъ отнести не только къ спасителю Прасковьи Ивановны, Степану Михайловичу, но отчасти и къ ней самой, золотыя слова нашего автора: «да, есть нравственная сила праваго дѣла, передъ которой уступаетъ мужество неправаго человѣка» (стр. 65). Да, и въ ту минуту, когда, въ отвѣтъ своей негодующей женѣ, Куролесовъ въ состояніи прибѣгнуть только къ палкамъ, мы заранѣе можемъ его признать уже на половину побѣжденнымъ. Впослѣдствіи въ той-же Прасковьѣ Ивановнѣ развивается властность уже другого рода—вовсе не освя-

щенная нравственною идеею, а просто желающая себя вознаградить за весь перенспытанный гнетъ причудливымъ произволомъ, властность, пользующаяся матерьяльнымъ своимъ положеніемъ для разыгрыванія среди окружающаго общества роли, немножко какъ будто-бы позаимствованной отъ супруга—роли величающагося надъ окружающими, презирающаго ихъ ради ихъ податливости, самодура въ юбкѣ. Но переходъ этотъ обнаруживается только въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова». Отчасти такой-же переходъ, хотя и въ болѣе мягкихъ формахъ, происходитъ и въ Софьѣ Николаевнѣ, но происходитъ и окончательно упрочивается въ ней уже въ «Семейной хроникѣ». «Загнанная, оборванная барышня,—говоритъ авторъ о Софьѣ Николаевнѣ, которую подлое лакейство, особенно приданые мачихи, обижали сколько душѣ угодно, втоптали въ грязь (подобно сказочной Попелюгѣ или Сандрильонѣ, прибавимъ мы отъ себя), — вдругъ сдѣлалась полновластною госпожею въ домѣ, потому что больной отецъ отдалъ ей въ распоряженіе все... Умудренная годами тяжкихъ страданій, семнадцатилѣтняя дѣвушка вдругъ превратилась въ совершенную женщину, мать (т.-е. на первыхъ порахъ мать своихъ младшихъ братьевъ, завѣщанныхъ ей не кѣмъ инымъ, какъ самою-же умирающею и раскаявшеюся передъ нею мачихою), хозяйку и даже оффиціальную даму, потому что, по болѣзни отца, принимала всѣ власти, всѣхъ чиновниковъ и городскихъ жителей, вела съ ними переговоры, писала письма, дѣловыя бумаги, и впослѣдствіи сдѣлалась настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи» (стр. 76 — 77). При развившемся отъ всего этого знанія себѣ цѣны, при неизбѣжномъ тутъ самолюбіи, Софья Николаевна не доходитъ однако-же до тѣхъ крайнихъ проявленій властности, которыя, даже и при добромъ направленіи, дѣлаютъ властность противною. Въ ней не проявляется ничего *самодурнаго.* Способная сильно прогнѣваться на своего слабаго и спокойнаго мужа, въ отвѣтъ на выходки противъ нея его сестеръ не встрѣчая съ его стороны достаточно сильнаго отпора, способная даже проговориться отчасти объ

этихъ выходкахъ передъ крѣпко ее полюбившимъ свекромъ, Софья Николаевна способна однако-же и признать, хотя и не сразу, хотя сначала и почувствовавъ себя оскорбленною, основательность тѣхъ укоровъ ей, до какихъ наконецъ дошелъ ея слабый мужъ, — укоровъ въ томъ, что она необдуманно подвергаетъ его сестеръ отцовской грозѣ; она способна раскаяться въ томъ и просить у него прощенія (стр. 164). Старикъ Багровъ вполнѣ понимаетъ ее, говоря о ней сыну: «жена у тебя больно умна и горяча, можетъ, иногда скажетъ тебѣ и лишнее, не балуй ее, сейчасъ останови и вразуми, что это не годится; пожури, но сейчасъ-же прости, не дуйся, не таи на душѣ досады, если чѣмъ недоволенъ; выскажи ей все на прямыя денежки; но вѣрь ей во всемъ: она тебя ни на кого не промѣняетъ» (стр. 176). Но Софья Николаевна не только умѣетъ жертвовать своимъ самолюбіемъ своей любви къ мужу; самолюбіе постоянно подавляется въ ней и тѣмъ чувствомъ справедливости, которое, по народному пониманію, служитъ прямою основою для настоящей, для нравственной власти. «Коли правъ, такъ и баринъ»,—сказалъ при А. С. Хомяковѣ не про кого другого, какъ про самого-же себя, одинъ, чувствовавшій себя правымъ, крестьянинъ; и хотя Софья Николаевна, по городскому своему воспитанію, даже въ деревнѣ держала себя далеко отъ крестьянскаго міра, она какъ-то совпадала, однако, въ этомъ отношеніи съ такимъ народнымъ міровоззрѣніемъ. Такъ, убѣдившись въ томъ, что калмыкъ дѣйствительно хорошо ходитъ за ея больнымъ отцомъ, она заставила себя примириться съ нимъ незадолго до смерти отца и позволила ему ходить вмѣстѣ съ нею за умирающимъ» (стр. 208). Конечно, тутъ дѣйствовала и просто любовь къ отцу, любовь, нимало не ослабѣвшая отъ его къ ней несправедливости. Но, при всей своей способности любить настоящею любовью, любить не *для себя*, а съ самоотверженіемъ, Софья Николаевна, при своей властности, огорчается тѣмъ, что мужъ, какъ она замѣчаетъ, любитъ ее уже не такъ пламенно, какъ въ пору своей, столь польстившей ея самолюбію, влюблен-

ности; отсюда въ ней ревность, усиливающаяся сознаніемъ зависѣвшей отъ извѣстнаго ея положенія утраты красоты,—ревность, поддерживаемая недостаточною, какъ ей кажется, внимательностью съ его стороны, объясняемою просто тѣмъ, что «какъ тутъ быть, если у одного нервы толсты, крѣпки и здоровы, а у другого тонки, нѣжны и болѣзненны, если приходили они въ сотрясеніе у Софьи Николаевны отъ того, что не дотрогивалось до нервовъ Алексѣя Степаныча» (стр. 196). При всемъ своемъ свѣтломъ умѣ, Софья Николаевна не въ силахъ сразу унять свою ревность и такимъ объясненіемъ его, такъ называемаго, охлажденія къ ней, какъ то, что «восторженность на людей тихихъ, кроткихъ и спокойныхъ всегда производитъ непріятное впечатлѣніе» (стр. 217). Но Софья Николаевна не остается, однако, рабою своей самолюбивой страсти. Она постоянно владѣетъ собою. Ея выдержанный нравъ объясняется, конечно, и тою весьма значительною образованностью, которую, воспользовавшись своимъ положеніемъ послѣ смерти мачихи, сумѣла сама доставить себѣ эта находчивая и неутомимая въ своей рьяности молодая дѣвушка. Образованность, ею пріобрѣтенная, вполнѣ отражаетъ въ себѣ господствующій характеръ нашей образованности вообще—характеръ тепличности, отрѣшенности отъ нашей жизни, такъ долго доводившей образованныхъ нашихъ людей до совершеннаго равнодушія къ родному народу, до совершеннаго непониманья его и отъ него отчужденья. Отсюда-то, надо думать, въ справедливой и человѣчной Софьѣ Николаевнѣ такая жалкая слабость, какъ то, что она скрывала свое родство съ уфимской мѣщанкой, добрѣйшей и всею душою преданной ей, Катериной Алексѣевной (стр. 192), на взглядъ Софьи Николаевны—той-же, конечно, мужичкой. Отсюда и сильная нелюбовь просвѣщенной горожанки не только къ имѣнію ихъ Багрову (на то могли быть у нея особенныя основанія, зависившія отъ недружелюбнаго отношенія къ ней золовокъ), но и къ деревнѣ вообще, хотя ей и было суждено не только почти постоянно жить, но даже и умереть въ этомъ немиломъ

Багровѣ (стр. 168). Впрочемъ, нерасположенiе Софьи Николаевны ко всему деревенскому окончательно раскрывается передъ нами уже въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова».

«Въ нашей литературѣ,—замѣтилъ въ свое время критикъ «Отечественныхъ Записокъ»,—мало женскихъ лицъ съ характерами, рѣзко, но психологически вѣрно очерченными, характерами сильными, взятыми не изъ фантазiи автора, а изъ дѣйствительной жизни. Такова Софья Николаевна, одаренная сильною волею и сильною любовью материнской» [1]). Но и эту свою сильную любовь со всѣмъ ея добромъ, а отчасти, пожалуй, и зломъ проявляетъ она уже въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова».

Перейдемъ-же теперь къ ихъ разбору.

II.

«Дѣтскiе годы Багрова-внука». — «Наташа».—«Воспоминанiя».

Замѣчательный, въ такой мѣрѣ едва ли даже ожиданный авторомъ успѣхъ «Семейной хроники», изданной имъ одновременно со своими «Воспоминанiями», побудилъ С. Т. Аксакова, всего уже за годъ до своей смерти, издать «Дѣтскiе годы Багрова-внука», служащiе продолженiемъ Семейной хроники» (въ хронологическомъ порядкѣ они занимаютъ середину между нею и «Воспоминанiями»). Самъ указавъ въ своемъ обращенiи къ читателямъ на связь своей новой книги (написанной будто бы со словъ внука Степана Михайловича Багрова) съ прежнею, авторъ придалъ ей, однако, и самостоятельное значенiе, говоря, что «разсказы эти представляютъ довольно полную исторiю дитяти, жизнь человѣка въ дѣтствѣ, дѣтскiй мiръ, созидающiйся постепенно подъ влiянiемъ ежедневныхъ новыхъ впечатлѣнiй» (Соч. С. Т.

---

[1]) «Отеч. Зап.» стр. 83. Отд. критики.

Аксакова, I, 331). Вотъ въ этомъ-то смыслѣ, какъ замѣтилъ критикъ «Русскаго Вѣстника», новая книга С. Т. Аксакова и «напоминаетъ намъ повѣсти Диккенса и труды одного изъ молодыхъ русскихъ писателей, пріобрѣтшаго извѣстность искусствомъ передавать впечатлѣнія дѣтства» [1]) (подразумѣвается, конечно, гр. Л. Н. Толстой, «Дѣтство» котораго появилось еще въ 1852 г., «Отрочество» въ 1854, а «Юность» въ 1855—57 г., такъ что и въ этомъ случаѣ С. Т. Аксаковъ выступилъ только вслѣдъ даже за однимъ изъ самыхъ молодыхъ преемниковъ Гоголя).

Если вѣрно, какъ замѣтилъ другой критикъ [2]), что настоящимъ героемъ новой книги должно считать Сережу, то и тутъ оказывается связь съ «Хроникою», которая заканчивается извѣстіемъ объ его рожденіи, получаемымъ въ Багровѣ старикомъ Степаномъ Михайловичемъ, въ свое время очень недовольнымъ, что родилась внучка, но тогда же утѣшавшимъ себя мыслью, что за нею, конечно, послѣдуетъ и внукъ. Старикъ Степанъ Михайловичъ въ новой книгѣ уже доживаетъ свой вѣкъ. Онъ уже уходился и опустился, все почти сидитъ въ своихъ кожаныхъ креслахъ со множествомъ мѣдныхъ шишечекъ, производящихъ такое впечатлѣніе на Сережу, сперва таки побаивавшагося дѣдушки—вслѣдствіе, вѣроятно, молвы объ его грозѣ. Дѣдушкѣ сначала не нравится, что мальчикъ какъ будто сторонится отъ него; онъ болѣе привязывается къ его ласковой сестренкѣ Наташѣ, которую называетъ «козулькою», говоря, что она веселѣе Сережи, а онъ плакса, потому что слишкомъ скучаетъ безъ матери, на время отлучившейся изъ Багрова вмѣстѣ съ мужемъ. Когда же дѣдушка убѣждается въ томъ, что Сережа крѣпко привязанъ и къ отцу, между нимъ и мальчикомъ устанавливаются добрыя отношенія, продолжающіяся до самой смерти старика. Сережа подчасъ читаетъ ему «Дѣтское чтеніе» Новикова

---

[1]) Ст. Ф. Дмитріева «Русск. Вѣстн.», 1858 г.
[2]) А. Н. Бекетовъ въ томъ же журналѣ.

(стр. 287, 302, 305—306). Послѣ своей смерти дѣдушка становится снова страшнымъ Сережѣ, впервые знакомящимся тутъ со всѣми наружными послѣдствіями смерти. Но любовь къ дѣдушкѣ вызываетъ въ Сережѣ желаніе вмѣстѣ съ другими почитать по немъ псалтырь (стр. 336 и слѣд., стр. 381).

Не долго заживается послѣ своего грознаго, но любимаго мужа и бабушка Арина Васильевна, которой подъ конецъ, по замѣчанію мальчика, «какъ-то ни до чего не было дѣла» (ч. II, стр. 35). Это не помѣшало ей, однако, по старой привычкѣ, въ присутствіи внучка, схватить за волосы крестьянскую дѣвочку, подавшую ей не совсѣмъ чистый клочокъ пуха, и отхлестать ее ременною плеткой, такъ что мальчикъ въ испугѣ убѣжалъ (I, стр. 410). За то совсѣмъ уходились тетушки, которымъ поневолѣ приходится теперь лебезить передъ Сережиной матерью, какъ передъ полной хозяйкой, хотя она и всячески избѣгаетъ давать имъ чувствовать свою новую роль. Не уходилась только, а скорѣе вполнѣ развернулась живущая сама по себѣ, на всей своей волѣ, бабушка Прасковья Ивановна. «Когда тебѣ захочется меня видѣть, милости прошу,—говоритъ она пріѣхавшей погостить къ ней съ дѣтьми Софьѣ Николаевнѣ,—не захочется, цѣлый день сиди у себя; я за это въ претензіи не буду... У меня и всѣ гости живутъ на такомъ положеніи. Я собой никому не скучаю, прошу и мнѣ не скучать». (II, 5). Чего бы, казалось, лучше? Но на повѣрку выходитъ, что она-то и требуетъ отъ гостей подчиненія нѣкоторымъ стѣснительнымъ особенностямъ своего «Домостроя». Такъ, напримѣръ, она было уже распорядилась однажды, чтобы высѣкли меньшого братца Сережи за то, что онъ громко плакалъ; правда, Софья Николаевна не допустила этого. Но чьи-бы то ни было дѣти должны у Прасковьи Ивановны обѣдать постоянно особнякомъ, рискуя остаться голодными, благодаря тому, что избалованная прислуга не подаетъ имъ подчасъ ничего. Софьѣ Николаевнѣ слишкомъ скоро приходится убѣдиться въ томъ, что слова Прасковьи Ивановны: «при-

казывай—все будетъ исполняться» остаются только пустымъ звукомъ. Дѣло въ томъ, что и сама Прасковья Ивановна вовсе не подозрѣвала, какъ часто не исполняется собственная ея воля. «Все вокругъ нея утопало въ безпутствѣ, потому что она ничего не видѣла, ничего не знала и очень не любила, когда говорили ей о чемъ-нибудь подобномъ». Это могло бы въ ней подорвать милую для нея фикцію той *сильной власти*, которой у нея на повѣрку совсѣмъ не оказывалось, какъ и у большей части мнящихъ себя обладателями таковой. Она думала обладать подобною властью, не тревожа себя никакими заботами, никакимъ трудомъ, «не сознавая своихъ обязанностей и отношеній къ 1200 душъ подвластныхъ ей людей». Все это, конечно, объясняется тѣмъ, что когда-то, «еще ребенкомъ выданная замужъ родными своей матери за страшнаго злодѣя, испытавъ дѣйствительно всѣ ужасы, какіе мы знаемъ изъ старыхъ романовъ и французскихъ мелодрамъ, она уже двадцать лѣтъ жила вдовою. Пользуясь независимостью своего положенія, доставляемаго ей богатствомъ и нравственною чистотою цѣлой жизни, она была совершенно свободна и даже своевольна во всѣхъ движеніяхъ своего ума и сердца». По опыту зная, что значитъ дурно выйти замужъ, она спасла отъ необходимости непремѣнно пристроиться свою бѣдную родственницу, пріютивъ ее у себя; но той, однако, живется у Прасковьи Ивановны такъ, что она постоянно чувствуетъ свое положеніе «бѣдной родственницы». Не даромъ Александра Ивановна разсказываетъ про нее Сережиной матери, до какой степени она избалована тѣмъ, что «за богатство ее всѣ уважаютъ, что даже всякій новый губернаторъ пріѣзжаетъ съ ней знакомиться». «Сама же Прасковья Ивановна, по словамъ той же родственницы, никого не уважаетъ и не любитъ (любить, скажемъ мы, всегда вѣдь значитъ себя ограничивать, болѣе или менѣе отдаваться другому), она своими гостями или забавляется, или ругаетъ ихъ въ глаза». Въ самомъ дѣлѣ, та свобода, которую, повидимому, она представляетъ имъ у себя, только замаскировываетъ въ ихъ глазахъ ту дѣйстви-

тельно полную свободу, которая составляетъ ея собственную львиную часть. Она всѣмъ безъ исключенія (или, можетъ быть, за исключеніемъ губернатора?) говоритъ *ты*, но никто, даже ближайшіе родственники, не рѣшился бы ей отвѣтить тѣмъ-же. Дѣло въ томъ, что это слово для нея уже исключительная привилегія. Ей и не снится то святое, то чудное для души употребленіе этого слова, которое связывается не съ главенствомъ, не съ превозносящеюся властностью, а съ крѣпкою привязанностью къ тому, кому оно говорится и неизбѣжно предполагаетъ взаимность; то употребленіе этого слова старшими по отношенію къ особенно дорогимъ для нихъ младшимъ, которое теряетъ для старшихъ всю свою прелесть, если эти любимыя дѣти, эти юноши не отвѣчаютъ имъ тѣмъ же, т.-е. не даютъ имъ этимъ знать, что и они, старшіе, не менѣе крѣпко любимы. Прасковья Ивановна, повидимому, не соображала, что и Богу говорятъ *ты*, при этомъ, конечно, гораздо болѣе Его любя и благоговѣя предъ нимъ, чѣмъ была бы на то способна сама Прасковья Ивановна. Да, ея отношенія и къ Богу были тѣ же барски-причудливыя. «Молится,—замѣчаетъ о ней Александра Ивановна,—по капризу, когда ей захочется, а не захочется, то и среди обѣдни изъ церкви уйдетъ» (II, стр. 5—7). Это, конечно, происходило у нея не отъ подмѣси къ религіи какой-нибудь раціоналистической струйки—откуда бы могла она быть у Прасковьи Ивановны?—а именно отъ той барской причудливости, которая сказывалась у нея во всемъ. Такъ, изъ той же причудливости — и причудливости чистовластной—Прасковья Ивановна задерживаетъ у себя слабаго волею Алексѣя Степановича, а онъ вслѣдствіе этого застаетъ свою больную мать уже на столѣ (стр. 101).

Съ особенною силою авторъ налегаетъ въ своей новой книгѣ на дальнѣйшее развитіе типовъ Софьи Николаевны и ея мужа, особенно же первой. Тутъ мы совсѣмъ уже коротко съ ней знакомимся, хотя подчасъ и далеко не къ ея выгодѣ. Ближе прежняго знакомимся мы и съ Алексѣемъ Степановичемъ, и онъ, напротивъ, часто

только выигрываетъ отъ этого въ нашемъ мнѣніи. «Сережа,—по вѣрному выраженію одного изъ критиковъ,—находится подъ вліяніемъ весьма разнообразныхъ условій, между которыми важнѣйшія и, по сущности своей, противоположныя — суть вліянія отца и матери, — вліянія свѣтскаго городского и сельскаго элементовъ» [1]). Отецъ, какъ представитель послѣдняго, является вполнѣ желаннымъ противовѣсомъ матери, и остается только пожалѣть, что, по слабости своей воли и потому, что онъ вообще стоитъ ей не въ уровень, онъ слишкомъ уступаетъ и тутъ женѣ, а мальчикъ поэтому становится матушкинымъ сынкомъ—не въ буквальномъ, а въ иносказательномъ смыслѣ этого слова.

Старикъ Степанъ Михайловичъ, однако-же, не ошибся въ томъ, что Сережа крѣпко любитъ и отца. Оно и не можетъ быть иначе, уже потому, что отецъ, хотя и не такъ къ нему нѣженъ, какъ мать, но гораздо ближе стоитъ къ природѣ и къ простымъ людямъ, т.-е. и къ дѣтскому возрасту.

«Оставшись наединѣ съ матерью, я спросилъ ее,—вспоминаетъ свое дѣтство Багровъ-внукъ, — отчего отецъ не ходитъ удить, хотя очень любитъ уженье? Отчего онъ ни разу не бралъ ружья въ руки, а стрѣлять онъ также былъ охотникъ, о чемъ не разъ разсказывалъ мнѣ. Матери моей были непріятны мои вопросы. Она отвѣчала, что никто не запрещаетъ ему ни стрѣлять, ни удить; но въ то же время презрительно отозвалась объ этихъ охотахъ, особенно объ уженьи, называя его забавою людей праздныхъ и пустыхъ, не имѣющихъ лучшаго дѣла, забавою, приличною только дѣтскому возрасту, и мнѣ немножко стало стыдно, что я такъ люблю удить» (II, стр. 47). Что касается стрѣльбы, то со стороны матери примѣшивалось тутъ, конечно, и нѣчто другое. «По моей усиленной просьбѣ, отецъ,—продолжаетъ припоминать Багровъ,—согласился было взять съ собою ружье, потому что въ поляхъ водилось множество полевой дичи;

[1]) А. Н. Бекетовъ въ «Русск. Вѣстникѣ» 1885 г.

но мать начала говорить, что она боится, какъ бы ружье не выстрѣлило и меня не убило, а потому отецъ, хотя увѣрялъ, что ружье лежало бы на дрогахъ незаряженное, оставилъ его дома. Я замѣтилъ, что ему самому хотѣлось взять ружье; я же очень горячо этого желалъ, а потому поѣхалъ нѣсколько огорченный» (II, стр. 49). Между тѣмъ разумной матери слѣдовало бы, конечно, побѣдить въ себѣ невольный страхъ, потому что, какъ бы тамъ ни судила она свысока объ охотѣ, а самая борьба съ какими-бы то ни было препятствіями и самая даже тѣнь опасности способны развивать въ мальчикѣ смѣлость, не давать ему окончательно стать такимъ, какимъ былъ Сережа, когда его посадили на самую смирную лошадь, и онъ вдругъ съ испугу вообразилъ, что она его уже понесла (I, 348). Не забудемъ, что мальчику стало при этомъ ужасно стыдно, а «благо тѣмъ, которые щадятъ, избавляютъ отъ унизительнаго сознанія въ трусости робкое сердце дитяти» (1, 376). Не вѣдь Софьѣ Николаевнѣ не нравилось даже и то, что отецъ водилъ Сережу собирать грибы, а при этомъ вѣдь не видно, чтобы она чего-нибудь боялась—змѣй, что ли? «Мнѣ очень было непріятно,—припоминаетъ сынъ,—что въ продолженіе всего обѣда мать насмѣхалась надъ охотой брать грибы и особенно надъ моимъ отцомъ, который для этой поѣздки отложилъ до завтра какое-то нужное по хозяйству дѣло. Я подумалъ, что мать ни за что меня не отпуститъ, и, такъ только, для пробы, спросилъ весьма нетвердымъ голосомъ: «Не позволите ли, маменька, и мнѣ поѣхать за груздями? Къ удивленію моему, мать сейчасъ же согласилась и выразительнымъ голосомъ сказала мнѣ: «только съ тѣмъ, чтобы ты въ лѣсу ни на шагъ не отставалъ отъ отца, а то, пожалуй, какъ займутся груздями, то тебя потеряютъ» (II, 63—64). Но вѣдь подобнымъ предположеніемъ, намекавшимъ на то, что отецъ—весь такъ и уйдетъ въ свои грузди, она прямо роняла отца во мнѣніи сына—ревнуя, что ли, Сережу къ отцу? Но, любя природу и занятія, или забавы, ставящія съ глаза на глазъ съ нею, Алексѣй Степановичъ любилъ

также и людей съ простымъ природнымъ умомъ. Софьѣ Николаевнѣ обыкновенно надоѣдало слушать его разговоры съ ними. Но однажды и она нашла забавными насмѣшливые разсказы старика-крестьянина о томъ самомъ помѣщикѣ Дурасовѣ, роскошь котораго еще недавно привела въ изумленіе Сережу. Ребенку досталось за это. «Ты точно былъ крестьянскій мальчикъ,—выговаривала ему мать,—который сроду ничего не видывалъ, кромѣ своей избы, и котораго привели въ господскій домъ» (II, 79). Теперь же вдругъ мужицкія насмѣшки надъ этимъ же самымъ Дурасовымъ, со всѣми его затѣями, приводятъ того же самаго Сережу вотъ къ чему. «Крестьянинъ насмѣхался надъ бариномъ, а я,—разсуждаетъ онъ,—привыкъ думать, что крестьяне смотрятъ на своихъ господъ съ благоговѣніемъ и всѣ ихъ поступки и дѣла считаютъ разумными» (II, 118). Почуяла ли умная Софья Николаевна, что въ подобномъ открытіи заключалась такая воспитательная сила, которая стоила цѣлаго множества книгъ? Намѣреніе Сережи прислушиваться съ этихъ поръ къ тому, что про нихъ говорятъ Параша съ Евсеичемъ, вызываетъ у нея лишь улыбку съ такимъ замѣчаніемъ: «Параша, особенно Евсеичъ служатъ намъ усердно, а что про насъ думаютъ, я и знать не хочу».

Не желая знать мужицкихъ думъ и недолюбливая мужицкихъ разговоровъ, Софья Николаевна огородила свой деревенскій домъ также и отъ народныхъ пѣсенъ. Случайно подслушавъ однажды Матрешу и похваливъ ея прекрасный голосъ, Сережа спросилъ ее, «отчего она никогда не поетъ въ дѣвичьей», а она наклонилась и шепнула ему на ухо, что его матушка не любитъ слушать ихъ мужицкихъ пѣсенъ. Онъ очень пожалѣлъ о томъ, потому что пѣсня и голосъ Матреши заронились ему въ душу (II, 64). Матери, однако же, не удалось его окончательно уберечь отъ народныхъ сказокъ. Одну изъ нихъ онъ подъ старость пересказалъ на литературномъ языкѣ. Это тотъ «Аленькій цвѣточекъ», который, существуя въ отдѣльномъ дешевомъ изданіи, вошелъ и въ полное собраніе сочиненій Аксакова (т. II). Нелюбовь

къ народной поэзіи связывалась, конечно, у Софьи Николаевны съ тѣмъ городскимъ настроеніемъ, при которомъ она «равнодушно смотрѣла,—припоминаетъ ея сынъ,— на зеленыя липы и березы, на текущую вокругъ воду; стукъ толчеи, шумъ мельницы, долетавшій иногда явственно, когда поднимался вѣтерокъ, по временамъ затихавшій, казался ей однообразнымъ и скучнымъ; сырой запахъ отъ пруда, котораго никто не замѣчалъ, находила она противнымъ и, посидѣвъ съ часъ, уходила домой въ свою душную спальню, раскаленную солнечными лучами» (II, 55).

Доходило до того, что Софья Николаевна ревновала Сережу къ этой, нисколько ею нелюбимой природѣ. Когда еще въ раннемъ дѣтствѣ, скрѣпя сердце отпущенный ею поудить съ отцомъ, онъ вскорѣ оттуда возвращается къ ней, видя, какъ грустно ей было его отпускать [1]), мы не можемъ, конечно, не признать прекрасною въ мальчикѣ эту способность ради матери отказаться отъ собственнаго удовольствія, какъ и ту силу его любви къ ней, при которой непріятное для нея и для него уже было вовсе не удовольствіе. Но мы не можемъ признать позволительнымъ злоупотребленіе этимъ съ ея стороны. А вѣдь прямо до такого злоупотребленія доходитъ она, когда, по поводу его столь естественныхъ весеннихъ побѣговъ отъ нея въ лѣсъ да въ поле, говоритъ ему, едва лишь онъ поостылъ къ этому: «ну, теперь ты, кажется, очнулся... а вѣдь ты былъ точно помѣшанный. Ты ни въ чемъ не принималъ участія, ты забылъ, что у тебя есть мать». Правда, конечно, и то, что самая любовь къ природѣ принимала у Сережи какой-то страстный характеръ, становилась «болѣзненнымъ устремленьемъ всѣхъ помышленій и чувствъ къ одному предмету», такъ что онъ при этомъ одностороннемъ стремленіи «не могъ ничѣмъ заниматься, скучалъ и привередничалъ» (I, 331). Но такая страстность была привита къ нему страстностью той же его матери, и исцѣленіемъ едва-ли могли служить

[1]) Томъ I, стр. 279—280.

ея страстные же ему упреки. Вѣдь довели же его такіе упреки до болѣзненно-преувеличенной мысли о томъ, что онъ «дурной, неблагодарный сынъ, котораго всѣ должны презирать». — «Подстрекая другъ друга, — вспоминаетъ онъ,—мы съ матерью предались пламеннымъ изліяніямъ взаимнаго раскаянія и восторженной любви; между нами исчезло разстояніе лѣтъ и отношеній, мы оба изступленно плакали и громко рыдали...» Въ самую эту минуту вошелъ отецъ... «Охота вамъ мучить себя понапрасну изъ пустяковъ,—сказалъ онъ,—и разстраивать свое здоровье. Ты еще ребенокъ, а матери это грѣхъ». И отецъ несомнѣнно былъ правъ. Но мать вслѣдъ затѣмъ наговорила много оскорбительнаго отцу, а мальчикъ повѣрилъ, что у отца мало чувствъ. Сердце его затѣмъ поутихло и опять раскрылось впечатлѣніямъ природы, но горячность матери росла уже постоянно. «Несмотря на мой дѣтскій возрастъ,—вспоминаетъ онъ,—я сдѣлался ея другомъ, ея повѣреннымъ и узналъ много такого, чего не могъ понять, что понималъ превратно и чего мнѣ знать не слѣдовало» (II, 43—44).

Это имѣло на Сережу тѣмъ болѣе рѣшительное вліяніе, что у него, за исключеніемъ сестры, вовсе не было сверстниковъ однолѣтокъ, не было товарищей. «Во все время моего дѣтства,—припоминаетъ онъ,—и въ первые года отрочества замѣтно было во мнѣ странное свойство: я не дружился съ своими сверстниками и тяготился ихъ присутствіемъ даже тогда, когда оно не мѣшало моимъ охотничьимъ увлеченіямъ, которымъ и въ ребячествѣ я страстно предавался. Это свойство называли во мнѣ нелюдимствомъ, дикостью и робостью, говорили, что я боюсь чужихъ... Это происходило, вѣроятно, отъ долговременной болѣзни, съ которою неразлучны отчужденіе и уединеніе, заставляющія сосредоточиваться и малое дитя... Еще болѣе оно происходило отъ постояннаго, часто исключительнаго сообщества матери и постояннаго чтенія книгъ. Голова моя была старше моихъ лѣтъ, и общество однолѣтнихъ со мною дѣтей не удовлетворяло меня, а для старшихъ я былъ самъ молодъ» (I, 347).

Этихъ старшихъ, къ сожалѣнію, было при немъ достаточно и притомъ такихъ, которые себѣ на потѣху позволяютъ себѣ дразнить дѣтей. Такіе-то милые старшіе стали играть на струнѣ того чувства собственности, раннее проявленіе котораго у Сережи являлось, конечно, также не особенно выгоднымъ признакомъ получаемаго имъ воспитанія. (Вѣдь и вообще въ этомъ чувствѣ собственности мало возвышающаго въ насъ наше человѣческое достоинство). Они составили даже бумагу, подписавшись подъ руку его родителей, которою предназначавшаяся ему Сергѣевка передавалась въ видѣ приданаго за его сестрой одному изъ этихъ шутниковъ, поплатившемуся за то тѣмъ, что разъяренный мальчикъ пустилъ ему деревяннымъ молоткомъ въ голову, самъ же, послѣ перенесеннаго наказанія, слегъ въ постель. При этомъ бѣдный Сережа дошелъ до самой болѣзненной экзальтаціи, вообразивъ себя «какимъ-то героемъ, мученикомъ, о которыхъ читалъ и слышалъ, страдающимъ за истину, за правду» (I. 321). Но здравыя стороны доброй природы мальчика, къ счастью, одерживаютъ въ немъ верхъ. Пролежавъ два дня, онъ «вдругъ почувствовалъ сильное желаніе увидѣть своихъ гонителей, выпросить у нихъ прощеніе и такъ примириться съ ними, чтобы никто на него не сердился». Мать обняла его и заплакала отъ радости, что у него такое доброе сердце (326). Но не слѣдовало ли ей ограждать это сердце отъ такихъ легкомысленныхъ надъ нимъ опытовъ? Не дѣльнѣе ли бы это было, чѣмъ оберегать его отъ всякихъ соприкосновеній съ крестьянскимъ міромъ? Разъ только мать почему-то измѣнила себѣ въ этомъ послѣднемъ отношеніи, послушавшись чьего-то совѣта (исходившаго, конечно, со стороны какого-нибудь умнаго и образованнаго ея знакомаго). Она отправила Сережу съ мальчикомъ, и дома учившимся вмѣстѣ съ нимъ (тоже-своего рода исключенье изъ общихъ правилъ), въ народное училище и онъ сдѣлался свидѣтелемъ жестокой расправы учителя (и у нихъ на дому ставившаго Сережѣ всегда однимъ балломъ больше, чѣмъ Андрюшѣ—при совершенно оди-

наковыхъ ихъ успѣхахъ), жестокой его расправы въ классѣ съ учениками. «Трудно было примириться дѣтскому уму и чувству,—разсуждаетъ Багровъ,—съ мыслью, что... Матвѣй Васильевичъ могъ браниться звѣрскимъ голосомъ, сѣчь своихъ учениковъ и оставаться въ то же время честнымъ, добрымъ и тихимъ человѣкомъ (т.-е., прибавимъ мы, оставаться добрымъ и тихимъ, по собственно тамъ, гдѣ не позволили бы такого поведенія, т.-е. гдѣ поневолѣ не будешь злымъ и буйнымъ). Слишкомъ рано,—говоритъ онъ,—получилъ я это раздирающее впечатлѣніе и этотъ страшный урокъ! онъ возмутилъ ясную тишину моей души» (I, 327).

Но вѣдь это бы не бѣда. Съ одною ясною тишиною не проживешь: нѣсколько ранѣе нарушить ее, значитъ вѣдь иногда—только заранѣе закалить свою душу на предстоящую, неизбѣжную для *полнаго* человѣка, встрѣчу съ жизнью. Вредно дѣйствуетъ собственно только одно: преждевременное омраченье воображенія или, лучше сказать, его загрязненіе раннимъ возбужденіемъ въ насъ извѣстнаго рода любопытства и гадкимъ удовлетвореніемъ этого послѣдняго.

Совершенно также случайно, какъ-бы по недосмотру, Сережѣ пришлось ознакомиться и со старостой Миронычемъ, и мальчикъ «никакъ не могъ примириться съ мыслью, что Миронычъ можетъ драться, не переставая быть добрымъ человѣкомъ».—«Житейская мудрость не можетъ быть понимаема дитятей,—поясняетъ онъ,—добровольныя уступки несовмѣстны съ чистотой его души». Онъ сталъ по этому поводу приставать къ родителямъ съ вопросами и надоѣлъ имъ, такъ что ему приказали или читать книжку, или играть съ сестрицей (I, 201). Но вѣдь худо тутъ именно то, что онъ *надоѣлъ* своими вопросами, т.-е. на самомъ дѣлѣ, что родителямъ нечего было ему ответить. Вѣдь именно дѣтское-то чутье и оказывалось тутъ правымъ, потому что такъ называемая житейская мудрость должна же, наконецъ, быть упразднена настоящею высшею мудростью, должны же, наконецъ, быть откинуты, какъ вонючій хламъ, всякія уступки,

т.-е. всякія сдѣлки съ совѣстью, и долженъ же, наконецъ, восторжествовать сказочный идеалъ Иванушки! Брезгая всѣмъ народнымъ, Софья Николаевна и не воображала, какая воспитательная сила заключается въ этомъ идеалѣ, лелѣющемъ и во взросломъ дѣтскую чистоту души, которая должна бы быть сохраняема, тогда какъ ея ясная тишина никакимъ образомъ не сохранима.

Какъ ни старалась нѣжная, но далеко не всегда разумная, мать уберечь своего сынка отъ всякаго рода крестьянскихъ впечатлѣній, это рѣшительно не удавалось ей, а потому деревня должна была все болѣе и болѣе отталкивать ее отъ себя и въ воспитательномъ отношеніи. Хорошо, повидимому, зная мать, Сережа, однако, съ восторгомъ описывалъ ей крестьянскія работы и съ огорченіемъ видѣлъ, уже не въ первый разъ, что мать слушала его очень равнодушно, а его желаніе выучиться крестьянскимъ работамъ называла «ребячьими бреднями». Когда воротился отецъ, мальчикъ досыта наговорился съ нимъ о крестьянскихъ работахъ. Отецъ его уважалъ труды крестьянъ, онъ съ любовью говорилъ о нихъ, и Сережѣ было пріятно его слушать, а также высказывать свои собственныя чувства и дѣтскія мысли (I, 414).

Но мальчикъ не только заинтересовывался крестьянскими работами; имъ овладѣвало также и «невыразимое чувство состраданія къ работающимъ съ такимъ напряженіемъ силъ, на солнечномъ зноѣ, не мужчинамъ только, но и женщинамъ, притомъ же тутъ и кормившимъ своихъ грудныхъ дѣтей, которыхъ вынимали онѣ на время изъ пристроенныхъ тутъ же, среди поля, люлекъ» (I, 273). Мальчикъ «сравнивалъ себя съ крестьянскими мальчиками, которые цѣлый день, отъ восхода до заката солнечнаго, бродили взадъ и впередъ, какъ по песку, по рыхлымъ десятинамъ, которые кушали хлѣбъ да воду, и ему стало совѣстно, стыдно, и онъ рѣшился просить отца и мать, чтобы его заставили бороновать землю... Оказалось, что онъ никуда не годенъ: не умѣетъ ходить по вспаханной землѣ, не умѣетъ держать вожжи и править лошадью, не умѣетъ заставить ее слушаться. Ему

было стыдно и досадно, и онъ никогда уже не поминалъ объ этомъ» (II, 50—51). Мать, конечно, заранѣе на то и разсчитывала; у отца же не доставало ни крѣпости воли, ни болѣе глубокаго проникновенія въ воспитательное значеніе дѣла, чтобы не дать ему быть позабытымъ, чтобы вернуть къ нему сына—хотя бы позже. Будь отецъ и поглубже, и потверже волей,—и задолго до Л. Н. Толстого могло бы тутъ что-нибудь выйти—въ смыслѣ даже болѣе дѣльномъ, т.-е. дѣйствительно полезномъ и для барина, и для мужика.

При своей любви къ матери Сережа, инстинктивно любя и народъ, не хотѣлъ даже вполнѣ повѣрить ея, обидной для его сердца, нелюбви къ народу. «Почему, маменька, вы не вышли къ нашимъ добрымъ крестьянамъ?—спросилъ онъ ее.—Они васъ такъ любятъ».—А потому,—отвѣчала она,—что бабушкѣ и тетушкѣ твоей стало-бы еще грустнѣе; къ тому-же я терпѣть не могу.., ну, да ты еще малъ и понять меня не можешь...—«Долго ломалъ я голову,—поясняетъ онъ,—чего мать терпѣть не можетъ? Неужели добрыхъ крестьянъ, которые сами говорятъ, что насъ такъ любятъ!» (I, 405).

Эти «добрые крестьяне», въ сущности, составляютъ въ книгѣ о «Дѣтскихъ годахъ Багрова» настоящую, въ самомъ дѣлѣ, воспитательно дѣйствующую на него силу—«камень, который отвергли зиждущіе», но который долженъ-бы «лечь во главу угла». Недаромъ и покойный Добролюбовъ въ своей извѣстной статьѣ объ этой книгѣ замѣтилъ: «тутъ, какъ вездѣ, есть одна сторона отрадная, успокаивающая: это видъ бодраго, свѣжаго крестьянскаго населенія, твердо переносящаго всѣ испытанія, безъ отчаяннаго унынія, но съ постоянной надеждой на милость Божію и царскую» [1]).

Между «не-народомъ» въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова» встрѣчается, можетъ быть, только одно лицо, совершенно, впрочемъ, эпизодическое, заслуживающее полнаго сочувствія и уваженія. Это тотъ самый С. И. Анич-

---

1) Соч. Добролюбова т. I, стр. 385.

ковъ, пріятель Н. И. Новикова, который подарилъ Сережѣ Новиковское «Дѣтское чтеніе». Багровъ мимоходомъ припоминаетъ, что Аничковъ «не могъ простить покойной государынѣ (Екатеринѣ II), зачѣмъ она распустила депутатовъ, собранныхъ для совѣщанія о законахъ» (I, 358). Мальчикъ, конечно, могъ только запомнить его слова, но не могъ себѣ дать отчета въ ихъ глубокомъ смыслѣ. Не понимаютъ-же ихъ и по сію пору многоученые россійскіе мужи, такъ глубокомысленно разсуждающіе о томъ, что Екатерина не могла не распустить депутатовъ, такъ какъ «мы еще не созрѣли», и т. п.

Останавливаясь на этомъ, не можемъ-ли мы заключить изъ своего обзора «Дѣтскихъ годовъ», что они представляютъ не только внѣшнюю, но и несомнѣнную внутреннюю связь съ «Хроникой»?—Герой «Дѣтскихъ годовъ», Сережа, не является-ли прямымъ внукомъ старика Багрова—въ томъ смыслѣ, что, при всей своей доброй природѣ, отличается недостатками, которые поддерживаются слабостью его отца, слишкомъ робкимъ отпоромъ, даннымъ съ его стороны матери; эта-же слабость отца такъ-же точно порождена грознымъ свычаемъ и обычаемъ Степана Михайловича, какъ городскіе вкусы, нервная страстность и эгоистическая подкладка самаго чувства любви у Софьи Николаевны тѣсно связаны съ ея воспитаніемъ, ея судьбою и дальнѣйшимъ ея положеніемъ у ея отца. Съ другой стороны, въ своемъ родѣ играющій роль хора въ греческой трагедіи, простой народъ не является-ли въ той и въ другой книгѣ, при всемъ своемъ нравственномъ вѣсѣ, одинаково пребывающимъ на степени какого-то невѣсомаго?

Но между «Хроникою» и «Дѣтскими годами» существуетъ еще другая связь: по формѣ, по литературнымъ пріемамъ. Въ этомъ отношеніи, какъ оно и замѣчено было чуть-ли не всѣми нашими критиками, оба произведенія рѣзко отличаются отъ «Воспоминаній». Эти послѣднія—въ самомъ дѣлѣ только *воспоминанія*, т.-е. въ нихъ передается, что вспомнится и насколько вспомнится изъ ви-

дѣннаго и пережитаго. Правда, вступленіе къ «Дѣтскимъ годамъ Багрова» сообщаетъ намъ слѣдующее: «Я самъ не знаю, можно-ли вполнѣ вѣрить всему тому, что сохранила моя память? Если я помню дѣйствительно случившіяся событія, то это можно назвать воспоминаніями не только дѣтства, но даже младенчества... Будучи лѣтъ трехъ или четырехъ, я разсказывалъ окружающимъ меня, что помню, какъ отнимали меня отъ кормилицы... Всѣ смѣялись моимъ разсказамъ и увѣряли, что я наслушался ихъ отъ матери или няньки и подумалъ, что это я самъ видѣлъ. Я спорилъ и въ доказательство приводилъ иногда такія обстоятельства, которыя не могли быть мнѣ разсказаны и которыя могли знать только я да моя кормилица или мать. Наводили справки и часто оказывалось, что дѣйствительно дѣло было такъ и что разсказать мнѣ о немъ никакъ не могли. Но не все, казавшееся мнѣ видѣннымъ, видѣлъ я въ самомъ дѣлѣ; тѣ-же справки иногда доказывали, что многаго я не могъ видѣть, а могъ только слышать» (I, 233). Но такая феноменальная память, даже при сдѣланныхъ тутъ оговоркахъ, едва-ли не является авторскою фикціею. А вѣдь только съ такою памятью и можно-бы было написать «Дѣтскіе годы Багрова внука» и «Семейную хронику», подъ условіемъ такой-же феноменальной памяти и у тѣхъ, чьими разсказами пользовался авторъ. На самомъ дѣлѣ, конечно, въ обѣихъ книгахъ не обошлось безъ того, что выходитъ уже за предѣлы памяти,—въ чемъ уже сказывается дорисовывающее воображеніе, творчество. Словомъ, обѣ книги можно-бы было озаглавить такъ-же, какъ Гете озаглавилъ свою автобіографію: *Wahrheit und Dichtung*, т.-е. *Правда* и *Вымыселъ (былины сего времени и былиновы замышленія*, какъ выразился пѣвецъ Игоря). Потому-то обѣ книги, при всемъ ихъ частномъ, фамильномъ характерѣ, и являются чисто-художественными произведеніями.

Совсѣмъ не то уже «Воспоминанія», вполнѣ возможныя при очень, конечно, крѣпкой, но вовсе однако-же не феноменальной, т.-е. не баснословной, памяти. Тутъ, при всей подробности разсказа, во многихъ случаяхъ да-

леко уже нѣтъ той полноты образовъ, которая въ сущности и возможна только при участіи *Баянова замышленія*. Въ «Воспоминаніяхъ» оно вполнѣ отсутствуетъ, а потому они—тѣ-же, хотя и очень живые, мемуары, передающіе намъ лишь *былины своего времени*.

Но у С. Т. Аксакова есть еще одно художественное произведеніе, оставшееся, къ сожалѣнію, неоконченнымъ вслѣдствіе смерти автора. Это повѣсть «Наташа», — новый отрывокъ изъ той-же семейной хроники, заключающій въ себѣ творчески возсозданную исторію замужества сестры автора, той самой, которая такъ часто упоминается въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова». Образъ ея и тамъ уже очень симпатиченъ. Наташа полна самой беззавѣтной, самой неревнивой любви къ брату, несмотря на то, что онъ любимецъ матери, и что бабушка и тетки напѣваютъ ей это въ уши. Такія вредныя внушенія не производятъ никакого впечатлѣнія на любящее сердце дѣвочки (II, 51). Она нѣжно жалѣетъ Сережу и ласкается къ нему, когда онъ лежитъ въ постели послѣ вынесеннаго имъ наказанія изъ-за раздразнившихъ его большихъ шутниковъ.—«Я живо помню,—разсказываетъ Багровъ-внукъ,—какъ дѣдушка любовался на нашу дружбу съ сестрицей, которая, сидя у него на колѣняхъ и слушая мою болтовню или чтеніе, вдругъ безъ всякой причины спрыгивала на полъ, подбѣгала ко мнѣ, обнимала и цѣловала, и потомъ возвращалась назадъ и опять вползала къ дѣдушкѣ на колѣни; на вопросъ-же его: «что ты, козулька, вскочила?» она отвѣчала: «захотѣлось братца поцѣловать» (I, 306).

Въ очеркѣ «Наташа» мы еще ближе знакомимся съ ея, т.-е. и съ Сережиной, матерью, и знакомимся, надо сознаться, съ не особенно выгодной стороны. «Г-жа Болдухина (такъ замаскировываетъ ее тутъ авторъ), сама не получившая никакого образованія, была женщина не глупая и горячая; но она держала Наташу до сихъ поръ въ совершенномъ отдаленіи и только недавно начала приближать къ себѣ». За то сама Наташа является тутъ, какъ дѣвушка, прямымъ дальнѣйшимъ развитіемъ того

чуднаго ребенка, съ которымъ мы познакомились въ «Дѣтскихъ годахъ» (Сережа въ нашемъ очеркѣ не играетъ роли, и авторъ видимо хотѣлъ придать этому очерку характеръ чего-то совершенно отдѣльнаго, и только И. С. Аксаковъ въ своемъ предисловіи къ нему указалъ на то, что передъ нами выступаютъ тутъ подъ новой фамиліей тѣ же Багровы). «Наташа,—говорится въ очеркѣ,— имѣла глубоко-нѣжное сердце, но безъ всякаго нѣжничанья, и сентиментальность по инстинкту ей была противна. Доброта ея была безпредѣльна и вполнѣ развита отъ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Много чужихъ винъ перебрала она на себя и много за нихъ вытерпѣла отъ вспыльчивой и долго не любившей ее матери» (III, 16). Будучи нелюбимой дочерью, Наташа страстно любила мать и хотя по добротѣ своей не завидовала, но сердечно огорчалась, видя, какъ маменька бывала иногда нѣжна, заботлива и ласкова къ ея братьямъ и сестрамъ, особливо къ брату Петрушѣ (въ немъ, должно быть, скрывается Сережа, но о немъ упоминается только мимоходомъ). Наташа (теперь уже, замѣтимъ мы отъ себя, дѣвушка, а не ребенокъ, и все это очень уже хорошо понявшая) со слезами молилась Богу, чтобы мать ее также полюбила, и готова была на всякую жертву за одно нѣжное слово своей матери (III, 23). И вотъ ей представляется наконецъ неожиданный случай для сближенія съ матерью. Въ молодомъ человѣкѣ, высоко ею цѣнимомъ, мать видитъ для Наташи самаго достойнаго, самаго желаннаго жениха. Мать утверждаетъ, что такое счастье дочери составитъ и ея собственное счастье. «Наташа пришла въ безумный восторгъ отъ одной мысли, что отъ нея зависитъ счастье матери,—матери, для которой она была готова пожертвовать даже жизнью. Наташа мгновенно позабыла всѣ непріятныя впечатлѣнія, произведенныя на нее молодымъ Шатовымъ (даже смѣшное впечатлѣніе его кутанья и затыканія имъ себѣ ушей ватою въ теплый лѣтній вечеръ); въ эту минуту она не понимала, не чувствовала ихъ и съ радостнымъ увлеченіемъ, осыпая поцѣлуями и обливая слезами руки своей матери,

твердымъ голосомъ сказала: «я согласна, я желаю выйти замужъ за Ардальона Семеновича» (32). Она въ самомъ дѣлѣ вообразила, что любитъ его, потому что крѣпко любила мать. Не надобно, разумѣется, забывать, что, при тогдашнемъ воспитаніи, Наташа, какъ говорится, еще ничего тутъ не понимала, потому что оставалась ребенкомъ въ свои 16 лѣтъ. «Мать-же отъ такого послушанья была въ восторгѣ, расцѣловала свою красавицу, перекрестила ее уже въ третій или четвертый разъ... Полная радостнаго чувства дочерней любви, кромѣ этого чувства все позабывшая, скоро уснула «счастливая дочь»... (33). «За нѣсколько мѣсяцевъ смѣла ли она мечтать о такомъ сближеніи съ матерью, о такой ея любви, о возможности доказать ей свою дѣтскую, безграничную любовь...» (34). Но между тѣмъ, какъ Наташа, все далѣе и далѣе заходя въ своемъ увлеченіи,— въ сущности, не женихомъ, а матерью, готова была хоть завтра же идти подъ вѣнецъ, мать, напротивъ того, «ежеминутно открывая въ своей дочери драгоцѣннѣйшія качества и сердца, и нрава, и здраваго ума, котораго и не подозрѣвала, и видя въ то же время ея дѣтскую невинность, ея совершенное непониманіе важности дѣла, къ которому готова была приступить, мать думала о другомъ: какъ бы оттянуть свадьбу на годъ, какъ-бы сдѣлать такъ, чтобы женихъ прежде вполнѣ узналъ и оцѣнилъ, какое сокровище получаетъ» (36). Она почти въ ужасѣ, когда узнаетъ, что дочь поспѣшила уже дать слово и самому Шатову, тѣмъ болѣе, что послѣ этого замѣчается съ его стороны нѣсколько довольно странныхъ шаговъ. Но вотъ наконецъ какія-то сомнѣнія въ вѣрности сдѣланнаго шага стали закрадываться и въ душу Наташи. Теперь она уже «съ дѣтской наивностью говорила матери, что терпѣть не можетъ, когда кто-нибудь смотритъ на нее такъ пристально, точно хочетъ узнать, что происходитъ у нея въ сердцѣ, и что она особенно не любитъ такихъ взглядовъ Ардальона Семеныча. Но главное, что ей не нравилось и чего она не сказала Варварѣ Михайловнѣ, это была медлен-

ность и вялость всѣхъ движеній и словъ ея жениха...» (48). Тутъ вскорѣ и обрывается очеркъ, такъ и оставшійся неконченнымъ, но прекраснымъ по замыслу, психологическимъ этюдомъ. Изъ предисловія И. С. Аксакова мы узнаемъ, что скороспѣлое дѣло должно было въ очеркѣ окончиться разрывомъ,—соотвѣтственно тому, что и въ дѣйствительности произошло съ сестрою Сергѣя Тимофеевича, которой исторію онъ и хотѣлъ тутъ воспроизвесть, на основаніи ея же воспоминаній, но съ примѣсью, разумѣется, творческаго начала.

«Воспоминанія», первоначально появившіяся вмѣстѣ съ «Семейной хроникой», не только разсказываются въ первомъ лицѣ (подобно тому, какъ ведется разсказъ и въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова»), но даже выставляютъ всѣхъ подъ ихъ настоящими именами. Въ сущности, они представляютъ драгоцѣнный матеріалъ собственно для біографіи автора, а также и для характеристики времени. Мы коснемся ихъ лишь настолько, насколько они находятся въ связи съ предшествующимъ, т.-е. окончательно объясняютъ намъ то или другое въ «Семейной хроникѣ» и въ «Дѣтскихъ годахъ».

Про мать свою (Софью Николаевну «Семейной хроники») авторъ тутъ говоритъ: «Будучи необыкновенно умна, владѣя рѣдкимъ даромъ слова и страстнымъ, увлекательнымъ выраженіемъ мысли, она безгранично владѣла моимъ существомъ и вдохнула въ меня такую бодрость, такое рвеніе скорѣе исполнить ея желаніе, оправдать ея надежды, что я, наконецъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъѣзда въ Казань» (для поступленія въ гимназію) (II, 154). Первая половина этой тирады свидѣтельствуетъ о томъ, что въ очеркѣ «Наташа» мать автора замаскирована не только особою фамиліею Болдухиной, но даже особою и менѣе выгодною характеристикою самаго ея ума и способностей. Вторая же половина тирады фактически подтверждаетъ то самообладаніе, на какое бывала способна Софья Николаевна, несмотря на всю свою страстность и порывистость. Умные и образованные знакомые сильно налегли на необходимость для нея

разстаться съ сыномъ,—ради того образованія, какое онъ можетъ получить только въ отдаленномъ губернскомъ городѣ,—и любящая мать, рѣшившись принести такую жертву, заранѣе приготовляетъ и располагаетъ къ тому же и мальчика. Но разлука оказывается тѣмъ болѣе тяжелою, что, по гадкому обычаю тогдашнихъ учебныхъ заведеній, письма мальчика къ родителямъ должны были незапечатанными проходить черезъ руки начальства (II, 168) и такимъ образомъ не оказывалась впередъ возможною и вполнѣ задушевная, безъ утайки, бесѣда мальчика съ матерью. Но нѣжное сердце матери вообще не выноситъ разлуки. Доходитъ до того, что въ жизни она учитъ своего сына солгать—притвориться больнымъ по уговору съ докторомъ—чтобы такимъ образомъ получить возможность быть уволеннымъ къ ней на продолжительный срокъ въ деревню (II, 188). Этимъ подтверждается и дорисовывается опять та материнская слабость, о которой такъ много говорится уже въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова». Описывая свою долгую побывку, въ видѣ отпуска, въ Аксаковѣ (соотвѣтствующемъ Багрову), авторъ не только упоминаетъ объ извѣстной намъ нелюбви своей матери ко всему деревенскому, но и объясняетъ намъ это такимъ образомъ: «она получила, такъ сказать, нѣкоторое внѣшнее прикосновеніе цивилизаціи отъ чтенія книгъ и отъ знакомства съ *тогдашними* умными и образованными людьми,—прикосновеніе, часто возбуждающее какую-то гордость и неуваженіе къ простонародному быту» (II, 209). Кое-что, и даже очень важное, при описаніи этой побывки въ Аксаковѣ остается недоговореннымъ — потому, разумѣется, что тутъ мы уже прямо находимся въ области личныхъ воспоминаній со всею ихъ щекотливостью. «Мать моя,—говоритъ авторъ,—постоянно была чѣмъ-то озабочена и вообще разстроена: она нѣсколько менѣе занималась мною, и я, болѣе преданный спокойному размышленію, потрясенный въ моей дѣтской безпечности жизнью въ гимназіи, уже не находилъ въ себѣ прежней беззаботности, прежняго увлеченія въ своихъ охотахъ, и съ большимъ вниманіемъ

сталъ вглядываться во все, меня окружающее, сталъ понимать кое-что, до тѣхъ поръ незамѣчаемое мною... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ жизнь въ Аксаковѣ уже не казалась мнѣ прежнимъ свѣтлымъ раемъ, а вторичное поступленіе въ гимназію, особенно ученикомъ своекоштнымъ—не представлялось страшнымъ событіемъ» (II, 213). Этотъ легкій намекъ едва-ли, однако же, не досказываетъ намъ того, что постепенно развивалось въ «Хроникѣ» и въ «Дѣтскихъ годахъ Багрова»—т.-е. продолжающихся нeладовъ между отцомъ и матерью, зависѣвшихъ отъ разницы ихъ темперамента, нрава, воспитанія и взглядовъ, и поддерживаемыхъ, можетъ быть, еще болѣе прежняго тою болѣзненною ревностью жены, на которую, въ свою очередь, уже и тамъ указывалось?

О самомъ Сергѣѣ Тимофеевичѣ узнаемъ мы изъ «Воспоминаній» (это находится въ связи съ тѣмъ, - въ сущности совсѣмъ не мужскимъ, воспитаніемъ, какое дано было ему крайнимъ перевѣсомъ материнскаго вліянія), что онъ и въ старшихъ классахъ гимназіи продолжалъ бояться покойниковъ (II, 284).

По поводу этого и произошло одно изъ его столкновеній съ тѣмъ достойнѣйшимъ педагогомъ, у котораго онъ жилъ въ Казани и который послужилъ для него противовѣсомъ одностороннему материнскому вліянію, хотя, къ сожалѣнью, противовѣсомъ, въ свою очередь слишкомъ рѣшительнымъ, крайнимъ. Это одно изъ наиболѣе выдающихся въ «Воспоминаніяхъ» лицъ,—Гр. Ив. Карташевскій. Если мать своею нѣжною и въ то же время страстною привязанностью доводила и мальчика до нервной экзальтаціи и, забывая его ребяческій возрастъ, возводила его на степень своего повѣреннаго, то наставникъ, крѣпко его любя, считалъ нужнымъ его обдавать какимъ-то педагогическимъ холодомъ, постоянно держать его отъ себя на почтительномъ разстояніи. По справедливому мнѣнію самого воспитанника,—мнѣнію, высказанному имъ уже подъ старость, это имѣло свою положительно дурную сторону. «Я не могъ тогда оцѣ-

нить достоинства этого человѣка,—говоритъ онъ,—и не могъ бы его полюбить, если-бы мать не увѣдомляла меня потихоньку, что онъ меня очень хвалитъ, а не показываетъ этого только для того, чтобы я, по молодости своей, не избаловался отъ его похвалъ. Къ сожалѣнію, Григорій Ивановичъ держался этого ошибочнаго правила во все продолженіе своего полезнаго долговременнаго и важнаго служебнаго поприща, гдѣ приходилось имѣть дѣло не съ дѣтьми, а часто со стариками... Были хорошіе люди, которыхъ онъ оттолкнулъ отъ себя благонамѣренною сухостью обращенія и которые сочли его за человѣка гордаго и жесткаго, что было совершенно несправедливо» (231). «Онъ ни разу не приласкалъ меня,—продолжалъ Сергѣй Тимофеевичъ,—не польстилъ моему самолюбію какою-нибудь похвалою, не ободрилъ моего прилежанія, и со всѣмъ тѣмъ я любилъ его такъ горячо, какъ не любилъ никого изъ постороннихъ. Я помню, какъ одинъ разъ услышалъ я, что онъ смѣется; я заглянулъ въ его комнату и увидѣлъ, что мой строгій наставникъ, держа въ рукѣ какую-то математическую книгу, хохочетъ какъ дитя, смотря на играющихъ котятъ... Лицо у него въ то время было такое доброе, ласковое, даже нѣжное, что я позавидовалъ котятамъ. Я вошелъ къ нему въ комнату съ своей тетрадкой—и прежняя спокойная холодность, даже какая-то суровость, выразилась на его лицѣ» (246). Не трудно, кажется, вывесть изъ этого разсказа, что, по мнѣнію автора «Воспоминаній», наставническій авторитетъ Карташевскаго нимало бы не понизился, еслибы его воспитаннику не пришлось завидовать котятямъ, а нерѣдко-бы приходилось видѣть воспитателя веселымъ, готовымъ шутить и смѣяться съ юношами, признавая права молодости и понимая, что чѣмъ дольше она не проходитъ, тѣмъ лучше. Но Григорій Ивановичъ, сверхъ напускной холодности и серьезности, отличался еще и излишнею требовательностью, неумѣньемъ прощать самые незначительные проступки и упрямымъ настаиваньемъ на своемъ, что, наконецъ, и привело его къ разладу съ

юнымъ Аксаковымъ, несмотря на всю силу взаимной привязанности между наставникомъ и воспитанникомъ (282—287).

Изъ «Воспоминаній» мы узнаемъ и то, что гимназіей былъ пополненъ въ жизни автора тотъ пробѣлъ его ранняго дѣтства, который заключался въ отсутствіи у него товарищей. Что онъ гордился нѣкоторыми изъ тѣхъ, которые тутъ у него оказались, это видно изъ разсказа о происшествіи, такъ живо представлявшемся автору и подъ старость. Я разумѣю расправу гимназистовъ старшаго класса съ лицомъ, называвшимся у нихъ квартирмистромъ, нещадно наказывавшимъ палками одного изъ служившихъ при гимназіи инвалидовъ. Гуманные юноши не только добились отъ этого, потѣшавшагося своею властью, злодѣя прекращенія жестокой расправы, но и вынудили у директора увольненіе самого квартирмистра. Вслѣдъ затѣмъ, вслѣдствіе предательскаго образа дѣйствій директора, въ гимназію были однако-же введены солдаты съ ружьями, и такъ-называемые зачинщики (Дмитрій Княжевичъ и др.), все самые лучшіе ученики, были исключены изъ гимназіи безъ аттестаціи въ поведеніи. Но Дмитрій Княжевичъ, опредѣлившись какъ-то на службу въ Петербургѣ, чрезъ брата своего, оставшагося въ гимназіи, надолго сохранилъ близкую связь съ бывшими своими товарищами. Письма его къ брату читали торжественно во всеуслышаніе. Самого Аксакова во время этого происшествія не было на лицо въ гимназіи: онъ былъ умышленно задержанъ дома Г. И. Карташевскимъ. «Безъ всякаго сомнѣнія, — говоритъ онъ,—я былъ-бы однимъ изъ самыхъ горячихъ участниковъ въ этомъ несчастномъ происшествіи» (289). Изъ разсказа ясно, какъ сильно дѣйствовало на него тогда товарищество. Всякій разумный педагогъ, разумѣется, выведетъ изъ этого только новое фактическое доказательство, какое громадное нравственное значеніе имѣетъ вообще товарищество и какъ не дальновидна та педагогическая администрація, которая не считается съ этою несомнѣнно воспитательною силою или, что еще хуже, старается ее

подорвать, задается гнусною цѣлью вытравить товарищескій духъ изъ учебнаго заведенія.

Чудная сила товарищескаго авторитета засвидѣтельствована Аксаковымъ также и въ одномъ изъ его отдѣльныхъ воспоминаній,—томъ, которое посвящено *встрѣчѣ съ мартинистами.* Тутъ выступаетъ передъ нами казанскій студентъ Балясниковъ, котораго нравственная власть надъ товарищами дѣйствительно могла-бы быть названа «сильною властью». «Случилось однажды,— вспоминаетъ Аксаковъ,—что казенный студентъ П. былъ сильно заподозрѣнъ, но не уличенъ, въ поступкѣ весьма неблаговидномъ; а какъ онъ упорно запирался, то подозрѣніе падало на другого студента, совершенно невиннаго по общему нашему убѣжденію. Балясникову это было досадно, и онъ сказалъ намъ: «пойдемте, господа, я при васъ допрошу П., онъ у меня признается во всемъ...» Такъ и сдѣлали. «Балясниковъ подошелъ къ нему одинъ, а мы стояли отдѣльною толпою вокругъ нихъ; Балясниковъ принялъ величавое положеніе, сложилъ на груди руки и молча нѣсколько времени смотрѣлъ на П.; взглядъ голубыхъ, устремленныхъ глазъ Балясникова по-истинѣ имѣлъ въ себѣ что-то пронзительное. Я самъ видѣлъ, что П. и краснѣлъ и блѣднѣлъ, хотя, не поднимая глазъ, повидимому, пристально занимался своей работой. Наконецъ Балясниковъ грозно и повелительно сказалъ: «господинъ П., извольте бросить ваше занятіе, товарищи пришли судить васъ... Посмотрите-ка мнѣ въ глаза,—продолжалъ Балясниковъ тѣмъ-же грознымъ голосомъ.—Погляжу я, какъ вы запретесь? Сейчасъ извольте признаваться; вы сдѣлали поступокъ, который мараетъ всѣхъ насъ»? — И П. едва взглянулъ на Балясникова, какъ въ ту-же минуту дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ: «я». Онъ самъ послѣ говорилъ, что далъ клятву себѣ не признаваться, что онъ не понимаетъ, какая невѣдомая сила заставила его признаться». Тому-же Балясникову, поступившему въ военную службу и раненому въ одну изъ Наполеоновскихъ войнъ, довелось одержать нравственную побѣду надъ самимъ Аракчеевымъ. Долго непринимаемый имъ,

онъ черезъ ординарца сказалъ этому грозному временщику, что онъ страдаетъ отъ раны и ждать не можетъ и не вѣритъ, чтобы русскій военный министръ заставилъ дожидаться русскаго военнаго офицера. Онъ былъ принятъ и, на вопросъ Аракчеева, что ему угодно, отвѣчалъ, что прежде всего ему «угодно сѣсть, потому что онъ страдаетъ отъ раны и стоять не можетъ». Онъ прямо сказалъ затѣмъ Аракчееву, что ему нужны средства на лѣченіе, нуженъ спокойный уголъ, нужно ѣсть и пить, а что денегъ у него теперь ни гроша. Озадаченный Аракчеевъ существеннымъ образомъ поддержалъ его. Передавшій это Аксакову очевидецъ замѣтилъ при этомъ: «велика важность, что есть люди, которые заговариваютъ ядовитыхъ змѣй. Нѣтъ, поди-ка, заговори Аракчеева» (III, 142—144). Хотя и нарисованный только въ общихъ чертахъ, образъ Балясникова, боготворимаго солдатами и преждевременно умирающаго имъ на горе, какъ въ древности Скопинъ-Шуйскій или Скобелевъ въ горемычные наши дни, глубоко врѣзывается въ нашу память, какъ живое свидѣтельство о томъ, что значитъ въ обществѣ люди, дѣйствительно «власть имущіе». Всякая внѣшняя сила невольно отступаетъ передъ ними, какъ стая разъяренныхъ псовъ передъ человѣкомъ, смѣло идущимъ на нихъ и озадачивающимъ ихъ и своимъ взглядомъ, и своею поступью. Про такихъ-то людей и сложилась пословица: «смѣлымъ Богъ владѣетъ», и горе обществу, въ которомъ ихъ вовсе не станетъ!

Воспоминанія о мартинистахъ, какъ можно ожидать и по самому заглавію, заключаютъ въ себѣ и очень любопытныя подробности объ этихъ мистикахъ, съ одной стороны доводившихъ религіозную экзальтацію до способности какъ-бы не чувствовать самыхъ тяжелыхъ семейныхъ потерь, съ другой-же стороны доводившихъ принципъ безгласнаго повиновенія до того, что, напримѣръ, по требованію одного изъ нихъ, Лабзина, на домашнемъ у него спектаклѣ долженъ былъ волею-неволею играть человѣкъ, который только-что потерялъ и не успѣлъ еще схоронить отца!

Много любопытнаго заключается, разумѣется, и въ другихъ воспоминаніяхъ Аксакова — объ отдѣльныхъ лицахъ или-же группахъ лицъ. Наименѣе интересными слѣдуетъ, конечно, признать «Литературныя и театральныя воспоминанія» съ 1812 по 1830 г., вошедшія въ 3-й томъ «Полнаго собранія сочиненій», а первоначально изданныя самимъ авторомъ въ «Разныхъ сочиненіяхъ» 1858 г.— хотя и нельзя согласиться съ категорическимъ приговоромъ Добролюбова (въ его особой статьѣ объ этой книгѣ [1]), будто-бы этихъ «разныхъ сочиненій», по мелочности ихъ содержанія, вовсе даже не стоитъ читать. Вѣдь на повѣрку выходитъ, что эта «мелочность» есть только одинъ изъ признаковъ той литературной эпохи, которую въ лицѣ ея второстепенныхъ представителей характеризуетъ авторъ воспоминаній. Эти послѣднія всегда останутся важнымъ матеріаломъ для характеристики эпохи, но мы не обязаны останавливаться на нихъ, такъ какъ наша задача—прослѣдить собственно творческую струю въ сочиненіяхъ С. Т. Аксакова.

Сопоставляя то, что характеризуетъ онъ въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ, съ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ подъ старость, мы должны изумляться той воспріимчивости, въ силу которой мы не можемъ не помѣстить его въ число самыхъ крупныхъ представителей Гоголевской школы. Но, молодѣя духовно съ Гоголемъ, старикъ Аксаковъ поспѣвалъ за молодымъ поколѣніемъ и подъ вліяніемъ собственныхъ своихъ сыновей, особенно Константина Сергѣевича. Этимъ-то и объясняется его чуть не предсмертное стихотвореніе: «При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ», появившееся почти заодно со стихотвореніемъ на ту-же тему его другого сына, Ивана Сергѣевича. Отецъ столь-же горячо, какъ и сыновья, привѣтствовалъ свободу, говоря родной своей Руси:

Съ плечъ твоихъ спадаетъ бремя;
Докажи, что не рабой

[1]) Соч. т. I.

Прожила ты рабства время,
А смирялась предъ судьбой...
. . . .
Покажи намъ, какъ оковы
Скинешь ты съ могучихъ ногъ,
Какъ пойдешь ты въ путь свой новый,
Какъ шагнешь черезъ порогъ,
О который спотыкались
Люди тысячу вѣковъ...

Но старикъ не даромъ уже стоялъ тогда у дверей гроба. Онъ глядѣлъ съ высоты своего, пріобрѣтеннаго за всю его долгую жизнь и подкрѣпленнаго неувлекающеюся наукою, строгаго опыта, а потому въ раздумьи и спрашивалъ:

Какъ проснется жизнь народа,
Какъ прервется тяжкій сонъ?
Тихая-ль взойдетъ свобода
И незыблемый законъ?
Къ церковь ли пойдешь съ смиреньемъ,
Иль, начавши кабакомъ,
Всѣ свои недоумѣнья
Порѣшишь ты топоромъ?
Какъ узнать? Судебъ народныхъ
Не проникнуть въ мракъ и даль,
Не постичь путей исходныхъ,
Богомъ вписанныхъ въ скрижаль [1]).

Такое раздумье, къ сожалѣнію, слишкомъ уже оправдалось многими грустными явленіями, послѣдовавшими за освобожденіемъ крестьянъ, но разумно объясняемыми, разумѣется, только тѣмъ, что освобожденіе *слишкомъ запоздало*, а вовсе не пришло преждевременно, какъ могутъ утверждать или очень недалекіе, или нравственно очень неказистые люди. Во всякомъ случаѣ въ раздумьи Сергѣя Тимоѳеевича странно бы было видѣть старческую привычку къ прежнему и затаенную жалость о немъ. Мы, впрочемъ, потому только и говоримъ объ этомъ, что въ одномъ совершенно новомъ трудѣ насъ приглашаютъ вспомнить о томъ, «съ какимъ добродушіемъ относился Сергѣй Тимоѳеевичъ къ крѣпостному праву».

---

[1]) «П. с. соч.», т. III, стр. 455—56.

Мы желали бы полагать, что тутъ даже не недоразумѣніе, а просто неточность или неясность выраженія. Совсѣмъ уже другое то, что говорится въ томъ же трудѣ въ другомъ мѣстѣ: «описывая самодурство Степана Михайловича, внукъ-авторъ все-таки родственно и любовно къ нему относится; изображая непривлекательныя стороны старо-помѣщичьей жизни, авторъ все-таки полонъ любви къ этому быту, какъ къ части самого себя, какъ къ обстановкѣ, среди которой прошли дорогіе каждому человѣку годы юности. Со всѣми своими недостатками эта жизнь близка ему и люба... На читателя заразительно дѣйствуетъ теплое отношеніе автора къ предмету повѣствованія, ему сообщается его горячее участіе къ изображаемымъ лицамъ, и въ общемъ результатѣ этотъ *личный* элементъ значительно усиливаетъ непосредственно-литературное впечатлѣніе» [1]). У С. Т. Аксакова,—можемъ мы, кажется, прибавить,—замѣчается, пожалуй, еще и намекъ на господствующее природное добродушіе русскаго человѣка, въ силу котораго до *нѣкоторой степени* смягчались даже тѣ невозможныя отношенія, которыя заведены были крѣпостнымъ правомъ, и дѣло такимъ образомъ не доходило не только до американскаго плантаторства (даже въ XVIII в., когда наши объевропеившіеся баре вообразили себя какою-то высшею расой сравнительно съ народомъ), но даже и до сплошной Куролесовщины. Не забудемъ при этомъ, что даже про Куролесова «внукъ Степана Михайловича нашелъ въ крестьянахъ свѣжую, благодарную память, потому что они чувствовали постоянную пользу многихъ его учрежденій, забыли его жестокость, отъ которой страдали преимущественно дворовые, но помнили умѣнье отличать праваго отъ виновнаго, работящаго отъ лѣниваго, совершенное знаніе крестьянскихъ нуждъ и всегда готовую помощь» [2]). Вовсе и не думая «добродушно относиться

---

[1]) Краткій біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ С. А. Венгерова, стр. 242 и 199.

[2]) «П. с. соч.» С. Т. Аксакова, т. I, стр. 69—70.

къ крѣпостному праву», Аксаковъ во многомъ сочувственно рисовалъ намъ старый помѣщичій бытъ и людей, въ немъ жившихъ, сочувственно рисовалъ во многихъ отношеніяхъ нравственную природу русскаго человѣка вообще, какъ и физическую природу русской земли со всѣмъ ея птичьимъ и звѣринымъ міромъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ и находилъ Хомяковъ, вмѣстѣ съ критикомъ «Русской Бесѣды», что «С. Т. Аксаковъ первый изъ нашихъ литераторовъ взглянулъ на русскую жизнь съ положительной, а не съ отрицательной точки зрѣнія». А К. С. Аксаковъ, держась того-же воззрѣнія, полагалъ, что отецъ его даже «стоитъ особнякомъ въ русской литературѣ». Это мнѣніе въ упомянутомъ уже нами новомъ трудѣ не только признается «безусловно вѣрнымъ», но и «объясняющимъ въ извѣстной степени причины успѣха «Семейной хроники». Издатель того же труда по этому поводу спрашиваетъ: «какъ же въ самомъ дѣлѣ не особнякомъ стоитъ она въ литературѣ, когда даже нѣтъ почти возможности подвести ее подъ какой-нибудь опредѣленный типъ литературныхъ произведеній. Что такое представляетъ собою «Семейная хроника» по формѣ и содержанію? Романъ, повѣсть, мемуары? Ни то, ни другое, ни третье. Въ романѣ или повѣсти даже самаго протокольнаго свойства, выражаясь современной терминологіей, нужна все-таки *выдумка*, нужна какая-нибудь завязка и развязка. Но ничего подобнаго нѣтъ въ «Семейной хроникѣ», гдѣ все отъ первой строки до послѣдней есть правдивый разсказъ о событіяхъ, разыгравшихся въ нѣдрахъ Аксаковскаго семейства. Вмѣстѣ же съ тѣмъ, однако, «Семейная хроника» и не мемуары, потому что въ ней все-таки не строго историческая, а беллетристическая группировка событій, и авторъ фактическую основу дополняетъ подробностями исключительно художественнаго свойства,— подробностями, *вѣроятно* имѣвшими мѣсто. И выходитъ слѣдовательно въ общемъ итогѣ, что уже по внѣшнимъ качествамъ своимъ «Семейная хроника»—произведеніе въ высшей степени своеобразное, ни подъ одинъ изъ обыч-

ныхъ разрядовъ литературныхъ произведенiй неподводимое и, значитъ, дѣйствительно «особнякомъ стоящее». Между тѣмъ, вѣдь «Семейная хроника» (по нашему мнѣнiю, однако же, купно съ «Дѣтскими годами Багрова», какъ вполнѣ достойнымъ ея продолженiемъ) и является основою громкой извѣстности С. Т. Аксакова, принадлежа «къ числу тѣхъ, составляющихъ гордость русскаго слова, литературныхъ произведенiй, которыя должны быть знакомы каждому образованному русскому» [1]).

---

[1]) Словарь С. А. Венгерова, стр. 191—192.

П. И. МЕЛЬНИКОВЪ

(А. Печерскій).

I.

Разсказы и очерки.

Видное и во многомъ совершенно своеобразное положеніе занимаетъ среди писателей, выступившихъ вслѣдъ за Гоголемъ, и тотъ, кто такъ долго скрывался подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго. Еще въ годъ смерти Гоголя изъ-подъ пера его, въ формѣ *дорожныхъ записокъ*, вышелъ разсказъ «*Красильниковы*»—выставившій передъ нами два поколѣнія низовыхъ людей, такъ же далеко разошедшіяся, такъ же мало понимающія другъ друга, какъ впослѣдствіи выставленные Тургеневымъ верховые «отцы и дѣти». Въ лицѣ старика Красильникова выступаетъ передъ нами богатый заводчикъ, котораго, по собственнымъ его словамъ, «Господь привелъ смолоду, когда еще въ бѣдности находился, и голодъ изжить: макуху, дуранду, мезгу сосновую ѣли» (стр. 182). Подъ старость живетъ онъ въ настоящихъ палатахъ съ цѣльными зеркальными стеклами, а все «непривычно Корнилѣ Егорычу ходить по мелкоштучному паркету, не умѣетъ онъ ни сѣсть, ни стать въ комнатахъ, строенныхъ не на житье, а людямъ на показъ... Осторожно пробираясь между затѣйливыми диванами и креслами, ровно изгнанникъ бѣжитъ Корнила Егорычъ изъ раззолоченныхъ палатъ въ укромный уголокъ, чужому человѣку недоступный. Тамъ на теплой изразцовой лежанкѣ ищетъ онъ удобствъ, какихъ не сыскать въ разубранныхъ комнатахъ» (стр. 176). Путешественникъ, описывающій намъ

свою встрѣчу съ нимъ, вглядывается въ глаза этому самодѣльному богачу. «По суровому облику его видно было,—говоритъ онъ,—что это старикъ своеобычный, крутой; а розсыпью глядѣвшіе глаза обличали въ немъ человѣка, что всякаго проведетъ и выведетъ. Но въ этомъ хитромъ, бѣгающемъ взорѣ крылась какая-то грусть затаенная» (стр. 178). Отчего эта грусть—вотъ что и узнаемъ мы, со словъ самого старика, изъ этихъ дорожныхъ записокъ.

Эта грусть—отъ науки, которая у насъ наконецъ завелась и стала разводить отца съ сыномъ, брата съ братомъ,—разводить во имя того міра мысленнаго, того «царства не отъ міра сего», относительно котораго и Христосъ говорилъ, что онъ «не миръ на землю принесъ, а мечъ». Вполнѣ вѣрно, во имя того здраваго смысла, котораго простому русскому человѣку не занимать-стать, указываетъ старикъ на прорухи того отвлеченнаго, да къ тому же еще и оказенившагося, знанія, которое только мудритъ надъ жизнью. «Чтобъ дѣло торговое шло,—говоритъ онъ,—надо, чтобы ему не дѣлали помѣхи, а пуще того, чтобъ ему не помогали, на казенную бы форму не гнули... Перо скрипитъ, бумага молчитъ да все терпитъ... Не въ ту силу говорю, что наша промышленность тише идетъ супротивъ того, какъ про нее печатаютъ; нѣтъ-съ, можетъ она и попрытче того идетъ,—а про то я говорю, что пишутъ-то нескладно, неладно, ровно чортъ пестомъ по Неглинной» (стр. 180—181). Но настоящая причина ожесточенныхъ счетовъ старика съ наукою та, что она сманила—сгубила его сына Митю. Уговорили, казалось бы, и хорошіе люди пустить парня, по его же просьбѣ, въ гимназію, а потомъ и въ университетъ. Самъ отецъ въ свое время тѣшился тѣмъ, что онъ «не то что своего брата,—всѣхъ барчатъ за поясъ заткнулъ» (стр. 191). Казалось бы, и за границей-то, куда сманили его родители одного изъ его университетскихъ товарищей, онъ отлично исполнилъ всѣ торговыя отцовскія порученія. Да вотъ бѣда: «двадцать девятый Митькѣ пошелъ: давно

пора, по соображеніямъ старика, своихъ дѣтей наживать». Между тѣмъ «за невѣстами дѣло не стало бы: ротъ разинь—изъ любого дома бери... Первостатейные, милліонщики, фабриканты сами съ дочками напрашивались, Да Митька-то, вотъ въ чемъ бѣда, ни на одну изъ нихъ не позарился, а приглянулась ему нѣмка «дѣвка безродная... вѣры ихней еретицкой, за моремъ-де слюбился съ ней и окромя ея ни на комъ въ свѣтѣ не женится (стр. 195—197). Старикъ на дыбы, но въ одинъ прекрасный день оказалось, что Митька-то на ней уже женился. «На другой день,—разсказываетъ старикъ,—иду отъ ранней обѣдни—нѣмка навстрѣчу. Не стерпѣло—зашибъ... Откуда ни взялся Митька—отнимать ее. Сердце меня и взяло: его въ сторону, нѣмку за косу, да о-земь... Тяжела, видно, свекрова рука пришлась! Зачахла. Мѣсяцевъ черезъ восемь померла». На другой же день послѣ похоронъ съ Митькой случилось, чего никогда не случалось. Пропащій сталъ. «Ученье всему виной» (стр. 199).

Старикъ Красильниковъ, сваливая все на науку, и не подозрѣваетъ, конечно, что это напоминаетъ знакомую ему, безъ сомнѣнія, пословицу: «съ больной головы на здоровую». Въ немъ незамѣтно даже и малѣйшихъ признаковъ расчухиванія и собственной своей вины. Совершенно напротивъ того умѣньемъ въ себя заглянуть и себя осудить отличается Поярковъ, встрѣчу съ которымъ описываетъ намъ Печерскій въ особомъ, посящемъ его имя, очеркѣ (1857 г.). Прослуживъ болѣе десяти лѣтъ въ различныхъ полицейскихъ должностяхъ, онъ, наконецъ, попался, но попался не подѣломъ, какъ могло бы оно не разъ быть прежде, а по кляузамъ, по наговору. И что же? именно тутъ, послѣ несправедливаго осужденія, и возникаетъ въ немъ глубокое сознаніе всѣхъ его прежнихъ, ушедшихъ отъ суда людского, вопіющихъ несправедливостей, и онъ чувствуетъ себя поисканнымъ Божьимъ не умытнымъ судомъ. Долго Поярковъ только религіозно обморочивалъ свою совѣсть: «со всякаго берешь,—вспоминаетъ онъ,—а себя праведникомъ

ставишь. Что же? бывало думаешь: — по праздникамъ церковь Божію не обѣгаю, поповъ съ празднымъ принимаю, говѣю каждый годъ, въ большіе посты не скоромлюсь, нищимъ по силѣ помощи подаю, въ тюремномъ комитетѣ состою членомъ, ежегодныя пожертвованія на дѣтскіе пріюты, по письмамъ губернаторши, плачу исправно. Чего еще? Святымъ себя считалъ, а врага слушалъ. Шепчетъ, бывало, въ душу-то: «Карпушку-то Власьева прижми, денегъ у него, у шельмы, много, пущай не забываетъ, что ты его начальство». Да что Карпушка! И бѣднякомъ Васильемъ Сидоровымъ бывало не брезгаешь». «Не думаешь,—вспоминаетъ Поярковъ,— будетъ ли Сидоровъ съ семьей завтра ужинать, объ одномъ помышляешь, губа-де у меня, у барина, къ сладкому наважена, а мужицкое горло, что суконное бердо, проглотитъ и долото» (стр. 212—213). И вотъ вдругъ, при этой-то барской повадкѣ къ сладкому,— «денегъ ни копѣйки, дѣваться некуда». Остается только руки на себя наложить. «Но тутъ,—разсказываетъ Поярковъ,—Господь мнѣ помощь явилъ... Встрѣтился я со старцемъ, сказывалъ, что идетъ онъ изъ Кіева въ Саровскую пустынь. Кто такой, не знаю, но человѣкъ Божій и даръ прозорливости имѣлъ. Сталъ разговаривать, и всю-то мою жизнь ровно по книгѣ вычиталъ...» (стр. 210). И обратился нашъ грѣховодникъ въ своего рода подобіе Некрасовскаго Власа, съ тою великою разницею, что не страхъ адскихъ мукъ пробудился въ немъ, а въ душѣ наконецъ-то заговорила совѣсть, уже не дающая себя провести ничѣмъ. Обобщая свое положеніе, онъ говоритъ: «повѣрьте, что за каждымъ невинно осужденнымъ были другіе грѣхи, до людей не дошедшіе, а къ Богу вопіявшіе... За эти-то тайные грѣхи и осуждается человѣкъ подъ предлогомъ такихъ, какимъ онъ не причастенъ... На человѣческомъ судѣ всего одинъ только разъ былъ осужденъ не имѣвшій грѣха. Судьей тогда былъ Пилатъ» (стр. 206).

Изъ художественной мастерской А. Печерскаго въ томъ же 1857 г. вышло и еще нѣсколько замѣчательныхъ

очерковъ. Прямымъ воплощеніемъ народнаго здраваго смысла является тутъ «Дѣдушка Поликарпъ», въ своей нелюбви къ отвлеченно-научному и казенному умничанью надъ жизнью нѣсколько напоминающій старика Красильникова, но съ тою большою разницею, что у дѣдушки Поликарпа не замѣшано тутъ никакихъ личныхъ счетовъ. «Земля-то наша Свято-Русская,—говоритъ онъ,—больно ужь велика стала, кормилецъ; съ одного-то мѣста ея не обозришь» (стр. 297). Онъ доказываетъ это примѣрами. Казалось бы, самое доброе дѣло—надѣленіе крестьянъ коровами отъ казны или даже запрещеніе отъ начальства лѣсъ рубить. Но вѣдь если какой-нибудь лядащей коровенкѣ и всякая дрянь будетъ кормомъ, то совсѣмъ вѣдь другое дѣло со здоровенною жалованною скотиною. «Принимай отъ начальства остуду, не умѣлъ-де, мошенникъ, жалованной скотины соблюсти». А что до лѣса, то вѣдь «губленье губленью рознь». «Самъ посуди, кормилецъ,—продолжаетъ старикъ,—какое губленье лѣсу отъ кулижки? Много ли мѣста подъ нее надоть? И то сказать—лѣсъ-отъ на кулижки палятъ вѣдь не строевой, не дровяной, а больше все заборникъ, да пряселъникъ. А заборнику да пряселънику по нашимъ мѣстамъ такое мѣсто, что, какъ ты его ни руби, онъ изъ земли такъ и лѣзетъ, ровно претъ его оттуда кто» (стр. 299). Особый опять примѣръ у Поликарпа,—какимъ образомъ лишенье правъ на самомъ дѣлѣ можетъ иногда приниматься за надѣленіе ими. Читаетъ судья Прошкѣ приговоръ: «не бывать тебѣ сиротскимъ опекуномъ, не будутъ тебя въ свидѣтели брать, не станутъ на мірской сходъ пускать, ни въ головы, ни въ старшины, ни даже въ сотскіе аль десятскіе не станутъ тебя выбирать во всю твою жизнь». А Прошка себѣ на это: «отцы мои родные, благодѣтели вы мои, ужь если такія есть до меня ваши милости, нельзя ли приписать, чтобъ и подводъ-то съ меня не брали» (стр. 309). Но они отъ этой-то обузы, конечно, его не избавили.

Уже прямо отъ своего лица высказывается нашъ авторъ противъ казеннаго мудрованія надъ жизнью въ

«Медвѣжьемъ Углу». Описывая тутъ уѣздный городъ Чубаровъ и разумѣя подъ нимъ цѣлую пропасть такихъ же жалкихъ Чубаровыхъ, онъ поясняетъ: при «учрежденіи губерній ткнули пальцемъ на картѣ, сказали: «быть городу», и сталъ городъ. Оттого тѣмъ городамъ и чужда городская жизнь. Сколько бы ни хлопотали о хозяйствѣ медвѣжьихъ угловъ..., «медвѣжьи углы» на вѣки вѣчные останутся «медвѣжьими углами» (стр. 319). Во всемъ остальномъ этотъ очеркъ является прямымъ отголоскомъ Гоголевской сатиры. Она вѣдь такъ и звучитъ тутъ изъ устъ бесѣдующаго съ Печерскимъ стараго подрядчика. «Казной корыствоваться, — говоритъ старикъ,—не впримѣръ способнѣй, чѣмъ взятки брать... Съ кого взялъ, тотъ, пожалуй, и караулъ закричитъ, а у матушки казны языка нѣтъ... За то ее и грабятъ». «Въ прежнее время, по увѣренію старика, по этой части даже больше совѣсти было». «Въ прежни-то годы,—поясняетъ онъ,—на всю губернію алхитехтуръ одинъ, а нынче гляди-ко что̀ ихъ развелось. А пріѣзжаетъ все голь и вся эта голь хочетъ скорѣй наживы. Анжинеръ хуже. Для того, что анжинеръ форсистѣе. Онъ, видишь ты, съ аполетами—значитъ, ему денегъ больше надо» (стр. 323—24).

Чисто Гоголевскимъ пошибомъ отличаются также «Непремѣнный» (1857 г.) и «Именинный пирогъ» (1859 г.). Сама попечительная судьба, еще и не такъ чудодѣйствующая въ сказкахъ, приводитъ Андрея Тихоныча изъ писцовъ уѣзднаго суда съ 45 к. въ мѣсяцъ жалованья въ «непремѣнные». Воплощеньемъ судьбы «не мачихи» является тутъ его превосходительство Александръ Ивановичъ. «Если бы колѣнопреклоненное королевство,—разсказываетъ Печерскій,—со слезами и съ рыданьями сказало: «Андрей Тихонычъ, бери корону, царствуй надъ нами!», едвали бы слова будущихъ вѣрноподданныхъ настолько смутили его душу, насколько смутили его слова Александра Ивановича (стр. 343)». А Александръ Ивановичъ изволили только предложить ему покурить. Дѣло въ томъ, что у нихъ были еще и другіе виды—пристроить за Андрея Тихоныча свою отставную

Поленьку, а для того и провести Андрея Тихоныча въ «непремѣнные». Андрей же Тихонычъ считаетъ своимъ долгомъ поздравлять благодѣтеля съ каждымъ праздникомъ и приходитъ въ превеликій ужасъ, когда его письма за много лѣтъ оказываются всѣ на лицо у почтмейстера подъ поломъ. «Пропадай они гривенники,—восклицаетъ злополучный отправитель, котораго почтмейстеръ не даромъ величалъ «оброчнымъ», да «его-то превосходительство Александръ-отъ Иванычъ что могутъ про меня сказать» (стр. 356).

«Именинный пирогъ» заключаетъ въ себѣ величественную картину чисто гомерической ѣды у уѣзднаго стряпчаго и замысловатую исторію пріобрѣтенія имъ губернаторскаго портрета. И всѣ-то эти, возсѣдающіе за пирогомъ, тузы уѣздные—настоящіе Олимпійцы. Расходясь изъ церкви, они даже не удостоиваютъ отвѣтнаго поклона мѣщанъ и различныхъ разночинцевъ. «Не гордость, не чванство причиной тому,—говоритъ авторъ.—Попадись благородный одинъ-на-одинъ любому мѣщанину, непремѣнно бы отвѣтилъ ему поклономъ и дружелюбно поговорилъ бы. Но, шествуя въ сонмѣ властей, какъ поклониться?.. Нельзя!!!» (стр. 362).

Небольшой очеркъ «На станціи» (1859 г.) переводитъ насъ снова на почву крестьянскаго здраваго смысла, такъ живо умѣющаго показать устами видавшаго виды старика, какъ солоно можетъ приходиться народу отъ буквальнаго исполненія закона, составлявшагося помимо какого-либо изученія крестьянскаго быта и крестьянскихъ нуждъ.

Не станемъ вовсе останавливаться на *были* «Въ Чудовѣ» (1860 г.), такъ какъ это только литературно переданный анекдотъ о встрѣчѣ съ неузнаннымъ Аракчеевымъ, которому приходится выслушать тутъ самую горькую о себѣ правду.

Къ особой исторической группѣ должны быть отнесены большіе очерки: «Старые годы» (1856 г.) и «Бабушкины розсказни» (1858). Въ нихъ оживаетъ передъ нами нашъ XVIII вѣкъ со всею его европейски-азіатской

двуличностью. Мѣсто дѣйствія «Старыхъ годовъ»— на Волгѣ, въ селѣ Заборьѣ съ его укрѣпленнымъ монастыремъ, съ его барскими палатами, выстроенными по плану Растрелли и перешедшими въ наше время къ разбогатѣвшему откупщику Кирдяпину. «Ведутъ угрюмые старцы бесѣды, — говоритъ Печерскій про эти памятники старины,—а сами будто сокрушаются, что минули старые годы, когда вверху было людно и шумно, а внизу говорить громко не смѣли» (стр. 2). Войдите въ эти палаты, и вамъ невольно представится, что на васъ презрительно выглядываютъ изъ своихъ рамъ потемнѣвшіе лики старыхъ владѣльцевъ Заборья. «Вонъ ступайте, жалкіе люди, какъ бы говорятъ они, мы васъ не знаемъ, да и вамъ никогда не извѣдать нашей раздольной, веселой жизни, нашего буйнаго разгула, барскихъ затѣй и ничѣмъ неудержимыхъ порывовъ!» Это лики птенцовъ одного хищнаго гнѣзда, ведущаго свой родъ отъ Гедимина Литовскаго. Самый хищный межъ ними, но въ то же время не чуждый и лисьихъ пріемовъ, это князь Алексѣй Юрьичъ Заборовскій. «При Петрѣ Великомъ ходу ему не было, потому что въ дѣло не годился, за то ловкій князь послѣ умѣлъ наверстать и взять свое: во-время подбился къ Меньшикову, во-время вошелъ въ дружбу съ молодымъ Долгоруковымъ, во-время съѣздилъ въ Митаву на поклоненіе Бирону, во-время перекинулся къ Миниху, во-время сблизился съ Лестокомъ» (стр. 9). Могъ, значитъ, князь Алексѣй попридержаться и овладѣть собою, когда это самому же ему было надобно. Этимъ-то и упрочилъ онъ за собою такое положеніе, при которомъ уже сдерживаться не приходилось. «Не только въ Заборьѣ,—по всей губерніи все ему кланялось, все передъ нимъ раболѣпствовало, а онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше предавался неудержимымъ порывамъ необузданнаго нрава и глубоко-испорченнаго сердца... Вскорѣ для князя не стало иной законности, кромѣ собственныхъ прихотей и самоуправства» (стр. 12). Да и какъ-же иначе, если его гости прикладывались къ его рукѣ,

если въ монастырѣ встрѣчали его торжественною процессіею съ колокольнымъ звономъ, если не только его крѣпостные, но даже мелкопомѣстное шляхетство дѣлало по его требованію *рѣзака*. «А чтобы сдѣлать рѣзака, надо подъ гору торчмя головой летѣть, на яру закраину головой прошибить, да потомъ изъ подо льда и вынырнуть». Между тѣмъ, не всякому-то изъ дворовыхъ давалась эта штука, а князь, серчая, кричалъ: «всѣхъ запорю до смерти!» Дворяне оказывались, однако, и того плоше: «одинъ и прошибъ-было головой ледъ, да тоже (т.-е. какъ и многіе изъ дворовыхъ) къ осетрамъ въ гости поѣхалъ» (стр. 28).

Случалось князю Алексѣю Юрьевичу и исторію Давида съ Уріиной женой разыграть. Полюбилась ему капральская жена и примчалъ ее къ нему его вѣрный стремянный, а капрала затѣмъ не стало. Былъ же тотъ вѣрный рабъ сынъ Яшки Безухаго, прозваннаго такъ потому, что княжій медвѣдь откусилъ ему ухо, а князь, точно будто для симметріи, приказалъ отрѣзать ему и другое—за то, что онъ осмѣлился пырнуть княжого медвѣдя ножомъ. Яшкинаго же сына, за его безпримѣрную службу, князь порѣшилъ-было женить на барской барынѣ, когда же это рѣшенье, за молодостью его лѣтъ, было отмѣнено, то ему пожалована была въ вольныя подруги жизни дѣвка Акулька. Послѣ же достиженія имъ законнаго возраста, стремяннаго женили-таки на важнѣйшей особѣ—родной сестрѣ Бурылихи, разыгрывавшей при дворѣ князя извѣстную роль такой исторической особы, какъ Марья Саввишна Перекусихина.

Бывала у князя въ Заборьѣ годичная ярмарка, а князь былъ надъ нею полновластнымъ пашею. Стоило кому-нибудь изъ торговцевъ продать слишкомъ дорого свой товаръ, и князь станетъ у него за прилавокъ и все распродастъ задаромъ, Но случался и такой купчина, который зналъ, должно быть, выраженіе: «коли правъ, такъ и баринъ». Не захотѣлъ онъ тѣшиться, по княжескому приказу, съ деревенскими дѣвками, да и не позволилъ также «добраться, какъ выражался князь, до своей

морды». Далъ онъ отъ князя тягача въ озеро, а князь за нимъ, и гонялъ онъ за собой князя до тѣхъ поръ, пока князь продрогъ; сдался его сіятельство и сталъ всѣми святыми себя заклинать, «что никого дурна надъ купчиной не сдѣлаетъ». И въ самомъ дѣлѣ—«не то чтобы выдрать—пріятелемъ сдѣлалъ его, домъ каменный въ Москвѣ подарилъ» (стр. 44). Подвернулся разъ князю и такой изъ мелкопомѣстныхъ, который служилъ въ полкахъ и за ранами былъ уволенъ отъ службы. Взялъ да и подвернулъ онъ подъ себя князя—за то, что тотъ въ спорѣ съ нимъ, обозвалъ его шельмецомъ—«да и ну валять князя на обѣ корки». Снова пришлось сдаваться Алексѣю Юрьичу. «Я вѣдь пошутилъ, ей Богу пошутилъ», заговорилъ онъ. «И съ той поры пріятели сдѣлались. Водой не разольешь» (стр.»67—68). «И всегда и во всемъ такъ бывало,—вспоминаетъ Прокофьичъ:—кто удалую штуку удеретъ, либо тыкнетъ князю прямо въ носъ, не боюсь-де тебя, того жаловалъ, да въ чести держалъ» (стр. 44). На повѣрку, стало быть, выходило, что князь Алексѣй, какъ и другіе подобные ему на разныхъ ступеняхъ, былъ не дѣйствительно «власть имѣющій», а властный лишь отъ чужой податливости и подлости, какъ и отъ узаконенной потачки барскому самоуправству и озорничеству со стороны самой верховной власти.

И страшенъ, и жалокъ, и гадокъ князь Алексѣй въ своей ночной бесѣдѣ съ архимандритомъ. Не спится князю; чудится ему, что гдѣ-то воетъ и зоветъ его къ себѣ душа Палецкаго (кого-нибудь изъ отправленныхъ имъ на тотъ свѣтъ въ какомъ-нибудь гнѣвномъ припадкѣ). «Ужъ если о смерти помышлять,—рѣшается заикнуться архимандритъ,—такъ лучше бы вашему сіятельству о своихъ дѣлахъ подумать».—«А что мои дѣла? какія дѣла?.. Укралъ ли я у кого? Позавидовалъ кому?..» А самъ, должно быть, внутренно чуетъ, что не вмѣнятся ему въ заслугу такія отрицательныя добродѣтели—такъ какъ вѣдь что бы и сталъ онъ красть, или чему бы ему еще завидовать? Страшно, невыносимо страшно князю,

и онъ хватается за другія свои заслуги: «аль мало вкладовъ даю я тебѣ въ монастырь,—говоритъ онъ архимандриту, величая его, однако-жъ, при этомъ и «подлою душою», и «безстыжими поповскими глазами» (стр. 74). И тѣмъ же «завидущимъ глазамъ» и «загребущимъ рукамъ» сулитъ онъ еще новые вклады по своей духовной, поручая архимандриту четверть завѣщанныхъ денегъ употребить на свои похороны. Только «покрова не покупай,—говоритъ онъ ему,—въ Парижъ къ двоюродному брату, князь Владиміру, посланы деньги—самой бы наилучшей Ліонской парчи тамъ купилъ», купилъ бы да выслалъ ему вмѣстѣ съ сочиненіями Вольтера да гобеленами—какими-нибудь такими, конечно, на которыхъ бы были изображены сюжеты въ родѣ «похищенія Сабинокъ», неоднократно разыгрывавшагося княземъ въ дѣйствительности со своими прихлебателями, при страдательномъ тутъ участіи крестьянскихъ дѣвокъ.

Очень ужь страшна князю смерть, и не хотѣлъ бы онъ, разумѣется, вспоминать о смерти, а надо же, такъ какъ, раньше ли, позже ли, а вѣдь она неизбѣжна, позаботиться о томъ, чтобы и послѣ смерти все происходило вполнѣ соотвѣтственно его княжескому достоинству, а тамъ, въ той жизни (Вольтеръ тутъ вѣдь ни при чемъ, Вольтеръ—тѣ же гобелены или та же мебель) не пришлось бы попасть въ лапы къ дьяволамъ, которые, пожалуй, и не станутъ очень чиниться съ его сіятельствомъ. И вотъ, Алексѣй Юрьичъ кончаетъ тѣмъ, что зоветъ архимандрита, которому подносилъ уже свой кулачище къ носу, пріѣхать и причастить себя; когда же архимандритъ напоминаетъ ему, что надо же примириться съ княгиней Мароой Петровной, съ которой онъ вотъ уже шестой годъ какъ не перемолвилъ слова, князь, выписывающій себѣ Вольтера, хватается за «Домострой»,—говоря:—«что княгиня? Баба!.. Бабѣ плеть». Все наконецъ сводится на пресловутую не то похвальбу, не то угрозу царя Ивана Васильевича: «въ монахи пойду» (стр. 84). То же и намъ приходилось слышать своими ушами отъ нѣкоего самодура изъ простыхъ

смертныхъ, также думавшаго подобнымъ образомъ озадачить своихъ окружающихъ. Но неотвязчивый архимандритъ спрашиваетъ: «княгиню-то куда же?» — «Ну ее къ бѣсу,—отвѣчаетъ князь, — мнѣ бы свою только душу спасти».

Онъ окончательно уподобляется Грозному, послѣ того какъ, подобно ему, доводитъ до могилы свою жену, становящуюся жертвой совершенно напрасной, нелѣпѣйшей ревности, ревности, на которую, повидимому, ужь онъ-то и ни въ какомъ бы случаѣ не имѣлъ права, самъ себѣ позволяя рѣшительно все. «Отцы преподобные,—причитаетъ онъ,—прискорбна душа моя даже до смерти! Не могу дольше жить въ семъ прелестномъ мірѣ, давно алчу тихаго пристанища отъ бурь житейскихъ», и т. д. Но тутъ же сейчасъ вспоминаетъ князь Алексѣй о своемъ князѣ Борисѣ съ его неподходящей женитьбой; сваливая съ больной головы на здоровую, выставляетъ его виновникомъ княгининой смерти, и громко, навзрыдъ зарыдавъ, поникаетъ головой. «Въ несчастьи смиряться должно», желая воспользоваться доброй, повидимому, минутой, замѣчаетъ архимандритъ. Но смиренье—не для тѣхъ, кто способенъ подчасъ, струхнувъ, унижаться и пресмыкаться, но христіански себя умѣрять, ограничивать никогда не способенъ. «Ты, кутейникъ, не можешь понять, что такое шляхетская честь,—накидывается онъ на архимандрита,—мы—Гедиминово рожденье!» (стр. 95).

А вѣдь настала, повидимому, минута, когда и это древне-княжеское отродье смирилось, любовно смирилось передъ тою же самой женщиной, которую сперва величало «Борькиной паскудной шляхтянкой». Разомъ онъ былъ побѣжденъ обаяньемъ ея физической красоты, служившей только вѣрнымъ зеркаломъ ея красоты-чистоты душевной. Она подѣйствовала на него, какъ Дамаянти на того человѣка, котораго назвала «святотатцемъ», или какъ Пушкинская Марія на властнаго и сладострастнаго Гирея. Точно сразу переродился старикъ, отмѣнилъ даже, подъ чистымъ ея обаяньемъ, свой «звѣринскій» обычай, распустилъ даже всѣхъ своихъ подневольныхъ

нимфъ—за исключеніемъ одной. Но поворотъ совершился только стихійно, подъ вліяніемъ внезапно нахлынувшей на него, до сихъ поръ неизвѣданной имъ, волны какого-то душевнаго обаянія. Прошелъ этотъ, казалось, живительный, вполнѣ возрождающій, «девятый валъ», — и грязныя волны прежнихъ бурныхъ страстей снова залили и умчали князя. Вотъ тутъ-то и сдѣлалась его жертвою—послѣднею ужасающей жертвою, тоже обаятельная въ своей чистотѣ и святости, княгиня Варвара Михайловна. Да, именно на нее-то и посягнулъ подъ конецъ своей гнусной жизни неизглаголанный святотатецъ, захотѣвшій разыграть съ нею роль снохача (вспомните «Батьку» Писемскаго). Заложилъ онъ ее, непокорную, глухою стѣной въ своемъ «розововомъ павильонѣ», распустивъ затѣмъ слухъ, что она поѣхала къ мужу, возвращающемуся съ войны, и умерла въ дорогѣ; — на самомъ же дѣлѣ отправили вмѣсто нея другую и велѣли ее уморить вмѣстѣ съ тѣмъ, кто ее провожалъ, чтобы и слѣдъ простылъ, а сами отдались затѣмъ даже и имъ еще неизвѣстной оргіи. Но дѣло, однако же, всплыло, и старый самоуправецъ напрасно вздумалъ было спросить нагрянувшаго на него представителя карающей власти: «не знаешь развѣ, кто я?» Убѣдившись, что съ нимъ наконецъ не шутятъ, сталъ онъ валяться въ ногахъ у того же маіора и трусовски причитать: «холопъ я твой вѣковѣчный» (стр. 106—108). Отъ страха его, наконецъ, хватилъ Кондрашка.

Такова эта страшная повѣсть—вполнѣ историческая по своему основному смыслу. Она представляется намъ ужаснѣе, или, по крайней мѣрѣ, гнуснѣе исторіи Ивана Грознаго, этой «волчьей головы», какъ называлъ его Хомяковъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, были воспоминанія прежней славы, были наконецъ и потомъ яркіе проблески государственнаго ума, невышедшаго окончательно изъ-подъ власти чего-то «идейнаго». Тамъ все же порою дѣйствовала опоминающая и приводящая снова въ себя сила сознанія своей міровой отвѣтственности — отвѣтственности передъ Богомъ, да передъ лѣтописью съ ея

«Божьей правдой». А тутъ ничего, рѣшительно ничего, кромѣ совсѣмъ безыдейной, вполнѣ животной, «своей руки владыки».

Въ «Бабушкиныхъ розсказняхъ» тотъ же нашъ XVIII в. озаряется свѣтлымъ, но не во всемъ, какъ намъ кажется, вѣрнымъ и не вполнѣ выдержаннымъ образомъ Пастеньки Боровковой. «То былъ вѣкъ богатырей,—предупреждаетъ насъ авторъ.—Полтава, Берлинъ и Чесма, Минихъ въ Турціи, Суворовъ на Альпахъ, Орловъ въ Архипелагѣ и геніальный, неподражаемый, великолѣпный князь Тавриды, создающій новую Россію изъ ничего! Что за величавые образы, что за блескъ, что за слава! Но съ этимъ блескомъ, съ этой славой объ руку идутъ высокомѣрное полуобразованіе, раболѣпство, слитое во-едино съ наглымъ чванствомъ, корыстныя заботы о карманѣ, наглая неправда и грубое презрѣніе къ простонародію» (стр. 119). Но вотъ именно этому-то презрѣнію и оказывается вполнѣ непричастною идеальная Пастенька Боровкова. Мы далеки отъ того, чтобы считать ее вполнѣ невозможною въ то время (были же тогда Новиковъ и Радищевъ, почему же не быть и женщинѣ ихъ направленія?) Но мы не можемъ признать идеи ея происходящими по прямой линіи отъ Монтескье, Дидро, да Жанъ-Жака. Отъ нихъ несомнѣнно происходили идеи Екатерины II, Щербатова и Болтина, но легче ли было отъ того народу? Идеи Радищева, по вѣрному замѣчанію автора «Былого и Думъ», не столько происходятъ отъ Руссо, сколько отъ того ямщика, заунывную пѣсню котораго онъ такъ глубоко понялъ. Потому-то и Пастеньку Боровкову мы произвели бы скорѣй отъ какого-нибудь непосредственнаго столкновенія съ народомъ, чѣмъ отъ Вольтера съ энциклопедистами. Правда, о Пастенькѣ авторъ разсказываетъ намъ устами бабушки, и не только бабушки, но и дѣды и отцы той поры, только «слышавшіе звонъ», утверждали нерѣдко, будто бы всякая, сколько-нибудь свободная мысль непремѣнно занесена къ намъ изъ-чужа, а нашей жизни несвойственна. «Все философія да поганыя книги,—утверждаетъ бабушка,—вотъ тебѣ и Жанъ-

Жакъ! Подлымъ вольности захотѣлъ! Да вѣдь вольность то дана, mon pigeonnau, шляхетству, дворянскому корпусу, за службу дѣдовъ и прадѣдовъ, а Настасья Петровна моя хамовой породѣ захотѣла вольности!» (стр. 154). Понятно, что всей породѣ не-хамовой стала она поперекъ горла. Когда же Настенькѣ наконецъ удалось, пробравшись къ самой Государынѣ, добиться отъ нея правды для невинно-осужденнаго мужика, высшая порода придумываетъ ловкое средство устранить съ пути отважную дѣвушку. Средство это — просватаніе Настеньки самою Государынею за человѣка значительнаго, но получающаго служебное назначеніе въ Сибирь. Намъ кажется только, что такія, какъ Настенька, не такъ-то легко дадутъ просватать себя—хотя бы и самой Государынѣ.

Совершенно особое мѣсто занимаетъ у нашего автора разсказъ: «Гриша» (1860 г.) Тутъ мы уже на той почвѣ старообрядства, которую онъ впослѣдствіи особенно облюбилъ и отмежевалъ себѣ въ своихъ двухъ большихъ эпопеяхъ изъ русскаго быта. Гриша — названный сынъ благочестивой вдовы Евпраксіи Михайловны. Возлюбилъ этотъ юноша «мать-пустыню», но «поднимала въ тайникѣ его души змѣиную свою голову гордость проклятая» (стр. 251),связанная съ тѣмъ чувствомъ ненависти, по внушеньямъ котораго «Никоніанина пришибить — семь пятницъ молока не хлебать» (стр. 262). Не сдается его ожесточенное сердце на христіанскія увѣщанія кроткаго старца Досиѳея: «всѣ мы братья, всѣ единаго Христа исповѣдуемъ. Не помнишь развѣ, что Господь, по землѣ ходивши, съ мытарями ѣлъ и съ язычниками, никого не гнушался. Какъ же мы-то дерзаемъ? Святѣе, что ли, мы его?»—«Да вѣдь они щепотники, въ три перста молятся», — возражаетъ Гриша. — «А сколькими перстами повелѣлъ Господь самаритянкѣ молиться? Читалъ ли ты, что Богу надобно кланяться духомъ и истиной? А два-ли, три-ли перста сложишь, — это ужь самое послѣднее дѣло». — «Уйди отъ меня, уйди, окаянный! — отскакивая отъ старца, закричалъ Гриша.—Исчезни!» Гриша прямо

вообразилъ, что въ старцѣ — бѣсъ. А не чуетъ онъ въ себѣ того внутренняго, не съ хвостомъ, и не съ рогами, а безплотнаго духа зла, отъ котораго и предостерегалъ его старецъ. И вотъ при этомъ-то духѣ злобы Гришѣ вовсе не въ прокъ вся его борьба со страстями. Невольно заслушавшись веселыхъ семицкихъ пѣсенъ, Гриша не могъ устоять передъ пѣвуньей Дуняшей. Гордость его страшно этимъ уязвлена, но вотъ вдругъ является ему на выручку новый, иного покроя, старецъ. «Всякимъ людямъ, —соблазнительно утѣшаетъ онъ Гришу, — уготована часть въ царствіи небесномъ; внидутъ въ селенія праведныя и тати, и разбойники, и блудники, и сластолюбцы, аще добрымъ покаяніемъ, постомъ и молитвою очистятъ грѣхи свои, не внидутъ же токмо еретикъ и богатый». И не замѣчаетъ Гриша, какъ старецъ мало-по-малу забираетъ его въ свои руки, проповѣдуя ему, поплатившемуся за гордость, послушаніе, безусловное послушаніе. Гриша доходитъ до того, что, въ какомъ-то чаду изувѣрства, сдается на рѣчи старца: «велятъ человѣка убить, твори волю пославшаго» (стр.282). И вотъ, вмѣстѣ съ новымъ крещеніемъ принявъ отъ старца новое имя—Геронтій, юноша, съ благословенія старца, приноситъ къ нему наполненный деньгами сундукъ, а владѣлицу того сундука Евпраксію Михайловну—его названную мать—приходится черезъ три дня хоронить.

Мы не останавливаемся долѣе на этомъ очеркѣ, такъ какъ онъ лишь этюдъ, предшествующій такимъ двумъ большимъ картинамъ изъ раскольничьяго быта, какъ «Въ лѣсахъ» и «На горахъ». Въ этихъ двухъ картинахъ, особенно въ первой, настоящая слава Мельникова.

II.

«Въ лѣсахъ».

Лучшее произведеніе Мельникова внушено ему продолжительнымъ и добросовѣстнымъ изученіемъ нашего старообрядства, съ другой же стороны свидѣтельствуетъ и о его многостороннемъ и глубокомъ знаніи народной русской жизни вообще со всею ея бытовою и обрядовою стариною, съ ея преданіями и повѣріями, частью еще совершенно миѳическими, частью уже христіански легендарными. Скопить и привести въ порядокъ такой богатый этнографическій матеріалъ могъ только настоящій ученый, а создать изъ него такую полную и стройную картину русской жизни могъ только истинный художникъ. Своеобразное значеніе Мельникова именно и заключается въ такомъ сочетаніи двухъ стихій, рѣдко кому дающихся въ равной мѣрѣ. Обѣ онѣ, конечно, замѣтны и у старшаго пріятеля, а отчасти учителя Мельникова, В. И. Даля,—но Мельниковъ далеко превосходитъ его, какъ художникъ.

Большая Мельниковская эпопея съ продолженіемъ ея «На горахъ» писалась и печаталась отдѣльными главами въ продолженіе многихъ лѣтъ. Появленіе ея въ свѣтъ связано, какъ извѣстно, съ свѣтлою памятью царственнаго юноши, такъ преждевременно отнятаго у крѣпко имъ любимой Россіи въ 1865 году. Давъ слово покойному наслѣднику, котораго сопровождалъ онъ во время его путешествія по Волгѣ, описать все то, что онъ ему о ней разсказывалъ, Мельниковъ вспомнилъ о своемъ «долгѣ» (какъ выразился наслѣдникъ) во время его похоронъ и закончилъ свой трудъ, самъ уже, можно сказать, находясь на смертномъ одрѣ. Это, такимъ образомъ, трудъ цѣлой жизни, такъ какъ и вся предшествовавшая дѣятельность автора, главнымъ образомъ, служила подготовленіемъ къ этому труду.

Время дѣйствія двухъ эпопей Мельникова — время, непосредственно предшествующее закрытію раскольничьихъ скитовъ въ 1853 г., послѣднее время помѣщиковъ крѣпостной опоры, Гоголевскихъ городничихъ и Держимордъ [1]), — того, чѣмъ все болѣе и болѣе переполнялась горькая чаша, налитая русскому народу причудливымъ ходомъ его исторіи, чаша, изъ которой было наконецъ выплеснуто такъ много державнымъ отцомъ того, кто вдохновилъ Мельникова на его трудъ, чтобы вскорѣ затѣмъ почить и своею смертью открыть долгій, нескончаемый рядъ испытаній, выпавшихъ на долю его отцу и имъ обновленной Россіи.

Передъ нами въ волжскихъ разсказахъ Мельникова (онъ вѣдь скромно назвалъ свои поэмы разсказами), главнымъ образомъ, возстаетъ жизнь богатаго волжскаго купечества, отчасти выбившагося изъ крестьянства, но, въ лицѣ большинства своихъ представителей, совершенно о томъ позабывшаго, преспокойно прижимающаго того же крестьянина, образуя изъ себя новый, ужасный видъ барства, пережившаго барство крѣпостной поры и во многомъ ему не уступающаго. Нашъ авторъ, впрочемъ, замѣчаетъ въ этомъ отношеніи значительную разницу между тѣмъ, что происходитъ на лѣвомъ берегу Волги, «Въ лѣсахъ», отъ того, что происходитъ на правомъ — «На горахъ». Вотъ что онъ говоритъ въ началѣ своей второй поэмы: «Въ лѣсахъ за Волгой бѣдняковъ, какіе живутъ на горахъ, наврядъ найти, за то и заволжскимъ тысячникамъ далеко до нагорныхъ богачей. Только эти богачи для бѣднаго люда не въ примѣръ тяжелѣй, чѣмъ заволжскіе тысячники» [2]). Съ ихъ-то стороны главнымъ образомъ и раздаются тѣ толки, къ которымъ прислушивается въ Нижнемъ Алексѣй Лохматый: вездѣ однѣ и тѣ же рѣчи: деньги, барыши, выгодныя сдѣлки. Всякъ хвалится прибылью, пуще смертнаго грѣха боится убыли,

---

[1]) Прямыя указанія на это «Въ лѣсахъ», I, 69; «На горахъ», I, 390; II, 318, 363; III, 31.

[2]) «На горахъ», I, 10.

а неправедной наживы ни единъ человѣкъ въ грѣхъ не ставитъ» [1]). Между тѣмъ, это все вѣдь люди, ревностно держащіеся своей старой вѣры, это все христолюбцы. Но вотъ какъ характеризуетъ ихъ авторъ: «Живетъ христолюбецъ, вѣкъ свой рабочихъ на пятаки, покупателей на рубли обсчитываетъ... Плачутся на христолюбца обиженные,—а ему и дѣла мало... Приблизится смертный часъ, толстосумъ сробѣетъ, проситъ, молитъ наслѣдниковъ: устройте душу мою грѣшную, не быть бы ей во тьмѣ кромѣшной... И начнутъ поминать христолюбца наслѣдники: сгромоздятъ колокольню въ семь ярусовъ, выльютъ въ тысячу пудовъ колоколъ, чтобы до третьяго небеси слышно было, какъ тотъ колоколъ будетъ вызванивать изъ ада душу христолюбца мошенника... Сотни рублей платятъ наслѣдники христолюбца голосистому протодіакону, чтобъ такую «вѣчную память» съоралъ онъ по тятенькѣ, отъ какой бы и во адѣ всѣмъ чертямъ стало тошнехонько. И вызвонятъ, и выревутъ такимъ способомъ грѣшную душу изъ вѣчныя муки» [2]). Это, стало быть, вѣра совершенно внѣшняго покроя. Она сводится вся на то, чтобы соблюдена была малѣйшая іота обряда, возводимаго на степень догмата, чтобы не было только и тѣни того, что зовется Никоніанскою *ересью*. Но авторъ справедливо обобщаетъ такое воззрѣніе, указывая корни его у насъ въ томъ, что задолго предшествовало появленію такъ называемаго старообрядства. «И блудникъ, и тать, и убійца,—говоритъ онъ,—наслѣдуютъ жизнь вѣчную, еретика же и самая кровь мученическая очистить не можетъ»... «Такія жестокія понятія,—замѣчаетъ Мельниковъ,—казались бы несовмѣстными съ добродушіемъ мягкосердаго, любвеобильнаго нашего народа. Откуда же взялась такая жестокость, столь обычная между старообрядцами?... Безсердечные византійцы, суровые слагатели отшельническихъ уставовъ, дышущіе злобой обличители еретичества древнихъ лѣтъ

---

1) «Въ лѣсахъ», III, 82.
2) «Въ лѣсахъ», I, 344.

мертвящими буквами своихъ писаній навѣяли на нашу добрую страну тлетворный духъ ненависти... Только за то и спасибо Византіи, что по ея милости русская земля съ римскимъ папой не зналась» [1]). Старообрядство такимъ образомъ является у насъ такимъ чадомъ, пожалуй *исчадіемъ*, которое только не узнаетъ своего отца, подобно тому, какъ отецъ не узнаетъ въ немъ своего порожденія. Стало быть, и читая «Въ лѣсахъ» бесѣду англичанина съ Алексѣемъ Лохматымъ, мы должны въ отвѣтахъ послѣдняго разглядывать ту же основную византійскую подкладку.

— Вы мнѣ сказываете обряды,—говоритъ англичанинъ,—но я желаю знать правила вашей русской старой вѣры...—А Алексѣй отвѣчаетъ:

— Правила!.. У мірскихъ правила не полагается... Это у старцевъ только да у старицъ...

— Это вы также сказываете обряды старой вѣры, а я желаю знать правила вѣры, т.-е. ея каноны...

— А, значитъ, насчетъ правильныхъ каноновъ... накануне большихъ праздниковъ да наканунѣ воскресеньевъ послѣ вечерень они бываютъ... Всѣ-то каноны развѣ одна матушка Манеѳа по нашимъ мѣстамъ знаетъ...

Англичанинъ думаетъ приняться за дѣло съ другого конца.

— Между вашими вѣрами споры бываютъ?

— Для-че спорить?

— Для того, чтобъ убѣдить противника, чтобъ онъ свою вѣру оставилъ и къ вамъ превратился.

— Есть изъ чего хлопотать. Да это, по нашему разумѣнію, самое нестоющее дѣло... Каждый человѣкъ долженъ родительскую вѣру по гробъ жизни сдержать... Вѣра-то вѣдь не штаны. Штаны износятся, такъ на новы смѣнишь, а вѣру какъ мѣнять? Нельзя!» [2]).

Вѣдь это положительно отзывается духомъ того новгородскаго архіепископа Василія, который еще въ XIV в.

---

1) «Въ лѣсахъ», I, 384.
2) «Въ лѣсахъ», III, 94—96.

спорилъ съ тверскимъ епископомъ Ѳеодоромъ о томъ, сохранился ли «земной рай» со всѣми своими осязательными признаками, а на вызовъ со стороны шведскаго короля Магнуса на споръ объ основныхъ отличіяхъ русской вѣры отъ западной отвѣчалъ отказомъ, основывающимся на томъ, что мы-де «приняли вѣру отъ грековъ, а потому и слѣдуетъ обращаться къ нимъ, когда хочешь поспорить о вѣрѣ». Вся разница въ томъ, что старообрядцы перестали ссылаться на грековъ, основываясь на томъ, что греки сами измѣнили своей старой вѣрѣ, а только ссылались на то, что эта старая вѣра сохранилась у насъ и мы обязаны ее соблюсти, но большею частью также мало вникали въ самую сущность этой вѣры, также мало занимались ея *нутромъ*, сводя всѣ заботы на *внѣшность*.

«Только и толковъ, только и споровъ, что можно ли квашню на хмѣльныхъ дрождяхъ поставить, съ кожаной аль съ холщевой лѣстовкой слѣдуетъ Богу молиться, нужно ли, ради души спасенья, гуменцо на макушкѣ выстригать»... «А сколько иногда въ тѣхъ спорахъ,—замѣчаетъ Мельниковъ,—бываетъ ума, начитанности, ловкости въ словопреніяхъ, сколько искусства! И весь этотъ народный умъ дрождями, лѣстовками, да антихристами занятъ» [1]). Такъ оно, впрочемъ, стало въ расколѣ современемъ, а первоначально не ограничивалось въ немъ только этимъ.

Но въ чемъ же, однако, настоящіе нравственные устои народной жизни? Вѣдь есть же они, если авторъ выводитъ передъ нами не однихъ Алексѣевъ Лохматыхъ, боящихся только нужды или гибели отъ властнаго человѣка, и вовсе не боящихся грѣха, или же Смолокуровыхъ, готовыхъ надуть своего же пріятеля, огорчающихся при вѣсти о томъ, что мнимопогибшій братъ живъ, но его надо выкупить изъ плѣна, ради наживы готовыхъ даже на уголовщину. Устои народные, кажется, коренятся въ

---

[1]) «На горахъ», II, 276—277.

тѣхъ старыхъ бытовыхъ основахъ, которыя сквозятъ въ разсказѣ артельщика Артемія:

«Вонъ теперь пароходы по Волгѣ взадъ и впередъ снуютъ, ладьи да барки, ходятъ, плоты плывутъ... Чьи пароходы, чьи плоты да барки? Купецкіе все. Завладѣла ваша братья, купцы, Волгой матушкой. А въ стары казачьи годы не купецкіе люди волжскимъ раздольемъ владѣли, а наша братья голытьба... Голытьба въ стары годы по лѣсамъ жила, жила голытьба и промежъ полей... Кормиться стало нечѣмъ: хлѣба недороды, подати большія, отъ бояръ, отъ приказныхъ людей утѣсненье... И побѣжала голытьба врозь, и стала она вольными казаками... Котора голытьба на Украйну пошла—та ляховъ да бусурмановъ побивала, свою казацкую кровь за Христову вѣру проливала... Котора голытьба на Сибирь махнула—та сибирскія мѣста полонила и великому государю Сибирскимъ царствомъ поклонилась» [1]).

Тѣ же основы, въ прошедшемъ выступающія передъ нами въ видѣ казацкаго братства, продолжаютъ сказываться и въ настоящемъ въ видѣ той артели рабочихъ, съ которою сталкивается въ лѣсу отправляющійся на золотой промыселъ Потапъ Максимычъ. Эти основы—въ народной *общинѣ*, почему-то такъ не полюбившейся автору въ одномъ изъ своихъ проявленій—общинѣ поземельной. У него на это свои особыя, слишкомъ уже исключительно *экономическія*, соображенія, вполнѣ упускающія изъ виду, что «не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ».

«Чуть не каждый годъ,—говоритъ Мельниковъ,—міръ, община передѣляетъ поля, оттого землю никто не удобряетъ, что-де за прибыль на чужихъ работать... И богатые, и бѣдные въ одинъ голосъ жалобятся на тѣ передѣлы, но подѣлать ничего не могутъ. Община! За то кому удастся выбиться изъ этой—прахъ ее возьми—общины, да завестись хоть невеликимъ кускомъ земли собственной, тому житье не плохое: земля на горахъ родитъ хорошо» [2]).

---

1 «Въ лѣсахъ». I, 308—309.
2) «На горахъ», I, 10.

«Какъ съ міромъ сладишь?—спрашиваетъ авторъ въ другомъ мѣстѣ.—Хоть міръ и первый въ свѣтѣ разбойникъ, а суда на него не сыщешь». Далѣе приводятся и примѣры мірского «разбойничества».—«Теперь у Чубаловыхъ мошна-то туга,—разсуждаетъ крестьянская община про своихъ разбогатѣвшихъ участниковъ,—смогутъ и голый песокъ доброй пашней сдѣлать, потому и поступиться имъ допрежними ихъ (т.-е. хорошими) полосами міру будетъ за великую обиду».—«Такова правда въ пресловутой общинѣ,—толкуетъ авторъ,—такова справедливость у этого міра—народа, что изстари крѣпкими стопами на ведеркахъ водки стоитъ!» Не возражая противъ ведерокъ, относящихся къ области злоупотребленій, мы никакъ не признаемъ за общенародный голосъ приводимаго авторомъ далѣе отзыва: «мужикъ уменъ, да міръ дуракъ». Все дѣло въ томъ, какъ понимать умъ. Міръ во многихъ отношеніяхъ такой же «дуракъ», какъ и излюбленный сказками Иванушка-дурачокъ, по крайнему разумѣнію самого народа затыкающій за поясъ своихъ старшихъ братьевъ—людей «себѣ на умѣ»—тѣмъ, что у него, если можно употребить тутъ выраженіе Достоевскаго, «главный умъ»—тотъ, который имѣетъ въ виду не личные интересы немногихъ, тучнѣющихъ на счетъ остальныхъ, а возможное уравновѣшеніе всѣхъ путемъ взаимной уступчивости. «Они-ста теперь стали купцы», разсуждаетъ міръ про тѣхъ же Чубаловыхъ, и разсужденія міра, въ свою очередь, должны послужить у автора примѣромъ мірского «дурачества» и «разбойничества». «Для чего же на нашей мірской землѣ сидятъ,—продолжаетъ разсуждать «міръ-дуракъ»,—и тѣмъ крестьянскому обчеству чинятъ поруку... Въ городъ ступай, тамъ себѣ хоромы ставь, а твой домъ на нашей мірской землѣ ставленъ, значитъ его слѣдуетъ въ обчество отдать» [1]. По нашему мнѣнію, міръ тутъ, какъ *міръ*, какъ *община*, и вполнѣ логиченъ, и вполнѣ правъ, сколько бы ни было это *лично* невыгодно разбогатѣвшимъ, переродившимся

[1] «На горахъ», II, 223—224.

въ купцовъ, Чубаловымъ. И если виновникъ разбогатѣнія, долго скитавшійся по разнымъ вѣрамъ, Герасимъ Чубаловъ, въ самомъ дѣлѣ, наконецъ, убѣдился въ томъ, что спасеніе не въ такъ называемомъ умѣ, а въ сердцѣ, если имъ въ самомъ дѣлѣ, наконецъ, понятъ Божій гласъ: «милости хочу, а не жертвы» [1]), то онъ не можетъ не согласиться съ крестьянскимъ міромъ. Мы полагаемъ, что только благодаря *міру—общинѣ*, византійству съ его религіознымъ эгоизмомъ все-таки не удалось извратить въ конецъ нашъ народный духъ, вполнѣ заслонить отъ него свѣтлое и теплое солнце христіанской любви и правды. Мы полагаемъ, что самое сочувственное лицо у нашего автора, Потапъ Максимычъ Чапуринъ, всѣмъ, что есть въ немъ дѣйствительно христіанскаго, т.-е. въ настоящемъ смыслѣ человѣческаго, обязанъ именно тому, что въ немъ, несмотря на его переходъ въ купечество, уцѣлѣли бытовыя основы той крестьянской среды, изъ которой онъ происходитъ. Въ этомъ и основное отличіе его отъ другого тысячника—Смолокурова. Правда, не одна Настасья Потаповна можетъ сказать про Чапурина: «вѣдь онъ добрый» [2]); то же могла бы повторить про своего отца и Дуня Смолокурова. Но дѣло въ томъ, что отецъ послѣдней только для нея одной въ цѣломъ мірѣ и добръ, а доброта отца Насти сказывается въ широкомъ кругѣ. Онъ, напримѣръ, способенъ полюбить совершенно ему чужую Груню, какъ родную дочь, да еще и не видѣть въ этомъ никакой заслуги, увѣряя себя и жену, что она за то принесла имъ счастье въ домъ, и отстраняя ея благодарность словами: «не мы тебѣ, ты добро намъ дѣлала» (I, 154), съ другой же стороны и наставляя ее при этомъ: «Добрыми дѣлами, Груня, воздашь... Молись, трудись, паче всего—бѣдныхъ не забывай» (154). Онъ даже скорѣе позволитъ себѣ круто поступить, употребить власть по отношенію къ родной дочери—его порожденію, его крови (въ этомъ еще сказы-

---

[1]) Т.-е. не жертвоприношенія.
[2]) «Въ лѣсахъ», I, 81.

вается у него, пожалуй, отголосокъ, предшествовавшаго общинѣ, родового быта). «Будь Настасья постарше, да не крестная тебѣ дочь,—говоритъ онъ сватающемуся за Груню старику Ивану Григорьевичу,—я бы разговаривать не сталъ, сейчасъ бы съ тобой по рукамъ, потому она дѣтище мое—куда хочу, туда и дѣну. А съ Груней надо поговорить»,—поговорить, т.-е. узнать ея собственную волю, именно потому, что «хоша она мнѣ,—продолжаетъ Чапуринъ,—и дочка, а все же не родная». Относительно родной дочери Смолокуровъ, пожалуй, даже вовсе не самодуръ. «Батюшка родитель,—говоритъ про него Дуня,—воли съ меня не снимаетъ... Кого по мысли найду, за того и пойду» (IV, 205). Но если Смолокуровъ предоставляетъ ей полную волю, то опять-таки ей одной въ цѣломъ мірѣ Божіемъ. Но вѣдь и Потапъ Максимычъ только въ теоріи отецъ-самодуръ; знаемъ же мы, что онъ, какъ бы угадавъ чувства дочери, самъ наконецъ съ любовью остановился на Алексѣѣ, знаемъ и то, что онъ, только ради обряда похорохорился, а затѣмъ сейчасъ же и простилъ Прасковью Потаповну, когда она явилась къ нему съ обвѣнчавшимся съ нею «уходомъ» Васильемъ Борисычемъ. «Гнѣвъ—дѣло человѣческое, злопамятство—дьявольское» (II, 324), разсуждаетъ Чапуринъ, и въ самомъ дѣлѣ оказывается незлопамятнымъ даже относительно когда-то столь любимаго имъ, а потомъ такъ неожиданно «заклевавшаго» его любимую голубку Настю, Алексѣя Лохматаго. «Не зломъ провожаю,—говоритъ онъ ему,—Господь велѣлъ добромъ за зло платить»... Щедро надѣливъ Алексѣя при прощаньи, онъ еще прибавляетъ: «нужда придетъ, письмо пиши» [1]). И въ самомъ дѣлѣ, далѣе онъ спасаетъ отъ рекрутства даже всю семью Лохматаго (III, 134). Чапуринъ только требуетъ отъ Алексѣя, чтобы тотъ не показывался ему на глаза и молчалъ о Настѣ; онъ грозитъ ему лишь въ такомъ случаѣ, если тотъ нарушитъ молчаніе. Гораздо снисходительнѣе своей Аксиньи Захаровны относится Чапуринъ

---

[1]) III, 51—52.

къ ея непутевому брату Никифору Захарычу, говоря: «Великъ передъ Богомъ грѣхъ—родного человѣка изъ дома выгнать» (I, 24). «Право не ладно,—продолжаетъ онъ,—какъ Снѣжковы провѣдаютъ, что въ самое то время, какъ они у насъ пировали, родной дядя на запорѣ въ подклѣтѣ ровно какой арестантъ сидѣлъ» (I, 171). Какъ ни самолюбивъ Потапъ Максимычъ, какъ ни склоненъ онъ наградить хорошенько такую обитель, которая «умѣетъ людей отличать и почетъ воздавать, кому слѣдуетъ» (I, 354), но онъ не забываетъ своего происхожденія, не брезгаетъ той бѣднотой, изъ которой когда-то вышелъ. «Сами то мы какихъ великихъ боярскихъ родовъ?—иронически спрашиваетъ онъ Алексѣя,—всѣ одной глины горшки» (II, 188). Марья Гавриловна разсуждаетъ о немъ не даромъ: «если человѣкъ гордится передъ слабымъ да передъ бѣднымъ—не хорошо, не добрый тотъ человѣкъ... А кто передъ сильнымъ да передъ богатымъ высоко голову несетъ—добрая слава тому» (II, 338). Къ числу такихъ сильныхъ, а, пожалуй, и богатыхъ можетъ быть отнесена и сестра его, мать Манеѳа, на которую онъ поглядываетъ свысока, зная ея замашку, при всей своей игуменской гордости, разсчитывать на его карманъ. «Не подъ силу ей противъ брата идти: таковъ уродился — чего ни захочетъ, на своемъ поставитъ» (I, 218). И вотъ, Манеѳа, по его требованію, должна у него остаться въ гостяхъ, какъ ни тяжела для нея нежданная встрѣча съ прежнимъ милымъ дружкомъ, Якимомъ Стуколовымъ. «Было бъ напраснымъ трудомъ,—говорится про него въ другомъ случаѣ,—спорить съ нимъ. Не родился тотъ на свѣтъ, кто бы переспорилъ его» (III, 199). А между тѣмъ этотъ упорный человѣкъ способенъ отдаваться другимъ безъ оглядки, привязываясь къ нимъ, несмотря на свои лѣта, съ какою-то юношескою довѣрчивостью. Практикъ и дѣлецъ по-своему образу жизни, онъ становится тутъ какимъ-то беззавѣтнымъ идеалистомъ-восторженникомъ. Иванъ Григорьевичъ очень ошибается, говоря про него Василію Борисычу: «онъ, братъ, маху не дастъ, каждаго человѣка видитъ

насквозь». Напротивъ, онъ склоненъ видѣть въ человѣкѣ и то, чего въ немъ вовсе нѣтъ, а хорошо если-бъ было! Онъ судитъ о другихъ по себѣ, онъ представляетъ себѣ людей лучшими, чѣмъ они есть. Вотъ такъ то «возлюбилъ» онъ Алексѣя Лохматаго, и, несмотря на горькое разочарованіе въ немъ, послѣдовавшее такъ скоро, оказывается опять способнымъ, и даже вскорѣ послѣ того, съ такою же восторженностью отнестись къ Василію Борисычу: «утѣшь старика! Возлюбилъ я тебя» (III, 217). А утѣшить старика значитъ пойти по той дорогѣ, которая представляется ему наилучшею. Не даромъ наслушался онъ отъ самого же Василія Борисыча такихъ хорошихъ рѣчей.

«Побывайте въ степяхъ, посмотрите... Когда Христосъ сошелъ на землю и принялъ на себя зракъ рабій, восхотѣлъ онъ, Владыка, бѣдность и нищету освятить... И родился Царь Небесный въ тѣсномъ, грязномъ вертепѣ среди скотовъ безсловесныхъ... Поди теперь въ наши степи — что ни домъ, то вертепъ Виѳлеемскій... Промыслу нѣтъ никакого, одно хлѣбопашество... Хлѣба-то въ волю, а мужику однимъ хлѣбомъ не изжить... Хлѣбъ-отъ вези на базаръ верстъ за 20, за 30... Хорошо еще, коли хлѣбъ въ цѣнѣ» (III, 206—207). Потапъ Максимычъ и прими горячее слово старообрядческаго начетчика за чистую монету. Вотъ и явилось у него непобѣдимое желаніе сдѣлать изъ того же Василія Борисыча орудіе своей посильной помощи степному краю. «Теперь, — говоритъ онъ ему, — по милости Божьей, по околотку сотня другая людей вокругъ меня кормится, и я возымѣлъ такое желаніе, чтобы, нажитого трудами капитала не умаляя, сколь можно больше народу работой кормить, довольство бы по бѣднымъ людямъ пошло и добрая жизнь» (III, 222). «Хочу промысла на горахъ развести — ты только знаньемъ своимъ помогай... Все какъ родному сыну довѣрю« (218—219). Потапъ Максимычъ и во всемъ довѣряетъ ему, какъ родному сыну. На слова матери Манефы: «Василій Борисычъ со старицами въ лѣса да на Китижъ располагалъ съѣздить» (а съѣздить

со старицами значило съѣздить и съ сопровождавшими ихъ молодыми бѣлицами), старикъ съ полнѣйшею увѣренностью замѣчаетъ: «Василій Борисычъ человѣкъ иной стати. Его опасаться нечего» (III, 232). А на повѣрку оказывается, что именно его-то и надобно опасаться, потому что онъ человѣкъ именно *той* стати, которая подлипаетъ къ дѣвушкамъ и вертитъ имъ головы себѣ на потѣху. Напускаемый на себя Василіемъ Борисычемъ степенный видъ, разводимыя имъ умильныя рѣчи о народной нуждѣ и бѣдѣ, все это невольно подкупаетъ добрѣйшаго и въ истинномъ смыслѣ слова дѣльнаго Потапа Максимыча, а свойственное его выдающемуся положенію своего рода патріарха—самоувѣренное упрямство заставляетъ его настаивать на своемъ взглядѣ, невольно устраняя все то, что подъ него не подходитъ. Онъ разсчитывалъ, опираясь на представляющуюся ему въ Васильѣ Борисычѣ дѣльную основу, безъ особеннаго труда отвлечь его отъ непутнаго, по мнѣнію старика, скитальчества по скитамъ съ различными порученіями отъ московскихъ заправилъ раскола. Отношенія Потапа Максимыча къ расколу вообще особенныя. «Онъ, — поясняетъ авторъ,—съ семьей старинки придерживался, раскольничалъ, но закоснѣлымъ изувѣромъ никогда не бывалъ. И раскольничалъ-то Потапъ Максимычъ потому больше, что за Волгой издавна такой обычай велся, отъ людей отставать ему не приходилось» (I, 8—9). Самъ же онъ смотритъ широко на вѣру. «Захочешь спасаться,—говоритъ онъ Василію Борисычу, — и въ міру спасешься — живи только по добру да по правдѣ (III, 185). Послушать тебя,—умышленно трунитъ онъ надъ нимъ,—все едино, что нашихъ Керженскихъ келейницъ: все бѣсъ творитъ, а мы вишь святые, блаженные, завсегда не при чемъ. Вездѣ одинъ онъ, окаянный, во всемъ виноватъ... Бѣдненькій!»(190—191). Дѣло въ томъ, что Потапъ Максимычъ человѣкъ дѣйствительно нравственный, все сводящій на твердую волю—владыку, умѣющую совладать съ какими угодно «чертями». Онъ не изъ тѣхъ легковѣсныхъ святошъ, которые говорятъ: «не согрѣшишь, такъ

и не покаешься; согрѣшимъ и покаемся». Онъ большой охотникъ подтрунивать надъ такимъ преудобнымъ святошествомъ своей же братьи старообрядцевъ, разсказывая про нихъ подъ-часъ очень пряные анекдоты. Онъ разсказываетъ ихъ при всѣхъ вовсе не потому, чтобы самъ былъ циникомъ, а потому, что такимъ образомъ издѣвается надъ тѣмъ лицемѣріемъ, которое пугается *словъ*, а вовсе не пугается *дѣлъ*. «Потапъ Максимычъ,—поясняетъ авторъ,—былъ истый великоруссъ: набожный, ревностный къ вѣрѣ отцовъ богомольникъ, но великій суесловъ; а какъ расходится да разгуляется и отъ кощунства не прочь» (III, 200). Но вѣдь это собственно не кощунство, т.-е. не издѣвательство надъ святынею, а издѣвательство надъ лицемѣрнымъ обращеніемъ со святыней. Шутитъ, даже сквернословитъ въ такомъ особенномъ смыслѣ. Чапуринъ и вдругъ остановится—но не отъ того, что, вдругъ спохватившись, видитъ въ этомъ оскорбленіе самой религіозной святыни, а отъ того, что въ своей внезапной веселости видитъ оскорбленіе святыни своего горя—своего неутѣшнаго горя по голубкѣ Настѣ. «Вдругъ откуда ни возьмись — налетитъ хмара темная, потускнѣетъ ясный взоръ отца горемычнаго, замлѣетъ говорливый языкъ, и смолкнетъ Потапъ Максимычъ, вспоминая красотку свою ненаглядную, покойницу Настю голубушку, и слеза, что хрусталь, засверкаетъ на рѣсницахъ его» (III, 200).

«Яблочко падаетъ недалеко отъ яблони», — часто говорится въ нехорошемъ смыслѣ. Можно-бы сказать это про Настю и ея отца—въ хорошемъ. Мать тутъ почти не при чемъ, такъ какъ ей у Потапа Максимыча принадлежалъ только голосъ «на счетъ скитовъ да лѣсовъ и всего этакаго духовнаго». Только тутъ она была голова, такъ какъ «расколъ бабами держится» (I, 12). Но мы знаемъ уже, что все въ немъ сводится на одну внѣшность. Душевный міръ Насти—прямое отраженіе душевнаго міра ея отца. «Годами молода, нравомъ стара»,—говоритъ про нее Алексѣй, — горда очень и власть любитъ паче мѣры. А силы въ ней много» (II, 278). Да,

въ ней много той силы, которая только прибываетъ послѣ временнаго упадка. Ея гордость не мѣшаетъ ей отдаться вполнѣ Алексѣю, потому что она въ такой-же мѣрѣ привязчива и такъ-же довѣрчива въ своей привязанности, какъ и отецъ. Но ей стоило только разочароваться,—и разомъ свалились съ нея оковы любви. «И узнала-бы, что замыслилъ отецъ, не больно-бъ тому возрадовалась»—т.-е. не возрадовалась-бы его собственной сердечной рѣшимости выдать ее за Алексѣя. «Жалокъ ей сталъ трусливый Алексѣй»... Жалокъ потому, что слишкомъ ужь долго пришлось ей ему внушать: «повѣнчавшись, придемъ, да въ ноги отцу... вѣдь самъ онъ мамыньку-то уходомъ свелъ»... «Мало-ли что старики смолоду творятъ,—не давалъ себя вразумить Алексѣй,—гордъ и кичливъ Потапъ-отъ Максимычъ. Страшенъ! Не снести его душѣ, чтобы дочь его за нищимъ голышомъ была. Быть мнѣ отъ него убитому»... (II, 148—149). Въ Алексѣѣ нѣтъ тѣхъ задатковъ добра, которые доводятъ до чуткаго ясновидѣнія добра и въ затаенныхъ складкахъ чужой души. Только про хорошихъ людей вѣдь сказано, что сердце сердцу вѣсть подастъ. Алексѣю и не снится, до чего можетъ размягчиться «возлюбившій его» старикъ Чапуринъ. Видя въ немъ только одного изъ тѣхъ крупнѣйшихъ отцовъ-самодуровъ, которыхъ выставлено передъ нами не мало въ обѣихъ поэмахъ Мельникова, Алексѣй является въ роли какого-то крестьянскаго Рудина или Гагина. Но Настя будетъ покрѣпче Наташи или Аси, скорѣе соотвѣтствуя Машѣ въ «Затишьи» Тургенева. Она отличается отъ послѣдней собственно тѣмъ, что не лишаетъ себя жизни (этого не допускаетъ ея религіозная обстановка), а просто не можетъ жить послѣ своего неизбывнаго горя, естественною смертью умираетъ отъ этого горя, какъ иногда случается это въ настоящихъ народныхъ пѣсняхъ — напримѣръ сербскихъ. Горе Насти—самое ужасное горе, какое только можно себѣ представить. Дѣло не въ томъ только, что любимый человѣкъ не отвѣчаетъ ей такою-же любовью, а въ томъ, что онъ совершенно не достоинъ ея, не достоинъ и ничьей любви. «Не чаяла она, что въ воз

любленномъ ея нѣтъ ни удальства молодецкаго, ни смѣлой отваги. Гадала сокола поймать, поймала сѣру утицу... Онъ плачетъ, рыдаетъ и, еще ничего не видя, трусить Потапа Максимыча, какъ старая баба домового... Видно, у него только обличье соколье, а душа-то воронья» (II, 157). Но Настя не уноситъ въ могилу никакой злобы противъ того, въ комъ она обманулась. Она какъ будто-бы и не винитъ его въ томъ, что онъ оказался совсѣмъ не такимъ, какъ ей представлялось. За то она вполнѣ способна понять свою собственную вину. «Горько тебѣ, обиду какую я сдѣлала, — трогательно кается она передъ отцомъ, прибавляя:—прости его!»—«Не сдѣлаю зла, зачѣмъ?... Господь съ нимъ»,—успокаиваетъ ее старикъ, не даромъ держащійся правила, что «гнѣвъ дѣло человѣческое, злопамятство—дьявольское». «Ну, вотъ и хорошо», — кротко отвѣчаетъ Настя. — Умирая отъ горя, она не дастъ однако-же горю поглотить себя до того, чтобы позабыть о тѣхъ, кто ее окружаетъ. Замѣтивъ забившагося въ уголокъ моленной и почти не выходящаго изъ нея, съ тѣхъ поръ какъ она заболѣла, непутеваго Никифора Захарыча, она такъ любовно ему говоритъ: «дядя, не пей, голубчикъ». И это, сказанное отъ всей души, простое слово окончательно его поднимаетъ изъ того омута, въ которомъ онъ давно погрязъ, и только пуще погрязъ отъ всѣхъ попрековъ и всего презрѣнія. «Ахъ, Настенька,—говоритъ онъ ей,—не знаешь, каково я любилъ тебя! А подойти близко боялся»... Боялся не потому, конечно, чтобы ждалъ отъ нея, какъ отъ другихъ, того-же презрѣнья и тѣхъ-же попрековъ, а потому, что самъ считалъ себя, погрязшаго въ грязь, недостойнымъ подойти къ ней, къ чистой... Она и теперь для него чиста, свята, несмотря на то, что сама оказалась причастною человѣческой слабости; но она уходитъ изъ этого міра, и онъ спѣшитъ за нее ухватиться—не какъ за хрупкую соломинку, а какъ за твердую нравственную опору, моля ее: «благослови на хорошую жизнь» (II, 299—300).

Никифоръ Захарычъ, несмотря на всю, облѣпившую

его, грязь, одно изъ самыхъ сочувственныхъ лицъ у Мельникова. И въ немъ, несмотря ни на что, уцѣлѣла та нравственная закваска міра-общины, которой обязанъ всѣмъ своимъ добромъ душевнымъ и Потапъ Максимычъ. Закваска эта уцѣлѣла въ Никифорѣ, хотя авторъ и сообщаетъ намъ про него: «Много мірскихъ побоевъ за воровскія дѣла принялъ Микешка, да мало, видно, бока у него болѣли: полежитъ недѣльку, другую, поохаетъ, помается, да отправится опять за воровской промыслъ да за пьянство. Просто сказать—отятой человѣкъ» (I, 118). «А душа была у него предобрая,—поясняетъ авторъ,— кто не обижалъ, тому радъ былъ услужить всячески. Пожаръ-ли случится, — Никифоръ первый на помощь... Бывало, только заслышитъ на рѣкѣ крики: тону! мигомъ въ воду» (120).

И вотъ, всѣ эти остатки добра окончательно всплыли у него на верхъ, сплотились въ немъ и окрѣпли подъ чудотворнымъ вліяньемъ Настинаго благословенья. Не даромъ-же прибывшіе къ ней на сорочины видѣли, какъ возлѣ ея могилки, понуривъ голову и роняя слезы, сидитъ дядя Никифоръ. «То былъ уже,—замѣчаетъ авторъ,— не вѣчно пьяный, буйный, оборванный Микешка Волкъ, но тихій, молчаливый горюнъ, каждый Божій день молившійся и плакавшій надъ племянницыной могилой» (III, 167). «Гдѣ твои буйные крики, — спрашиваетъ авторъ, — гдѣ твои безстыдныя пѣсни, пьяный задоръ и наглая ругань? Тише воды, ниже травы сталъ Никифоръ» (II, 170).

Возрождающее дѣйствіе святого горя на этого, казалось, пропащаго человѣка даетъ еще болѣе выступить впередъ тому полному отсутствію горя, стыда и раскаянія, той замѣнѣ подобныхъ чувствъ однимъ жалкимъ страхомъ, которыя дѣлаютъ такимъ отвратительнымъ красиваго, умнаго и умѣлаго, даже начитаннаго, и не только по части церковныхъ старообрядческихъ книгъ, Алексѣя Лохматаго. Все пошло Алексѣю не въ прокъ: слишкомъ ужь онъ «деньгу любилъ, а любилъ ее потому, что хотѣлось въ довольствѣ, въ богатствѣ, во всемъ изо-

бильи пожить, славы, почести хотѣлось» (I, 33). Рано взманили парня такія мечты. «Бывало, стоя за токарнымъ станкомъ, либо крася олифой горяницину, представляетъ онъ себя то сильнымъ могучимъ богатыремъ, то царемъ небывалаго царства, а чаще всего богачомъ... Попалъ въ домъ тысячника (Потапа Максимыча, который такъ его возлюбилъ, чтобы такъ горько потомъ въ немъ разочароваться), увидѣлъ, какъ люди въ чести да въ холѣ живутъ, узналъ, какъ богачи деньгами ворочаютъ... Тогда смутныя думы стали яснѣе и понятнѣе... И сотворилъ Алексѣй въ душѣ своей кумира... И поклонился онъ тельцу золотому... И тѣсна и грязна показалась ему изба родительская» (когда пришлось въ нее возвратиться, распрощавшись съ Потапомъ Максимычемъ) (III, 48). Тѣмъ-то и сдѣлался онъ постылымъ Настѣ, что «ужь какъ разгорѣлись глаза у него, какъ зачалъ онъ сказывать про Ветлужское золото!.. Корыстенъ!.. (II, 188). Будь жена хоть коза, только-бы съ золотыми рогами, да смирная, покладистая, чтобъ не смѣла выше мужа головы подпимать» (278—280). Не таковская, думается Алексѣю, Настасья, а потому онъ и начинаетъ бояться ея, не менѣе, чѣмъ ея отца, прямо даже готоваго выдать ее за него. «И надо-же было такъ случиться, — говоритъ авторъ, — что, когда изстрадавшаяся Настя повѣдала матери про свое неизбывное горе, про свой позоръ», Алексѣй впервые свидѣлся съ молодою вдовушкой, Марьей Гавриловной, и приворожилъ ее къ себѣ тѣмъ, что представился ей словно двойникомъ ея милаго, безъ вѣсти пропавшаго, Евграфа. Алексѣю-же и прежде особенно привлекательнымъ именно и представлялось «вдовушку подцѣпить, чтобъ у нея денежки водились свои, а не родительскія»—т.-е. чтобы ему не предстояло никакой зависимости отъ ея родителя. «Ну, тогда прости, Настасья Потаповна»,—говорилъ онъ себѣ и прежде (I, 152—155). А что слишкомъ далеко у него зашло съ Настей, на то вѣдь есть про запасъ такая гнусная философія: «не мы первые, не мы и послѣдніе... Кучился, мучился, доспѣлъ и бросилъ... Не нами заве-

дено, таково дѣло спокон вѣка стоитъ. Дѣвка — чужая добыча, не я — такъ другой-бы» (II, 281). Одна бѣда — если узнаетъ Потапъ Максимычъ. «Отъ сего человѣка погибель твоя»,—говоритъ что-то Алексѣю. — Неожиданно услыхавъ, по возвращеніи отъ Марьи Гавриловны, о смерти Насти, онъ спѣшитъ полюбопытствовать узнать, «отчего померла?»—«Безъ памяти, слышь, лежала, безъ языка», говорятъ ему. — «Безъ языка?.. Коли такъ, все, какъ осенній слѣдъ, занесло»—успокаиваетъ себя негодяй.—Но выходитъ, что нѣтъ—слѣдъ не занесенъ, все извѣстно старику Чапурину. И тотъ-же Алексѣй валяется у него въ ногахъ, причитая: «не погубите!»— Даже кроткій отвѣтъ несчастнаго отца: «губить тебя? не бойся... Я-ли тебя не жалѣлъ, я-ли не возлюбилъ тебя?» (II, 323—324), даже и этотъ задушевный голосъ не пробуждаетъ совѣсти въ Алексѣѣ. Весь онъ во власти одного только голаго, подлаго чувства самосохраненія жизни, какъ онъ ее понимаетъ, съ возможностью всяческихъ наслажденій—если не теперь, то хотя-бы современемъ. Напрасно раздается надъ нимъ голосъ старика Пантелея, подобно хору въ древней трагедіи служащій тутъ представителемъ міра—народа: «коли жить хочешь по Божьему, такъ бойся не богатаго грозы, а убогаго слезы» (II, 157). Если-бы Алексѣй былъ на это способенъ, то прежде-бы всего побоялся Настиной слезы: и она вѣдь убогая, лишившись ради его дѣвичьей чести, чтобы потомъ его распознать во всемъ его безобразіи нравственномъ!! Но вѣдь уже давно, съ тѣхъ поръ еще, какъ, за работой въ отцовскомъ дому, онъ мечталъ о разбогатѣніи, «черствое себялюбіе завладѣло Алексѣемъ: гнететъ его забота объ одномъ себѣ, до другихъ ему и нуждушки нѣтъ».—Началось съ того, что даже не смѣли ему приходить на умъ погорѣлый отецъ и мать (II, 136—137). А кончилось тѣмъ, что, когда онъ въ самомъ дѣлѣ разбогатѣлъ, да еще какъ, женившись на Марьѣ Гавриловнѣ, и пересталъ бояться Потапа Максимыча, на-готовѣ у него для отца нѣтъ и какой-нибудь чашки чая, а есть лишь пятирублевая, сунутая, какъ подаяніе, старику въ руку!

Разъ только, заслушавшись органа въ Нижегородской гостинницѣ, какъ будто очнулся вдругъ Алексѣй. «Вѣчно прекрасная музыка Глинки, — поясняетъ авторъ, — обаятельно дѣйствуетъ на русскаго человѣка... Взгрустнулось отъ той музыки Алексѣю... Настеньку вспомнилъ... Хоть-бы въ Волгу головой, такъ въ ту же пору» (III, 81). Кончилось однако-же тѣмъ, что онъ въ Волгу не кинулся, а окончательно погрязъ въ своемъ миломъ золотѣ.

Вотъ тутъ-то и приходится снова имѣть съ нимъ дѣло Потапу Максимычу. Старикъ вѣдь долженъ по векселю Марьѣ Гавриловнѣ и ему надобно получить отъ нея непродолжительную отсрочку,—но и сама-то Марья Гавриловна со всѣмъ своимъ добромъ теперь вѣдь въ рукахъ у своего Алексѣя. И не узнать ужь теперь Лохматаго—какой модный европейскій нарядъ, какія цивилизованныя привычки! «Ты бы, Марья Гавриловна, амбреемъ велѣла покурить,—говоритъ онъ женѣ, — не то кожей, не то дегтемъ воняетъ» (IV, 336). Дѣло въ томъ, что, «отправляясь къ молодымъ, Потапъ Максимычъ надѣлъ новые сапоги. На нихъ-то теперь съ язвительной усмѣшкой поглядывалъ Алексѣй. Отъ нихъ пахло. Не будь послѣзавтра срокъ векселю, сумѣлъ-бы отвѣтить Чапуринъ, но теперь — дѣлать нечего — скрѣпя сердце молчалъ» (336). Старикъ ссылается на обѣщаніе отсрочки, данное ему Марьей Гавриловной, тогда еще независимою вдовою. Но у Алексѣя является особое объясненіе подобнаго обѣщанія. Онъ съ полною развязностью теперь говоритъ тому, въ чьихъ ногахъ еще такъ недавно валялся: «Можетъ статься Марья Гавриловна такое обѣщаніе вамъ только для того дала, чтобъ не очень вась разстраивать, потому, что въ печали тогда находились, схоронивши Настасью Потаповну». Замѣчая при этомъ на губахъ у Алексѣя даже нагло-насмѣшливую улыбку, пламеннымъ взоромъ окинулъ его старикъ, сжалъ кулаки и чуть слышнымъ, задыхающимся голосомъ промолвилъ: «Не мнѣ-бы слушать таки рѣчи, не тебѣ-бы ихъ говорить». Что-то такое заставило однако-же Алексѣя, надменно

было взглянувшаго, смутиться и потупить глаза передъ гнѣвнымъ взоромъ Чапурина; совѣсть, что-ли, опять шевельнулась, чтобы снова затѣмъ улечься и уже навсегда? Старикъ Чапуринъ не возлагаетъ на такое минутное пробужденье совѣсти ни малѣйшей надежды. «Пастина тайна въ рукахъ страдника—вотъ что́ до самаго дна мутило душу его, вотъ что́ горемъ его сокрушало... Не пригрозишь теперь богачу, какъ грозилъ дотоль нищему» (342). Между тѣмъ Алексѣй не ждетъ—не даетъ отсрочки. Изъ бѣды выручаетъ Потапа Максимыча прямой и честный дѣлецъ Колышкинъ, величающій старика «крестнымъ» и давно уже разглядѣвшій насквозь Алексѣя. Приноситъ деньги старикъ, проситъ Марью Гавриловну счесть ихъ. Считать сталъ Алексѣй. Каждую бумажку на свѣтъ разглядывалъ. «Можетъ, отъ отца Михаила którы получили»,—язвительно улыбнувшись, промолвилъ онъ, намекая на поѣздку Чапурина къ этому старообрядческому игумну, оказавшемуся потомъ фабрикантомъ фальшивыхъ ассигнацій (347). Впрочемъ, Алексѣй умудряется и на то, чтобы тутъ-же прикинуться помнящимъ старыя услуги Потапа Максимыча. «Процентовъ на вексель мы не причли-съ,—говоритъ онъ ему,—а что отъ васъ я лишковъ получилъ—лошаденокъ въ тотъ-же счетъ ставлю—по моему счету ровно столько-же стоитъ. Значитъ, мы съ вами въ полномъ расчетѣ». Гадко стало Потапу Максимычу,—напомнилъ онъ наглецу старый уговоръ: «Скажешь неподобное слово про покойницу, живу не быть тебѣ». Тутъ снова прозвучалъ надъ Алексѣемъ тотъ голосъ суевѣрнаго страха, въ какой превратился для него голосъ совѣсти: «Отъ сего человѣка погибель твоя». Но этотъ голосъ звучалъ въ его душевномъ слухѣ недолго. «Грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ»,—сталъ онъ себя успокаивать. «И, завидя проходившую Таню (любимую горничную Марьи Гавриловны), шаловливо охватилъ гибкій, стройный станъ ея» (347—348). Почему-же и не пошалить съ красоткой, благо она моложе Марьи Гавриловны, которой онъ даже теперь и не любитъ? Да и развѣ такіе, какъ онъ, способны кого-

нибудь полюбить по человѣчески, т.-е. прочно, незыблемо? Развѣ понять имъ слова поэта: «безъ вѣчности чувства смысла въ немъ нѣтъ»? [1]).

И такому-то человѣку принесла себя въ жертву Настя! Но она тутъ жертва не его одного, а также и разбитной пріятельницы своей скитской поры — Манеѳиной любимицы—баловня Фленушки; или, лучше сказать, она вмѣстѣ съ Фленушкой жертва скитскаго быта, скитскихъ понятій съ ихъ, если можно такъ выразиться, безвѣрной вѣрой, ихъ безнравственною нравственностью, жертва съ другой стороны и того безшабашнаго самодурства, которое нагло царитъ среди окружающаго скиты и поддерживающаго ихъ своими щедрыми приношеніями міра тысячниковъ. Потапъ Максимычъ вѣдь между ними только какой-то выродокъ, причастный, правда, въ теоріи ихъ патріархальному самодурству, но на дѣлѣ постоянно его смягчающій своимъ широкимъ сердцемъ — сердцемъ, носящимъ на себѣ отпечатокъ бытового своего воспитанья не въ купеческой, а въ крестьянской средѣ. Фленушка, если внимательно приглядѣться, не только, какъ на повѣрку выходитъ, родная дочь,—но и весь ея внутренній строй—прямое порожденіе матери Манеѳы. А что-же такое сама мать Манеѳа? Вотъ, вопервыхъ, ея отдаленное прошлое. «Высокая, стройная, изъ себя красивая дѣвушка цвѣтетъ молодостью. Много молодцевъ на ея красоту зарится, но гордая, спѣсивая, ласково взглянуть ни на кого не хочетъ Матренушка» (I, 226). Напрасно подруженьки ей говорятъ: «отъ любви, что отъ смерти, не отчураешься»... До той поры она подругамъ не вѣрила, пока не спозналась съ Якимомъ Прохоровичемъ. Ну что-же? Повѣривъ подругамъ, соединила-бы съ нимъ судьбу, и зажили-бы они въ томъ постоянномъ союзѣ, который возможенъ только въ человѣческомъ мірѣ, и который становится *святымъ* уже въ силу одного постоянства. Но вотъ тутъ-то и оказалось препятствіе въ непреклонной родительской волѣ — вла-

[1]) Стихотворенія С. Я. Надсона, изд. 6-е, стр. 249.

дыкѣ. «Не по себѣ Якимъ дерево клонитъ, — отвѣчалъ сватамъ Максимъ Чапуринъ (отецъ Потапа Максимыча и будущей матери Манеѳы),—Богъ дастъ, сыщемъ зятя почище его (I, 223). Вотъ и вышло съ Матренушкой то же, что впослѣдствіи вышло съ ея племянницей Настей, не сразу повѣрившей, чтобы доброе сердце ея отца легко совладало съ привитою и къ нему самодурческою доктриной. Что-же?—провинилась Матрена,—на то есть скиты, у него-же, Максима Чапурина, игуменьей кстати въ одномъ изъ нихъ двоюродная сестра, мать Платонида. Вотъ и отдастъ туда дочь старикъ—на покаяніе да на прикрытіе слѣдствій ея грѣха. Страшно мучиться пришлось Матренушкѣ, мучиться не только нравственно, но и физически—дорого досталось ей то существо, которое получило потомъ имя Фленушки. А мать Платонида со всѣмъ своимъ отшельническимъ безсердечіемъ только язвитъ ее, говоря: «Что̀, тяжело?.. На томъ свѣтѣ не то еще будетъ». Напуганная раскрывавшеюся передъ нею въ такую минуту, когда жизнь висѣла на волоскѣ, картиною адскихъ мукъ, несчастная невольно проговорилась: «Матушка, если Господь помилуетъ меня—я готова, отрекусь отъ міра» (228). Но Богъ спасъ, она осталась въ живыхъ, между тѣмъ и слышать не захотѣлъ старикъ, чтобы дочь его стала монахиней. «Лучше за Якимку замужъ иди», — заговорилъ онъ. Чего-же, казалось-бы, лучше? «Зардѣлась Матрена, радостью блеснули глаза». Но уже было поздно. «Вспомнился обѣтъ, данный въ страшную минуту, вспомнились мученія ада»—тѣ мученія, которыя должны вѣдь удесятериться отъ нарушеннаго обѣта. Пересиленная религіей страха, Матрена приноситъ ей въ жертву свою любовь, т.-е. въ жертву приноситъ и любимаго человѣка, губя не одно его счастье, но, какъ на повѣрку выходитъ, и его душу. «Съ того дня за Волгой не стало ни слуху, ни духу про Якима Стуколова» (234). Только много, много лѣтъ спустя, уже строгой, величавой игуменьей, нежданно встрѣчается не Матрена уже теперь, а Манеѳа у брата Максима Потаныча съ загадочнымъ странникомъ, въ которомъ вдругъ

узнаетъ своего Якима. Но если она могла признать въ немъ его прежній физическій обликъ, то вскорѣ ей приходится совсѣмъ уже не узнать въ немъ его прежняго образа нравственнаго. Онъ не только вѣдь безъ вѣсти пропадалъ на разныхъ далекихъ путяхъ, но онъ на нихъ сбился съ пути, пропалъ нравственно. Изъ него мало-по-малу выработался лицемѣръ, прикрывающій своимъ святошествомъ даже прямое мошенничество. Вотъ какимъ снова предсталъ передъ нею отецъ ея Фленушки; но Манееа, повидимому, вовсе не додумывается до того, что дѣло теперь не въ прежнемъ ея грѣхѣ, ради котораго она и постриглась, а въ томъ, что своею вѣрностью вынужденному обѣту она загубила Якима нравственно и въ извѣстномъ смыслѣ уподобилась Ироду, также не захотѣвшему нарушить своего необдуманнаго слова и ставшему вслѣдствіе того убійцею.

Но неужели же Стуколову не было никакой возможности устоять, лишившись личнаго счастья? О, мы вполнѣ вѣримъ, что устоять тутъ можно, но мы знаемъ, что для этого нужно найти благодатный исходъ въ широкой общественной дѣятельности, при которой вполнѣ осуществимъ даже завѣтъ Зосимы: «въ мірѣ будь и въ мірѣ живи какъ инокъ», но легко ли найти подобный исходъ посреди небрезгающихъ никакими средствами тысячниковъ и изувѣрныхъ, а равно и корыстолюбивыхъ при своемъ изувѣрствѣ, скитницъ?!

Манееа, правда, выдержала послѣ своей неожиданной встрѣчи тяжелую болѣзнь,—но, очнувшись послѣ нея, она очнулась тою же строгою, крѣпкою блюстительницею обрядовой буквы, какъ догмата, тою же ревностною монастырскою скопидомкою,—а не замѣтно въ ней и малѣйшихъ признаковъ христіанской жалости къ людямъ, сознанія христіанской за нихъ отвѣтственности. «Крѣпости прежней не стало,—жалуется Манееа,—по Бозѣ ревности нѣтъ». Оттого-то, по мнѣнію ея, и хулятъ тѣхъ, которые заживо себя сожигаютъ на глазахъ у пересиливающаго никоніанства. «Не читалъ развѣ,—спрашиваетъ она,—что огненное страданіе угашаетъ силу

огня геенскаго?» (III, 14). Но вотъ ей приносятъ вкладъ на поминъ у нея чьей-то души. «Тихо, не торопясь, пересчитала деньги игуменья, каждую бумажку посмотрѣла на свѣтъ и, увѣрившись, что деньги настоящія, неподдѣльныя, сунула ихъ въ карманъ и сказала: «Завтра же каноны начнемъ» (III, 83).

Никого, рѣшительно никого не въ силахъ она пожалѣть настоящею христіанскою жалостью, полюбить настоящею христіанскою любовью. Даже свою Фленушку, которой она, повидимому, повинуясь чувству любви, открываетъ горькую для себя тайну ея происхожденія, даже и эту не только душевную, но и, какъ выходитъ на дѣлѣ, кровную дочь, любитъ она не самоотверженною, т.-е. единою истинною, а какою-то религіозно себялюбивою любовью. Намъ думается прежде всего, что, при настоящей силѣ душевной любви, не было даже и особенной надобности раскрывать передъ Фленушкой тайну ея происхожденія. Неужели же усыновленные по сердечному изволенію должны непремѣнно думать, что все-таки ихъ любятъ менѣе, чѣмъ родныхъ дѣтей? Какъ бы то ни было, дѣйствительно любя свою дочь, Манеѳа бы неизбѣжно цѣнила ея нравственную свободу; она бы не стала желать, почти требовать, чтобы дочь непремѣнно пошла по ея стопамъ. «Для тебя же прошу, для твоей пользы,—увѣряетъ она Фленушку,—исполнишь мое желанье (т.-е. пострижешься), до вѣку проживешь въ довольствѣ и почетѣ; не послушаешь, горька будетъ участь твоя». При этомъ, конечно, Манеѳа очень хорошо понимаетъ, что Фленушка, ей же самой подобно, можетъ и не устоять; но на это въ скитахъ есть, такъ сказать, свой особый фортель. «Не снесешь,—говоритъ Манеѳа,—что-жъ изъ того? Тайно содѣянное, тайно и судится; паденіе очищается слезами и покаяніемъ. Гласнаго соблазну только бы не было... Всѣ мы люди, всѣ человѣки... одинъ Богъ безъ грѣха» (IV, 233). Мы вполнѣ готовы повѣрить, что Манеѳа искренно разсчитываетъ подобнымъ взглядомъ спасти свою дочь отъ какихъ-либо мученій совѣсти. Не даромъ же водворилось у насъ въ

скитахъ ученіе: «Одинъ только грѣхъ не прощенъ у Создателя,—аще кто отступитъ отъ святыя и непорочныя вѣры отецъ нашихъ и отвергнетъ древлее благочестіе» (IV, 82). Да и Фленушка въ самомъ дѣлѣ усвоиваетъ себѣ скитское преудобное ученье, когда говоритъ: «паденіе не грѣхъ, хоть матушку Таифу спроси. Сколько я книгъ ни читала, сколько отъ матерей ни слыхала—паденіе, а не грѣхъ. И святые падали, да угодили же Богу. Безъ того никакому человѣку не прожить» (II, 133). Но Манеѳа все же вѣдь понимаетъ, что падать и подниматься, грѣшить и каяться, это однако такая жизнь, которой можетъ быть предпочтена другая: «Выйдешь замужъ по закону,—говоритъ она дочери,—то хоть я тебя и не увижу, но любовь моя навсегда пребудетъ съ тобой». Ей однако же вовсе не хочется, чтобы дочь ея вышла замужъ, хотя она и увѣряетъ ее: «Воли съ тебя не снимаю... Изъ любви къ тебѣ, какой и понять ты не можешь, — буду, пожалуй, и на разлуку согласна... Иди... Но тогда уже намъ съ тобой въ здѣшнемъ мірѣ не видѣться» [1]). Манеѳа слишкомъ хорошо знаетъ, какое вліяніе эти послѣднія слова должны будутъ имѣть на Фленушку. Но вѣдь если всякій грѣхъ, кромѣ отпаденія отъ вѣры, можетъ быть прощенъ, то могла же бы допустить Манеѳа и этотъ, по скитскимъ преданіямъ, грѣхъ свиданія съ дѣвушкой, вышедшей замужъ изъ скита. И она бы, конечно, допустила съ своей стороны этотъ грѣхъ, если бы Фленушка, несмотря ни на что, вышла замужъ. Но ей надобно напугать свою дочь невозможностью свиданія съ матерью, чтобы только не допустить ее до замужества. Не такова настоящая любовь. Чтобы не лишать милое намъ существо того, что должно составить его законное счастье на всю его остальную жизнь, мы должны позабыть себя—дожить свою жизнь, хотя бы и безъ возможности свиданія съ нимъ, съ этимъ милымъ существомъ, дожить при одномъ сознаніи, что оно за то будетъ счастливо. Манеѳа же ве-

---

[1]) «На горахъ», II, 61—62.

детъ дѣло такъ, чтобы Фленушка принесла ей себя въ жертву.

Такъ ли оно однако? Сама Фленушка вполнѣ увѣрена въ томъ и, заранѣе рѣшившись на то, запирается подчасъ на крюкъ и, кинувшись ничкомъ въ постель, горько рыдаетъ (IV, 294). Но только ли ради Манеѳы отказывается она отъ замужества? Въ самомъ ли дѣлѣ она такъ любитъ свою мать, да и возможна ли вообще самоотверженная любовь при всей этой воспитательной обстановкѣ скита? Когда, въ утѣшенье себѣ, Фленушка устраиваетъ чужую свадьбу,—свадьбу «уходомъ» изъ скита при содѣйствіи того человѣка, который на все для нея готовъ и отъ котораго отказаться она рѣшилась,—то не обманываетъ ли она очень хитрымъ образомъ мать Манеѳу? Конечно, для виду, сама же она, передъ сборами Манеѳы въ Шарпань, спрашиваетъ ее: «Ладно-ль будетъ, матушка, Василій Борисычъ безъ васъ одинъ съ нами останется... чего не наплетутъ» (286). Но вѣдь она же увѣрена, что Манеѳа этимъ предостереженіемъ не смутится, что Манеѳа какъ на каменную стѣну полагается на Василья Борисыча, сама же она знаетъ его вдоль и поперекъ въ иномъ совершенно смыслѣ и его-то разочла, совершенно вѣрно, заставить увезти изъ скита, во время отсутствія Манеѳы, племянницу ея Прасковью Потаповну. Но вѣдь если бы она въ самомъ дѣлѣ любила мать, то она бы скорѣе согласилась на вѣчную съ нею разлуку, чѣмъ бы рѣшилась хоть разъ ее обмануть.

«Поѣхала въ Шарпань Манеѳа,—разсказываетъ намъ однако же авторъ,—Фленушка такъ расплакалась—ровно не на три дня, а на тотъ свѣтъ провожала игуменью (284). Да, расплакалась, и тутъ же, именно тутъ и обманула ее, да такъ ловко, что собственнаго ея въ томъ участья и слѣда тутъ не было! Дѣло въ томъ, что все въ этомъ, повидимому, чисто духовномъ мірѣ скитовъ,—на самомъ дѣлѣ только какая-то фикція, какой-то подлогъ и подмѣнъ настоящей духовной жизни. Тутъ и Бога-то любятъ помимо малѣйшей любви къ его дѣтямъ, нашимъ братьямъ людямъ, любятъ ради личной у него наживы

или хоть ради спасенья отъ чертей; и къ матери-то тутъ привязываются какой-то влюбленной любовью, требующей постояннаго пребыванія съ глаза на глазъ,—не понимая, что обмануть ту же самую, страстно любимую, мать, значитъ духовно съ ней разлучиться.

Но вѣдь жертва для той же матери все-таки тутъ приносится? «Живешь тутъ, живешь,—жалуется на тягость своей жертвы Фленушка,—киснешь, что опара въ квашнѣ... Удали мѣста нѣтъ! Разгуляться не надъ чѣмъ! Самой счастья въ вѣкъ не достанется, на чужое хочу поглядѣть» (IV, 106—107). Вдумайтесь, однако, внимательнѣе—не боится-ли она того, что называетъ *счастьемъ*, и не потому ли, быть можетъ, устраиваетъ его только другимъ? «Захотѣлъ бы кто взять меня,—говоритъ дочь Манееы,—иди, голубчикъ, подъ мой салтыкъ, свою волю подъ лавку брось, пляши, дурень, подъ мою дудочку. Власти надъ собой не потерплю, сама власти хочу. Такая ужь я на свѣтъ уродилась... Такъ ужь лучше мнѣ въ дѣвкахъ свой вѣкъ вѣковать, лучше въ кельѣ до гроба прожить, чѣмъ чужую жизнь заѣдать и самой на мученье идти»... (IV, 221—237). Изъ кельи вѣдь въ самомъ дѣлѣ—по крайней мѣрѣ для нея—навѣрное предстоитъ переходъ въ игуменьи,—это ли не власть, настоящая власть? И вотъ она ограничивается тѣмъ, что заставляетъ своего Петра Степаныча плясать по своей дудкѣ—въ качествѣ вѣчнаго жениха—послушника. «Передъ тѣмъ какъ меня изъ обители красть,—говоритъ она ему,—надо тебѣ поучиться... я бы поглядѣла, сколь въ тебѣ удали есть. И если возьмешь удальствомъ, повѣнчаешь ихъ (Прасковью Потаповну съ Васильемъ Борисычемъ), бери меня тогда, хоть на другой же день бери (IV, 119—120)». Но говорится это только для того, чтобы такъ же его провести, какъ проводитъ она мать Манееу.

Фленушка, конечно, спѣшитъ окрутить вторую дочь Потапа Максимыча, чтобы не вышло у нея съ московскимъ посломъ, какъ у бѣдной Насти съ Алексѣемъ Лохматымъ. Василій Борисычъ оказывается податливѣе Алек-

сѣя—свадьба навѣки связываетъ его съ Прасковьей, но увѣнчивается такимъ «счастьемъ», какого никогда бы не пожелала себѣ самой Фленушка. За то Настя не дожила до своего «счастья», умерла, потому что заранѣе его разгадала. Но Фленушка такъ же мало печалится объ умершей, какъ, вѣроятно, мало бы печалилась о живой, если бы ей удалось окрутить ее съ Алексѣемъ. А если бы ей пришлось поглядѣть и на это «чужое счастье», она-бы, пожалуй, только тѣшилась тѣмъ, что сама отъ него отказалась, т.-е. была умнѣе.

Но вѣдь Петръ Степанычъ не чета ни Алексѣю Лохматому, ни Василью Борисычу. Крѣпко любя свою Фленушку и оставаясь одною ея потѣхою, не рискуетъ ли онъ пропасть съ горя—если и не такъ, какъ пропалъ Якимъ Стуколовъ, то все же быть обреченнымъ на пропащую жизнь? Впрочемъ Фленушка въ этомъ случаѣ оказалась менѣе эгоисткою, чѣмъ ея мать: она позаботилась о Петрѣ Степанычѣ, сама намекая о немъ Дунѣ Смолокуровой: «Ты водой не замути,—говоритъ она ей.— Тому-ли, другому-ли будешь ты женой богоданною, сама будешь счастлива и мужъ твой счастливъ будетъ» (IV, 223—224).

Но дальнѣйшія отношенія Петра Степаныча къ Дунѣ, какъ и окончательная развязка отношеній его къ Фленушкѣ, обозначаются уже «На горахъ». Тамъ же и окончательная развязка отношеній Алексѣя къ Марьѣ Гавриловнѣ, отношеній, развившихся какъ-то помимо Фленушки, но такихъ по своему существу, что она бы, конечно, не отказалась, если бы не прозѣвала, содѣйствовать и тутъ «чужому счастью», хотя и хорошо, разумѣется, знала, что за птица этотъ красавецъ Лохматый.

Вся тайна его обаятельнаго вліянія на скитскую вдовушку—въ ея прежней испорченной жизни, да въ роковомъ его сходствѣ съ тѣмъ милымъ ея Евграфомъ, котораго подмѣнилъ въ качествѣ ея суженаго его самодуръ отецъ. «Подчаль такого жениха,—говорилъ ей про Евграфа ея родитель, узнавъ, какъ Масляниковы богаты.

—Я тебѣ, кажись, въ ноги поклонюсь, даромъ, что отецъ, а ты—мое рожденье. Чужихъ денегъ не бирывалъ, а отъ тебя, моего рожденья, всегда могу взять» (II, 81). Понятно, что когда позарился на ея красоту, устраняя своего сына, самъ старикъ Масляниковъ, отецъ невѣсты охотно пошелъ и на это, хотя новый женихъ и предлагалъ ему: «А то, пожалуй, отдавай свою дочь за Евграшку... только знай, что ему отъ меня мѣднаго гроша не будетъ» (II, 92—94).

Что затѣмъ сталось съ безъ вѣсти пропавшимъ Евграфомъ, объ этомъ мы такъ и не узнаемъ не только «Въ лѣсахъ», но и «На горахъ». Но что сталось съ Марьей Гавриловной, это можно предвидѣть еще въ первой поэмѣ и это становится окончательно яснымъ во второй. «Бываетъ,—говоритъ авторъ,—что женщина на переходѣ отъ зрѣлаго возраста къ старости полюбитъ молодого. Тогда закипаетъ въ ней страсть безумная, нѣтъ на свѣтѣ ничего мучительнѣй, ничего неистовѣй страсти той» (III, 278—279). Къ тому же вѣдь тутъ всегда неизбѣжно присоединится и ревность. Такъ оно оказывается и въ настоящемъ случаѣ. «Когда Алексѣй выходилъ отъ Марьи Гавриловны, въ сѣняхъ столкнулся съ Таней. Та отступила и раскраснѣлась какъ маковъ цвѣтъ. И Алексѣй на минуту остановился, жадно взглянулъ на пышущее красотой лицо дѣвушки и, опустя голову, пошелъ со двора... «Экая дѣвчонка-то,—подумалъ онъ,—А Марья Гавриловна говоритъ—состарѣюсь, а ты еще въ порѣ будешь.—А вѣдь оно и такъ! Пароходъ 50,000, домъ 40,000 (т.-е. все это онъ уже успѣлъ перевести на себя)—значитъ у насъ теперь собственнаго капиталу 90,000... Важно!» (III, 302).

Но мы отчасти познакомились уже и съ тѣмъ, что было далѣе, касаясь отношеній Алексѣя къ Потапу Максимычу. Остальное раскроется передъ нами уже «На горахъ», какъ окончательно тамъ раскроется и основная сущность обѣихъ, неразрывно между собою связанныхъ, поэмъ Мельникова.

III.

«На горахъ».

Вторая Мельниковская поэма переноситъ насъ на другой—правый берегъ Волги, но въ ней, вмѣстѣ съ нѣкоторыми, совершенно новыми лицами, выступаютъ передъ нами многіе изъ старыхъ нашихъ знакомыхъ. Подчасъ насъ досадуетъ, что о новыхъ лицахъ разсказывается иногда слишкомъ много, съ какою-то, будто бы, старческою болтливостью, тогда какъ нѣкоторыя изъ этихъ лицъ, напримѣръ, молодые купчики, Веденѣевъ и Меркуловъ, какъ и ихъ невѣсты, Лиза и Наташа Доронины, не особенно даже интересны, какъ не интересны вообще и всѣ эти торговыя сдѣлки и взаимное подсиживанье купцовъ на Нижегородской ярмаркѣ. Мы невольно радуемся, возвращаясь отъ всего этого къ старымъ своимъ знакомымъ, но опять досадуемъ, когда исторія Потапа Максимыча и Алексѣя къ концу поэмы оказывается какъ-то скомканною, недодѣланною. Но это объясняется тѣмъ, что авторъ не самъ писалъ, а диктовалъ эти послѣднія главы, находясь уже, можно сказать, на смертномъ одрѣ.

«Они вѣдь не нашего поля ягода. Стараго лѣса кочерги,—характеризуетъ Веденѣевъ пріятелю своему Меркулову тѣхъ ярмарочныхъ дѣльцовъ, которые не получили, подобно имъ обоимъ, образованія въ высшемъ коммерческомъ училищѣ.—По ихнему старому завѣту на торгу ни отца съ матерью нѣтъ, ни брата съ сестрой—родной сынъ подвернется,—и того объегорь!, Намъ съ тобой ихъ не передѣлать». Но пріятель его того мнѣнія, что все перемѣнится, когда «пойдетъ правильная торговля». Меркуловъ не такой оптимистъ: «Изъ книжекъ ты знаешь ее,—говоритъ онъ,—а мы своими глазами ее видали... Не мало покатался я за границей, всю Европу исколесилъ вдоль и поперекъ... И знаю ее, правильную

торговлю». По его мнѣнію, это все одно. «И тамъ тѣ же Смолокуровы да Орошины, только почище, да поглаже. И тамъ весь торгъ на обманѣ стоитъ; гдѣ деньги замѣшаны, тамъ правды не жди»... «Знаешь, когда пойдетъ честная, правильная торговля?—поясняетъ онъ.—Когда изъ десяти Господнихъ заповѣдей пять только останется... когда люди до того дорастутъ, что не будетъ ни кражи, ни прелюбодѣйства, ни убійства, ни обидъ, ни лжи, ни клеветы, ни зависти... Однимъ словомъ, когда настанетъ Христово царство» (II, 17). Но когда же оно на землѣ настанетъ? Тогда что ли, когда ветхій деньми «міръ городовъ» смѣнится, по чаянью Л. Н. Толстого, и смѣнится навсегда и вездѣ, «міромъ селъ и деревень?»

Самымъ выдающимся представителемъ городского торговаго міра является «На горахъ» Марко Данилычъ Смолокуровъ, давно уже позабывшій о своемъ сельскомъ происхожденіи (тогда какъ на Чапуринѣ, мы это видѣли, сохраняется отпечатокъ села). «Мраченъ, грозенъ, властенъ, вотъ какимъ рисуется Смолокуровъ, скупъ, суровъ, недоступенъ для всѣхъ подначальныхъ» (I, 22).

Правда «Смолокуровъ платилъ хорошо, гораздо больше другихъ старыхъ рыбниковъ, расчеты давалъ вѣрные, безобидные и опричь того раза по три въ году награды и подарки жаловалъ, глядя по усердію». Но вѣдь за этимъ слѣдуетъ оговорка: «Мелкихъ людей—ловцовъ, бурлаковъ и другихъ временныхъ каждый разъ обсчитать норовилъ хоть на малость, но съ приказчиками и съ годовыми рабочими дѣла велъ на чистоту» (I, 317). Значитъ, былъ справедливъ лишь насколько это непосредственно входило въ его расчеты, въ другихъ же случаяхъ способенъ былъ даже прямо не сдержать слова. «Кто по мѣстамъ пойдетъ,—увѣрялъ онъ возмутившихся противъ него рабочихъ,—для тѣхъ сію минуту за деньгами поѣду. Первые, кто пойдутъ, тѣмъ до моего возврата Василій Ѳаддѣевъ деньги выдастъ». А самъ, между тѣмъ, «пользуясь сумятицей, перемахнулъ за бортъ, спустился по канату въ косную и, немного отплывъ, крикнулъ на баржу: «Ѳаддѣевъ, денегъ никому не да-

вать!..' Сейчасъ же я привезу водяного» (I, 111). Смолокуровъ — прямая противоположность Чапурину, про котораго всѣ говорятъ: «на правдѣ стоитъ, сроду никого не обидѣлъ, а добра дѣлаетъ много» (III, 301).

Въ одномъ только отношеніи, какъ мы уже знаемъ, уцѣлѣлъ въ Смолокуровѣ человѣкъ. Это въ отношеніи къ дочери. Для нея онъ даже не хочетъ опять жениться, въ этомъ отличаясь отъ множества очень недурныхъ людей и даже не совсѣмъ дурныхъ отцовъ. «Невѣсты не хаю,—говоритъ онъ,—а думаю такъ: нашелъ бы я въ ней жену добрую да разумную, да не сыскалъ бы родной матери Дунюшкѣ. До гробовой доски не возьму я дочкѣ мачихи». Благое, смягчающее вліяніе имѣла на него Дунюшка. «Съ утра до ночи черною хмарою тучей ходилъ, но какъ только взглянетъ на него веселыми синенькими глазками Дуня—и онъ сейчасъ просіяетъ, а тутъ и проси у него, что хочешь» (I, 22—23). Выходитъ, что и его сердце, среди порочныхъ упоеній наживою, хранило, по выраженію поэта,

. . . одинъ святой залогъ,
Одно Божественное чувство.

Но, любя Дуню, онъ понималъ ее слишкомъ по своему. «Когда нежданно-негаданно доходитъ до него вѣсть о томъ, что братъ его Мокей Данилычъ живъ, но въ плѣну и ждетъ выкупа, встрепенулось было сердце радостью... мелкнула въ памяти и тѣсная дружба, и беззавѣтная любовь къ нему во дни юности (когда, значитъ, и вообще говорило въ немъ чувство), но тотчасъ же налетѣла хмарая, мрачная дума. «Половину достатковъ придется отдать! Дунюшку обездолить» (II, 360—361). А Дунюшка, если бы знала, то конечно отказалась бы ото всего, только бы выкупить плѣнника—будь этотъ плѣнникъ даже и не родной дядя. Онъ же, вмѣсто того, чтобы спѣшить съ этимъ дѣломъ, все откладываетъ, да откладываетъ, а потомъ торгуется на счетъ выкупа.

Съ другой стороны, чтобы только угодить Дунѣ, онъ готовъ и на долгую съ нею разлуку, становясь въ

этомъ смыслѣ какъ бы живою уликою матери Манеѳѣ съ ея эгоистическою любовью къ Фленушкѣ. А отсутствіе Дуни для него прямо гибельно. Безъ нея онъ весь попадаетъ подъ власть своей гнѣвной страсти. «И рветъ, и мечетъ, на кого ни взглянетъ,—всякъ виноватъ... Разворался на работниковъ, будто они виноваты, что печи дымятъ... Но теперь не весна, работники окрысились... «Расчетъ давай, ни одного часа не хотимъ работать у облая». На пристань изъ работной избы пошелъ, а тамъ лѣсники, развалясь на плотахъ, спятъ себѣ, пригрѣтые солнышкомъ... Кричитъ въ источный голосъ, задыхается, на каждомъ шагу спотыкается. Но добѣжавъ до вѣнца горъ, грохнулся о земь Марко Данилычъ... Безгласенъ, ротъ на сторону, а самъ глухо хрипитъ... Не владѣетъ рука» (III, 250—253). Свалился могучъ богатырь отъ безудержнаго своего гнѣва, а доконали его старые грѣхи, какъ бы воплотившіеся передъ нимъ всѣ разомъ въ ужасающемъ образѣ Корнѣя Евстигнѣева.

«Я, ваше степенство, теперича за другимъ расчетомъ къ тебѣ пришелъ, — говоритъ Корнѣй. — Лучше меня самого знаешь дѣла мои. Дѣла, за какія въ Сибирь на каторгу ссылаютъ... Кто велѣлъ мнѣ Орошинскаго приказчика избыть? Письмо-то вашей милости у меня цѣло... Утопилъ я Волчанина, сдалъ въ акуратъ, а особаго награжденья не получилъ. Забылъ видно? А какъ на Низу поддѣльные документы мы съ тобой сбывали,— и это видно забылъ?.. А какъ до смерти угорѣло у тебя двое молодцовъ, чтобы только разстаться тебѣ съ ними, и чтобы они дѣлъ твоихъ на судъ не показали? Печи-то вѣдь я по твоему приказу топилъ. Пропадать, такъ пропадать, за то ужь и ты, ежель выздоровѣешь, пропадешь... Понялъ дѣло? Двѣсти тысячъ подавай!» (IV, 39). Смолокуровъ этимъ убитъ. Многозначительно причитаетъ Потапъ Максимычъ надъ бездыханнымъ тѣломъ: «Эхъ, Данилычъ, Марко Данилычъ! Много ты на свѣтѣ жилъ, а, надо правду говорить, жить не гораздо умѣлъ. Въ какомъ положеніи семью оставилъ? Положилъ капиталовъ достаточно, да развѣ въ однѣхъ деньгахъ счастье? Из-

жилъ ты, пріятель, свой вѣкъ въ этомъ городѣ, а друзей не нажилъ ни одного» (46). «И еще бы ему нажить друзей, коли вѣкъ онъ держался правила: «купецъ, что стрѣлецъ, оплошнаго ждетъ. ...Сватъ сватомъ, братъ братомъ, а денежки не родня» (I, 183).

Принимается Потапъ Максимычъ за дѣла Смолокурова, хотя онъ ему ни братъ, ни сватъ; принимается просто по христіанскому чувству, не вѣдая даже, что и въ судьбѣ Дуни Смолокуровой играетъ не маловажную роль все то-же бѣдовое чадушко его сестры Манеѳы, Фленушка, загубившая безъ оглядки его голубку Настю.

Вѣдь Фленушка-то, частью жертвуя собой для Манеѳы, частью просто боясь замужества, и указала на Дуню Смолокурову своему Петру Степановичу. Указала то она ему хорошо. Дуня на самомъ дѣлѣ не ей чета. «Кого по мысли найду,—вѣрно опредѣляетъ себя Дуня,—за того и пойду и буду любить его до вѣку, до послѣдняго вздоха—одна сыра земля остудитъ любовь мою. Гдѣ мужъ да жена въ любви, да въ совѣтѣ, по добру да по-правдѣ живутъ, въ той семьѣ самъ Господь живетъ. Онъ и научитъ меня такъ поступать» [1]). Но, указавъ Самоквасову на Дуню, Фленушка вѣдь не сразу выпустила его изъ своихъ рукъ. «Матушка больнымъ больнешенька,—говоритъ пріѣзжая монахиня про Манеѳу,—а Фленушка и къ винцу возымѣла пристрастіе. Свертитъ она, скрутитъ сердечнаго Петра Степаныча, безпремѣнно споитъ сердечнаго». А Дунюшка на бѣду сидитъ и слушаетъ. «Зелень у Дуни въ глазахъ заходила, когда услышала она Таисеины рѣчи... Не то, чтобы слово молвить,—бровью не повела, пальчикомъ не двинула... Одна осталась и тутъ не заплакала... Стала ровно каменная» (II, 142). А между тѣмъ—тутъ вѣдь и оказалось, почему и куда такъ внезапно скрылся Петръ Степанычъ. Дошелъ до него отъ другой монахини слухъ, что Манеѳа уговариваетъ Фленушку постричься, а та и согласилась, и нѣтъ, и къ синему кув-

[1]) «Въ лѣсахъ», IV, 225.

шину прибѣгать стала. Полетѣлъ къ ней на выручку Петръ Степанычъ. «Меня-то жалѣть некому, опричь развѣ матушки,—причитаетъ передъ нимъ Фленушка.— Что́ я, что́ сорная трава въ огородѣ, все едино. Полютъ ее, Петинька, понимаешь-ли? полютъ! Съ корнемъ вонъ». Точно будто-бы онъ-то и виноватъ, онъ, котораго она все водитъ да водитъ, заставляя его, такъ сказать, ревновать себя къ матери Манеѳѣ.—«Про меня-то, видно, забыла»,—съ нѣжнымъ укоромъ замѣчаетъ ей Самоквасовъ.—«Не знаешь ты, какъ надо́ любить,—заигрываетъ она.—Тебѣ-бы все мимоходомъ, только-бы побаловать (т.-е. это ужъ прямо съ больной головы на здоровую). Жиденекъ ты сердцемъ, Петинька,—отражаетъ она его напоминанья о томъ, что не онъ ли давно уже былъ готовъ обвѣнчаться съ ней.—Любви такой дѣвки, какъ я, тебѣ не снести... По себѣ поищи, потише да посмирнѣе... Что съ Дуней-то Смолокуровой ладится-ли, что-ли, у тебя?»—кокетливо ревнуетъ она его къ дѣвушкѣ, на которую сама-же ему и указала, ревнуетъ съ тѣмъ, чтобы завладѣть имъ—не навсегда, но на этотъ разъ. «Чего жалѣть себя? кому блюсти?—млѣетъ она въ страстной истомѣ.—Охъ, эта страсть... Зачѣмъ мнѣ дѣвство мое? Къ чему оно? Бери его, мой желанный, бери...» А онъ вѣритъ ей, онъ увѣренъ, что такъ оно уже навсегда, онъ послушно уѣзжаетъ затѣмъ всего на три дня, чтобы, вернувшись, увезти ее съ собою въ Казань и тамъ обвѣнчаться. Но, вернувшись, онъ попадаетъ въ скитъ какъ разъ въ минуту постриженья. Онъ все-таки проникаетъ къ ней, но напрасно отчаяннымъ голосомъ по прежнему называетъ ее по имени: «Фленушка!» «Какъ стѣна выпрямилась станомъ мать Филагрія. Сдвинулись соболиныя брови, искрометнымъ огнемъ сверкнули гнѣвныя очи. Какъ есть Манеѳа. Медленно протянула она впередъ руку и твердо, властно сказала: «Отыди отъ мене, сатано!» Она обманула его, хотя и любила его по своему, подобно тому, какъ, по своему же любя, обманывала и свою мать.

Онъ для нея теперь—*сатана*, она должна только отъ

него спасаться. А что же будетъ съ нимъ, съ этимъ *искусителемъ*, который на самомъ дѣлѣ былъ только *искушённымъ*,—до этого ей уже дѣла нѣтъ. Какъ теперь появится онъ на глаза къ Дунѣ Смолокуровой? Но вѣдь онъ—человѣкъ торговый; можно отправиться въ Нижній. «А на ярмаркѣ гусли гудятъ, у Макарья наигрываютъ, развеселое тамъ житье, ни тоски нѣту, ни горюшка, и не знаютъ тамъ кручинушки...» «Туда, въ этотъ омутъ, и ринулся съ отчаянья Петръ Степанычъ» (II, 124).

А что же Дуня? Она, между тѣмъ, незамѣтнымъ образомъ втягивается въ другого рода омутъ. Какъ разъ въ то время, когда доходитъ до нея роковая вѣсть про Петра Степаныча, завязывается у нея знакомство съ дамою въ черномъ, поднявшею на руки очутившуюся на мостовой меньшую дѣвочку Дуниной подруги. «По душѣ пришлась скорбной Дунѣ Марья Ивановна. Голосъ тихій и кроткій, рѣчь задушевная, нѣжная, добрая улыбка, скромные величавые пріемы и проницательные ясные взоры чуднымъ блескомъ сіявшихъ голубыхъ очей невольно безсознательно влекли къ ней разбитое сердце потерявшей земныя радости дѣвушки» (II, 143). Дуня и прежде любила читать, а Марья Ивановна указала ей много новыхъ книгъ все съ такими особенными заглавіями,—книгъ, которыя и попадаются ей среди купленнаго отцомъ хлама. «Сначала эти книги покажутся вамъ непонятными, даже скучными, — предупреждаетъ ее Марья Ивановна,—но вы этимъ не смущайтесь, не бросайте ихъ, а читайте, перечитывайте, вдумывайтесь въ каждое слово и понемногу вамъ станетъ все понятно и ясно...» Какъ нельзя болѣе кстати въ ея положеніи Марья Ивановна ей говоритъ: «Никогда не помышляйте о земной, страстной любви къ какому-бы то ни было мужчинѣ... Чтобы ея никогда даже въ воображеніи вашемъ не было... Эта страсть одно лишь горе, одно несчастье приноситъ людямъ... Счастья никогда въ той любви не бываетъ». Все это такъ неожиданно, но, опять таки повторяемъ, такъ кстати. «Молча, въ какомъ-то

полузабытьи, сидѣла Дуня... Новыя мысли, новыя чувства! Властно овладѣли умомъ и разбитымъ сердцемъ ея восторженныя, таинственныя слова Марьи Ивановны Алимовой» (II, 149—153). Все новые оттѣнки сказываются постепенно въ дальнѣйшихъ ея внушеніяхъ,—оттѣнки загадочные, страшные, чтобы не сказать болѣе; но этимъ усиливается обаяніе той таинственности, которою все болѣе и болѣе увлекается Дуня.

«Надо претерпѣть всѣ бѣды, —напѣваетъ ей Марья Ивановна,—всѣ напасти и скорби, надо все земное отвергнуть: и честь, и славу, и богатство, и самолюбіе, и обидчивость, самый стыдъ отвергнуть и всякое къ себѣ пристрастіе» (II, 155). Было одно существо, которое съ перваго-же знакомства съ Алимовой не взлюбило ее. Это была добрая, незлобивая воспитательница Дуни, Дарья Сергѣевна... Не зависть, не досада сказывались въ ней, а какое-то темное, непонятное провидѣнье чего-то недобраго (II, 343),—провидѣнье, вытекавшее изъ ея чисто материнской привязанности къ Дунѣ.

«Ежели кто проникнетъ въ сокровенную тайну,—продолжала, между тѣмъ, свои все болѣе и болѣе загадочныя внушенья Алимова,—ежели кто всю ее познаетъ и будетъ къ ней «приведенъ», тотъ вступаетъ въ супружество съ тѣмъ пророкомъ, который его привелъ, или съ тѣмъ человѣкомъ Божіимъ, на котораго ему укажетъ пророкъ... Между людьми, познавшими «тайну», есть и мужчины, и женщины... Такіе мужчины приводятъ въ тайну женщинъ, женщины мужчинъ... Это и есть духовное супружество...» Тутъ однако-же Дуня окончательно озадачена и въ недоумѣніи спрашиваетъ: «Стало быть у духовнаго супруга бываетъ по нѣскольку женъ?»

«Что-жъ изъ того?—отвѣчаетъ Марья Ивановна.—Вѣдь это не плотскіе мужъ съ женою...» (383).

Но вотъ Алимова приглашаетъ Дуню къ себѣ, и она просится къ ней у отца, уступая приманкѣ возможной тамъ встрѣчи съ какимъ-то «пророкомъ».

Смолокуровъ не въ силахъ ни въ чемъ отказать своей Дунѣ и не обращаетъ вниманія на Дарью Сергѣевну.

Дуня уже тамъ, у Алимовой и родственника ея, генерала Луповицкаго,—она въ деревнѣ у богатыхъ и знатныхъ баръ, и это только тѣшитъ старика Смолокурова, какъ ни тяжело ему было разстаться со своею Дуней. На нее же, съ ея любящею душою, и то уже должно было обаятельно дѣйствовать, что «народъ въ имѣніи Луповицкихъ былъ хотя не богатъ, но достаточенъ. Всѣ были богомольны, каждый праздникъ въ церкви яблоку было негдѣ упасть... Луповицкіе считали крѣпостныхъ своихъ за равныхъ себѣ по человѣчеству» (III, 34). Не всегда оно было такъ, но что̀ было, то прошло, да и Дуня, конечно, не знала этого. «Во время оно у генерала Луповицкаго, до перемѣны его, бывало тутъ безпросыпное пьянство и туда по бурмистрову приказу десятками приводили разряженныхъ дѣвокъ и молодицъ». Теперь на томъ же самомъ мѣстѣ, повидимому, не то, а «сокровенная Сіонская горница». Тутъ бываютъ радѣнья «Божьихъ людей», въ которыя быть посвященною предстоитъ и Дунѣ. Да, ей предстоитъ быть посвященною въ то, что̀ на дѣлѣ не чуждо своего рода *оргіи*. Ее вводятъ въ новую обстановку съ большою осторожностью, поручивъ ее особенному попеченію такой же молодой дѣвушки, какъ она сама—племянницѣ Луповицкихъ, Варенькѣ. Отъ нея-то заранѣе и узнаетъ Дуня о многомъ такомъ, къ чему тутъ ловкимъ образомъ примѣняется текстъ: «Безумное Божіе премудрѣе человѣческой мудрости» (III, 26). Дуня сперва озадачена представившимся ей обрядовымъ цѣлованьемъ съ мужчинами, но Варенька успокаиваетъ ее тѣмъ, что «у Божьихъ людей, какъ у ангеловъ, нѣтъ ни мужчинъ, ни женщинъ» (III, 26, 31). Дуня съ изумленіемъ замѣчаетъ, что во время радѣній «со всѣхъ льетъ ручьемъ потъ, на всѣхъ взмокли радѣльныя рубахи, а Божьи люди все радѣютъ, лишь изрѣдка отирая лицо полотенцемъ». «Это духовная баня,—поясняетъ ей уже сама Марья Ивановна,—это—истинное крещенье водою и духомъ» (III, 124). «Не того ждала Дуня отъ Божьихъ людей. Не такіе обряды, не такое моленіе духомъ она представляла себѣ. Иного

страстно желала, къ иному стремилась душа ея» (III, 135). И все-таки она идетъ безъ оглядки далѣе—въ надеждѣ, что наконецъ-то, подъ этими странными формами, раскроется передъ ней затаенная въ нихъ глубина—настоящее вознагражденье за все, что̀ она потеряла. И вотъ — Дуня уже готова съ какимъ-то особеннымъ сладострастіемъ произнести ужасный обѣтъ. «Должна ты отречься отъ міра,—внушаютъ ей,—и отъ всего, что въ немъ есть. Должна забыть отца и мать, братьевъ и сестеръ, весь родъ свой и племя. Должна отречься отъ своей воли, не должна имѣть никакихъ желаній, должна все исполнять, что̀ бы тебѣ ни повелѣли, хотя бы и подумалось тебѣ, что это зазорно или неправедно» (III, 158). Это, конечно, стоило тѣхъ обѣтовъ, которые принесла въ своемъ скиту Фленушка, чтобы стать затѣмъ матерью Филагріей. Но недаромъ «доходили слухи до Луповицъ, что тамъ гдѣ-то у подножія Арарата явился царь-пророкъ и первосвященникъ, что онъ торжественно короновался и, облачась въ порфиру, надѣвъ корону съ другими отличіями царскаго сана, подражая Давиду съ гуслями въ рукахъ, радѣлъ среди многочисленной толпы» (III, 169). Дуня увлекалась этими слухами и съ нетерпѣньемъ ждала посланника съ Арарата. Но, съ другой стороны, доходили до нея совсѣмъ уже безобразныя сказанія «про Саваоѳа богатаго богатину и про Ивана Тимофеевича, Христа его». Сказанія эти доходили до нея случайно, помимо Луповицкихъ. «Стало быть, не вся ихъ тайна открыта мнѣ,— грустно соображала она. — Всего не хотѣли сказать» (336—37). Напрасно Варенька успокаивала ее, что «все это вздоръ, пустяки», но что «для людей малаго вѣдѣнья они необходимы». «Тяжелъ былъ Дунѣ этотъ разговоръ. Все, видно, у нихъ на обманѣ стоитъ... Если меня не обманываютъ, то этихъ простыхъ людей обманываютъ... Для чего открывать однимъ больше, другимъ меньше?» (346). Но не въ такое еще недоумѣніе приведена была Дуня, когда они подошли къ отвореннымъ окнамъ хлыстовской богадѣльни. «Скача и бѣгая вприпрыжку,

хлысты съ ожесточеньемъ и дикой злобой немилосердно били самихъ себя... Струится кровь по плечамъ, кровенятъ на себѣ бѣлыя радѣльныя рубахи. Иные головой о стѣну колотятся, либо о печь, другіе горячей лучиной палятъ себѣ тѣло, иные до крови грызутъ себѣ руки и ноги, вырываютъ бороды и волосы. Умерщвленіе плоти! Вдругъ затворились окна, вдругъ потухли огни. До поздняго утра мужчины и женщины оставались вмѣстѣ» (III, 357—363). Но вѣдь и тутъ опять—только люди «малаго вѣдѣнья», доводящіе до грубаго буквальнаго пониманія то, что имѣетъ совершенно иное значеніе для проникшихъ въ самую тайну. Дуня, конечно, не въ состояніи даже вполнѣ понять, до чего тутъ доходитъ «буквальное пониманіе». Но ей все-таки противно, тошно, и только ожиданіе таинственнаго посла съ его тайною «духовнаго супружества» еще поддерживаетъ ее и удерживаетъ отъ бѣгства. «Когда пріѣдетъ Егорушка,—совѣщаются между тѣмъ Луповицкіе, — мы съ нимъ потолкуемъ насчетъ этой Дуни... Тогда она наша, и милліоны (т.-е. Смолокуровскіе милліоны) наши». Бѣдная Дуня! Не чуется ей, до чего доходитъ этотъ самый таинственный гость съ Арарата, говоря Луповицкому: «Мы, люди Божіе, водимые духомъ, мы — Новый Израиль, а у Израиля было двѣ жены, родныя между собою сестры, и кромѣ того двѣ рабыни, и ото всѣхъ четырехъ произошли равно благословенныя племена Израильскія... Недалеко то время, когда этотъ законъ будетъ общимъ» (III, 423). Ей предстоитъ идти къ этому человѣку, который готовъ ей открыть такъ давно уже занимающую ее тайну «духовнаго супружества», но открыть не иначе, какъ наединѣ. «Не всякому открою,— говоритъ онъ,—а на соборѣ не скажу ни слова. Тамъ вѣдь бываютъ и люди малаго вѣдѣнія, для нихъ это было бы соблазномъ, навело бы на грѣховныя мысли» (III, 433). И вотъ она входитъ къ нему, но, прежде, чѣмъ удостоиться его бесѣды, должна «исполнить святой обрядъ, установленный въ кораблѣ людей Божіихъ». Обрядъ этотъ, впрочемъ, ужь для нея не новость. «Вся

покраснѣла Дуня, но любопытство было такъ сильно, что она рѣшилась дать Денисову холодное лобзанье, какое дала бы каждому изъ сидѣвшихъ въ Сіонской горницѣ. Она протянула лицо, а онъ, цѣлуя ее серафимскимъ лобзаньемъ, вдругъ сжалъ ее въ объятіяхъ».

Тутъ только раскрылось передъ Дуней вполнѣ грубое, вполнѣ буквальное пониманіе заманчивой «тайны» этимъ «пророкомъ», пониманіе, въ силу котораго то, что завелось вмѣсто прежнихъ отвратительныхъ оргій крѣпостной поры, является, при всей своей мистической оболочкѣ, лишь новою мерзостью запустѣнья на мѣстѣ, величаемомъ святою «Сіонскою горницею».

Только быстрый прыжокъ въ заранѣе замѣченное Дуней потайное окно съ изображеніемъ св. Амвросія спасаетъ ее, находящую затѣмъ убѣжище у отца Прохора. Приходится не брезгать его защитой, хотя онъ и никоніанецъ. Горькій опытъ открываетъ Дунѣ глаза. «Не я была нужна имъ,—сознаетъ она теперь,—а тятенькинъ капиталъ. «Мы, дескать, ее опозоримъ, ей не за кого будетъ замужъ идти, поневолѣ у насъ останется и рано ли, поздно ли, достатки ея будутъ у насъ въ рукахъ» (IV, 35).

Но вотъ Дуня снова въ своей прежней средѣ, въ своемъ домѣ, гдѣ ожидаетъ ее нежданное сиротство. На счастье ея, тотъ, о комъ она въ сущности не забывала, чьи черты ей напомнилъ при первомъ на него взглядѣ и ужасный Араратскій гость, онъ, ея Петръ Степановичъ, не погибъ въ Нижегородскомъ развеселомъ омутѣ, какъ не погибла и она у своихъ «Божьихъ людей». Онъ опять возлѣ нея, онъ только и молитъ, чтобы она никогда не напоминала ему о послѣдней его поѣздкѣ въ скитъ. «Было у насъ съ ней,—говоритъ онъ про бывшую Фленушку,—одно баловство... по правдѣ говорю, по совѣсти» (IV, 126). Съ перваго взгляда, конечно, онъ какъ-будто бы только вывертывается, успокаивая ее. Но вѣдь и въ самомъ дѣлѣ вся эта его исторія съ Фленушкой одно «баловство», по крайней мѣрѣ со стороны Фленушки, раздѣлывающейся такимъ «баловствомъ» за принесенную

сю Манееѣ, а также и своимъ опасеньямъ замужества—жертву.

Въ Дунѣ, послѣ смерти ея отца, Потапъ Максимычъ находитъ себѣ новую названную дочку. Это вознагражденье ему не столько за нежданно быструю смерть и второй дочери, вышедшей за Василья Борисыча, сколько за его милую, незабвенную Настю.

Какъ внезапно умирающая отъ простуды Прасковья Потаповна никогда не была особенно любима отцомъ, такъ не можетъ пользоваться, конечно, и особою симпатіею читателей. Вся она такъ вѣдь и обрисовывается въ слѣдующей неприглядной картинкѣ: «Очнулась Прасковья Потаповна, зѣвнула во всю сласть, и впросонкахъ тупымъ взглядомъ обвела всѣхъ, бывшихъ въ комнатѣ». Между тѣмъ, ея единственное дитя, Захарушка, чуть было не скатился при этомъ съ ея колѣнъ. «Ахъ, ты, дураѳья безумная,—вскрикнулъ на нее Потапъ Максимычъ.—Даже рожденья своего не жалѣетъ... Эхъ, Настя, Настя! была бы жива ты,—прибавилъ онъ надорваннымъ отъ горя голосомъ.—Все съ собой унесла, бѣлая моя ласточка» (IV, 172).

Прасковья Потаповна, можно сказать, проспала всю жизнь. Какъ-то сонно, безъ увлеченія, отдалась она Василью Борисычу, сонно дала ему себя увезти и наконецъ сонно—взяла да и простудилась до смерти, развязавъ этимъ мужу руки. Въ числѣ всякихъ жертвъ егозливой Фленушки (къ которымъ, конечно, относится и она сама) не послѣднее мѣсто, пожалуй, занимаетъ и Василій Борисычъ. Конечно, она могла бы ему сказать: «самъ на себя пеняй, посолъ московскій, въ грамотѣ поученный человѣкъ», дающій себя сманить, подобно Алешѣ Поповичу, на глупое поприще подлипалы, за которое приходится наконецъ поплатиться вольной птицѣ всею своею волею. Далъ вѣдь себя знать Василью Борисычу очутившійся вдругъ его тестемъ Потапъ Максимычъ, возлюбившій и его, какъ сперва Алексѣя, съ тѣмъ, чтобы такъ же скоро въ немъ разочароваться. «Тесть изъ зятя только веревокъ не вилъ, былъ у него Василій Бо-

рисычъ во всей власти и на всей его волѣ... Уйти изъ тестева дома все равно, что руки на себя наложить». Еще бы! примутъ его развѣ тамъ, откуда послали его по скитамъ. А «давно ли старообрядство почитало его за великаго человѣка... и вдругъ сталъ посмѣшищемъ» (III, 284). Вольно же было, постоянно приговаривая «искушеніе!», постоянно поддадать каждому встрѣчному искушенію. «Изъ прежнихъ пріятелей никто къ дому его близко не подпуститъ... Давно клянетъ себя Василій Борисычъ за сладкую ночку въ лѣсочкѣ Улангерскомъ». Можно бы, конечно, сказать и потѣшающемуся теперь надъ нимъ Чапурину: вольно-жъ тебѣ было, старикъ, разъ уже такъ обманувшись въ Алексѣѣ, снова себѣ создать какой-то кумиръ изъ этого Василья Борисыча. Не его же вина, что онъ только пустая кукла, а ты его прочилъ въ боги. «На повѣрку вышло,—сознается старикъ,—что мой Василій Борисычъ никуда не годенъ—только и знаетъ, что съ дѣвками пѣть, да по лѣсочкамъ межъ кусточковъ съ ними валандаться» (II, 276—77). Очутившись привязаннымъ навсегда къ своей сонно-безмолвной женѣ, онъ пытается снова пуститься въ свою прежнюю жизнь, не смущаясь Прасковьиной ревностью, но все-таки побаиваясь тестя. «Живетъ онъ у тебя безо всякаго дѣла,—думаетъ надоумить Чапурина Никифоръ Захарычъ,—извѣстно, что каждый человѣкъ безъ дѣла во всякое время можетъ съ ума спятить. По себѣ сужу... Поѣдешь куда, возьми, чтобъ онъ во всемъ изъ твоихъ рукъ смотрѣлъ» (IV, 184—185). Недаромъ вѣдь и Фленушкины продѣлки объясняетъ мать Манефа тѣмъ, что «скука, тоска, дѣла никакого нѣтъ» (II, 56). Слушается Потапъ Максимычъ Никифора—беретъ за собою въ видѣ опыта Василья Борисыча, но, когда онъ, вернувшись, застаетъ нежданно жену на смертномъ одрѣ, старикъ, схоронивъ, находитъ все-таки самымъ лучшимъ разстаться съ зятемъ. Онъ при этомъ не довѣряетъ ему и Захарушку, оставляя его на хорошихъ женскихъ рукахъ. «Разойдемся-ка мирно по доброму, по хорошему,—говоритъ онъ бывшему своему любимцу.—О сынѣ своемъ

заботы не имѣй, теперь онъ на рукахъ у Дарьи Сергѣевны... Всѣ мои добытки пополамъ съ Груней (названною дочерью) ему отдамъ... Дарю тебѣ пару лошадей, да санки,—поѣзжай, куда знаешь. А это возьми». И подалъ ему увѣсистый бумажникъ» (IV, 200). Такъ же вѣдь щедро когда-то распрощался онъ съ Алексѣемъ Лохматымъ.

А этотъ герой наживы и безстыднаго нахальства все далѣе и далѣе подвигается по своему побѣдоносному пути. Не позабылъ даже и о томъ домикѣ, въ которомъ проживала Марья Гавриловна въ скиту у Манееы: надо его или на своз продать, или чтобы мать игуменья деньги за него уплатила. А самъ между тѣмъ, какъ разсказываетъ о немъ Чапурину С. А. Колышкинъ, «по 1-ой гильдіи торгуетъ, того и жди, что въ городскіе головы попадетъ... У Марьи Гавриловны за душой мѣдной полушки не осталось... Въ горничныя попала къ мужниной полюбовницѣ... Много у него ихъ... А набольшая одна... Въ приданство Марья Гавриловна принесла... молоденькая дѣвчонка — Татьяной Михайловной звать» (III, 269). Но существуютъ про Алексѣя еще и такіе слухи: «сворованными у жены сотнями тысячъ работаетъ, а отцу съ матерью поѣсть нечего. Не разъ Христомъ Богомъ старикъ Трифонъ просилъ сына о помощи. Отвѣта даже не выслалъ. А семья въ разоръ разорилась, дѣвка загуляла, сколько разъ ворота дегтемъ у нихъ мазали... Саввушка... меньшой сынъ—добрый паренекъ, смышленый — мертвую запилъ, а теперь, слышь, въ солдаты нанимается» (III, 272).

Но недаромъ, при видѣ Чапурина, не разъ раздавалось въ ушахъ Алексѣя: «отъ сего человѣка погибель твоя». Пробилъ наконецъ Алексѣю часъ. Онъ пробилъ для него послѣ того, какъ Алексѣй, соскучившись, покинулъ и Таню, а та бросилась къ ногамъ Марьи Гавриловны, прося у нея прощенія; добрая же Марья Гавриловна и въ самомъ дѣлѣ простила взрощенную ею дѣвушку и стала съ тѣхъ поръ по прежнему съ нею неразлучна.

Какое-то дѣло заставило Алексѣя плыть на Низъ. Вышло такъ, что на томъ же пароходѣ ѣхали и Потапъ Максимычъ съ Никифоромъ Захарычемъ... Алексѣй не зналъ, что они помѣстились въ каютѣ какъ разъ рядомъ съ нимъ (IV, 226—227). «Что за господинъ такой? — спросилъ у Алексѣя одинъ изъ его самарскихъ знакомыхъ. И вотъ Алексѣй принялся разсказывать о томъ, какъ, находясь еще въ бѣдности, поступилъ въ работники къ Потапу Максимычу, и какъ его тогда возлюбилъ Чапуринъ. Признаемся, что этотъ разсказъ, находящійся въ самомъ концѣ и написанный авторомъ уже во время болѣзни, представляется намъ мало естественнымъ. Такой человѣкъ, какъ Алексѣй, едва ли такъ откровенно сталъ бы вспоминать о порѣ своей бѣдности, а тѣмъ менѣе объ оказанныхъ ему когда-то благодѣяніяхъ. Между тѣмъ, Алексѣй говоритъ про Потапа Максимыча: «такъ разсчиталъ меня послѣ похоронъ дочери, что проживи я у него два года и больше того, такъ по уговору и получать бы не пришлось... На этомъ я ему навсегда останусь благодаренъ». Этимъ, конечно, возбуждается со стороны его собесѣдниковъ вопросъ: «Что-жъ это онъ вдругъ послѣ дочернихъ похоронъ спровадилъ васъ отъ себя изъ дома?» Вотъ тутъ Алексѣй и начинаетъ говорить подобающимъ ему захвастливымъ языкомъ: «Дочка была у него старшая, Настей звали. Ужь сколько времени прошло, какъ она въ могилѣ лежитъ, а все-таки и до сихъ поръ вспомнить о ней пріятно... И гостила тогда у Чапурина послушница Комаровской обители Фленушка... Она въ первый разъ и свела насъ... Тѣмъ временемъ пріѣзжали къ Чапурину гости изъ Самары, Снѣжковы... и было у нихъ намѣреніе Настю сватать; только она, зная за собой тайный грѣхъ, не захотѣла того... Во всемъ открылась матери... А какая была покойница, теперь и сказать нельзя... страстная, горячо увлекалась всѣмъ, сама такая тихая, ровная и передо мной, бывало, никогда противнаго слова не молвитъ. Все съ покорствомъ, все съ подчиненіемъ моей волѣ...» (IV, 228—231).

Не снилось ему, кто тутъ сидитъ въ сосѣдней каютѣ и невольно подслушиваетъ.

«Однако-жъ, душно что-то здѣсь,—сказалъ Алексѣй.—Пойти бы на палубу, освѣжиться немного...» Выходитъ, а Чапуринъ за нимъ вдогонку: «А кто обѣщалъ про это дѣло никому не поминать?»

Ни шагу не отступалъ отъ него Потапъ Максимычъ. «Подходили они къ пароходному трапу. Потапъ Максимычъ поднялъ увѣсистый кулакъ, а изъ головы Алексѣя не выходили слова: «отъ сего человѣка погибель твоя...» Пятится Алексѣй отъ Чапурина, пятится. И дошелъ такимъ образомъ до самаго трапа... А на станціи позабыли укрѣпить трапъ, черезъ который дѣвки да молодки дровъ натаскали. Дошли до этого трапа Алексѣй задомъ, Потапъ Максимычъ напирая на него... Оперся Алексѣй о трапъ, Потапъ Максимычъ былъ возлѣ него. Трапъ растворился, и оба упали въ воду... Не зная, кто упалъ, Никифоръ Захарычъ бросился въ Волгу... Первымъ увидѣлъ онъ Алексѣя, тотъ даже схватилъ его, но Никифоръ Захарычъ оттолкнулся отъ него, увидѣвъ невдалекѣ Потапа Максимыча, подплылъ къ нему, схвативъ его... и опять поплылъ къ кормѣ парохода... Никифоръ Захарычъ упорно отказался отъ просьбы спасти другого утопленника...» (IV, 232—33).

Такимъ образомъ окончательно отомстилъ Алексѣю за Настю не Потапъ Максимычъ, а возрожденный ея предсмертнымъ благословеніемъ Никифоръ Захарычъ. На это, конечно, она ему не давала благословенія. Конецъ Алексѣя пришелъ почти одновременно съ давно поджидавшимся концомъ скитовъ. Не мало оказывалось въ нихъ, какъ видно изъ разсказовъ Мельникова, признаковъ внутренней несостоятельности. Потапъ Максимычъ лучше всѣхъ сознавалъ это, хотя и поддерживалъ скитскую «дурь» своими вкладами. «Каждый изъ вора кроенъ, изъ плута шитъ»,—говоритъ старикъ Чапуринъ про свой же духовный чинъ. «Коли плуты, такъ не дураки»,—замѣчаетъ ему Колышкинъ. «Этого не скажи,—стоитъ за свое Потапъ Максимычъ.—Не мало есть на

свѣтѣ людей, что плутовства и обманства въ нихъ цѣлыя горы, а ума и съ наперстокъ нѣтъ» (III, 288—289). Съ его точки зрѣнія это бы можно было сказать, напримѣръ, про Смолокурова. Самъ Чапуринъ, конечно, совсѣмъ ужъ не плутъ, а очень между тѣмъ уменъ. «Хотя я и не богословъ,—разсуждаетъ онъ съ Колышкинымъ,—и во святомъ писаніи большой силы не имѣю, однако же такъ думаю, что вѣра Христова и у насъ, и у васъ одна».—«А какъ по твоему,—спрашиваетъ Колышкинъ,—обрядъ-отъ гдѣ правильнѣе?»—«Обрядъ-отъ,—отвѣчаетъ Чапуринъ.—Да вѣдь обрядъ не вѣра». Онъ, значитъ, смотритъ совсѣмъ не такъ, какъ Алексѣй, озадачившій, какъ мы видѣли, англичанина такимъ полнѣйшимъ смѣшеньемъ обряда съ вѣрой. «Что человѣку одежа,—сравниваетъ Чапуринъ,—то вѣрѣ обрядъ... Кто къ какому обряду измальства обыкъ, того и держись» (III, 290—291). Извѣстно, что широкій взглядъ на свободу обряда именно и былъ взглядомъ древней церкви. Если бы такою широтою взгляда обладало такъ называемое старообрядцами «никоніанство», то и не было бы гоненій за старообрядство, тѣхъ гоненій, которыя главнымъ образомъ и породили расколъ съ его фанатическою ненавистью къ «никоніанамъ». Исключеніемъ стали Потапы Максимычи, чуждые такой ненависти. Мать Манееа доводитъ ее до того, что попрекаетъ Петра Степаныча деньгами, пожертвованными имъ на «нечестіе»,—а деньги-то пожертвованы имъ на дѣтскій «никоніанскій» пріютъ. «Сиротки вѣдь они, матушка,—оправдывается онъ,—пить-ѣсть тоже хотятъ, однимъ подаяньемъ только и живутъ...»—«То прежде всего помни,—продолжаетъ свое Манееа,—что отъ нихъ благодать отнята... Развѣ ты ихняго стада? Свою крышу, другъ мой, чини, а сквозь чужую тебя не промочитъ» (II, 80—81). Фанатизмомъ, хотя и не такого эгоистическаго покроя, одержима даже кроткая Дуня Смолокурова, не желающая принять благословеніе отъ того православнаго священника, который ее спасъ изъ омута. Фанатизмъ этотъ питается другимъ фанатизмомъ — все еще продолжающимися преслѣдова-

ніями раскола, отъ которыхъ его богатые представители только до поры до времени откупаются. Но Манеѳа жалуется на нихъ, что подчасъ они своимъ измѣняютъ: «Въ евангельскія времена,—говоритъ она,—Іуда за сребреники Христа продалъ; Петербургскіе благодѣтели наши радехоньки въ карты Его проиграть, только бы потѣшиться съ министрами да съ игемонами, сирѣчь съ проконсулами да съ Каіафами» (II, 76). Казалось бы, съ одной стороны не бояться раскола уже ради начавшагося въ немъ внутренняго разложенія; съ другой стороны возложить надежду на такихъ умныхъ и честныхъ его представителей, какъ Потапъ Максимычъ, было бы гораздо умнѣе, чѣмъ попрежнему прибѣгать противъ него къ полицейскимъ мѣрамъ...

Это, повидимому, не относится къ такимъ сектамъ, какъ хлысты съ ихъ уже извѣстными намъ радѣніями. Но вѣдь и тутъ, если пораздумать, такіе пріемы, какъ испытанные было надъ Дуней ради ея капиталовъ, не вызваны ли тою потребностью владѣть капиталами, которая вызывается необходимостью прибѣгать къ подкупамъ? Разумѣется, коль скоро уже завелись такіе пріемы, ихъ терпѣть нельзя и противъ нихъ приходится употребить силу.

Все дѣло, однако же, въ томъ, отчего вообще зависитъ и чѣмъ поддерживается выходъ изъ церкви, иногда даже какое-то повальное изъ нея бѣгство съ такими его послѣдствіями, какъ скитанье по разнымъ вѣрамъ? Нашъ авторъ кидаетъ на это свѣтъ, выводя передъ нами характерный типъ Герасима Чубалова, исторія котораго является «На горахъ» однимъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ.

«Подростокъ, материнъ баловникъ,—начинаетъ эту исторію Мельниковъ.—Къ полевой работѣ не прилагалъ старанья, люди пашню пахать, а онъ руками махать». Но въ немъ, между тѣмъ, что-то такое копилось и искало себѣ исхода. А тутъ какъ разъ «въ край Сосновки... жилъ старый книжникъ, Нефедычемъ звали его... Смолоду крестьянскимъ дѣломъ онъ брезговалъ,

все бы ему на молитвѣ стоять, да надъ книжками сидѣть...» Понятно, что, провѣдавъ, наконецъ, про него, неизбѣжно направилъ къ нему стопы Гараня, отчасти напоминающій намъ (началомъ своей исторіи) Гришу въ извѣстномъ разсказѣ Мельникова.

«Только и отрады было у малаго, что къ Нефедычу за книгами бѣгать, а учитель въ книгахъ ему никогда не отказывалъ!.. Пустынное житье полюбилось юному грамотею, и подъ шумъ вѣтвистыхъ густозеленыхъ дубовъ, читая сказанія о Сирійскихъ и Ѳиваидскихъ отшельникахъ, онъ ревновалъ ихъ житію и положилъ въ своемъ сердцѣ завѣтъ провести свои дни до скончанія живота въ подвигахъ, плоть изнуряющихъ, духъ-же возвышающихъ... На 15 году Герасимъ совсѣмъ скрылся... Распалялся онъ необходимымъ стремленьемъ искать на землѣ «малое стадо» Христово и, въ немъ пребывая, достигнуть вѣчнаго спасенія. Для того и оставилъ онъ отца своего и матерь свою... Въ странство Герасимъ пошелъ...» (II, 160—167).

Авторъ обобщаетъ такое явленіе, обращая наше вниманіе на то, что во всѣ времена, во всѣхъ странахъ много бывало на Руси такихъ искателей правой вѣры. Въ стремленіи къ вѣчному блаженству жадно, но тщетно ищутъ они разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ въ пытливыхъ умахъ ихъ и мятущихъ смущенную душу... Некому научить, некому указать на путь правый. И пойдетъ пытливый умъ блуждать изъ стороны въ сторону... а все-таки не найдетъ того, чего ищетъ, все-таки не услышитъ ни отъ кого раствореннаго любовью живого, разумнаго слова. Отсюда наши расколы, отсюда и равнодушіе къ вѣрѣ высшихъ слоевъ русскаго народа... Кто виноватъ?.. Діаволъ, конечно... А кромѣ него?.. Но вѣдь это: «кто виноватъ?» вполнѣ соотвѣтствуетъ по своей глубинѣ такому же вопросу въ «Мертвомъ домѣ» Достоевскаго.

«Странствовалъ Герасимъ по разнымъ странамъ ни мало, ни много, пятнадцать годовъ съ половиной. Въ десяти вѣрахъ перебывалъ и въ каждой вѣрѣ бывалъ не

рядовымъ человѣкомъ... За учительныя бесѣды еще тогда звали его Златоустомъ, когда у него еще усъ едва пробивался... Самъ себя окрестилъ въ дождевой водѣ, собранной въ купель, устроенную имъ самимъ изъ молодыхъ древесныхъ побѣговъ и обмазанную глиной, вынутой изъ земли на трехъ саженяхъ глубины, да не осквернится та купель дыханіемъ вездѣ присущаго антихриста... Перешелъ въ секту Петрова крещенія... Слезами крестилъ себя Герасимъ, въ умиленіи стоя передъ Спасовымъ образомъ. То былъ послѣдній его переходъ изъ вѣры въ вѣру...» Но что же оказалось въ итогѣ?

«Все изъ книгъ узналъ и все воочію видѣлъ Герасимъ... а правой спасительной вѣры все-таки не нашелъ...» «Нѣтъ, видно, больше истинной вѣры, все, видно, растлѣно прелестью врага Божія...» «И въ душевномъ отчаяніи, въ злобѣ и ненависти покинулъ онъ странство... И къ людямъ, и къ себѣ самому та злоба была... *Жилъ доселѣ однимъ умомъ, сердце у него молчало...* Онъ искалъ истины ради удовлетворенія пытливости ума, но любви и добра, исходящихъ отъ сердца, не искалъ, даже и никогда и не думалъ о нихъ». Добиваясь удовлетворенія своей пытливости, онъ не переставалъ въ то же время стремиться и къ земнымъ благамъ.

«Не пѣшеходомъ съ котомкой за плечами онъ домой воротился—три подводы съ добромъ въ Сосновку привелъ. ...Что Герасимъ былъ опоясанъ чересомъ и что на гайтанѣ вмѣстѣ съ тѣльникомъ висѣлъ у него на шеѣ туго набитый бумажникъ, того никто не видѣлъ» (II, 167—170).

Наживаясь, онъ не имѣлъ въ виду кому-нибудь тѣмъ помочь,—но вдругъ, неожиданно, по возвращеніи его домой, такая помощь оказалась нужною. Въ родной деревнѣ находитъ онъ разорившуюся братнину семью.

«Взглянувъ на полунагихъ и видимо голодныхъ дѣтей, Герасимъ Силычъ ощутилъ въ себѣ новое, до тѣхъ поръ не знакомое еще ему, чувство... Черствое сердце суроваго отреченника отъ людей и отъ міра дрогнуло

при видѣ нищеты и болѣзненно заныло жалостью. Въ напыщенной духовною гордыней душѣ промелькнуло: *«не напрасно ли я 15 годовъ провелъ въ странствѣ?* Не лучше ли бы провести эти годы на пользу ближнихъ, не бѣгая міра, не проклиная суетъ его?..» Тутъ впервые понялъ онъ, что значатъ слова любимаго ученика Христова: «Богъ любы есть».—«Вотъ она гдѣ, истина то,—подумалъ Герасимъ,—вотъ она гдѣ, правая-то вѣра, а въ странствѣ да въ отреченьи отъ людей и отъ міра наврядъ ли есть спасенье. ...Вздоръ одинъ, ложь. А кто отецъ лжи? Діаволъ. Онъ это все выдумалъ ради обольщенья людей... А они сдуру-то вѣрятъ ему, врагу Божью!» (II, 178—179). «Вонъ тогда въ Сызрани соборная бесѣда у насъ была... Долго шло разсужденье, въ какомъ разумѣ надо понимать словеса Христовы: «милости хощу, а не жертвы!» Никто тѣхъ словесъ не могъ смысломъ обнять... Насказалъ я собесѣдникамъ и невѣсть чего: и про жертву-то ветхозавѣтную говорилъ, и про милости-то царя небеснаго къ вѣрнымъ праведнымъ, а самъ ровнехонько не понималъ ничего... А теперь, только что поглядѣлъ я на этихъ мальцовъ да поболѣлъ о нихъ душою, ровно меня осіялъ свѣтъ Господень и дадеся мнѣ отъ Всевышняго сила разумѣнія... *Милости, милости хощешь ты, Господи, а не черной рясы...»* (II, 191—192). И зажилъ онъ съ той поры совершенно новою жизнью.

Иванушку (старшаго племянника) взялъ въ дѣти, обучилъ его грамотѣ, сталъ и къ старымъ книгамъ его пріохочивать. Хотѣлось Герасиму, чтобъ изъ племянника вышелъ толковый, знающій старинщикъ, и былъ бы онъ ему въ торговлѣ за правую руку... «*Не нарадовался Герасимъ на братанича, любилъ его пуще чѣмъ отецъ съ матерью*; не могъ налюбоваться на своего выучка» (II, 216). И оставилъ онъ разъ навсегда свое прежнее поприще. «Звали его на праздное послѣ смерти Нефедыча мѣсто наставника... «Нѣсть правыхъ путей на земли, самъ Ты, Спасе, спаси мя, ими же вѣси путями». Укрѣпясь въ такихъ мысляхъ, Герасимъ сталъ

тайнымъ «нѣтовцемъ» [1]), и считалъ дѣломъ постыднымъ, противнымъ и Богу, и совѣсти, дѣлаться слѣпымъ пастыремъ стада слѣпыхъ» (218).

А вѣдь, казалось-бы, та любовь, на которую вдругъ навели его обстоятельства жизни, давно уже была дана въ томъ ученіи церкви, которое, не будь оно всячески заслоняемо, сдѣлало бы совершенно для него излишнимъ скитальчество по вѣрамъ и избавило бы его отъ перехода въ *нѣтовщину*—этотъ, такъ сказать, нигилизмъ религіозный. Но не видать подъ внѣшнимъ заслономъ живого духа любви,—все заполонила одна, кидающаяся въ глаза, яко бы служащая личному спасенію каждаго, обрядовая буква. Совсѣмъ обособилась она и стала своего рода кумиромъ въ расколѣ,—и несокрушимымъ останется онъ, пока не скажется снова въ церкви живое вѣяніе духа...

Нашъ авторъ раскрылъ передъ нами, въ цѣломъ рядѣ явленій общественныхъ, роковыя послѣдствія его подавленія... Наше чувство отдыхаетъ лишь на немногихъ образахъ, въ которыхъ не замеръ еще духъ жизни, истинный духъ любви и правды, потому что образы эти возникли на бытовой почвѣ *общины*, этого единственнаго убѣжища для дѣятельной вѣры, единственной охраны ея у насъ отъ окончательнаго заполоненія безсердечною буквою.

Какъ художникъ, нашъ авторъ далъ намъ такимъ образомъ почувствовать то, что далеко не ясно ему самому, какъ мыслителю. По крайней мѣрѣ, тѣ слова осужденія, съ какими относится онъ къ одному изъ видовъ общины—поземельной общинѣ—свидѣтельствуютъ о такомъ разладѣ между двумя стихіями его духа.

---

[1]) «Нѣтовщина» отвергаетъ и таинства, и освященіе, и общую молитву... По ея убѣжденію, теперь нѣтъ ничего. *Примѣч. Мельникова.*

А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

А. Н. ОСТРОВСКІЙ [1]).

Послѣ цѣлаго ряда представителей нравоописательной повѣсти и романа, появившихся у насъ вслѣдъ за Гоголемъ, обращаемся къ тому изъ нашихъ писателей, кто является прямымъ преемникомъ Гоголевской славы на поприщѣ драматическомъ. Кромѣ небольшихъ очерковъ изъ «Замоскворѣцкой жизни», относящихся къ самой ранней порѣ его дѣятельности, А. Н. Островскій, какъ всѣмъ извѣстно, является плодовитымъ авторомъ исключительно драматическихъ произведеній всякаго рода— отъ большихъ комедій и отдѣльныхъ нравоописательныхъ сценъ до историческихъ драмъ и трагедій. Тѣ и другія, не сходя съ нашей сцены, при разныхъ степеняхъ относительно достоинства, привлекаютъ и, конечно, долго еще, а многія и всегда будутъ привлекать къ себѣ вниманіе публики. Нѣкоторыя изъ комедій Островскаго навсегда останутся въ исторіи русской литературы наряду съ знаменитыми комедіями Фонвизина, Грибоѣдова и Гоголя, а его историческія драмы, при всѣхъ своихъ именно драматическихъ недостаткахъ, все же будутъ занимать первое мѣсто послѣ Пушкинскаго «Бориса Годунова».

Если навстрѣчу Пушкину и Гоголю судьба послала такого критика, какъ Бѣлинскій, то первыя драматиче-

[1]) Воспроизведено на основаніи лекцій, читанныхъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ первой половинѣ 1887 г.

скія произведенія Островскаго вызвали у насъ блистательныя критическія статьи Добролюбова и Ап. Григорьева. Читавшимъ «Темное царство»—а кто не читалъ этого наиболѣе выдержаннаго изъ Добролюбовскихъ этюдовъ?—хорошо знакома и заключающаяся въ немъ оцѣнка различныхъ и часто столь между собою противоположныхъ отзывовъ объ Островскомъ предшествовавшихъ Добролюбову критиковъ, къ которымъ принадлежалъ по первымъ своимъ статьямъ и Григорьевъ. Нельзя, мнѣ кажется, не согласиться съ Добролюбовымъ, что, усматривая у Островскаго какое-то «новое слово», Ап. Григорьевъ не довольно точно опредѣлилъ, въ чемъ же именно оно заключается? Нельзя не согласиться и съ Добролюбовскимъ объясненіемъ противоположныхъ отзывовъ нашей критики объ Островскомъ—тѣмъ, что одни хотѣли во что бы то ни стало видѣть въ немъ обличителя, другіе же—восторженнаго защитника положительныхъ сторонъ русской жизни и становились къ нему придирчивыми по мѣрѣ того, какъ онъ уклонялся отъ требованій, предъявляемыхъ ему съ той или другой стороны. Самъ Добролюбовъ пытался отнестись къ Островскому съ точки зрѣнія *реальной* критики, не требуя отъ автора ничего, но только выясняя и формулируя то, что даетъ онъ самъ. Вполнѣ ли устоялъ Добролюбовъ на этой своей точкѣ зрѣнія, это другой вопросъ. Мы попытаемся, внимательно остановившись на его критикѣ, провѣрить ее на основаніи самихъ произведеній Островскаго. При этомъ, быть можетъ, выяснится, чего не договорилъ Ап. Григорьевъ и чего не разглядѣлъ въ его нѣсколько, можетъ быть, туманныхъ статьяхъ Добролюбовъ. Перейдя затѣмъ къ произведеніямъ нашего драматурга, появившимся послѣ смерти обоихъ даровитыхъ критиковъ, мы не будемъ уже обращать особеннаго вниманія на всякіе о нихъ отзывы, подобно тому, какъ не находили мы нужнымъ касаться и всего того, что писано было въ разное время о нашихъ представителяхъ нравоописательной повѣсти и романа.

I.

Драматическія сцены первой поры.—«Свои люди—сочтемся».—«Бѣдная невѣста».

Еще при жизни Гоголя появились въ печати первыя сцены нашего автора и первая его большая комедія, сразу его такъ прославившая. Уже въ «Семейной картинѣ» (какъ озаглавлены первыя «сцены» Островскаго) мы имѣемъ дѣло съ средою, которой почти не касался Гоголь и которую, по преимуществу, себѣ отмежевалъ Островскій. Это, какъ извѣстно, среда купеческая, которую, однако же, какъ еще въ началѣ своей дѣятельности, такъ и потомъ, не разъ оставлялъ Островскій, чтобы переходить отъ нея къ той чиновничьей и барской, съ которою, по преимуществу, имѣлъ дѣло Гоголь. «Комедія Островскаго,—замѣтилъ Добролюбовъ,—не проникаетъ въ высшіе слои нашего общества, а ограничивается только средними и потому не можетъ дать ключа къ объясненію многихъ горькихъ явленій, въ ней изображаемыхъ. Но, тѣмъ не менѣе, она легко можетъ наводить на многія аналогическія соображенія, относящіяся и къ тому быту, котораго прямо не касается; это оттого, что типы комедій Островскаго нерѣдко заключаютъ въ себѣ не только исключительно купеческія или чиновничьи, но и общенародныя черты» [1]).

Такая же точно обобщающая сторона есть, конечно, и въ Гоголевской постановкѣ типовъ, какъ на то и указывалъ прямо самъ Гоголь. Мы думаемъ даже, что обобщеніе какъ Гоголевскихъ типовъ, такъ и типовъ Островскаго можетъ быть распространено и за предѣлы русской народности. Многое въ нихъ отзывается изъянами человѣческой природы и недугами человѣческаго общества вообще. Мы проводили такую точку зрѣнія, раз-

[1]) Соч. Добролюбова, III, стр. 26.

бирая Достоевскаго; думаемъ, что намъ придется подчасъ на нее становиться и при предстоящемъ разборѣ Островскаго.

Подъ названіемъ «Семейной картины» Островскій уже намѣтилъ намъ въ общихъ чертахъ ту картину *отсутствія семьи*, которая дорисовывается имъ въ цѣломъ рядѣ его дальнѣйшихъ произведеній (это отчасти напоминаетъ намъ Писемскаго). Да, семья тутъ отсутствуетъ, потому что настоящей ея основой можетъ служить только начало любви супружеской и взаимной любви между родителями и дѣтьми; тутъ же господствуетъ одинъ *страхъ*, не мѣшающій прибѣгать къ обманыванію того грознаго домовладыки, власть котораго въ его отсутствіе поддерживается его матерью, вышколенною въ свое время плеткою своего «покойника». Добролюбовъ справедливо называетъ руководящее начало такой семейной жизни *религіею лицемѣрства*. Жена Пузатова вмѣстѣ съ его сестрицей умудряются, при посредствѣ кухарки, переговариваться съ какими-то молодцами, которые зовутъ ихъ въ Останкино и просятъ захватить съ собою бутылку мадеры. Матрена Саввишна такимъ образомъ вознаграждаетъ себя за свой, разумѣется, подневольный, на всей на родительской волѣ, бракъ съ Пузатовымъ, а сестрица сего послѣдняго спѣшитъ натѣшиться, прежде чѣмъ будетъ пристроена братцемъ по его единоличному попечительному усмотрѣнію. Такимъ пристроеніемъ ея, т.-е. выгоднымъ сбываньемъ сестрицы съ рукъ, и заканчивается Пузатовская «Семейная картина». Антипъ Антипычъ только что выбранилъ старика Ширялова, котораго когда-то и самъ обманулъ, за его хватающее черезъ край мошенничество, и тутъ-же, застигнутый его приходомъ въ самый разгаръ брани, сострадательно слушаетъ его разсказы о кутежѣ его сына Сеньки и просватываетъ за него самого свою Марью Антиповну,—конечно, и не спросясь у нея.

По поводу взаимнаго другъ друга обманыванья этихъ двухъ купцовъ, Добролюбовъ мѣтко замѣтилъ, что «обманъ тутъ—явленіе нормальное, необходимое, какъ убій-

ство на войнѣ. Бытъ этого темнаго царства уже такъ сложился, что вѣчная вражда господствуетъ между его обитателями». Чтобы усмотрѣть тутъ возможность широкаго обобщенія, вспомнимъ у Мельникова слова молодого купца Веденѣева относительно такъ-называемой «правильной торговли».—«Вѣдь и тамъ,—говоритъ онъ, гдѣ держатся уже издавна ея утонченныхъ способовъ,—весь торгъ на обманѣ стоитъ»,—«тѣ же Смолокуровы да Орошины, только почище да поглаже» [1]). Но не подчищены ли только да не подглажены ли тамъ и другія стороны, свойственныя нашему «Темному царству», начиная съ его патріархальной грозы родительской и приниженности въ немъ женщины?

Но Островскій рисуетъ намъ это царство въ нашемъ его натуральномъ, совсѣмъ уже не прикрашенномъ видѣ. Кисть его становится яркою, наводящею даже ужасъ, въ его большой комедіи, появившейся вслѣдъ за «Семейной картиной». Мѣстами комическое точно такъ же тутъ переходитъ въ трагическое, какъ когда-то у Фонвизина въ «Недорослѣ». Одинъ изъ мало извѣстныхъ критиковъ Островскаго замѣтилъ: «сфера средняя, купеческая, представленная въ комедіи Островскаго, въ наше время стала тѣмъ, чѣмъ была въ XVIII в. высшая общественная среда, сословіе дворянское, изображенное въ комедіи Фонвизина» [2]). Только критикъ тутъ имѣлъ въ виду не «Недоросля», а «Бригадира». «Стремленіе автора комедіи «Свои люди—сочтемся»,—продолжаетъ онъ,—то же самое, что и у Фонвизина,—касается оно только другого сословнаго круга—отвлечь и *освободить среднее русское общество отъ предразсудковъ до-Петровской Руси* и точно также двумя путями: осмѣяніемъ тѣхъ, которые при старыхъ предразсудкахъ остаются въ отжившихъ мертвыхъ формахъ, и тѣхъ, которые переняли дурное иностранное изъ другихъ рукъ, или, лучше, у

---

[1]) См. выше стр. 108.

[2]) Кіевскія «Университетскія Извѣстія» 1868 г., № 7 и 8. Двѣ лекціи проф. Селина о «Бригадирѣ» Фонвизина и комедіи Островскаго «Свои люди—сочтемся».

русскихъ-французовъ, и стараются походить на дворянъ наружно, съ виду, но не усвоили сущности внутренняго образовательнаго начала». Не приписывая Островскому этой дидактической цѣли, усмотрѣнной у него кіевскимъ профессоромъ гораздо позже, и Добролюбовъ въ своемъ разборѣ комедіи Островскаго возлагалъ всю надежду на успѣхи образованія, выводя *самодурство* во всѣхъ его видахъ собственно изъ одного *невѣжества*. Но такъ ли это? Не имѣетъ ли оно болѣе глубокихъ корней въ извращенныхъ сторонахъ человѣческой природы, и можетъ ли одно образованіе служить отъ него такимъ всесильнымъ врачевствомъ, какъ это казалось даровитому критику?

Вѣдь «темное царство» той не купеческой, а барской среды, которую въ свое время выставлялъ Фонвизинъ, стояло такою не сдающеюся твердыней передъ медленными, конечно, но все же несомнѣнными въ ней успѣхами образованія. Что же касается собственно помѣщичьяго самодурства, то тутъ всѣ такіе успѣхи, смѣемъ сказать, оставались прямо не при чемъ, а самодурство это пошатнулось и затѣмъ повалилось только послѣ освобожденія крестьянъ, положившаго, между прочимъ, конецъ и воспитательно-развращающему дѣйствію крѣпостничества.

Но возвратимся къ тому самодурству, по преимуществу купеческому, частью же еще и барскому, какое намъ рисуетъ Островскій. У него же въ одномъ изъ болѣе позднихъ произведеній находимъ мы и точное опредѣленіе самодурства. Оно заключается въ отзывѣ квартирной хозяйки учителя Иванова о Титѣ Титычѣ Брускопѣ. «Самодуръ,—говоритъ она,—это называется, коли вотъ человѣкъ никого не слушаетъ, ты ему хоть колъ на головѣ теши, а онъ все свое. Топнетъ ногой, скажетъ: кто я? Тутъ ужь всѣ домашніе ему въ ноги должны, такъ и лежать, а то бѣда». Еще точнѣе, можетъ быть, опредѣляется самодурство въ слѣдующемъ обмѣнѣ словъ между самимъ Титомъ Титычемъ и его благовѣрной супругой.

— Настасья! Смѣетъ меня кто обидѣть?

— Никто, батюшка Титъ Титычъ, не смѣетъ васъ обидѣть. Вы сами всякаго обидите.

— Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денегъ заплатилъ на своемъ вѣку.

Чѣмъ другимъ меня обижать, лучше я обижу, — такова практическая философія этихъ людей, всячески ими видоизмѣняемая. Такъ для героя комедіи «Свои люди — сочтемся», Самсона Силыча Большова, она обращается въ правило: «*чѣмъ другимъ красть, лучше я украду*». «Правило это,—говоритъ Добролюбовъ,—можетъ быть, не имѣетъ драматическаго интереса,—это ужъ какъ тамъ угодно критикамъ; но оно имѣетъ чрезвычайно обширное приложеніе во всѣхъ сферахъ нашей жизни... Куда ни обернитесь, вездѣ вы встрѣтите людей, дѣйствующихъ по этому правилу: тотъ принимаетъ у себя негодяя, другой обираетъ богатаго простяка, третій сочиняетъ доносъ, четвертый соблазняетъ дѣвушку—все на основаніи того же милаго соображенія: «*не я, такъ другой*». (Соч. Добролюбова, III, 48). Мы только что видѣли приложеніе такой философіи именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ у Мельникова—въ лицѣ Алексѣя Лохматаго.

Но иной разъ выходитъ и такъ: *сегодня я, завтра другой*, да еще такимъ манеромъ, что жертвою этого другого сдѣлаюсь именно *я*—по недосмотру, по недостатку осторожности или потому, что уже черезчуръ зарвусь. Вотъ и придется тогда выводить для себя такую мораль: «не гонись за большимъ, будь доволенъ тѣмъ, что есть, а за большимъ погонишься, и послѣднее отнимутъ». Дальше подобной морали обыкновенно и не идутъ подобнаго рода люди; дальше ея рѣшительно не идетъ Самсонъ Силычъ Большовъ, комедія о которомъ написалась у Островскаго точно будто бы на пословицу: «нашла коса на камень». Еще вѣрнѣе къ ней примѣнить слова изъ «Братьевъ Карамазовыхъ»: «одна гадина съѣла другую гадину». Міръ Карамазовщины съ ея *безудержемъ* напоминаетъ міръ самодурства съ его рукою-владыкою. Вся жизнь въ этомъ послѣднемъ идетъ на то,

чтобы, поваливъ самодура, самимъ занять его мѣсто, по замѣчанію Добролюбова. И вотъ—«Большовъ угодилъ въ яму, а вмѣсто него явился Подхалюзинъ и благоденствуетъ на тѣхъ же правахъ» (III, 66).

Большову въ одинъ прекрасный день забралась въ голову мысль, что незачѣмъ платить кредиторамъ или же, по крайней мѣрѣ, незачѣмъ имъ платить полностью, стоитъ только прибѣгнуть къ тому, что называется «злостнымъ банкротствомъ». Извѣстно, что комедія Островскаго первоначально и была озаглавлена: «Банкротъ», а позднѣйшее свое названіе получила только ради тогдашняго цензурнаго опасенія, какъ бы не раздразнить *гусей* торговаго міра. Мысль о банкротствѣ является у Большова точно будто бы по какому-то внезапному наитію. «Островскаго, — говоритъ Добролюбовъ, — упрекали въ томъ, что онъ не довольно полно и ясно выразилъ въ своей комедіи, какимъ образомъ, вслѣдствіе какихъ особенныхъ вліяній, въ какой послѣдовательности и въ какомъ соотвѣтствіи съ общими чертами характера Большова явилось въ немъ намѣреніе объявить себя банкротомъ... У Островскаго не только ничего этого не показано, но даже выставлено банкротство Большова просто какъ прихоть, состоящая въ томъ, что ему не хочется платить денегъ». Добролюбовъ совершенно вѣрно защищалъ нашего писателя въ этомъ отношеніи. И въ самомъ дѣлѣ, на то вѣдь Большовъ и самодуръ, чтобы имѣть прихоти всякаго рода,—прихоти, разсчитанныя на то, что все ему сойдетъ съ рукъ. Самодурство и есть вѣдь не что иное, какъ именно «выраженіе самаго грубаго и отвратительнаго эгоизма при совершенномъ отсутствіи какихъ-нибудь высшихъ нравственныхъ началъ... Слѣдуя внушеніямъ этого эгоизма, и Большовъ задумываетъ свое банкротство. И его эгоизмъ еще имѣетъ для себя извиненіе въ этомъ случаѣ: онъ не только видитъ, какъ другіе наживаются банкротствомъ, но и самъ потерпѣлъ нѣкоторое разстройство въ дѣлахъ именно отъ несостоятельности многихъ должниковъ своихъ». Съ своей точки зрѣнія Большовъ дѣйствительно можетъ на-

ходитъ себѣ въ этомъ извиненіе, но мы никакъ не можемъ согласиться съ критикомъ, будто онъ человѣкъ не только «очень обыкновенный», но даже и «добродушный» [1]. Перебирая комедію вдоль и поперекъ, мы едва ли найдемъ въ немъ хотя бы и малѣйшіе признаки настоящаго *добродушія*. Скорѣе бы можно сказать: *наивности*—въ смыслѣ легкомысленнаго увлеченія своею затѣею, въ своемъ родѣ ребяческой вѣры въ свою, такъ сказать, звѣзду,—вѣры, соединяющейся съ крайнею довѣрчивостью къ человѣку, котораго дѣлаетъ онъ повѣреннымъ и участникомъ своей гадкой затѣи. Легкомысліе этого комическаго лица напоминаетъ, можно сказать, легкомысліе такого историческаго проходимца, какъ Григорій Отрепьевъ въ трагедіи Пушкина. Но легкомысліе, психологически совершенно возможное на самыхъ различныхъ поприщахъ, отнюдь не есть *добродушіе*. Добролюбовъ, очевидно, налегалъ на отсутствіе въ Большовѣ чего-либо исключительнаго, крупнаго, сколько-нибудь идущаго въ ширь и глубь, — онъ хотѣлъ выставить заурядность Большова съ его преступленіемъ, какъ вполнѣ понятнаго продукта своей среды. Но вѣдь не всѣ же и въ этой средѣ непремѣнно доходятъ до того, до чего доходитъ Большовъ, вѣдь въ темномъ царствѣ самодуровъ есть даже личности, дѣйствительно, *добродушныя*, заражающіяся отъ среды исключительно только теоріею, а на дѣлѣ сводящія ее, можно сказать, на *нѣтъ* (таковъ, напримѣръ, Русаковъ въ «Не въ свои сани не садись»). Дѣло въ томъ, что во всякой средѣ очень многое зависитъ вопреки критику отъ «натуры человѣка», вѣрнѣе же сказать отъ того, насколько ему удастся не дать въ себѣ загасить то, что называется «искрою Божіею».

---

[1] Добролюбовъ приводилъ слова Большова про своихъ кредиторовъ: «не возьмутъ по двадцати пяти, такъ полтину возьмутъ... все-таки барышъ... А у меня дочь невѣста, хоть сейчасъ изъ полы въ полу, да со двора долой. Да самому-то, братецъ ты мой, отдохнуть пора: прохлаждались бы мы, лежа на боку, и торговлю всю эту къ чорту». И вотъ объ этихъ-то словахъ онъ и говорилъ: «Вы видите, что рѣшеніе Большова очень добродушно и вовсе не обнаруживаетъ сильной злодѣйской натуры: онъ хочетъ кое-что по силѣ возможности вытянуть изъ кредиторовъ, въ тѣхъ видахъ, что у него дочь невѣста да самому покой нуженъ» (49).

Въ Большовѣ же мы, именно, и не видимъ рѣшительно ничего, хотя сколько-нибудь о ней напоминающаго. Эта искра, казалось бы, вполнѣ потухшая, часто вдругъ разгорается подъ вліяніемъ постигающей человѣка бѣды [1]). Между тѣмъ, критикъ самъ же вполнѣ справедливо замѣтилъ, что въ «послѣднемъ актѣ Большовъ нисколько не возвышается въ глазахъ читателя и нисколько не теряетъ своего комическаго характера». И тутъ опять-таки, по замѣчанію самого критика, онъ «нимало не сознаетъ гадости своего поступка, онъ не мучится внутреннимъ стыдомъ; его терзаетъ только стыдъ внѣшній: кредиторы таскаютъ его по судамъ, и мальчишки на него показываютъ пальцами». Сама Иверская нимало не возбуждаетъ въ немъ совѣсти, а развѣ его конфузитъ тѣмъ, что когда-то она видѣла его толстосумомъ, ставящимъ пудовыя свѣчи, а теперь у него нѣтъ и гроша за душой... Только при упоминаніи Іуды, который «тоже Христа за деньги продалъ, какъ мы совѣсть за деньги продаемъ», что-то какъ-будто пошевельнулось въ Большовѣ, но вѣдь и тутъ, обращаясь къ Подхалюзину, онъ скорѣе разумѣетъ его грѣхъ передъ собою, чѣмъ свой собственный грѣхъ передъ другими. Далѣе же—страхъ ссылки да вымаливаніе себѣ Христа ради денегъ. Критикъ противопоставлялъ Большова, остающагося и въ трагическомъ своемъ положеніи вполнѣ комическимъ, королю Лиру, обманутому старшими дочерьми, подобно тому, какъ Большовъ обманутъ своимъ Лазаремъ Подхалюзинымъ. «Сила характера Лира,—по замѣчанію критика,—выражается не только въ проклятіяхъ дочерямъ, но и въ сознаніи своей вины передъ Корделіей, и въ сожалѣніи о своемъ крутомъ нравѣ, и въ раскаяніи, что онъ такъ мало думалъ о несчастныхъ бѣднякахъ, такъ мало любилъ истинную честность... Смотря на него, мы сначала чувствуемъ ненависть къ этому безпутному деспоту; но, слѣдя за развитіемъ драмы, все болѣе примиряемся съ нимъ, какъ съ человѣкомъ, и оканчиваемъ тѣмъ, что

[1]) Какъ, напримѣръ, въ Поярковѣ у Мельникова.

исполняемся негодованіемъ и жгучею злобой уже *не къ нему, а за него* и за цѣлый міръ—къ тому дикому нечеловѣческому положенію, которое можетъ доводить до такого безпутства даже людей, подобныхъ Лиру» (III, 53). Да, но между тѣмъ, какъ другіе самодуры въ его санѣ доходили до перерожденія человѣчьей природы въ *волчью* (стоитъ вспомнить—ну хоть Людовика XI), онъ, т.-е. множество другихъ, типически въ немъ воспроизведенныхъ Шекспиромъ, все же сохранили въ себѣ свою человѣческую природу. Несомнѣнно сохраняютъ ее многіе и въ томъ «темномъ царствѣ», съ которымъ имѣетъ дѣло Островскій; другіе же, и прежде всѣхъ Большовъ, ея вовсе не сохраняютъ. Дѣло, стало быть, не въ одной средѣ.

Но не сохранилось ли нѣчто человѣческое въ избыткѣ у Большова довѣрія къ Подхалюзину? Другой критикъ комедіи, покойный проф. Селинъ, по поводу этого заговорилъ-было даже о какомъ-то самоотверженіи Большова. «Похищеніе чужого,—разсуждалъ онъ,—и въ то же время отреченіе не только отъ похищеннаго, но и отъ своего собственнаго. Человѣкъ въ одно и то же время поступаетъ грабительски и самоотверженно! Признаемся, мы желали бы лучшей, болѣе прочной закладки въ художественномъ зданіи Островскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ беремся и оправдывать автора». Вслѣдъ затѣмъ критикъ спрашиваетъ: «На кого же Большовъ записалъ бы имущество, готовясь объявить себя несостоятельнымъ должникомъ? Не естественнѣе ли всего ввѣриться Лазарю, облагодѣтельствованному имъ съ дѣтства! Увѣренность свою Большовъ думалъ несокрушимо утвердить родственнымъ союзомъ; а что онъ положился на совѣсть и на благодарность приказчика, имъ обогащеннаго и возвеличеннаго до зятя, такъ это не только возможно, но и говоритъ весьма сильно въ пользу Большова, не совсѣмъ еще испорченнаго нравственно». Далѣе критику пришлось, однако, замѣтить, что Большовъ «человѣкъ съ неимовѣрно упорнымъ характеромъ, а Подхалюзинъ глубоко изучилъ его и съ этой стороны знаетъ его вдоль

и поперекъ: «У нихъ такое заведеніе, коли имъ что попало въ голову, ужь ничѣмъ не выбьешь оттедова». Вотъ въ этомъ-то все и дѣло. Забралъ себѣ въ голову Большовъ, что на Подхалюзина, обязаннаго ему всѣмъ, можно положиться, и этого ужь ничѣмъ у него изъ головы не выбьешь. А вѣдь эта, забранная имъ себѣ въ голову, мысль сводится на то, что не пойдетъ же, не посмѣетъ же тварь пойти противъ своего творца. Въ этомъ только избытокъ властнаго самомнѣнія, только претензія на какую-то монополію личной неприкосновенности, на то, чтобы, при безнаказанности обманыванія другихъ, самая мысль о чемъ-либо подобномъ относительно его самого представлялась какимъ-то оскорбленіемъ величества (crimen laesae majestatis),—тутъ только подобное извращеніе понятій, а никакъ не проблескъ нравственнаго чувства!

Довѣріемъ, настоящимъ довѣріемъ къ людямъ, довѣріемъ, опирающимся на вѣру въ человѣка вообще, отличаются только такіе увѣренные въ самихъ себѣ, въ своихъ нравственныхъ качествахъ, какъ Потапъ Максимычъ Чапуринъ. Самъ Подхалюзинъ вовсе и не разсчитываетъ на довѣріе со стороны Большова. Онъ просто ловитъ его на удочку того же, искусно разбереживаемаго самодурства. «Не употребляя долгихъ исканій,— замѣчаетъ Добролюбовъ,—и не дѣлая особенно злостныхъ плановъ, онъ только подбиваетъ сваху отговорить прежняго жениха Липочки изъ благородныхъ, а самъ поддѣлывается къ Большову раболѣпнымъ тономъ и выраженіемъ своего участія къ нему».—«Потрафь я по нихъ,— говоритъ Подхалюзинъ,—или такъ взойди имъ въ голову— завтра же подъ вѣнецъ, и баста, и разговаривать не смѣй». И Подхалюзинъ не ошибается въ расчетѣ. «Мое дѣтище,—говоритъ Большовъ, — хочу,—съ кашей ѣмъ, хочу—масло пахтаю». «Оттого и выдача ея противъ воли замужъ за Подхалюзина представляется ему не болѣе, какъ занимательнымъ опытомъ». «А вотъ ты заходи-ко ужо къ невѣстѣ,—говоритъ онъ Лазарю, — *мы надъ ними шутку подшутимъ*». Шутка эта и состоитъ

въ томъ, что онъ внезапно объявляетъ женѣ и дочери, что Лазарь женихъ Липочки. При этомъ, конечно, есть еще и расчетъ—повѣрнѣе закрѣпить за собою Лазаря.

Разбереживаньемъ самодурства въ Большовѣ приходится, конечно, признать и слѣдующія слова Подхалюзина: «А ужь по мнѣ, Самсонъ Силычъ, коли платить по двадцатипяти, такъ пристойнѣе и совсѣмъ не платить». И Большовъ очень легко поддается и на эту удочку. «А что,—говоритъ онъ,—вѣдь и то правда, *храбростью-то никого не удивишь*, а лучше тихимъ-то манеромъ дѣльце обдѣлать. Тамъ послѣ суди Владыка на второмъ пришествіи».

Разохотивъ и подзадоривъ своего принципала и тѣмъ самымъ обрекая его себѣ на съѣденіе, Подхалюзинъ, повидимому, далекъ отъ того, чтобы нагло призывать на себя Божій судъ въ отдаленномъ будущемъ. Онъ, напротивъ, думаетъ успокоить свою совѣсть такими соображеніями: «Противъ хорошаго человѣка у всякаго есть совѣсть, а коли онъ самъ другихъ обманываетъ, такъ какая же тутъ совѣсть! Самсонъ Силычъ купецъ богатѣйшій и теперича все это дѣло, можно сказать, такъ, для препровожденія времени затѣялъ. А я человѣкъ бѣдный! Если и попользуюсь въ этомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь лишнимъ, такъ и грѣха нѣтъ никакого; потому онъ самъ несправедливо поступаетъ, противъ закона идетъ. А мнѣ что его жалѣть? Вышла линія—ну и не плошай! Онъ свою политику ведетъ, а ты свою статью гони. Еще то ли бы я съ нимъ сдѣлалъ, да не приходится».

Въ этомъ, конечно, сильнѣйшая улика Большову въ несостоятельности его претензіи на неприкосновенность его, яко бы священнаго для его креатуры, лица. Самъ попираешь ногами законъ, даешь полнѣйшую волю своей рукѣ-владыкѣ,—ну такъ не сѣтуй, если, не ровенъ часъ, тобою же беззаконно направляемая въ подневольномъ тебѣ направленіи, чья-нибудь чужая рука возьметъ да и подымется, наконецъ, на тебя самого!

Но если Подхалюзинъ «сбитъ,—по выраженію Добролюбова,—съ толку военнымъ положеніемъ всего тем-

наго царства», то слѣдуетъ ли однако же утверждать, что онъ «совѣсть имѣетъ, только понимаетъ ее по своему?» «Прямой неправды онъ не любитъ,—утверждаетъ критикъ,—свахѣ онъ обѣщалъ двѣ тысячи и даетъ ей сто цѣлковыхъ, упираясь на то, что ей не за что давать болѣе. Рисположенскому онъ отдаетъ деньги по мелочи и, только уже передавши ему нѣсколько сотъ, отказывается отъ дальнѣйшей уплаты, находя, что ему пора уже и честь знать. За самого Большова онъ не вовсе отказывается платить кредиторамъ, но только разсчитываетъ, что 25 копѣекъ много... «Зазнались больно,—говоритъ онъ,—а не хотятъ ли восемь копѣекъ въ пять лѣтъ». Проникнутый этими мыслями, онъ радушно угощаетъ тестя, вмѣстѣ съ нимъ ругаетъ кредиторовъ, выражаетъ надежду, что «какъ-нибудь отдѣлаемся», ибо «Богъ милостивъ»; но заплатить требуемое кредиторами отказывается, потому что они «просятъ цѣну совсѣмъ несообразную». Съ своей точки зрѣнія онъ поступаетъ ничуть не безчестно и не жестоко, а только благоразумно и твердо. Онъ даже выказываетъ значительную степень великодушія, соглашаясь платить за Большова 15 копѣекъ вмѣсто 10 и рѣшаясь даже самъ ѣхать къ кредиторамъ, чтобы ихъ упрашивать. Видно, что онъ не лишенъ даже чувства состраданія и нѣкоторой совѣстливости; но ему все хочется отжилить поболѣе, и онъ надѣется, что авось уладитъ дѣло повыгоднѣе. Здѣсь-то всего болѣе и выказывается въ Подхалюзинѣ мелкій плутъ, образовавшійся прямо вслѣдствіе деспотическаго гнета, тяготѣвшаго надъ нимъ съ малолѣтства... Такимъ образомъ, — заключаетъ Добролюбовъ, — и Подхалюзинъ не представляетъ собою изверга... Всего гаже онъ въ той сценѣ, гдѣ онъ плачетъ передъ Большовымъ, увѣряя его въ своей привязанности, и пр.» «Но тутъ онъ подмазывается къ Самсону Силычу не столько изъ корысти, сколько для того, чтобы выманить у старика обѣщанье выдать за него Липочку, которую, надо замѣтить, Подхалюзинъ любитъ сильно и искренно... Онъ это ясно доказываетъ своимъ обращеніемъ съ ней въ 4-мъ актѣ,

т.-е. когда она уже сдѣлалась его женою». Признаемся, если мы никакъ не можемъ признать въ Большовѣ хоть какого-нибудь добродушія, то еще менѣе въ состояніи разглядѣть, въ чемъ заключается эта *сильная* и *искренняя* любовь Подхалюзина. Неужели въ томъ, что онъ красуется передъ женой въ своемъ новенькомъ сюртучкѣ европейскаго фасона и собирается, для ея же удовольствія, танцовать польку? Или въ томъ, что когда она, на его требованіе сказать что-нибудь по-французски, говоритъ ему: «комъ ву зетъ жоли», переводя: «какъ вы милы»,—то онъ вскакиваетъ со стула и говоритъ: «вотъ она у насъ жена-то какая! Ай да Алимпіада Самсоновна! уважили! пожалуйте ручку!» Или, можетъ быть, въ томъ, что онъ обсчитываетъ ту, которая сосватала ему такую кралю?

Вся бѣда оттого, что даровитому критику хотѣлось во что бы ни стало вызвать своего рода сожалѣніе не только къ Большову, но и къ Подхалюзину—какъ къ людямъ не по натурѣ своей никуда не годнымъ, а нравственно заѣденнымъ своею средой. Но вѣдь и тутъ опять можно замѣтить, что если въ этой средѣ не всѣ же, однако, становятся Большовыми, то не всѣ же, съ другой стороны, оказываются и Подхалюзиными. Есть же, стало быть, извѣстная возможность нравственнаго устоя во всякой средѣ. Но критикъ доходилъ до того, что принималъ подъ свою защиту даже Олимпіаду Самсоновну. «Нечего распространяться о томъ,—говорилъ онъ,—что общему впечатлѣнію пьесы нимало не вредитъ и Липочка, при всей своей нравственной уродливости. Находятъ, что ея обращеніе съ матерью и потомъ сцена съ отцомъ въ послѣднемъ актѣ переходятъ предѣлы комическаго, какъ слишкомъ омерзительныя. Намъ вовсе это не кажется, потому что мы не можемъ признать святости кровныхъ отношеній въ такомъ семействѣ, какъ у Большова» (III, 62—64).

«На Липочкѣ тоже видна печать домашняго деспотизма: только при немъ образуются эти черствыя, бездушныя натуры, эти холодныя, отталкивающія отноше-

нія къ роднымъ; только при немъ возможно такое совершенное отсутствіе всякаго нравственнаго смысла, какое замѣчается у Липочки. А за исключеніемъ того, что осталось въ Липочкѣ, какъ слѣдъ давившаго ее деспотизма, она ничуть не хуже большей части нашихъ барышень, не только въ купеческомъ, но даже и въ дворянскомъ сословіи». Критикъ доводитъ свое снисхожденіе къ Липочкѣ до того, что, приводя ея монологъ о преимуществѣ военныхъ передъ статскими, замѣчаетъ: «Какъ-же можно барышень, произносящихъ подобные монологи, серьезно обвинять за что-нибудь? Не ясно-ли, что Липочка все, что ни сдѣлаетъ, сдѣлаетъ по совершенной неразвитости нравственной и умственной, а никакъ не по злонамѣренности или природному звѣрству? Чѣмъ же возмущаться въ личности этой несчастной?» (III, 64). Но вѣдь и тутъ опять можно отвѣтить вопросомъ: да развѣ всѣ дочери въ этой же самой средѣ, у такихъ же точно отцовъ, оказываются непремѣнно Липочками? Отвѣтомъ послужатъ намъ впереди многіе женскіе типы того же Островскаго. Но критикъ именно относительно ихъ-то и произноситъ совсѣмъ уже не снисходительный, а очень суровый судъ. «Авдотья Максимовна,—говоритъ онъ,—Любовь Торцова, Даша, Надя—все это безвинныя, безотвѣтныя жертвы самодурства, и то сглаженіе, *отмѣненіе* человѣческой личности, какое въ нихъ произведено жизнью, едва ли не безотраднѣе дѣйствуетъ на душу, нежели самое искаженіе человѣческой природы въ плутахъ, подобныхъ Подхалюзину?» (71). Но если такъ, то пришлось бы, пожалуй, предпочесть другимъ и Липочку. Апол. Григорьевъ не даромъ же и замѣтилъ про критика «Темнаго царства», что онъ «почти что стоитъ на сторонѣ Липочки; по крайней мѣрѣ она у него включена въ число протестантокъ и протестантовъ въ быту, обуреваемомъ и подавляемомъ самодурствомъ. Спрашиваю васъ,—продолжаетъ Григорьевъ,—*какъ* масса отнесется къ *протестанткѣ* Липочкѣ?.. Пойметъ ли она Липочку какъ *протестантку*?» (Соч. I, 454). Конечно, нѣтъ, смѣло отвѣтимъ мы. Масса

скорѣе посмотритъ на нее, какъ на самовольнаго палача, совершающаго, заодно съ Подхалюзинымъ, казнь надъ роднымъ отцомъ. Неужели, однако, роль палача—менѣе унижаетъ человѣческое достоинство, чѣмъ кроткая роль безотвѣтной жертвы? Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что совершать насиліе несравненно позорнѣе, чѣмъ быть его жертвою. «Тамъ, — продолжаетъ критикъ, — т.-е. среди Подхалюзиныхъ (а, стало быть, и Липочекъ?) еще кое-гдѣ пробивается жизнь, самобытность, мерцаетъ минутами лучъ какой-то надежды». Но неужели же Подхалюзины съ Липочками—это, въ самомъ дѣлѣ, какіе-то первые «свѣтлые лучи въ темномъ царствѣ»?

Сама Липочка считаетъ себя своего рода лучомъ, потому что воображаетъ себя «образованною». «Она,—говоритъ критикъ,—мало обращаетъ вниманія на мать и въ распряхъ съ ней всегда остается побѣдительницей: начнетъ ее попрекать, что она не такъ воспитана, да расплачется, мать-то и струситъ и примется сама ублажать обиженную дочку». Критикъ, однако-же, признавая «наклонность къ самому грубому и возмутительному деспотизму» въ Липочкѣ, ради нѣсколькихъ грубо-сердитыхъ словъ, вырвавшихся у загнанной даже и сю матери, довольно-таки сурово отзывается о послѣдней (59). Къ Липочкѣ онъ положительно снисходительнѣе, чѣмъ къ Аграфенѣ Кондратьевнѣ, въ сущности только мнимо раздѣляющей со своимъ мужемъ неограниченную власть надъ дочкой.

Другой критикъ, профессоръ Селинъ, сопоставляя Липочку съ сыномъ Фонвизинскаго бригадира, напротивъ того безпощадно относился къ первой. «Иванушка,—говорилъ онъ,—смѣшонъ, жалокъ и только возбуждаетъ презрѣніе; Липочка кромѣ всего этого отвратительна и глубоко возмущаетъ нравственное чувство». За то тотъ же критикъ положительно признавалъ сочувственныя черты въ Аграфенѣ Кондратьевнѣ. «За дочь не смолчитъ она,—замѣтилъ онъ,—и подчасъ возвыситъ голосъ передъ мужемъ... Когда же преступникъ Большовъ, несчастный отецъ, сидитъ между двухъ коршуновъ, между

зятемъ и дочерью, тогда эта ограниченная женщина дѣйствуетъ на васъ, какъ теплое дыханіе любви въ ледяной атмосферѣ эгоизма. Безсердечіе дочери, возмутительная неблагодарность зятя въ этой кроткой душѣ подняли страшную бурю. За кровную обиду мужа, безжалостно наносимую неблагодарными дѣтьми, она снимаетъ материнское благословеніе съ зятя, и дочь, свою кровь, готова проклясть на всѣхъ соборахъ... Самая простая, обыденная женщина внезапно передъ вами преображается горемъ, какъ ударомъ молніи, и васъ уже невольно поражаетъ величавый образъ матери, одушевленной праведнымъ гнѣвомъ...» [1]) Думаемъ, что эти строки, схороненныя въ очень мало извѣстномъ изданіи, вполнѣ заслуживаютъ вниманія.

Собственно «образованія» Липочки (этого, ближайшаго къ намъ по времени, Иванушки въ юбкѣ) Добролюбовъ, конечно, цѣнить и не думалъ. Но не слишкомъ ли ужъ высоко цѣнилъ онъ настоящую образованность вообще, т.-е. ея будущее спасительное вліяніе на «темное царство?» «Самодурство и образованіе,—говорилъ онъ,—вещи, сами по себѣ противоположныя, и потому столкновеніе между ними, очевидно, должно кончиться подчиненіемъ одного другому: или самодуръ проникнется началами образованности, и тогда перестанетъ быть самодуромъ, или онъ образованіе сдѣлаетъ слугою своей прихоти, при чемъ, разумѣется, останется прежнимъ невѣждою» (91). Говорится это по отношенію къ Гордѣю Карпычу (ком. «Бѣдность не порокъ»), образованіе котораго равносильно образованію Липочки. Но вспомните кое-какія страницы Милля «О подчиненіи женщины». Онѣ вѣдь относятся главнымъ образомъ къ нравамъ англійскаго образованнаго общества, а русскій переводчикъ справедливо воспользовался тутъ словомъ «самодурство». Не случалось-ли, наконецъ, и многимъ изъ насъ видѣть своими глазами прямыхъ самодуровъ даже и среди ученаго люда? Гордѣй Карпычъ и Титъ Титычъ

---

[1]) Кіевскія университетскія извѣстія 1868 г. Августъ, стр. 11.

основываютъ свои права на своихъ деньгахъ, а иной образованный самодуръ—ни на чемъ другомъ, какъ именно на этомъ-то своемъ образованіи. Посмотрите, какъ все вокругъ него ходитъ на цыпочкахъ, еле переводя духъ, пока онъ священнодѣйствуетъ въ своемъ кабинетѣ. Посмотрите, какимъ свирѣпымъ выбѣгаетъ онъ подчасъ оттуда, чтобы выместить на комъ-нибудь изъ семьи то разстройство нервовъ, которое вѣдь и у образованныхъ людей часто происходитъ не столько отъ усиленной работы, сколько отъ шибкой жизни. Посмотрите, какъ какая-нибудь старушка-мать выбивается изъ силъ, чтобы собственными руками приготовить ему какое-нибудь любимое его кушанье,—а онъ за обѣдомъ фыркаетъ или даже тарелку швыряетъ. Не встрѣчали вы, что ли, такихъ, читатель?

Нѣтъ, и образованіе еще не есть радикальное средство отъ самодурства. Чтобы совладать съ нимъ въ себѣ, мало еще ума, и даже ума просвѣщеннаго; тутъ нужно еще и усиліе воли, направляемой чуткостью сердца. Такое-же усиліе любящей воли нужно и для борьбы съ самодурствомъ въ другихъ. Борьба эта, конечно, не легкая, но для успѣха въ ней нужны лишь дружныя усилія многихъ, хотя-бы и весьма обыкновенныхъ, только добрыхъ людей, а вовсе не нужно непремѣнно имѣть, какъ представлялось Добролюбову, «геніально свѣтлую голову, младенчески непорочное сердце и титанически могучую волю». Нѣтъ, можно обойтись и безъ такихъ исключительныхъ свойствъ духовныхъ, «чтобы имѣть рѣшимость выступить на практическую, дѣйствительную борьбу съ окружающею средою» (69). Мы полагаемъ, что крайнее преувеличеніе трудностей борьбы, долго у насъ проповѣдывавшееся, только поддерживало въ насъ ту Обломовщину, на которую справедливо нападалъ тотъ-же критикъ. «Конечно,—говорилъ онъ,—и люди съ *твердыми* нравственными принципами, съ *честными* и *святыми* убѣжденіями тоже есть въ этомъ (т.-е. «темномъ») царствѣ, но, къ сожалѣнію, это все люди Обломовскаго типа. Они и убѣжденія-то свои пріобрѣли не въ практической дѣятель-

ности, не въ борьбѣ съ житейской неправдой, а въ чтеніи хорошихъ книжекъ...» (44). Да, и они тѣмъ рѣшительнѣе будутъ оставаться Обломовыми, чѣмъ болѣе въ этихъ хорошихъ книжкахъ будетъ говориться о трудности борьбы, о заѣдающемъ значеніи среды и о полнѣйшей невмѣняемости заѣдаемыхъ... Эти, конечно, умныя книжки очень вѣрно опредѣлилъ поэтъ, говоря, что

> .....укажутъ онѣ
> Все недостойное, дикое, злое,
> Но не дадутъ онѣ силъ на благое,
> Но не научатъ любить глубоко....
> Дѣло вѣковъ поправлять не легко! [1])

Чтобы поправить его, мало образованія, мало и самыхъ даже рѣшительныхъ и гуманныхъ законодательныхъ мѣръ, мало коренныхъ преобразованій въ учрежденіяхъ; тутъ, при всемъ остальномъ, особенно нужна упорная нравственная борьба, нужна вѣра въ возможность не поддаваться средѣ, сознаніе своей отвѣтственности не только за собственную причастность ея мерзостямъ, но даже и просто за опускающіяся передъ нею руки. А какая тутъ нравственная борьба, когда съ глумленіемъ встрѣчается голосъ о верховномъ значеніи въ жизни «нравственной стихіи»?

Начитавшись хорошихъ книжекъ, мы цитовали изъ нихъ на память всякія хорошія слова о свободѣ, о прогрессѣ, гуманности и т. п., подобно тому какъ наши предки цитировали на память всякіе тексты изъ св. писанія. Мы говорили такъ смѣло о хорошихъ вещахъ, мы даже «горячились о добрѣ»,—пока это было въ ходу, пока тутъ не только не представлялось особенныхъ неудобствъ, но этимъ путемъ иногда даже удавалось выходить въ люди; но подулъ иной вѣтеръ, и мы, не запасшись настоящею силою устоя, силою нравственной, замолчали или даже дали въ себѣ совершиться настоящему оборотничеству, развѣ только не позволяя себѣ теперь глумиться надъ

---

[1]) Некрасовъ въ «Сашѣ».

тѣми, которые, подъ своимъ старымъ знаменемъ, подъ охраняющимъ отъ малѣйшихъ сдѣлокъ, знаменемъ «нравственной стихіи», едва-ли не одни въ настоящее время не намѣрены ломать шапку передъ измѣнившимися обстоятельствами.

Глубокое значеніе первой большой комедіи Островскаго, съ такимъ несомнѣннымъ дарованіемъ разобранное Добролюбовымъ, заставило насъ подробно остановиться на его критикѣ, имѣвшей у насъ такое рѣшительное значеніе, представивъ провѣрку ея, а равно и заключающагося въ ней вопроса о «самодурствѣ», самою комедіею Островскаго. Слѣдующія затѣмъ по времени сцены нашего комика: «Утро молодого человѣка» (1850 г.) и «Неожиданный случай» (1851 г.) не были разобраны знаменитымъ критикомъ, конечно, по той понятной причинѣ, что онѣ остаются совсѣмъ въ сторонѣ отъ краеугольнаго для него самодурства. «Утро молодого человѣка»—своего рода *pendant* къ Гоголевскому «Утру дѣлового человѣка». Если у Гоголя мы тутъ встрѣчаемся съ тѣмъ, что можно назвать дѣловымъ бездѣльемъ служилыхъ баръ, то Островскій рисуетъ намъ играющее въ цивилизацію и какъ будто-бы даже литературничающее бездѣлье богатыхъ купчиковъ, прожигающихъ свое состояніе на модномъ комфортѣ, на угощеніи всяческихъ ами-кошоновъ, которыхъ они, соотвѣтственно такой кличкѣ, держатъ такъ, чтобы свинка отнюдь не вздумала взять да и положить у нихъ ноги на столъ (вспомнимъ, какъ Недопекинъ поддразниваетъ Лисовскаго, что не дастъ ему хорошаго вина, такъ какъ онъ такого «и съ роду не пивалъ»). Представитель не модничающаго, не прогрессивнаго, а стараго консервативнаго купечества, дядя Недопекина, Смуровъ, является тутъ далеко не въ качествѣ самодура, а въ качествѣ представителя здраваго смысла и дѣльности. «Какъ-же ему не быть образованнымъ,—говоритъ онъ про своего племянничка,—изъ трактировъ не выходитъ, по рощамъ шампанское пьетъ». Обращаясь затѣмъ къ важничающему передъ нимъ, сиволапымъ купцомъ, лакею Ивану, онъ рисуетъ намъ въ заключеніе близкую развязку Не-

допекинскаго житья такими характерными словами: «Ты скажи ему, чтобъ онъ нынче-же къ матери пріѣхалъ, что дяденька, молъ, нарочно заѣзжалъ. Да ты скажи ему, что я самъ старухѣ-то скажу, чтобы она довѣренность-то уничтожила, да въ газетахъ публикуемъ, что долговъ за него не платимъ, тогда и живи, какъ онъ хочетъ; ужь я ему ни слова не скажу. Мы ему хвостъ-то прижмемъ».

Сцены «Неожиданный случай», появившіяся въ Щепкинскомъ альманахѣ «Комета», не были включены въ «Полное собраніе сочиненій Островскаго», потому, можетъ быть, что критика, по свидѣтельству Ап. Григорьева, встрѣтила это небольшое произведеніе насмѣшками и пародіями за безцвѣтность, по ея мнѣнію, выведенныхъ характеровъ, за слабость пружинъ, двигающихъ ихъ отношенія между собою». По мнѣнію Григорьева, «въ переводѣ на прямой языкъ», критика «осердилась на то, что отношенія, сами по себѣ легкія, поэтъ очеркнулъ легко, характеры безосновные очертилъ въ ихъ безосновности—не выдумалъ гиперболическаго узла, не отнесся съ ядовитою насмѣшкою къ такимъ беззлобнымъ и невиннымъ существамъ, какъ Розовый и дружнинъ» [1]). Оба эти существа, какъ и третье дѣйствующее лицо—Софья Антоновна принадлежатъ такъ-называемому свѣтскому кругу. Сцены эти не лишены своего рода психологическаго значенія. Это опять нѣчто въ родѣ маленькаго *pendant* (съ внутренней стороны) къ одному изъ Гоголевскихъ произведеній—къ «Женитьбѣ». Тамъ черезчуръ рѣшительному пріятелю хочется, во что бы то ни стало, женить своего черезчуръ нерѣшительнаго пріятеля, а тому удается самымъ простымъ, но вмѣстѣ и оригинальнымъ способомъ ускользнуть изъ его рукъ. Здѣсь пріятелю, болѣе осмотрительному и сдержанному, хотѣлось-бы, напротивъ того, удержать отъ женитьбы такого пріятеля, которому, по его словамъ, «всѣ дороги; стулъ наряди въ женское платье, онъ и тутъ растаять готовъ».

[1]) Сочиненія Ап. Григорьева, т. I, стр. 116.

Выходитъ, однако-же, такъ, что попечительный другъ, по слабодушію своему, сдается передъ простою неловкостью своего положенія у Софьи Антоновны (которой моментально становящійся женихомъ подлипала Розовый такъ-таки все и выдаетъ), а затѣмъ даже ѣдетъ, по ея порученію, за зеркаломъ и самъ-же напрашивается въ шафера къ Розовому. Изъ нашего очерка содержанія этихъ сценъ, кажется, ясно, что и тутъ самодурство опять не при чемъ.

Въ настоящемъ смыслѣ слова мы не находимъ его и во второй большой комедіи Островскаго—«Бѣдной невѣстѣ» (1852), хотя Добролюбовъ и старался ее подвести подъ то же свое основное опредѣленіе. Ап. Григорьевъ былъ другого мнѣнія. «Воздухъ самодурства,—по словамъ Добролюбова,—повѣялъ и на мать Марьи Андреевны (бѣдной невѣсты), и она безъ пути, безъ разума распоряжается судьбою дочери, бранитъ, попрекаетъ ее, напоминаетъ ей долгъ послушанія матери и не выказываетъ никакихъ признаковъ того, что такое человѣческое чувство и живая личность человѣка. Все это—прямые и несомнѣнные признаки самодурной закалки, доказывающіе только, какъ она легко пристаетъ даже къ самымъ неспособнымъ. Для самодурства, какъ видно, нѣтъ ни пола, ни возраста, ни званія...» «Ея отношенія къ дочери глубоко безнравственны, —продолжаетъ Добролюбовъ описывать Анну Петровну,—она каждую минуту пилитъ Машеньку и доводитъ ее до страшнаго нервическаго раздраженія, до истерики, своими безпрерывными жалобами и попреками: «Я тебя ростила, я тебя холила, а ты вотъ чѣмъ платишь!.. Вѣдь у насъ ничего нѣтъ: куда я на старости дѣнусь,—въ кухарки мнѣ, что-ли, идти?.. Какова же эта мать, имѣющая до такой степени барышническій взглядъ на дочь!.. Такая личность и такія отношенія должны возмущать душу...» «Но Анна Петровна, — сознается критикъ, — обезоруживаетъ насъ своимъ необычайнымъ добродушіемъ и недальностью» (Да, и ея добродушіе—не то, что «добродушіе» Большова!) Аполлону Григорьеву незачѣмъ было и обезоруживать себя относительно Анны Петровны; онъ прямо утвер-

ждалъ, что вы «ни разу не негодуете на Анну Петровну— даже тогда, когда она попрекаетъ дочь въ неблагодарности, когда она настоятельно требуетъ, чтобы та шла замужъ за Беневоленскаго; жаль вамъ Марью Андреевну, да что же и старухѣ-то дѣлать? Женщина она слабая, сырая; кромѣ того, что ей втемяшилась въ голову *idea fixa*: какъ это безъ мужчины въ домѣ?—и домъ-то еще у нея оттягиваютъ. Недалека она, это точно, что недалека, да вѣдь она любитъ свою Машеньку; вѣдь въ концѣ она сама чувствуетъ, что что-то неладно: «Признаться сказать, скоренько дѣло-то сдѣлали; кто его знаетъ, въ него не влѣзешь» [1]). Однимъ словомъ, нѣтъ возможности сердиться читателю на бѣдную старуху, когда ни авторъ, ни сама Марья Андреевна на нее не сердятся» [2]). Дѣйствительно, дочь даже сама говоритъ про нее: «Мнѣ всегда тяжело, когда она сердится».—«Мнѣ кажется, что я буду счастлива»,—успокаиваетъ она мать.

Вся причина того, что одинъ критикъ возмущался Анной Петровной, а другой даже вовсе на нее не сердился—очевидно, въ томъ, что одному представлялось и въ ней ненавистное ему самодурство, другой же и вовсе его тутъ не видѣлъ.

Къ другу дома Анны Петровны, Платону Марковичу Добротворскому, и Добролюбовъ почему-то отнесся довольно снисходительно, называя его даже «добрымъ старичкомъ» (стр. 140). Что же касается Аполлона Григорьева, то онъ подробно разобралъ его типъ, говоря: «Это ничего, что онъ поцѣлуетъ въ рукавъ Максима Дороѳеича Беневоленскаго; это ничего, что онъ добродушно замѣтитъ, говоря о лошадкѣ Максима Дороѳеича: «Ахъ, проказникъ вы, проказникъ, Максимъ Дороѳеичъ! Да вѣдь, чай, не купленная»—абсолютныхъ понятій о честности вы отъ него и не требуйте; — но вѣдь онъ трогательно привязанъ къ семьѣ своего благодѣтеля, онъ

---

1) Т.-е. въ жениха.
2) Сочиненія Ап. Григорьева, I, 67.

бѣгаетъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, отыскивая жениха Машѣ, онъ скажетъ ей отъ души по своему разумѣнію доброе слово («Свистуны вѣдь они, матушка, никакой основательности нѣтъ. Не вѣрьте вы имъ. Нынче любятъ, а завтра разлюбятъ»). Онъ прежде всего заботится о тишинѣ и о мирѣ, но между тѣмъ, когда дѣло идетъ объ участи Маши, которая устроилась, по его мнѣнію, благополучно, онъ даже Беневоленскому, къ которому относится съ уваженіемъ и съ нѣкоторою лестью, скажетъ основательно, боясь за старыя его шашни: «Что-жъ вы, отецъ мой, у меня съ Марьей-то Андреевной дѣлаете? Вы этакъ ее у меня уморите сердечную... А ужъ вы, батюшка, эти глупости-то оставьте». Добрый, добрый старикъ, хоть и недалеко видитъ. Онъ совершенно подъ пару Аннѣ Петровнѣ, и правъ былъ авторъ, что къ нимъ обоимъ отнесся такъ человѣчно» (Соч., т. I, 68).

А между тѣмъ развѣ не возмутителенъ этотъ «добрый старичокъ», когда пишетъ Машиной матери, развѣ не возмутительна и эта мать, когда заставляетъ дочь читать себѣ вслухъ такое письмо: «Холостыхъ чиновниковъ для Марьи Андреевны достойныхъ нѣтъ; есть одинъ, но я сомнѣваюсь, чтобы оный вамъ понравился, ибо очень великъ ростомъ—весьма много выше обыкновеннаго—и рябой. Но... оказался нравственности хорошей и непьющій, что, какъ извѣстно, вамъ весьма желательно. Не прикажете-ли посмотрѣть въ другихъ присутственныхъ мѣстахъ, что и будетъ мною исполнено съ величайшимъ удовольствіемъ».—Да, это возмутительно; только *самодурство*-ли тутъ, т.-е. простое ли тутъ желаніе на своемъ поставить: «Я тебя родила, я тебя и сватаю»—то ли, словомъ, чѣмъ руководятся — Русаковъ на словахъ, а Гордѣй Торцовъ и на дѣлѣ?

Поищемъ отвѣта въ замѣчаніи самого Добролюбова о положеніи Марьи Андреевны, замѣчаніи, подрывающемъ основу его собственнаго взгляда на комедію. «Она—*бѣдная невѣста*, ей некуда дѣваться, нечего дѣлать, кромѣ какъ ждать выгоднаго жениха. Замужество—это ея долж-

ность, работа, карьера, назначеніе жизни. Какъ поденщикъ ищетъ работы, чиновникъ—мѣста, нищій—подаянія, такъ дѣвушка должна искать жениха... Надъ этимъ смѣются современные либералы; но интересно бы знать—что же въ самомъ дѣлѣ станетъ у насъ дѣлать дѣвушка, не вышедшая замужъ?» Вопросъ этотъ относится еще къ порѣ, предшествующей тѣмъ рьянымъ стремленіямъ къ женскому труду, къ женскому образованію, которыя стали было увѣнчиваться у насъ успѣхомъ, пока не споткнулись о нѣкоторыя препятствія. Но и при самомъ постоянномъ успѣхѣ этихъ стремленій упраздняется ли бѣдность—«не порокъ», какъ говорятъ одни, но и «не добродѣтель», какъ прибавляютъ другіе? И при прекрасномъ образованіи, и при упорной привычкѣ къ труду всегда ли оказывается достаточный заработокъ? Да и у *насъ* ли только не умѣютъ его добывать или же не находятъ его при всемъ умѣніи? Не такъ ли оно *вездѣ*, при общихъ условіяхъ такъ туго поддающагося успѣхамъ цивилизаціи, а иной разъ еще и ухудшающагося съ ними, экономическаго строя? Вѣдь Марья Андреевна, послѣ долгой борьбы съ собой, рѣшается выйти замужъ по той же самой причинѣ, по которой сестра Романа Родіоновича Раскольникова отдаетъ свою руку г. Лужину, такъ какъ онъ, *кажется*, человѣкъ хорошій. «И эта же Дунечка за это же *кажется* замужъ идетъ,—говоритъ ея братъ студентъ.—Не бывать тому,—хорохорится онъ, но сейчасъ же себя и спрашиваетъ: «Да что-же ты-то сдѣлаешь, чтобы этому не бывать? Самъ же вѣдь пользуешься ихъ помощью (т.-е. ея и матери, совсѣмъ ужь не отличающейся никакимъ самодурствомъ)». Между тѣмъ онъ очень хорошо понимаетъ, что этакъ и «до Сонечкина жребія недалеко». — «Сонечка, вѣчная Сонечка!—восклицаетъ онъ,—Сонечка, пока свѣтъ стоитъ». Да, Сонечка—и въ образѣ Дунечки, и въ образѣ Марьи Андреевны, словомъ, въ безчисленныхъ лицахъ, отдающихъ себя безъ любви, отдающихъ себя изъ нужды? Какъ угодно, а «Бѣдная невѣста» Островскаго переводитъ насъ изъ «темнаго царства» самодуровъ въ то печальное царство «уни-

женныхъ и оскорбленныхъ», область котораго ужъ рѣшительно распространяется на весь міръ.

Но въ «Бѣдной невѣстѣ» мы встрѣчаемъ еще и существо, окончательно приближающееся, по своему положенію, къ Сонечкѣ. Это та Дуня, которую, ради брака съ Марьей Андреевной, бросаетъ г. Беневоленскій. Добролюбовъ отнесся къ этой Дунѣ со всею полнотою сочувствія,—и вотъ едва-ли не самыя лучшія строки въ цѣломъ его разборѣ «Темнаго царства». По чудному замѣчанію нашего критика, «эта дѣвушка уже забрызгана грязью чужихъ пороковъ». Но подъ этою грязью, какъ онъ доказываетъ, въ ней скрывается золотое сердце. Пользуясь свадебной суматохой, она пришла взглянуть изъ толпы на невѣсту своего недавняго друга. «Хороша вѣдь,—говоритъ она своей спутницѣ,—ужъ можно сказать, что хороша». Но эта красота разлучницы—хоть и невольной, а все же разлучницы—не разжигаетъ въ ней ревности. Напротивъ, она о ней же думаетъ, ее же жалѣя, говоритъ своему соколу: «Только сумѣешь ли ты съ этакой женой жить? *Ты, смотри, не загуби чужого вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ.* Остепенись, живи хорошенько. Это вѣдь не со мной: жили, жили, да и былъ таковъ». Замѣчая на глазахъ Дуни слезы, ея спутница Паша напоминаетъ ей: «а ты говорила, что тебѣ его жаль».—«Вѣдь я его любила когда-то,—отвѣчаетъ Дуня. Что же, надо когда-нибудь разставаться, не вѣкъ такъ жить? *Еще хорошо, что женится*; авось будетъ жить порядочно». Заботясь о своей невольной разлучницѣ, она такимъ образомъ заботится и о немъ, покидающемъ ее добровольно, послѣ того, какъ она, по ея же признанію, «немного отъ него добра видѣла, больше слезъ, а одного сраму что перенесла!» «Смотри же, живи хорошенько»,—продолжаетъ Дуня, обращаясь къ нему.—*Это вѣдь тебѣ на вѣкъ, не то, что я*».

«Большей чистоты нравственныхъ чувствъ,—замѣтилъ Добролюбовъ,—мы не видимъ ни въ одномъ лицѣ комедій Островскаго» (III, 148). На этотъ разъ мы вполнѣ согласны съ критикомъ. Но вѣдь въ Дунѣ и сказалась вся

полнота любящаго самозабвенія и самоотверженія—словомъ, того, что на языкѣ шестидесятыхъ годовъ обзывалось нерѣдко «приниженіемъ личности». Тутъ выступила наружу собственная душа Добролюбова, заговорившая своимъ природнымъ голосомъ, не направляемымъ уже никакою кружковою диктовкою, тутъ сказалась душа идеалиста по природѣ, т.-е. исповѣдника той «нравственной стихіи», которую только въ силу различныхъ недоразумѣній приходилось ему подчасъ заподозрѣвать въ какомъ-то сообщничествѣ со стихіею полицейскою.

Въ оцѣнкѣ Дуни съ Добролюбовымъ сошелся и Ап. Григорьевъ, съ тою разницею, что послѣдній особенно налегаетъ на художественную полноту ея образа. «Несмотря на всю краткость двухъ сценъ, въ которыхъ она является, говорилъ—Григорьевъ,—къ ея личности нельзя прибавить ни одной черты; вся жизнь ея передъ вами, какъ на ладони. Напоминать черты Дуни, значитъ выписывать всѣ ея слова, всю сцену ея съ Беневоленскимъ, а равно и первую сцену съ Пашею, или по даннымъ, заключающимся въ этихъ сценахъ, писать исторію этой женщины... Всякій, кто и не знаетъ этого типа женщинъ, почувствуетъ невольно, что это такъ именно и должно сказаться—равно какъ и «адье мусье», брошенное на прощанье въ порывѣ какой-то размашистой удали завитаго веревочкой горя...» (Соч., I, стр. 69—70).

Но едва-ли не возможно дорисовать и дальнѣйшую исторію этой женщины съ золотымъ сердцемъ... Ей вѣдь, по всей вѣроятности, придется понести на себѣ еще новую, быть можетъ, уже и невылазную грязь всякихъ чужихъ грѣховъ, какъ ни много оказывается въ ней пока нравственнаго устоя... Беневоленскіе разныхъ видовъ не составляютъ же вѣдь какого-нибудь особеннаго исключенія, вѣдь имя же имъ: «легіонъ» И не ищите ихъ только въ той низменной средѣ чиновничества стараго покроя, которая способна и взятки брать. На взятки въ видѣ живого товара, на взиманіе того человѣкоубійственнаго процента, который такъ ужасалъ Раскольни-

кова, способны вѣдь, да еще и какъ способны, и самые культурные люди. Это вѣдь для того, чтобъ «себя освѣжать», а потомъ съ обновленными силами еще вѣрнѣе служить различнымъ культурнымъ цѣлямъ! Многимъ изъ васъ, читатель, приходилось, быть можетъ, присутствовать на такой свадьбѣ, на которую глядѣлъ изъ толпы какой-нибудь мальчуганъ съ полными слезъ глазами: когда-то онъ былъ сыномъ въ домѣ, а теперь будетъ развѣ какимъ-нибудь любимчикомъ на посылушкахъ, а мать его обратится въ служанку, и будетъ, пожалуй, стараться насолить новой барынѣ, ничего не знавшей и ни въ чемъ неповинной, если только сама барыня, заранѣе знавшая все, не станетъ ее держать въ черномъ тѣлѣ... А назовите такихъ, можетъ быть, и очень образованныхъ, двухсемейниковъ *негодями*, и они обидятся, какъ другіе обижаются какимъ-нибудь выраженіемъ въ родѣ: «сволочи, живущей въ комфортѣ». Но кто увѣренъ въ точности этихъ выраженій, тотъ всегда ихъ будетъ употреблять.

Говорить-ли о молодыхъ поклонникахъ Марьи Андреевны, Меричѣ и Милашинѣ? Ап. Григорьевъ находилъ ихъ только намѣченными, но не дорисованными. Намъ кажется, что они выставлены достаточно полно и ясно. Впрочемъ и Григорьевъ признавалъ, что «общій психологическій процессъ такихъ натуръ, какъ натура Мерича и Милашина, представленъ до того осязательно, что вы, принимая участіе въ судьбѣ Марьи Андреевны, негодуете на того и другого и презираете ихъ». Мы полагаемъ, что ихъ нельзя ставить на одну доску. Меричъ дѣйствительно только пользуется случаемъ ухаживать за бѣдною дѣвушкой безъ всякаго серьезнаго намѣренія на ней жениться. Но вѣдь Милашинъ совершенно искренно и тепло говоритъ ей въ рѣшительную для нея минуту: «Вы меня гоните!.. Ну, такъ я вамъ докажу, что я не заслуживаю этого. Я, Марья Андреевна, не Меричъ! Я очень хорошо понимаю ваше положеніе! Выйти за Беневоленскаго! Какому-нибудь скоту придетъ фантазія за васъ свататься, а вы должны идти за него!

Нѣтъ, это невыносимо!.. Я человѣкъ бѣдный, я можетъ быть, самъ не знаю, чѣмъ содержать себя одного, не только съ женой, но я не сдѣлалъ бы такъ, какъ Меричъ, не уступилъ бы васъ на жертву Беневоленскому. Марья Андреевна! Я предлагаю вамъ свою руку; мнѣ хочется доказать вамъ, что я благородный человѣкъ». Не его вина, какъ не вина и Марьи Андреевны, если ей приходится отвѣчать ему: «Беневоленскій человѣкъ съ состояніемъ, да и маменька хочетъ, чтобы я за него вышла; вотъ почему я предпочту Беневоленскаго... Не замѣтно, что я плакала? Мнѣ хочется показать маменькѣ, что я безъ всякаго усилія рѣшилась выйти замужъ. Пусть она будетъ весела и покойна, я возьму все на себя». Но вѣдь Милашинъ этимъ не успокаивается; онъ пристаетъ и къ Аннѣ Петровнѣ, спрашивая ее: «за что же должна гибнуть Марья Андреевна?» За что же должна гибнуть? А за то, что она «бѣдная невѣста». Намъ окончательно кажется, что истинный смыслъ комедіи заключается въ самомъ ея заглавіи.

II.

«Не въ свои сани не садись».—«Бѣдность не порокъ».—«Не такъ живи, какъ хочется».

Уже въ «Бѣдной Невѣстѣ», появившейся въ годъ смерти Гоголя, Островскій выступилъ на дорогу, независимую отъ его великаго учителя и сближавшую его съ такимъ, также вполнѣ самостоятельнымъ преемникомъ Гоголя, какъ Достоевскій. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе оказывалось у Ап. Григорьева основаній для того, чтобы «и творчество, и строй отношеній къ жизни, и манеру изображенія, свойственные Островскому, считать совершенно различными отъ таковыхъ же Гоголя» (Соч. I, 475). Остальная критика, по его убѣжденію, заблуждалась, считая дѣятельность Островскаго только «логиче-

скимъ послѣдствіемъ дѣятельности Гоголя» (460). «Бѣдная критика!—восклицалъ Григорьевъ,—вотъ именно въ этомъ-то, въ этой близости къ Гоголю, она тогда ошиблась и ошибается *даже до сего дне*; въ этомъ-то таился тогда и таится *даже до сего дне* источникъ всѣхъ ея недоразумѣній, натяжекъ и теорій» (472). Къ числу теоретическихъ натяжекъ относилъ онъ, и, по нашему, вполнѣ справедливо, и подведеніе всего Островскаго подъ формулу «темнаго царства».

Извѣстно, что Добролюбовъ въ своей знаменитой статьѣ всячески втягивалъ въ это царство и комедію «Не въ свои сани не садись» (1853 г.). «Есть,—говорилъ Добролюбовъ,—на Руси купецъ-самодуръ, добрый, честный и даже по своему умный, но самодуръ. У него есть дочь, которая передъ нимъ безгласна и безправна, какъ всякая дочь передъ всякимъ самодуромъ. Не признавая ея правъ, какъ самостоятельной личности, ей и не даютъ ничего, что въ жизни можетъ ограждать личность; она необразована, у нея нѣтъ голоса даже въ домашнихъ дѣлахъ, нѣтъ привычки смотрѣть на людей своими глазами, нѣтъ даже и мысли о правѣ свободнаго выбора въ дѣлѣ сердца» (III, 75). Правда, критикъ счелъ-таки нужнымъ прибавить про Русакова: «Онъ не говоритъ просто: «такъ должно быть *потому*, что *я* такъ хочу», — а старается отыскивать резоны для своихъ рѣшеній. «Но этимъ и ограничивается то, что могъ онъ сохранить изъ добрыхъ качествъ своей натуры, далѣе начинаются пріобрѣтенія самодурства».

«Видно, что Русаковъ,—поясняетъ критикъ,—по мягкости своей природы, съ самаго начала кротко покорился существующему порядку, признавъ его законность; значитъ, не было нужды доказывать ему эту законность пинками и колотушками». Въ комедіи нѣтъ ничего, по чему бы могли мы судить о вѣрности этого заключенія о ходѣ развитія характера Русакова. Но типъ Русакова, въ его уже вполнѣ опредѣлившихся формахъ, такъ ясенъ и полонъ въ комедіи, что мы можемъ ею провѣрить его характеристику у Добролюбова.

Русаковъ говоритъ Маломальскому: «Ты знаешь, Дуня у меня одна... Одно утѣшеніе только и есть. Мнѣ не надо ни знатнаго, ни богатаго, а чтобы былъ добрый человѣкъ да любилъ Дунюшку, а мнѣ бы любоваться на ихъ житье». Есть ли въ этихъ словахъ хотя что-нибудь смахивающее на самодура? Мы насмотрѣлись на представителей этого типа у Мельникова и могли убѣдиться въ томъ, какъ много значитъ для нихъ именно *выгодность* свадебной сдѣлки, и до какой степени счастье дочери рѣшительно тутъ не при чемъ. Правда, на замѣчаніе Бородкина: «Главная причина, какъ сама Авдотья Максимовна, это какъ имъ человѣкъ понравится», Русаковъ замѣчаетъ и даже съ сердцемъ: «Врете вы оба! Статочное ли дѣло, чтобъ повѣрить дѣвкѣ, кто ей понравится!... Извѣстно, дѣло дѣвичье—глупое.... Дѣвку долго ли обмануть! Вѣтрогонъ какой-нибудь, прости Господи, подвернется, подластится, ну, дѣвка и полюбитъ; такъ ее отдавать безъ толку?... Нѣтъ, это не порядокъ: пусть мнѣ человѣкъ понравится. Я не за того отдамъ, кого она полюбитъ, а за того, кого я полюблю». Это, конечно, сказалось у Русакова на основаніи теоріи самодурства. Но побужденіе у него все-таки вѣдь не власть, не своя рука владыка, а опасеніе, что дѣвушка по неопытности можетъ ошибиться. Добролюбовъ, признавая это, указывалъ на то, что вольно же было Русакову такъ вести свою дочь, что она выросла чуждою всякой самостоятельности, всякаго знанія жизни, а потому и способною на всякія увлеченія. «Дѣвушка развитая,—говорилъ Добролюбовъ,—и привыкшая къ обществу, не поддалась бы пошлой Аринѣ Ѳедотовнѣ и не плѣнилась бы пустоголовымъ Вихоревымъ» (86). Но развѣ и при самостоятельности характера, при полной развитости умственной дѣвушка не можетъ увлечься вопреки всему человѣкомъ, вполнѣ ея недостойнымъ? Какъ бы въ такомъ случаѣ поступилъ самый образованый и въ то же время самый гуманный отецъ? Не счелъ ли бы онъ своимъ долгомъ всячески предостеречь свою дочь и не могъ ли бы онъ при этомъ, какъ живой человѣкъ, именно изъ любви къ ней,

даже дойти до вспыльчивыхъ выходокъ? Конечно, истощивъ всѣ свои убѣжденія, онъ бы не рѣшился поступить насильственно, т.-е. просто *запретить*. Но развѣ и Русаковъ, послѣ всѣхъ грозныхъ рѣчей, окончательно запрещаетъ? «Она будетъ любить всякаго мужа,—говоритъ онъ,—надо найти ей такого, чтобъ ее-то любилъ, да могъ бы понять, что это за душа.... Душа у нея русская». Говоря это, онъ, вѣроятно, припоминаетъ себѣ ея мать, съ которою жилъ, по его словамъ, душа въ душу, и у которой, на его взглядъ, тоже, должно быть, душа была русская. Мы удивляемся, какъ это критика не придралась и къ такому его выраженію, какъ она не попрекнула его квaснымъ патріотизмомъ, національной исключительностью и мало ли чѣмъ еще. Придралась же она къ словамъ Русакова про свою дочь: «она будетъ любить всякаго мужа», тогда какъ въ нихъ заключается только указаніе на ея любящую душу вообще, достойную такой же любящей души, а вовсе не на то, что она способна любить по командѣ. Любящею душою представляется старику и Бородкинъ, и чуткое сердце старика не ошибается въ немъ, какъ не ошибается въ другомъ смыслѣ и въ приглянувшемся дочкѣ Вихоревѣ. Русаковъ въ этомъ отношеніи гораздо проницательнѣе Потапа Максимыча (у Мельникова), хотя оба они одинаково обладаютъ любящею душою и только съ виду представляются самодурами. Сама Авдотья Максимовна такъ же увѣрена въ своемъ отцѣ, какъ Настя въ Потапѣ Максимычѣ. «Вѣдь онъ добрый»,—говоритъ про него Настя.—«Я скажу ему, что не люблю Бородкина,—говоритъ про отца Авдотья Максимовна;—онъ насильно не заставитъ». Правда, на возраженіе Вихорева: «А какъ онъ этого не послушаетъ, что тогда?» она отвѣчаетъ: «Я ужь право не знаю, что мнѣ дѣлать съ этимъ дѣломъ, такая-то напасть на меня!» Добролюбовъ считаетъ такой отвѣтъ съ ея стороны *идіотскимъ* (81); намъ же думается, что онъ вытекаетъ изъ ея привязанности къ отцу, изъ опасенія огорчить того, кто такъ любитъ ее и въ кого она даже и въ чаду своей несчастной страсти не

перестаетъ вѣрить. «Онъ меня любитъ, онъ мнѣ не откажетъ, — повторяетъ Авдотья Максимовна при другомъ свиданіи съ Вихоревымъ.—Только каково мнѣ просить его объ этомъ, какъ бы вы знали!»

Между тѣмъ, старикъ изъ короткаго разговора съ Вихоревымъ окончательно убѣждается въ томъ, что это за гусь. Разговоръ такъ и обрисовываетъ обоихъ. «Вы, вѣроятно, захотите дать ей нѣкоторое образованіе,—говоритъ Вихоревъ,—показать ей людей.... наконецъ, найти хорошую партію. А гдѣ вы это здѣсь найдете?»—«Да что-жъ? развѣ здѣсь звѣри живутъ? — въ свою очередь спрашиваетъ старикъ.—Чай, тоже люди».

Вихоревъ. Да развѣ здѣсь васъ могутъ оцѣнить, Максимъ Ѳедотычъ, развѣ могутъ! Что вы говорите!

Русаковъ. Да что насъ цѣнить-то! Намъ этого не нужно. Ну ихъ совсѣмъ и съ оцѣнкой-то! Былъ бы самъ по себѣ хорошъ, а то про меня что хошь говори.

Право, достаточно однихъ этихъ послѣднихъ словъ, чтобы ото всей души полюбить Русакова.

Свои продолжающіяся льстивыя выходки Вихоревъ заключаетъ словами: «Мнѣ хочется породниться съ вами, Максимъ Ѳедотычъ.... Ну, и чинъ у меня....»

Русаковъ. Полноте, ваше благородіе, мы люди простые, ѣдимъ пряники неписаные, гдѣ намъ! Вѣдь насъ только за карманъ и уважаютъ.

Вихоревъ. Полноте, Максимъ Ѳедотычъ, что за идея!

Русаковъ. Право такъ, а то за что насъ любить-то?

Вихоревъ. За добрую душу.

Русаковъ. Такъ ли, полно?

Вихоревъ. Я не понимаю, Максимъ Ѳедотычъ, у насъ какой-то странный разговоръ происходитъ.

Русаковъ. Не дѣло вы говорите. Вы люди благородные, ищите себѣ барышень.... воспитанныхъ, а ужь нашихъ-то дуръ оставьте намъ; мы своимъ-то найдемъ жениховъ какихъ-нибудь дешевенькихъ.

И вотъ послѣ такого-то многозначительнаго разговора ея отца съ этимъ яснымъ соколомъ, Дуня рѣшается

наконецъ сказать отцу, что безъ Вихорева ей «не милъ бѣлый свѣтъ!» Тутъ же какъ нарочно подвертывается и глупая тетушка, которая-таки содѣйствовала своимъ вліяніемъ всему этому увлеченію. «У васъ вѣдь одна дочь-то», — говоритъ она» и этимъ попрекомъ выводитъ старика изъ терпѣнія. «Ты, сестра, молчи,—это не твое дѣло,—говоритъ онъ.—Дуня, не дури! Не печаль отца на старости лѣтъ. Выкинь блажь-то изъ головы. Отецъ лучше тебя знаетъ, что дѣлаетъ. Ты думаешь, ему ты нужна? Ему деньги нужны, дура!» Это, конечно, не деликатно, какъ не деликатно и слѣдующее за тѣмъ обращеніе его опять къ сестрицѣ-совѣтчицѣ: «Ты еще, дура, тутъ своими разговорами дѣвку съ толку сбиваешь, изъ ума выводишь. Отъ тебя-то вся и бѣда. Что у тебя вмѣсто головы-то надѣто? Кабы не твоя болтовня, смѣла-бъ она такъ съ отцомъ разговаривать?» Въ этихъ послѣднихъ словахъ—именно въ *словахъ*—опять самодурство во всемъ своемъ блескѣ. Но тотъ же старикъ, немного спустя, разжалобленный тѣмъ, что дочь не перестаетъ твердить: «онъ меня любитъ», совсѣмъ уже кротко ей возражаетъ: «Охъ, Дунюшка, не вѣрится мнѣ. Ну, да вотъ мы это дѣло узнаемъ, — надумывается онъ. Дѣло-то простое. Я ему скажу, что за тобой ничего не дамъ; если любитъ, пускай такъ беретъ. Коли любитъ, возьметъ и такъ».— Вѣдь это совсѣмъ не то, что у Мельникова старикъ Масленниковъ, предлагающій себя въ женихи вмѣсто сына, но готовый и устраниться,—только съ тѣмъ, чтобъ не дать сыну ничего, и тѣмъ самымъ рѣшающій дѣло въ свою пользу. Русаковъ заботится не о себѣ, а о своей дочери, когда придумываетъ такой вѣрный способъ испытанія чувствъ ея милаго дружка. Право, и самый образованный изъ добрыхъ отцовъ не поступилъ бы иначе въ подобномъ случаѣ.

Между тѣмъ критикъ отнесся къ этому поступку Русакова совсѣмъ произвольно: «Русаковъ, разжалобившись,—говоритъ онъ,—соглашается выдать ее за Вихорева (развѣ просто соглашается?). Зачѣмъ? Съ какой стати? Вѣдь онъ, повидимому, вполнѣ убѣжденъ, что за-

мужество за Вихоревымъ составитъ гибель его дочери.... За нѣсколько минутъ раньше.... онъ высказываетъ свою твердость (твердость? но вѣдь критикъ ее находилъ самодурствомъ), угрожая лишить дочь своего благословенія.... А тутъ вдругъ уступка? Чѣмъ она вызвана? Отчасти добротою сердца и отцовской любовью; но всего болѣе совершеннымъ отсутствіемъ прочныхъ основъ для принятаго имъ прежде рѣшенія» (?) (стр. 100).

Авдотья Максимовна, несмотря на то, что придумалъ отецъ, просто уходитъ отъ него съ Вихоревымъ, и потомъ уже передаетъ ему отцовскія слова. «Да это онъ вретъ, онъ и денегъ дастъ»,—увѣряетъ Вихоревъ. «Ну, нѣтъ, не знаю: онъ у насъ что сказалъ, то и свято. Опять же онъ на меня теперь въ сердцахъ, что я его не послушала: онъ ни за что не дастъ»,—говоритъ она и такимъ образомъ, повидимому, сама же и выставляетъ отца настоящимъ самодуромъ. Но неужели же въ самомъ дѣлѣ этотъ его отказъ въ деньгахъ объясняется самодурствомъ? Какъ предвидѣлъ старикъ, такъ оно и выходитъ: безъ денегъ она не нужна Вихореву. Узнавъ, что она ушла, не вникнувъ въ его совѣтъ, не воспользовавшись тѣмъ способомъ испытанія, который въ немъ заключался, старикъ не только огорченъ, но и обиженъ. Что-жъ, неужели намъ приходится негодовать на него, а не сострадать ему, когда онъ въ слезахъ причитаетъ: «Дочка! не вѣкъ тебѣ будутъ радости. Вспомнишь ты и обо мнѣ. Кто тебя такъ любить будетъ, какъ я тебя любилъ? Поживи въ чужихъ людяхъ, узнаешь, что такое отецъ!... Диви-бы я съ нею строгъ былъ или жалѣлъ для нея что? Я ли ее не любилъ, я ли ее не голубилъ?» Едва ли мы имѣемъ право негодовать на него даже и въ ту минуту, когда, при ея возвращеніи, онъ на первыхъ порахъ отъ нея отказывается. Вѣдь тутъ же еще и подвертывается Маломальскій съ извѣстіемъ, что онъ «остановилъ молодца». Русаковъ и не думаетъ даже воспользоваться мыслью Маломальскаго: «Онъ примѣрно теперь осрамилъ дѣвушку.... ну, и женись, мы заставимъ». Такимъ способомъ прикрытія грѣха, какъ извѣстно, пользуются—

безъ малѣйшей, конечно, заботы о томъ, какова-то предстоитъ впереди жизнь для той, чье положеніе этимъ способомъ поправляютъ [1]). Русаковъ далекъ отъ того, чтобы воспользоваться такимъ способомъ. «Да мнѣ его и даромъ не надо,—говоритъ онъ,—не то, что насильно заставить. Осрамилъ, ну что-жъ, нашъ грѣхъ!... Да меня золотомъ осыпь, я на него и глядѣть-то не хочу, не то, чтобъ въ зятья взять». На новые уговоры со стороны Маломальскаго, что «теперича.... слухъ этотъ пойдетъ», старикъ попрежнему отвѣчаетъ: «Что же дѣлать-то, согрѣшили. На себя пеняй». Онъ винитъ не ее одну, онъ винитъ и себя, всѣхъ ее окружающихъ, и кто знаетъ, что только ни проходитъ въ эту минуту черезъ его сѣдую голову? Это его «согрѣшили» въ своемъ родѣ напоминаетъ тотъ мірской поклонъ на всѣ стороны, съ какимъ преступникъ на лобномъ мѣстѣ обращается ко всѣмъ, говоря: «Простите, православные!» Да, видно и у самого Русакова «душа-то русская»!

Правъ ли послѣ всего этого критикъ, когда толкуетъ по своему и самый послѣдній поступокъ Русакова, то, что онъ, узнавъ о долгѣ въ гостинницу, оставшемся на Вихоревѣ, говоритъ Маломальскому: «Ужъ я за него заплачу, только бы убирался поскорѣе». Правъ ли Добролюбовъ, когда говоритъ, что Русаковъ дѣлаетъ это «на радостяхъ, что урокъ не пропалъ даромъ для дочери и еще болѣе укрѣпилъ въ ней принципъ повиновенія старшимъ». Но критикъ еще прибавляетъ: «какъ видите, и тутъ сказывается самодурный обычай: на милость, дескать, нѣтъ образца; хочу—казню, хочу—милую... Никто мнѣ не указъ, ни даже самыя правила справедливости» (III, 84). Полагаемъ, что критикъ тутъ совсѣмъ не правъ, а правъ Ап. Григорьевъ, говоря въ комедіи «Не въ свои сани не садись:» «никакими разсужденіями вы не добьетесь отъ массы ни пониманія вреда отъ самодур-

---

1) Этотъ способъ употребляется у Островскаго Карпомъ Карпычемъ въ сценахъ «Не сошлись характерами». «Третью племянницу такъ отдаю, говоритъ онъ, я всей роднѣ благодѣтель».

ства почтеннаго Максима Ѳедотыча Русакова, ни сочувствія къ чему-либо иному, кромѣ какъ къ положенію того же Русакова, къ простой и глубокой любви Бородкина и къ жестокому положенію бѣдной дѣвушки, увлеченной простотой своей любящей души, да совѣтами протестантки тетушки» (462). Протестанткою называетъ онъ эту послѣднюю, иронически становясь на точку зрѣнія критика «Темнаго царства» (съ тою же ироніею называетъ онъ «протестанткой» и Липочку въ комедіи «Свои люди—сочтемся»). Мы совершенно согласны съ Григорьевымъ и въ томъ, что масса въ этомъ случаѣ будетъ совершенно права.

Между тѣмъ, не менѣе строго, чѣмъ къ Русакову, критикъ «Темнаго царства» отнесся и къ его дочери, и къ вѣрно-любящему ее Бородкину. «Трудно представить болѣе жалкую дѣвушку,—говорилъ Добролюбовъ.—Въ сущности, она даже скорѣе комична, нежели жалка, такъ, какъ комична Софья Павловна съ своей любовью къ Молчалину... Но надъ Авдотьей Максимовной нельзя смѣяться: обстановка ея слишкомъ мрачна... Бѣдная дѣвушка, въ самомъ дѣлѣ, не виновата, что ее лишили всякой нравственной опоры внутри себя и воспитали только къ тому, чтобы вѣкъ ходить ей на привязи... Къ довершенію горя оказывается, что она еще и Бородкина-то любитъ, что она съ нимъ бывало встрѣтится, такъ не наговорится... Да и теперь его жалѣетъ, но въ то же время не можетъ никакъ оторваться отъ мысли о необычайной красотѣ Вихорева. Впрочемъ, она очень недовольна собой и говоритъ: «На грѣхъ я его увидѣла». Если во всемъ этомъ какъ будто бы проглядываетъ и нѣкоторая снисходительность къ Авдотьѣ Максимовнѣ, то критикъ окончательно строгъ къ ней, когда говоритъ: «доброта, лишенная всякой способности возмущаться зломъ, и тупая покорность судьбѣ выражаются въ этихъ словахъ несчастной дѣвушки (сказанныхъ отказывающемуся отъ нея Вихореву): «Богъ васъ накажетъ за меня, а я вамъ зла не желаю. Найдите себѣ жену богатую да такую, чтобъ любила васъ такъ, какъ я; живите съ нею въ радости, а я дѣвушка

простая, доживу какъ-нибудь, скоротаю свой вѣкъ, въ четырехъ стѣнахъ сидя, проклинаючи свою жизнь». И эта гуманно-патетическая тирада обращена къ Вихореву! (83—84). Но не порицалъ же критикъ Дуню (въ «Бѣдной Невѣстѣ») за болѣе или менѣе сходное отношеніе ея къ Беневоленскому, который, конечно, не лучше Вихорева! Напротивъ, критикъ даже сочувственно относился къ Дунѣ. Откуда же такіе двойные вѣсы? Чего ради также критикъ называлъ Авдотью Максимовну *опозоренною*? (21, 27). Вѣдь это противорѣчитъ прямымъ ея словамъ Бородкину, сказаннымъ уже послѣ того, какъ она вернулась отъ Вихорева: «я честная дѣвушка, Иванъ Петровичъ, я васъ обманывать не стану. Скажите вы это всѣмъ и тятенькѣ». Слова эти, какъ извѣстно, радостно поражаютъ ея отца и сразу заставляютъ его пожалѣть о сорвавшемся въ гнѣвѣ словѣ. Или критикъ имѣлъ какое-нибудь основаніе менѣе довѣрять искренности Авдотьи Максимовны, чѣмъ довѣряетъ ея отецъ? Едва ли въ комедіи есть какое-нибудь основаніе для того, чтобы подозрѣвать ее во лжи.

Мы не видимъ также никакого основанія для того, чтобы видѣть со стороны Островскаго натяжку, когда Бородкинъ у него «объявляетъ желаніе взять за себя опозоренную дочь Русакова». Правда, онъ рѣшается на это еще прежде, чѣмъ убѣдился изъ словъ Авдотьи Максимовны, что она «честная дѣвушка». Но онъ руководится тѣмъ, что «ее-жъ обидѣли, да ее же и бранить. По крайней мѣрѣ она у насъ,—говоритъ онъ,—будетъ ласку видѣть отъ меня и отъ маменьки. Что-жъ такое, со всякимъ грѣхъ бываетъ. Не намъ судить!» Критикъ, въ объясненіе своего взгляда, говорилъ: «во всей пьесѣ Бородкинъ выставляется благороднымъ и добрымъ по старинному; послѣдній же его поступокъ вовсе не въ духѣ того разряда людей, которыхъ представителемъ служитъ Бородкинъ. Но авторъ хотѣлъ приписать этому лицу всевозможныя добрыя качества и въ числѣ ихъ приписалъ даже такое, отъ котораго настоящіе Бородкины, вѣроятно, отреклись бы съ ужасомъ». Но почему же такъ непремѣнно? Самъ

Бородкинъ не видитъ въ своемъ поступкѣ ничего особеннаго, конечно, подъ вліяніемъ того, что онъ ее крѣпко любитъ. Онъ очень просто говоритъ о своемъ поступкѣ: «Помилуйте, есть же во мнѣ какое-нибудь чувство; я вѣдь не звѣрь, и во мнѣ есть искра Божія!» Или, быть можетъ, подобной искры такъ ужъ вовсе не полагается людямъ «добрымъ по старинному»? Мы съ своей стороны полагаемъ, что она вполнѣ возможна и у людей «стараго покроя», какъ возможно съ другой стороны и ея отсутствіе у людей покроя новаго.

Добролюбовъ въ заключеніе своей критики замѣтилъ, что «Островскій, намѣренно или не намѣренно, или даже противъ воли, показалъ намъ, что, пока существуютъ самодурныя условія въ самой основѣ жизни, до тѣхъ поръ самыя добрыя и благородныя личности ничего хорошаго не въ состояніи сдѣлать» (89). Мы же напротивъ думаемъ, что комедія его, помимо какой-либо умышленной поучительности, силою заключающихся въ ней вещей свидѣтельствуетъ, что «искра Божія» можетъ разгораться въ человѣкѣ наперекоръ всякимъ самодурнымъ условіямъ жизни и доходитъ наконецъ до такой «смѣлости добра», которой критикъ совершенно напрасно не видитъ «даже въ лучшихъ натурахъ комедій Островскаго» (116). Мы положительно видимъ такую *смѣлость добра* въ Бородкинѣ. Надѣемся ее показать и въ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ ком. «Бѣдность не порокъ», какъ бы ни казалось это лицо непригляднымъ.

Что касается главнаго дѣйствующаго лица этой комедіи, Гордѣя Карповича Торцова, то Добролюбовъ, конечно, имѣлъ несомнѣнное право сказать, что это «уже самодуръ въ полномъ смыслѣ. Онъ и крутъ, и гордъ, и разсудка не имѣетъ, по отзыву жены его, Пелагеи Егоровны. Цѣлый домъ дрожитъ передъ нимъ. Особенно грозенъ сдѣлался онъ съ тѣхъ поръ, какъ подружился съ Африканомъ Саввичемъ Коршуновымъ и сталъ «перенимать новую моду».—Она, эта «новая мода», слышна и въ томъ, что сулитъ онъ дочери, выдавая ее за этого ненавистнаго ей вдовца: «ты, дура, сама не понимаешь

своего счастья. Въ Москвѣ будешь по-барски жить, въ каретахъ будешь ѣздить. Одно дѣло: ты будешь жить на виду, а не въ такой глуши; а другое дѣло—я такъ приказываю». Желая показать себя передъ будущимъ зятемъ, Гордѣй Карпычъ ему говоритъ: «Въ другомъ мѣстѣ за столомъ-то прислуживаетъ молодецъ въ поддевкѣ, либо дѣвка, а у меня фицыянтъ въ нитяныхъ перчаткахъ. Этотъ фицыянтъ, онъ ученый, изъ Москвы, онъ всѣ порядки знаетъ: гдѣ кому сѣсть, что дѣлать. А у другихъ что! Соберутся въ одну комнату, усядутся въ кружокъ, пѣсни запоютъ мужицкія. Оно, конечно, и весело, да я считаю такъ, что это низко, никакого тону нѣтъ». Жена его, какъ извѣстно, другого мнѣнія. «Люблю по старому,—говоритъ она,—да по нашему, по русскому. Вотъ мужъ у меня не любитъ, что дѣлать, характеромъ такой вышелъ. А я люблю, я веселая... да чтобъ попотчевать, да чтобъ мнѣ пѣсни пѣли... да, въ родню свою: у насъ весь родъ веселый... пѣсельники...» «Теперь все ему наше русское не мило,—жалуется она Митѣ на мужа еще въ самомъ началѣ комедіи,—ладитъ одно: хочу по нынѣшнему... Надѣнь, говоритъ, чепчикъ... Модное-то ваше, да нынѣшнее, говорю я ему, каждый день мѣняется, а русскій-то нашъ обычай испоконъ вѣка живетъ». По претензіямъ на образованіе Гордѣй Карпычъ напоминаетъ Липочку Большову. Про нее, право, можно бы было сказать то же, что говоритъ Добролюбовъ про Гордѣя Карпыча: «умѣетъ извлечь изъ претензій на образованность только увеличеніе требованій и правъ своихъ, но никакъ не расширеніе своихъ собственныхъ обязанностей» (94). Въ этомъ отношеніи Торцовъ отчасти напоминаетъ нашихъ баръ XVIII ст., которые, нарядившись во французскій кафтанъ, сочли себя имѣющими тѣмъ болѣе права выжимать сокъ изъ «подлаго» народа.

Обращаясь къ тѣмъ, кому приходится терпѣть отъ самодурства Гордѣя Карпыча, Добролюбовъ справедливо, конечно, замѣтилъ: «и вѣдь если бы еще, въ самомъ дѣлѣ, сила неодолимая, натура высшаго разряда тяготѣла надъ

этими несчастными! А то вовсе нѣтъ!... Гордѣй Карпычъ не только крайне ограниченъ въ своихъ понятіяхъ, но еще и труслив, и слабодушенъ. Это опять-таки неотъемлемое, неизбѣжное свойство самодурства. Самодуръ дуритъ, ломается, артачится, пока не встрѣчаетъ себѣ противодѣйствія или пока противодѣйствіе робко и нерѣшительно. Но у него нѣтъ такой точки опоры, которая могла бы поддержать его въ сердечной и продолжительной борьбѣ (97). «Если вы хотите служить и вести дѣла честно, не бойтесь вступить въ серьезный рѣшительный споръ съ самодурами, рѣшитесь заранѣе, что вы на полусловѣ не остановитесь и пойдете до конца, хотя бы отъ того угрожала вамъ дѣйствительная опасность—потерять мѣсто или лишиться какихъ-нибудь милостей»(98). Все это прекрасно сказано и этимъ только указывается вообще на возможность не поддаваться средѣ. Но вѣдь и Митя не желалъ бы поддаться. Правда, Митѣ приходится только задаромъ хвалиться: «Посажу ее въ саночки-самокаточки да и былъ таковъ! Не видать тогда ее старому, какъ ушей своихъ, а моей головѣ за одно ужь погибать»!... Но если его слова не переходятъ въ дѣло, то едва ли это объясняется его *смиреніемъ*, т.-е. уступчивою искательностью ради своихъ выгодъ. Вспомнимъ коротенькій, но содержательный разговоръ его съ Гордѣемъ Карпычемъ. «Ты бы вотъ сертучишко новенькій сшилъ,—говоритъ ему Торцовъ.—Вѣдь къ намъ наверхъ ходишь, гости бываютъ.... Срамъ! Куда деньги-то дѣваешь?»—«Маменькѣ посылаю, потому она въ старости, ей негдѣ взять».—«Матери посылаешь! Ты себя-то бы образилъ прежде; матери-то не Богъ знаетъ, что нужно, не въ роскоши воспитана; чай, сама хлѣвы затворяла».—«Ужь пущай же лучше я буду терпѣть, да маменька, по крайности, ни въ чемъ не нуждается». Вотъ почему Митя *только* говоритъ: «Эхъ, дайте душѣ просторъ—разгуляться хочетъ! По крайности, коли придется и въ отвѣтъ идти, такъ ужь то буду знать, что потѣшился». Не одна своя голова у него на плечахъ, и вотъ онъ призадумывается надъ тѣмъ, въ чемъ заключается его соб-

ственное счастье. Но вѣдь это же и счастье другого существа, Любови Гордѣевны? Да, но онъ знаетъ ее: и счастье ей будетъ не въ счастье, если онъ увезетъ ее противъ отцовской воли. Она, въ самомъ дѣлѣ, сдается передъ самодурствомъ, хотя, кто знаетъ, все ли высказываетъ она на словахъ, не гнѣздится ли въ ея душѣ и затаенная мысль все о той же Митиной матери? И ждала бы отъ нея, пожалуй, судя по своему Митѣ, всего добраго, да не бросить же Митѣ свою старушку, а чѣмъ-то имъ будетъ жить втроемъ? Старушка уже дряхла, какъ-то еще Митя себѣ отыщетъ новое мѣсто при возможности стачки между купцами, а Люба-то вѣдь ничему не обучена; въ этомъ, разумѣется, она безгласная жертва самодурства, и мысль о трудѣ, вѣроятно, даже не приходитъ ей въ голову. Какъ бы то ни было, не мало разныхъ побужденій должно шевелиться у нея въ душѣ, не мало разныхъ мыслей проходитъ черезъ ея голову. Ап. Григорьевъ, умѣя глубоко заглядывать въ разнородный составъ человѣческой души, имѣлъ право сказать: «Любовь Гордѣевна — одинъ изъ прелестнѣйшихъ, хотя и слегка очерченныхъ женскихъ образовъ Островскаго,— не забитая личность, возбуждающая только сожалѣніе, а высокая личность, привлекающая все наше сочувствіе, какъ не забитыя личности ни Марья Андреевна въ «Бѣдной Невѣстѣ», ни Пушкинская Татьяна, ни Лиза (въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» — «ваша Лиза», какъ выразился Григорьевъ, придавъ своей критикѣ форму письма къ Тургеневу). Бытъ, составляющій фонъ широкой картины, взятъ—на всякіе глаза кромѣ глазъ теоріи—не сатирически, а поэтически, съ любовью, съ симпатіею очевидными, скажу больше—съ религіознымъ культомъ существенно народнаго». Да, бытъ тутъ взятъ точно такъ-же, какъ Пушкинымъ, какъ Тургеневымъ. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы все въ этомъ быту представлялось поэту разумнымъ. Пушкинъ, конечно, былъ далекъ отъ того, чтобы проповѣдывать русскимъ дѣвушкамъ необходимость по просьбѣ матери выходить непремѣнно замужъ за старыхъ генераловъ. Тургеневъ былъ не ме-

нѣе далекъ отъ того, чтобы указывать русскимъ дѣвушкамъ на тихое пристанище въ монастырскихъ стѣнахъ. Такъ и Островскій вовсе не рекомендуетъ прелестей брака со старымъ вдовцомъ, а только не караетъ своей Любови Гордѣевны за то, что она не бѣжитъ съ Митей, а въ грустномъ раздумьи не знаетъ, что ей дѣлать. Какъ хорошъ, какъ многосодержателенъ ея короткій разговоръ съ Коршуновымъ.

— Вотъ что скажу вамъ, драгоцѣнная моя барышня: молодые-то загуливать любятъ, веселости да развлеченія, да дебоши разные, а жена-то сиди дома, жди его до полуночи. А пріѣдетъ-то пьяненькій, заломается, заважничаетъ. А старикъ-то все подлѣ жены такъ и будетъ сидѣть; умирать будетъ—прочь не отойдетъ....

— А васъ-то жена покойная любила?

— А вамъ, сударыня, на что это?

— Такъ, хотѣлось знать.

— Знать хотѣлось?... Нѣтъ, не любила, да и я не любилъ ее. Она и не стоила того, чтобъ ее любить-то. Я ее взялъ бѣдную, нищую, за красоту только за одну; все семейство призрѣлъ; спасъ отца изъ ямы; она у меня въ золотѣ ходила.

— Любви золотомъ не купишь.

— Люби не люби, да почаще взглядывай. Имъ, видишь ты, деньги нужны были, нечѣмъ было жить. Я давалъ, не отказывая, а мнѣ вотъ нужно, чтобъ меня любили. Что-жъ, я воленъ этого требовать или нѣтъ? Я вѣдь за то деньги платилъ. На меня грѣхъ пожаловаться: кого я полюблю, тому хорошо жить на свѣтѣ, а ужь кого не полюблю, такъ не пеняй!

Отъ грозящей бѣдняжкѣ Любови Гордѣевнѣ золотой клѣтки спасаетъ ее близкій ей человѣкъ, но такой, на котораго ни она, ни Митя ужь, конечно, не разсчитывали. У Мити, какъ у сказочнаго Иванушки, душа широкая. Мало у него за душой, а нѣтъ, нѣтъ да и дастъ гривенничекъ Любиму Карпычу Торцову, родному брату своего хозяина, который его не хочетъ и знать за пропащую его жизнь. Любимъ Карпычъ, не имѣющій даже

своего угла, скажетъ Митѣ: «Я ночевать къ тебѣ приду», и въ самомъ дѣлѣ придетъ, и ночуетъ. И вдругъ, безъ малѣйшаго расчета съ Митиной стороны, пригодился ему Любимъ Торцовъ, какъ Иванушкѣ пригодилась какая-то птица, которой птенчиковъ онъ пригрѣлъ.

А вѣдь безпутный человѣкъ Любимъ Карпычъ. Да, но онъ самъ больше всѣхъ и чувствуетъ свое безпутство, и вотъ этимъ-то въ самомъ корнѣ и отличается онъ отъ Африкана Карпыча, который когда-то точно такъ же гулялъ, но котораго вывезло то, что онъ и надуть умѣлъ, и на надувательствѣ соорудилъ себѣ спасительную пристань, чтобы затѣмъ къ ней пристать и зажить уже степенно, но широко, зажить въ роскоши на томъ берегу, на который ему удалось таки выплыть.

«Остался я послѣ отца, видишь ты, малъ-малехонекъ, съ Коломенскую версту, лѣтъ двадцати несмышленочекъ,—самъ на свой счетъ прохаживается Любимъ Карпычъ, исповѣдуясь Митѣ.—Въ головѣ-то, какъ въ пустомъ чердакѣ, вѣтеръ такъ и ходитъ. Раздѣлились мы съ братомъ: себѣ онъ взялъ заведеніе, а мнѣ далъ деньгами, да билетами, да векселями. Ну, ужъ какъ онъ тамъ раздѣлилъ—не наше дѣло, Богъ ему судья». Не желая судачить, обвинять другихъ, когда и самъ виноватъ, Любимъ Торцовъ не думаетъ о томъ, что у братца, когда онъ взялъ себѣ заведеніе, а ему отдалъ деньги, былъ, можетъ быть, и расчетъ на то, что деньги легче спустить, а что заведеніе устойчивѣе. Есть вѣдь и такая черта въ людяхъ—она подмѣчена психологіею народныхъ сказокъ—что люди не терпятъ чужого счастья, чужого благосостоянія, что даже братъ способенъ бываетъ глядѣть на братнино счастье, какъ на какую-то помѣху своему собственному. «Вотъ я и поѣхалъ въ Москву по билетамъ деньги получать,—продолжаетъ Любимъ.—Нельзя не ѣхать. Надо людей посмотрѣть, себя показать, высокаго тону набраться... Надобно до всего дойти! Первое дѣло, одѣлся франтомъ, знай, дескать, нашихъ! То-есть такого-то дурака разыгрываю, что на рѣдкость. Сейчасъ, разумѣется, по трактирамъ... Шпиленъ зи полька, дайте

еще бутылочку похолоднѣе». У него, видно, какъ и у брата, Гордѣя, было своего рода тяготѣнье къ *цивилизаціи*. Но Гордѣй, разумѣется, оставался совершенно чуждъ той артистической жилки, которая сказывалась въ культурныхъ вожделѣньяхъ Любима. Вотъ эта-то жилка, быть можетъ, и содѣйствовала тому, чтобы не въ конецъ заглохло въ Любимѣ то, что называется «искрой Божіей».—«Я все трагедію ходилъ смотрѣть»,—говоритъ онъ, хотя и прибавляетъ, можетъ быть, и преувеличивая, въ порывѣ самоосужденія, будто «не помнитъ ничего, потому что больше все пьяный». «Такимъ-то побытомъ,—доходитъ до развязки Любимъ,—деньжонки всѣ я ухнулъ; что осталось, довѣрилъ пріятелю Африкану Коршунову на божбу да на честное слово; съ нимъ же я пилъ да гулялъ, онъ же всему безпутству заводчикъ, главный заторщикъ изъ бражнаго, онъ же меня и надулъ, вывелъ на свѣжую воду. И сѣлъ я, какъ ракъ на мели...» Дѣло дошло до того, что хоть петлю на шею. «Есть ремесло хорошее,—попрежнему издѣвается надъ своимъ положеньемъ Любимъ,—коммерція выгодная—воровать. Да не гожусь я на это дѣло—совѣсть есть, опять же и страшно: никто этой промышленности не одобряетъ». Сказалъ было словечко и въ свою пользу, да сейчасъ-же и оговаривается, будто скорѣе его удержали практическія соображенія. А вѣдь дѣло-то именно въ томъ, что совѣсть въ немъ не заснула, тогда какъ она спитъ и въ Коршуновѣ, и въ Африканѣ Карпычѣ. Не сдѣлавшись воромъ, сдѣлался бѣдняга Любимъ скоморохомъ. «Какъ пріѣдетъ,—говоритъ онъ,—особенно кто побогаче, выскочишь, сдѣлаешь колѣнце, ну и дастъ, кто пятачекъ, кто гривну. Стыдно, однако, такъ жить. Не лучше ли взяться за трудъ?»—«Такъ ужь рѣшился,—продолжаетъ онъ,—сходить Богу помолиться да идти къ брату, пусть возьметъ хоть въ дворники. Такъ и сдѣлалъ. Бухъ ему въ ноги! Будь, говорю, вмѣсто отца! Жилъ такъ и такъ, теперь хочу за умъ взяться. А ты знаешь, какъ братъ меня принялъ? Ему, видишь, стыдно, что у него братъ такой. А ты поддержи меня, говорю

ему, оправь, обласкай, я человѣкъ буду Такъ нѣтъ, говоритъ, куда я тебя дѣну. Ко мнѣ гости хорошіе ѣздятъ, купцы богатые, дворяне; ты, говоритъ, съ меня голову снимешь». Ну, совершенно, какъ въ народныхъ сказкахъ. Только у Гордѣя проступаетъ и тутъ незнакомый имъ оттѣнокъ культурности. «По моимъ чувствамъ и понятіямъ, мнѣ бы совсѣмъ, говоритъ, не въ этомъ роду родиться, Я, видишь, говоритъ, какъ живу: кто можетъ замѣтить, что у насъ тятенька мужикъ былъ?» Въ этомъ смыслѣ Гордѣй напоминаетъ Алексѣя Лохматаго, только тотъ не сразу, а постепенно, все болѣе и болѣе скатываясь внизъ, по мѣрѣ того, какъ думаетъ подняться вверхъ, доходитъ до подобнаго презрѣнія къ своимъ, къ своему происхожденію. «Сразилъ онъ меня, какъ громъ,—говоритъ о братѣ Любимъ.—Съ этихъ-то словъ я опять сталъ зашибаться немного. Ну да, я думаю, Богъ съ нимъ, у него вотъ эта кость толста». Но дѣло не столько тутъ въ мѣднолобіи, сколько въ заспавшейся совѣсти. Впрочемъ, одно съ другимъ граничитъ.

Но вотъ, должно быть, провѣдалъ Любимъ, что у Гордѣя Карпыча уже и сговоръ съ Коршуновымъ. Жалость, должно быть, его разобрала, жалость къ племянницѣ, жалость къ Митѣ, смиренному въ самомъ хорошемъ смыслѣ, не важничающему съ бѣдняками и даже съ несчастными гулящими, доброму Митѣ. Впрочемъ, Любимъ еще заранѣе сказалъ послѣднему про Гордѣя Карпыча: «Ну, да я съ нимъ штуку сдѣлаю; дуракамъ богатство—зло». И Любимъ Карпычъ, въ своемъ обычномъ забубенномъ костюмѣ, является вдругъ въ гостиной брата, не стыдясь его новой «небели» и его «фицыянтовъ», да еще протягиваетъ руку Коршунову. «Я тебя, братецъ, помню,—говоритъ тотъ,—ты по городу ходилъ, по копѣечкѣ сбиралъ».—«Ты помнишь, какъ я по копѣечкѣ сбиралъ, а помнишь ли ты, какъ мы съ тобой погуливали, осеннія темныя ночи просиживали, изъ трактира въ погребокъ перепархивали? А не знаешь ли ты, кто меня разорилъ, съ сумой по міру пустилъ?» Но Любимъ Торцовъ на этомъ не останавливается. Когда Гордѣй, увидавъ его у

себя, кричитъ ему: «Что ты со мной дѣлаешь? Вонъ сейчасъ!», Любимъ и не думаетъ уходить, а преспокойно задаетъ Коршунову задачу: «Отчего у осла длинныя уши?», самъ же и рѣшая ее затѣмъ: «для того, чтобы всѣ знали, что онъ оселъ». Милому же братцу Гордѣю Карпычу задаетъ онъ вопросъ: «Честный ты купецъ или нѣтъ? Коли ты честный, не водись съ безчестнымъ, не трись подлѣ сажи—самъ замараешься». Сколько ни уговариваютъ его, у Любима одинъ отвѣтъ: «Не замолчу, теперь кровь заговорила!» Обращаясь къ входящимъ гостямъ, онъ обращается къ нимъ, точно къ міру—народу: «Послушайте, люди добрые! Обижаютъ Любима Торцова, гонятъ вонъ. А чѣмъ я не гость? За что меня гонятъ? (не даромъ онъ еще раньше спросилъ брата: «Ты думаешь, пьянъ Любимъ Торцовъ?» Сознавая себя теперь трезвымъ, онъ сознаетъ въ себѣ человѣческое достоинство). Я не чисто одѣтъ, такъ у меня на совѣсти чисто. Я не Коршуновъ: я бѣдныхъ не грабилъ, чужого вѣку не заѣдалъ, жены ревностью не замучилъ... Меня гонятъ, а онъ первый гость, его въ передній уголъ сажаютъ. Что-жъ, ничего, ему другую жену дадутъ: братъ за него дочь отдастъ!» И Любимъ въ правѣ говорить о своей чистой совѣсти—по крайней мѣрѣ, сравнительно съ братомъ и его нареченнымъ зятемъ; онъ вредилъ и вредитъ лишь себѣ, *онъ чужого вѣку не заѣдалъ.* Напрасно Коршуновъ увѣряетъ: «Это онъ по злобѣ на меня говоритъ спьяну».—«Я тебѣ давно простилъ,—спокойно отвѣчаетъ Любимъ Торцовъ.—Я человѣкъ маленькій, червякъ ползущій, ничтожество изъ ничтожествъ! Ты другимъ-то зла не дѣлай»,—заключаетъ онъ, считая себя даже слишкомъ ничтожнымъ, чтобъ стоять за себя и мстить, но чувствуя себя «власть имущимъ», если онъ заступается за другихъ, за безвинную жертву родного отца. Сознавая въ себѣ эту власть, онъ вдругъ нравственно выростаетъ; онъ повелительно говоритъ, когда братъ приказываетъ его вывесть: «Не трогать!» «Хорошо тому на свѣтѣ жить, у кого нѣтъ стыда въ глазахъ!» И видя, что все кругомъ, недоумѣвая, молчитъ, онъ уже со всею полнотою своего

человѣческаго достоинства заключаетъ: «О люди, люди! Любимъ Торцовъ пьяница, а лучше васъ! Вотъ теперь я самъ пойду: шире дорогу!» Если вѣрно, что отъ высокаго до смѣшного часто бываетъ всего одинъ шагъ, то тутъ выходитъ наоборотъ, что отъ смѣшного до высокаго тоже одинъ шагъ. Съ какимъ-бы изумленіемъ ни восклицалъ про Островскаго покойный Щербина: «зовутъ тебя Шекспиромъ русскимъ», но онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права обозвать нашего драматурга «гостино-дворнымъ Коцебу». Смѣшное и высокое такъ-же жизненно-пограничны подчасъ у Островскаго, какъ и у самого Шекспира.

У Любима Торцова, по его словамъ, заговорила кровь. Но у него также заговорило и прирожденное человѣку чувство правды. Съ такою же смѣлостью далъ ему впослѣдствіи зазвучать Островскій—только на поприщѣ неизмѣримо-расширенномъ—зазвучать устами Минина:

> Не самъ я говорилъ, кровь говорила.

Когда же вздумали ему пригрозить:

> А скажутъ замолчать, такъ замолчишь.

Онъ съ невозмутимою увѣренностью отвѣтилъ:

> Не замолчу. На то мнѣ данъ языкъ,
> Чтобъ говорить...

Во имя тѣхъ же державныхъ правъ человѣческаго языка, какъ органа Божьей правды, заговорилъ и не позволилъ себя остановить и Любимъ Торцовъ.

Онъ заговорилъ безъ опредѣленнаго плана, безъ вѣрнаго расчета на то, чтобы, разобидѣвъ Коршунова, заставить его разобидѣть Торцова и такимъ образомъ стравить и затѣмъ развести двухъ столкнувшихся самодуровъ. Но такъ оно выходитъ на самомъ дѣлѣ—и въ этомъ глубокая психологія нашей драмы (тутъ ужъ не скажешь: комедія). «Шалишь,—говоритъ любезному тестюшкѣ Кор-

шуновъ,—я даромъ себя обидѣть не позволю. Нѣтъ, ты теперь приди-ка ко мнѣ да мнѣ покланяйся, чтобъ я дочь-то твою взялъ». Но вотъ тутъ-то коса и находитъ на камень. «Я къ тебѣ пойду кланяться?»—гордо спрашиваетъ Гордѣй.—«Пойдешь, я тебя знаю,—отвѣчаетъ Коршуновъ.—Тебѣ нужно свадьбу сдѣлать, хоть въ петлю лѣзть, да только-бъ весь городъ удивить, а жениховъ-то нѣтъ. Вотъ несчастье-то твое». Но это выходитъ уже черезъ край. «Опосля этого, когда ты такія слова говоришь,—отрѣзаетъ Гордѣй Карповичъ,—я самъ тебя знать не хочу. Я отродясь никому не кланялся. Я, коли на то пошло, за кого вздумается, за того и отдамъ! Съ деньгами, что я за ней дамъ, всякій человѣкъ будетъ». Тутъ какъ разъ входитъ Митя, и Гордѣй, расходившись, приговариваетъ: «Вотъ за Митьку отдамъ!... Завтра же, да такую свадьбу задамъ, что ты не видывалъ: изъ Москвы музыкантовъ выпишу, одинъ въ четырехъ каретахъ поѣду».

Разнаго рода критики, по замѣчанію Добролюбова, возстали на автора за произвольность развязки. «Внезапная перемѣна Гордѣя Карповича, его ссора съ Африканомъ Саввичемъ и вниманіе къ требованіямъ Любима Торцова показались имъ неестественными». Самъ Добролюбовъ справедливо выступилъ на защиту Островскому, замѣтивъ: «Одинъ самодуръ говоритъ: «ты не смѣешь этого сдѣлать!», а другой отвѣчаетъ: «нѣтъ, смѣю». Тутъ споръ идетъ уже о томъ, кто кого передуритъ» (99, 101).

«За Митьку, да!—продолжаетъ Гордѣй хорохориться.—На зло ему, за Митрія отдамъ». Напрасно, однакожъ, Митя, подъ вліяніемъ внезапной радости, сейчасъ и принялъ эти слова за чистую монету. Да, напрасно онъ расчувствовался, говоря: «Зачѣмъ же на зло, Гордѣй Карпычъ? Со зломъ такого дѣла не дѣлаютъ. Мнѣ на зло не надобно-съ. Лучше ужъ я всю жизнь буду мучиться. Коли ужъ есть ваша такая милость, такъ ужъ вы благословите насъ, какъ слѣдуетъ, по-родительски, съ любовію... Какъ любили мы другъ друга и даже до этого случаю хотѣли вамъ повиниться... А ужъ я вамъ

вмѣсто сына, то-есть завсегда, всей душой-съ». Чуть было онъ этимъ не испортилъ всего дѣла. «Что, что всей душой?—говоритъ Гордѣй Карпычъ.—Ты ужъ и радъ случаю! Да какъ ты смѣлъ подумать-то? Что она, ровня что-ль тебѣ? Съ кѣмъ ты говоришь, вспомни!» Но не даромъ же раздалось смѣлое слово Любима Торцова. Много значитъ смѣлое слово, и не пропадетъ оно даромъ. Дастъ оно знать и другимъ, что нельзя молчать, подсказываетъ оно и другимъ, что грубая сила должна же сдаться передъ правдивымъ словомъ. Заговорила и безгласная, безпрекословная Любовь Гордѣевна: «Я, тятенька, вашей волѣ не перечила. Коли хотите моего счастья, отдайте меня за Митю». Заговорила и Пелагея Егоровна: «Что ты, въ самомъ дѣлѣ, Гордѣй Карпычъ, капризничаешь, да!... Я было ужь обрадовалась, насилу-то отъ сердца отлегло, а ты опять за свое... То скажешь за одного, то за другого. Что она тебѣ, на мытарство что ли досталась?» Снова заговорилъ, выдвигаясь изъ толпы, бывшей свидѣтельницей всего предыдущаго, и Любимъ Карпычъ, заговорилъ ровнымъ, но проникающимъ въ душу голосомъ: «Братъ, отдай Любушку за Митю». Ужъ напрасно теперь Гордѣй Карпычъ думаетъ защититься отъ пересиливающихъ его— тѣмъ, что ссылается на конфузъ, до котораго его довелъ Любимъ. «А ты еще съ совѣтами лѣзешь,—пытается онъ еще разъ отпихнуть его.—Ужъ пускай бы говорилъ человѣкъ, да не ты».—«Да ты поклонись Любиму Торцову въ ноги, что онъ тебя оконфузилъ-то»,—не сдаваясь, по прежнему властнымъ тономъ ему говоритъ Любимъ, а Пелагея Егоровна отъ всей полноты сердца подхватываетъ: «Именно, Любимушка, надо тебѣ въ ноги поклониться... да... именно. Снялъ ты съ нашей души грѣхъ великій; не замолить бы намъ его».—«Что-жъ, я—извергъ что ли какой въ своемъ семействѣ»,—начинаетъ совсѣмъ сдаваться Гордѣй Карпычъ. «Изъ этого вы ужь замѣчаете,—сказано и у Добролюбова,—что его начинаетъ пробивать великодушіе. Разъ ужь поставилъ на своемъ, прогнавъ Коршунова, и слѣдовательно самолюбіе его

удовлетворено покамѣстъ. Къ тому же онъ уже и утомленъ напряженіемъ, которое сдѣлалъ, и не въ состояніи теперь снова собрать ту-же энергію для другой борьбы. А тутъ вмѣстѣ съ кроткими мольбами жены допекаютъ его разсужденія и назойливыя просьбы брата Любима, который говоритъ съ нимъ смѣло и рѣшительно, безъ всякихъ умолчаній, подкрѣпляя просьбы свои доказательствами, взятыми изъ собственнаго опыта» (102). «Посмотри на меня, — говоритъ онъ, — вотъ тебѣ примѣръ—Любимъ Торцовъ передъ тобой живой стоитъ. Онъ по этой дорожкѣ ходилъ, знаетъ какова она (т.-е. дорога богатства безъ руководящихъ правилъ). И я былъ богатъ и славенъ, въ каретахъ ѣздилъ, такія штуки выкидывалъ, что тебѣ и въ голову не придетъ, а потомъ верхнимъ концомъ да внизъ». Но Гордѣй Карпычъ дѣлаетъ послѣднее усиліе, чтобы оттолкнуть его, говоря: «Ты мнѣ что ни говори, я тебя слушать не хочу, ты мнѣ врагъ на всю жизнь».—«Человѣкъ ты или звѣрь?—окончательно напираетъ на него братъ;—пожалѣй ты и Любима Торцова». Тутъ и колѣни невольно подкашиваются у Любима: онъ уже не бичуетъ и требуетъ, а слезно молитъ. Поднявшись на ту высоту человѣческаго достоинства, на которую вдругъ его подняло занятое имъ положеніе глашатая правды, онъ, оглядываясь на себя, въ ужасъ приходитъ отъ предстоящаго ему возврата на прежнюю низменную линію и хватается за Митино счастье, какъ за единственный якорь и для своего спасенія. «Братъ, отдай Любушу за Митю,—причитаетъ Любимъ,—онъ мнѣ уголъ дастъ. Иазябся ужъ я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ паясничать на морозѣ-то изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то да честно пожить. Вѣдь я народъ обманывалъ: просилъ милостыню,- а самъ пропивалъ. Мнѣ работишку дадутъ; у меня будетъ свой горшокъ щей». У меня, хочетъ онъ сказать, будетъ то, чего ты не захотѣлъ мнѣ дать, какъ бы мало оно тебѣ ни стоило; такъ дай же хоть другому-то дать мнѣ, чего самъ не далъ. А вѣдь Митя дастъ. «Что онъ бѣденъ-то? Эхъ, кабы я бѣденъ былъ, я бы

человѣкъ былъ. Бѣдность не порокъ!» Тутъ только стоитъ еще подсказать Пелагеѣ Егоровнѣ: «неужели въ тебѣ чувства нѣтъ?» — и Гордѣя уже прошибаетъ слеза. «А вы и въ самомъ дѣлѣ думали, что нѣтъ?—спрашиваетъ онъ, поднимая брата.—Не знаю, какъ и въ голову вошла такая гнилая фантазія». Благословляя дочь и Митю, онъ даже велитъ имъ сказать спасибо дядѣ Любиму Карпычу.

Драма кончается переходомъ опять въ комедію, благодаря развеселой выходкѣ Разлюляева, которою онъ какъ бы утѣшаетъ себя за то, что приходится уступить Митѣ Любовь Гордѣевну, любимую имъ втихомолку. «Это онъ правду говоритъ: пьянство не порокъ... то бишь бѣдность не порокъ... Вотъ всегда проврусь!»

Но замѣчательно, что точно также провиралась и извѣстная часть публики. Раздавались въ ней и такіе голоса, будто бы Островскій въ своей комедіи представилъ нѣчто въ родѣ апоѳеоза разгула. Такое милое пониманіе дѣла, какъ старался показать Добролюбовъ, было своего рода отпоромъ тому диѳирамбу въ честь Любима Торцова, который напечатанъ былъ въ видѣ стиховъ въ «Москвитянинѣ» 1854 г.:

Поэта образы живые
Высокій комикъ въ плоть облекъ...
Вотъ отчего теперь впервые
По всѣмъ бѣжитъ единый токъ,
Вотъ отчего театра зала
Отъ верху до низу однимъ
Душевнымъ, искреннимъ, роднымъ
Восторгомъ вся затрепетала.
Любимъ Торцовъ предъ ней живой
Стоитъ съ поднятой головой,
Бурнусъ напяливъ обветшалый,
Съ растрепанною бородой,
Несчастный, пьяный, исхудалый,
Но съ русской чистою душой.

Комедія-ль въ немъ плачетъ передъ нами,
Трагедія-ль хохочетъ вмѣстѣ съ нимъ,—
Не знаемъ мы и вѣдать не хотимъ.
Скорѣй въ театръ! Тамъ ломятся толпами....
. . . .
На сердцѣ тамъ тепло, тамъ вольно дышитъ грудь,
Любимъ Торцовъ душѣ тамъ прямо кажетъ путь.

Но если стихи эти (едва ли не Ап Григорьева) нѣсколько туманны и нѣсколько странны, то скрывающаяся въ нихъ мысль уже совершенно ясно и отчетливо высказана въ слѣдующихъ строкахъ—уже не стихотворца, а критика: «Любимъ Торцовъ возбуждаетъ глубокое сочувствіе не протестомъ своимъ, а могучестью натуры, соединенной съ высокимъ сознаніемъ долга, съ чувствомъ человѣческаго достоинства, уцѣлѣвшими и въ грязи, глубиною своего раскаянія, искреннею жаждою жить честно, по-божески, по-земски» [1]).

Да, отъ Любима Торцова, какъ и отъ Потапа Максимыча (у Мельникова), вѣетъ незаглушеннымъ торговой средой духомъ общины! Отсюда-то и возможность того сближенія съ Мининымъ, которое мы позволили себѣ выше.

Любиму Торцову, если вѣрить словамъ самого Гордѣя Карпыча, удалось довести брата до того, что онъ, разрѣшая жениться и своему племяннику Гуслину и предлагая всѣмъ просить у него, что нужно, становится «совсѣмъ другимъ человѣкомъ». Но Добролюбовъ не вѣрилъ подобному превращенію «расквасившагося» Гордѣя Карпыча. «Какой широкій размахъ великодушія, подумаешь!—говорилъ онъ.—Такъ и чуешь какого-то восточнаго султана, который говоритъ: все въ моей власти!.. Стоитъ мнѣ мигнуть, и съ тебя голову снимутъ; стоитъ сказать слово, и неслыханно роскошные дворцы вырастутъ для тебя изъ земли. Проси, чего хочешь. Полміра могу взять и подарить, кому хочу» (102—103). И Добролюбовъ, конечно, правъ въ своемъ недовѣріи къ совершившемуся въ Гордѣѣ Карпычѣ перевороту. Вобще, гдѣ только дѣло касается прямого заправскаго самодурства, тамъ критика Добролюбова остается во всей своей силѣ.

Но онъ захотѣлъ подвести подъ ту же формулу самодурства и драму «Не такъ живи, какъ хочется» (1855 г.),—а съ этимъ едва ли опять можно согласиться. Передъ нами произведеніе, которое уже самъ авторъ на-

---

[1]) Соч. Ап. Григорьева, I, 462.

звалъ «народной драмой», а не комедіей и время дѣйствія котораго онъ отодвинулъ въ конецъ XVIII столѣтія. Это не мѣшаетъ, конечно, драмѣ воспроизводить передъ нами и нынѣшнія черты купеческаго быта. Самодурство, и теперь существующее, коренится въ прошломъ. Только хотѣлъ ли авторъ въ своей драмѣ указать намъ на историческіе его корни? Въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ комедіи, Петрѣ Ильичѣ, «мы видимъ,—говорилъ Добролюбовъ,—безотрадность и безвыходность того положенія, въ которое онъ самъ и всѣ, близко съ нимъ связанные, ввергнуты самодурнымъ бытомъ» (120). Но начнемъ съ отца Петра Ильича, зажиточнаго купца Ильи Ивановича. Даетъ ли намъ авторъ какое-нибудь основаніе полагать, чтобы онъ крутостью своего обращенія съ сыномъ сызмальства довелъ его мало-по-малу до реакціи, сказавшейся въ бурномъ образѣ жизни? Мы видимъ Илью Ивановича уже старикомъ, отказавшимся отъ міра и его суеты. Но вѣдь самодурство, несмотря на это, должно бы было въ чемъ-нибудь у него проглянуть, если-бъ оно въ самомъ дѣлѣ за нимъ водилось. Когда сынъ съ женою перекоряются у него на глазахъ, онъ говоритъ имъ: «Что вы, при мнѣ-то? Молчать!» Далѣе онъ заключаетъ свои увѣщанія Петру словами: «Вотъ тебѣ — мой приказъ, родительскій приказъ грозный: опомнись, взгляни на себя!» Но вѣдь это-жъ не что иное, какъ, если можно такъ выразиться, народно-обрядовыя формы родительской власти. Вообще старикъ говоритъ не о покорности себѣ самому, а объ обязательности закона, руководящихъ правилъ въ жизни. «Нешто я его такъ воспитывалъ?—спрашиваетъ онъ.—Извѣстно, по своей волѣ легче жить, чѣмъ по закону,—говоритъ старикъ,—да своя-то воля въ пропасть ведетъ. Доброму одна дорога, а развращенному десять. Узкій и прискорбный путь вводитъ въ животъ, а широкій и пространный вводитъ въ пагубу....» «Нешто я такъ жилъ?—спрашиваетъ онъ.—Молодъ, такъ и распутничать! Не для веселья мы на свѣтѣ-то живемъ. Не подъ старость, а съ молоду добрыми-то дѣлами запасаться. Ты оглянись на

себя: дома ты не живешь, знаешься съ людьми нехорошими, жену обижаешь....» «Тебя нешто кто неволилъ ее брать?»—еще раньше спрашивалъ онъ сына ради большаго вразумленія. Самъ взялъ, не спросясь ни у кого, украдучи взялъ, а теперь она виновата. Вотъ тебѣ пословица-то сбывается: «Божье-то крѣпко, а вражье-то лѣпко....» «И говорить-то мнѣ тяжело,—замѣчаетъ старикъ....—Кабы разумъ былъ, а безъ разуму и ученье не въ прокъ». На легкомысленное замѣчаніе Петра, что «на нѣтъ и суда нѣтъ», Илья Ивановичъ говоритъ: «А нѣтъ, такъ наберись у добрыхъ людей, да проси Бога, чтобъ далъ, а то какъ червь погибнешь». «Прощайте!—заключаетъ старикъ.—Коли будете жить хорошо, такъ приду о праздникѣ, а до тѣхъ поръ не ходите ко мнѣ, мнѣ и такъ суета надоѣла....» «Помни, Петръ! передъ твоими ногами бездна отверстая....» «Порадуй меня, Петръ!» Это ли языкъ самодура?

Если въ чемъ и можно винить старика, то развѣ въ томъ, что онъ уже слишкомъ сторонится отъ своихъ отеческихъ обязанностей; высказался—да и опять на покой. «Придешь къ вамъ на недѣлю-то, ровно въ омутъ,—говоритъ онъ въ самомъ началѣ. — Я старый человѣкъ, мнѣ покой нуженъ, пора и свою душу вспомнить. Будетъ, пожилъ въ міру, всего насмотрѣлся, только дурного-то больше видѣлъ, чѣмъ хорошаго». Это отзывается какимъ-то религіознымъ покоелюбіемъ, заботливостью, главнымъ образомъ, о своей душѣ,—словомъ, тѣмъ византійствомъ, о которомъ такъ вѣрно отзывался Мельниковъ, указывая на его формалистическое бездушіе, на отсутствіе въ немъ дѣятельной любви. При подобномъ направленіи вѣры, безжизненномъ и формальномъ, и не оказывается настоящаго противовѣса страстямъ. Петръ Ильичъ вполнѣ предоставленъ на всю на ихъ волю. И окружающіе видятъ въ немъ какую-то стихійную силу, распоряжающуюся имъ на просторѣ. «За грѣхъ за какой-нибудь наказанье экое Петру Ильичу, да за наше неумоленіе», говоритъ тетка Афимья. Въ увлеченіи такимъ фатализмомъ она говоритъ и его несчастной женѣ: «ты, видно,

Даша, уже такая горькая зародилась, да вотъ и къ намъ-то несчастье принесла». Когда самъ Петръ говоритъ, точно будто бы слѣдуя какому-то дикому принципу: «мнѣ что за дѣло, какъ люди живутъ; я живу, какъ мнѣ хочется», то это въ сущности означаетъ, что живетъ онъ какъ живется его страстямъ, куда онѣ его тянутъ, въ томъ онъ и тонетъ, какъ въ омутѣ. Онъ — человѣкъ безъ удержа, пугающійся подчасъ самого себя, хотя и храбрится передъ отцомъ: «проживемъ какъ-нибудь своимъ умомъ—не чужимъ». Женѣ онъ вѣдь самъ говоритъ: «не поминай лихомъ, добромъ нечѣмъ». А женился-то онъ на ней вѣдь добромъ, а не силою, т.-е. не по приказу, не по родительской волѣ, а по своей собственной. Онъ рѣшился ее увезти въ порывѣ страсти и потомъ въ порывѣ такой-же страсти, только разомъ направившейся въ другую сторону, говоритъ Грушѣ: «скажи ты мнѣ теперь: загуби свою душу за меня! Загублю —глазомъ не сморгну». Когда Груша узнаетъ, что онъ женатъ, и отталкиваетъ его, онъ хочетъ приворожить ее съ помощью Еремки, приворожить такъ, чтобъ «не она надъ нимъ, а онъ надъ нею куражился, какъ душѣ угодно». Но и въ этомъ не властолюбіе, а только безсиліе жить безъ той, къ кому его тянетъ страсть и кого онъ потому-то и рвется привязать къ себѣ. Вернувшись домой и грозя теткѣ убить, своими руками задушить жену, онъ вдругъ говоритъ: «Страшно мнѣ, страшно!», плачетъ и проситъ ту же тетку сѣсть съ нимъ, жалуясь, что его обижаютъ. «Самъ всему причиной, не на кого пенять»,—замѣчаетъ она. Но онъ и не споритъ: «я пьяница, говоритъ, я безумный, ну, убейте меня... Ну, убейте же, мнѣ легче будетъ. Кто меня пожалѣетъ, а вѣдь я человѣкъ тоже». А тамъ опять переходъ къ прежнему. «Гдѣ жена? подай, подай жену! она моя жена, она моя раба!» Но въ этомъ словѣ *раба* опять-таки сказывается не самодуръ, жаждущій власти ради власти, а страстный человѣкъ, требующій того, чтобъ не стояла она ему поперекъ дороги, чтобъ сама же теперь пришла и подставила грудь подъ его ножъ. «Я ее по слѣду найду,—приходитъ

онъ въ изступленіе.—Теперь зима, снѣгъ, по слѣду все видно, мѣсяцъ свѣтитъ все равно, что днемъ». Хочетъ бѣжать за ней, а самъ, между тѣмъ, садится. «Страшно мнѣ, страшно! Вотъ мятель поднялась... Ужъ такъ и гудетъ! Вонъ завыла.... вонъ, вонъ собака завыла. Это онѣ на мою голову воютъ, моей погибели ждутъ. Ну и чтожъ, войте! Я проклятый человѣкъ.... Я окаянный человѣкъ!» Онъ, яко бы жаждущій надъ другими власти, не имѣетъ ея и тѣни надъ самимъ собою; отъ — только боящійся самого себя и самъ себя презирающій, жалкій рабъ своей владычицы—страсти.

«Г. Островскій,—справедливо замѣтилъ критикъ «Русской Бесѣды»,—представилъ въ своей драмѣ страстность, какъ зло, воюющее противъ законнаго семейнаго начала, въ совершенную противоположность тѣмъ западнымъ романамъ и повѣстямъ, гдѣ выводится, наоборотъ, законное начало, какъ зло, губящее свободу и красоту личной жизни». Критику въ свое время сильно досталось за это, особенно же за то, что говорилъ онъ въ своей статьѣ о романахъ Жоржъ Зандъ, разсматривая ихъ именно со стороны такъ называемаго «женскаго вопроса». Между тѣмъ, что касается собственно Островскаго, то критикъ, кажется, достаточно выяснилъ свою мысль въ дальнѣйшемъ ея изложеніи. «Въ этой драмѣ, — говорилъ онъ,— взяты мужъ съ женою, соединившіеся по страстной взаимной привязанности, которая заставила ихъ забыть важныя естественныя обязанности: они обвѣнчались тайкомъ отъ родителей, не испросивъ на то ихъ благословенія». Между тѣмъ, замѣтимъ мы отъ себя, ни изъ чего вѣдь не видно, чтобы родители имъ противодѣйствовали, самовластно распоряжались ихъ судьбою, словомъ самодурствовали и собственно этимъ и вызвали ихъ побѣгъ и бракъ втихомолку, не на людяхъ, безъ принесенья взаимныхъ обѣтовъ передъ міромъ-народомъ. «Но и послѣ своего соединенія,—продолжаетъ критикъ,—они не умѣли развить своихъ отношеній въ истинно супружескія, оставаясь и въ бракѣ страстными любовниками: тѣ же самыя побужденія, по которымъ они соединились, въ

дальнѣйшемъ своемъ естественномъ развитіи привели ихъ къ разладу, который и далъ въ драмѣ исходною точкою дѣйствія»[1]). Критику хотѣлось, очевидно, указать на то, что настоящій бракъ долженъ основываться не на пылкомъ увлеченіи страстью, а на осмысленной, строго нравственной, глубокой и прочной взаимной привязанности. При такой-то привязанности, помимо всякихъ законовъ о нерасторжимости, бракъ и на самомъ дѣлѣ будетъ нерасторжимъ. Вотъ такой-то глубокой привязанности и не было между Петромъ и Дашей (по крайней мѣрѣ съ его стороны), а потому между ними и нѣтъ настоящаго брака. Такой привязанности, разумѣется, не оказывается и между Петромъ и Грушей, а потому, если бы даже, послѣ смерти жены, Петру и можно бы было обвѣнчаться съ Грушею, и между ними все-таки не было бы настоящаго брака—не было бы даже и въ случаѣ такого отличія его отъ брака съ Дашей, какъ существованіе при немъ дѣтей. Да, настоящаго брака не было бы и тутъ, а были бы только несчастныя дѣти, которымъ пришлось бы только проклинать судьбу, если бы смерть не прибрала ихъ заранѣе. Да, но если настоящаго брака при страстно-быстромъ его происхожденіи существовать не можетъ, то не установится же онъ и вслѣдствіе того, что Даша, сама рѣшившаяся бѣжать отъ мужа къ родителямъ, возвращается ими мужу, такъ сказать, по принадлежности. Но старикъ Агафонъ, отецъ Даши, не принимаетъ этого въ толкъ, когда говоритъ: «какъ я возьму тебя къ себѣ? вѣдь онъ мужъ твой!.. Ты думаешь, мнѣ тебя не жаль? Ну, вотъ всѣ вмѣстѣ и поплачемъ о твоемъ горѣ—вотъ и вся наша помощь!» Что онъ дѣйствительно съ мягкимъ сердцемъ, на это авторъ указываетъ и теплыми словами его о своей лошадкѣ: «отпрегъ, поставилъ на мѣсто, сѣнца далъ. Животинку-то жалѣть надо, вѣдь она не скажетъ». Ему ли же не пожалѣть своего дѣтища, которое сказало ему всю свою бѣду, чтобы

---

[1]) «Русская Бесѣда» 1856 г., I. Критика, стр. 93—94. Ст. Т. И. Филиппова.

дождаться отъ него подпоры. При своей добротѣ, онъ не отталкиваетъ ее за то, что она покинула своихъ родителей. «Я любовь къ ней имѣю, — говоритъ онъ, — потому одна, а кого любишь, того и простишь... Я и врагу прощу, я никого не сужу. Да развѣ я одинъ судья-то? Богъ-то проститъ ли? Можетъ оттого и съ мужемъ-то дурно живетъ, что родителей огорчила. Какъ знать?»—Старикъ, конечно, понимаетъ это въ смыслѣ религіознаго фатализма, но это можно бы понять и въ такомъ смыслѣ: не хватило семейнаго чувства въ одномъ отношеніи, можетъ и въ другомъ не хватить. И вѣдь тогда оно будетъ вѣрно. Но, какъ бы тамъ ни было, если ужь не хватило, то не заведется же вдругъ теперь отъ такихъ логическихъ доводовъ: «отцы наши такъ жили, не жаловались—не роптали. Ужели мы умнѣе ихъ? Поѣдемъ къ мужу». Правда, водворивъ ее опять у него, старикъ прибѣгаетъ еще и къ такимъ доводамъ: «ну, ты его оставишь, бросишь, а онъ въ отчаяніе придетъ— кто тогда виноватъ будетъ, кто? Ну, а захвораетъ онъ, кто за нимъ уходитъ? А застанетъ его смертный часъ, захочетъ онъ съ тобой проститься, а ты по гордости ушла отъ него». Старикъ, видимо, хочетъ возбудить въ ней сознанье обязанностей относительно мужа, каковъ бы онъ ни былъ, милъ онъ еще ей хоть немного или ужь и совсѣмъ не милъ. Но на все это, конечно, отвѣты не трудны. Въ отчаяніе придетъ? да вѣдь онъ ужь въ отчаяніи, и именно оттого, что она тутъ. Захвораетъ? но вѣдь ея-то ухода за собою онъ и не захочетъ. Застигнетъ его смертный часъ?—можно простить его и заочно, можно молиться и за умершаго. Не скорѣе ли, именно оставивъ его теперь, она и дастъ ему придти въ себя, о ней же современемъ вспомнить, къ ней же придти съ повинной? Лучше развѣ, что онъ теперь гонится за ней съ ножомъ и готовъ дойти до послѣдняго отчаянія — стать убійцею? Мы думаемъ даже, что и въ простомъ народѣ нашлись бы родители, способные взять это въ толкъ и принять къ себѣ снова дочь—хотя бы на время. Конечно, вполнѣ возможны въ народѣ и такіе, какъ Ага-

фонъ со своей Степанидой, и авторъ во всякомъ случаѣ правъ. Только дѣло тутъ вовсе не въ самодурствѣ: родители Даши совсѣмъ не похожи на самодуровъ. Все дѣло тутъ въ несообразительности этихъ добрыхъ людей, держащихся не за духъ, а за букву закона.

Драма однакожъ кончается счастливо, но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы ею,—какъ выразился критикъ «Русской Бесѣды»,—оправдались совѣты Дашинаго отца. Самъ же онъ находитъ, что въ развязкѣ «Островскій показалъ свою обычную слабость: онъ не умѣетъ никогда свести своего дѣйствія къ круглому заключенію, которое удовлетворило бы чувство читателя. Такъ случилось и здѣсь: доведя дѣйствіе до самой крайней точки драматическаго возвышенія, онъ круто повернулъ его въ противную сторону и привелъ читателя туда, куда тотъ и не думалъ попасть» [1]). Мы не можемъ признать, чтобы развязки и вообще не удавались Островскому, мы находимъ, напримѣръ (вопреки критику «Русской Бесѣды»), что въ комедіи «Бѣдность не порокъ» развязка не случайна, а исполнена психологической правды. Но что касается нашей драмы, то развязка въ ней совершенно случайная. «Взялъ я тутъ, пьяный-то, ножикъ, да и иду будто за ней... Мерещатся мнѣ разныя диковины да люди какіе-то незнакомые, я за ними.... я за ними... Спрашиваю, гдѣ жена? Они смѣются да куда-то показываютъ. Я все шелъ, шелъ... вдругъ гдѣ-то въ колоколъ... Я только что поднялъ руку, гляжу—я на самомъ-то юру Москвы-рѣки стою надъ прорубемъ». Мы далеки отъ того, чтобы принимать этотъ колокольный звонъ такъ непосредственно, въ смыслѣ мѣди звенящей, какъ выставляется онъ у Добролюбова (24, 120, 150). Мы помнимъ, что значатъ въ народной поэзіи *звоны колокольные*, отмѣненные въ Кіевѣ идолищемъ. Они служатъ символомъ Христіанства, той его внутренней силы, которая освобождаетъ человѣка отъ ига страстей. Въ такомъ-то смыслѣ подѣйствовалъ колокольный звонъ и на

[1]) «Р. Бесѣда» 1856 г. I. Критика, стр. 95.

Петра Ильича — въ смыслѣ уже не обрядоваго только, но и жизненнаго значенія христіанства. «Жизнь-то моя,— говоритъ онъ,—прошлая-то, распутная-то, вся вотъ какъ на ладонкѣ предо мной. Вспомнилъ я тутъ и батюшкины слова, что хожу я, злодѣй, надъ пропастью. Вотъ они— правдивыя-то слова. Такъ оно и вышло! Ужь не забыть мнѣ этой ночи, кажется, до самаго гроба.... Помогите мнѣ, добрые люди, замолить этотъ грѣхъ».

Благо, конечно, Петру, что звонъ этотъ раздался такъ кстати. Но вѣдь онъ могъ бы и не раздаться во-время. Могъ бы вѣдь Петръ Ильичъ и оступиться въ пропасть, могъ бы очутиться въ ней и въ другомъ смыслѣ — настигнувъ жену и убивъ ее; а вѣдь если бы родители взяли ее къ себѣ, и Груша, узнавшая все про него, окончательно прогнала его отъ себя (вѣдь она же къ замужеству стремилась, а оно съ Петромъ невозможно), то онъ бы, вѣроятно, пришелъ наконецъ въ себя и не подвергаясь ужасному искушенію — стать убійцей жены. Агафонъ, стало быть, только пользуется счастливымъ случаемъ, чтобы получить право сказать: «Что, дочка, говорилъ я тебѣ?»

Но къ чему же драмѣ дано заглавіе: «Не такъ живи, какъ хочется»? Конечно къ тому, чтобы напоминалась и вторая половина пословицы: «а какъ Богъ велитъ». Смыслъ драмы, разумѣется, все-таки тотъ, что прямая жизнь—это жизнь не по произволу страстей, а подъ нагнетіемъ нравственнаго закона.

По выполненію драма эта слабѣе предыдущихъ. Многое въ ней только намѣчено, недодѣлано, и правъ былъ Ап. Григорьевъ, называя ее «набросаннымъ очеркомъ широкой народной драмы» (стр. 463).

III.

«Доходное мѣсто».—«Въ чужомъ пиру похмѣлье». — «Не сошлись характерами». — «Бальзаминовская трилогія».

«Бываютъ въ «темномъ царствѣ» и такіе случаи, что неразумные бѣдняки женятся на бѣдныхъ дѣвушкахъ,—говорилъ Добролюбовъ.—И тутъ-то начинается адъ кромѣшный! Адъ этотъ хорошо изображенъ Островскимъ въ «Доходномъ мѣстѣ» (1857), (143). Что тутъ дѣйствительно своего рода адъ, объ этомъ мы спорить не будемъ. Но чтобы и тутъ мы имѣли дѣло собственно съ самодурствомъ, это другой вопросъ, хотя бы даже и Ап. Григорьевъ относилъ эту комедію къ тѣмъ произведеніямъ Островскаго, многими сторонами которыхъ онъ какъ будто вызвалъ теорію о «Темномъ царствѣ» (466).

«Читатели,—продолжалъ Добролюбовъ,—конечно, помнятъ исторію молодого Жадова, который, будучи племянникомъ важной особы, раздражаетъ дядю своимъ либерализмомъ и лишается его благосклонности, а потомъ, женившись на хорошенькой и доброй, но бѣдной и глупой Полинѣ и потерпѣвши нѣсколько времени нужду и упреки жены, приходитъ опять къ дядѣ—уже просить доходнаго мѣста. Изложеніе семейныхъ отношеній и указаніе ихъ вліяній на общественную дѣятельность представляется намъ лучшею стороною этой комедіи». Мы съ этимъ вполнѣ согласны; но въ чемъ же заключаются эти семейныя отношенія и ихъ вліяніе на общественную дѣятельность? Дядя Жадова, Вышневскій, человѣкъ, достигшій «степеней извѣстныхъ», думалъ, женившись уже одряхлѣвшимъ старикомъ, привязать къ себѣ молодую жену великолѣпною отдѣлкою дома, постройкою дачи и такимъ множествомъ брилліантовъ, которымъ она могла бы затмить любую купчиху. Онъ зашелъ такъ далеко, что, ради всего этого, «рискнулъ, по его собственному

выраженію, болѣе, нежели позволяло благоразуміе». Жена, въ отвѣтъ на его напоминанія о подобныхъ принесенныхъ для нея жертвахъ, проситъ его «не дѣлать ея участницею его поступковъ, если они не совсѣмъ честны». Въ своемъ обращеніи съ нею онъ вовсе не самодурствуетъ, онъ готовъ даже за ней ухаживать, разсчитывая только на то, что «долгъ платежомъ красенъ». Онъ принадлежитъ къ тому великому множеству пріобрѣтателей любви за деньги всякими незаконными и законными средствами, во всякихъ незаконныхъ и законныхъ формахъ, которыми полнится не только невѣжественный и грубый, но и просвѣщенный и деликатный міръ. Онъ— одинъ изъ представителей того «дряхлаго любодѣйства» подъ фирмою брака, которое бичевалось когда-то поэтомъ Бенедиктовымъ, и не думавшимъ при этомъ о самодурствѣ. «Оглянись вокругъ себя, — говоритъ Вышневскій Жадову,—какая умная дѣвушка задумается выйти замужъ за богатаго старика или урода? Какая мать усомнится выдать дочь такимъ образомъ, даже противъ ея воли, считая слезы своей дочери за глупость, за ребячество и благодаря Бога, что онъ послалъ ея Машенькѣ или Аннушкѣ такое счастье. Каждая мать напередъ увѣрена, что дочь послѣ будетъ благодарить ее». Такая маменькина практическая философія, пожалуй, и отзывается «всею родительскою волею», но вѣдь въ основѣ тутъ не самое удовольствіе отъ ея проявленія, а ложное понятіе о счастьѣ—счастьѣ той же самой дочери. Да и сколько, наконецъ, такихъ дочерей, которыя, даже и при образованіи, легко поддаются внушеніямъ маменьки, а подчасъ и по собственной волѣ выходятъ за какую-нибудь руину, подталкиваемыя иногда нуждою, иногда же и безъ особенной нужды расчетомъ на особенный комфортъ при надеждѣ на скорую смерть супруга и близость полученія безъ него его хорошей пенсіи. Вышневская, правда, вышла за своего мужа не по собственной волѣ. «Вы видѣли,—говоритъ она ему,—мое отвращеніе къ вамъ, и, несмотря на это, вы все-таки купили меня за деньги у моихъ родственниковъ, какъ покупаютъ невольницъ въ

Турціи». «Вы,—продолжаетъ она, — свою покупку—не скажу: освятили,—нѣтъ, а закрыли, замаскировали бракомъ. Иначе нельзя было; мои родные не согласились бы, а для васъ все равно». Она, какъ выходитъ изъ этого, только при узаконенной формѣ сожительства, та же Шиллеровская леди Мильфордъ, которой пришлось выбирать одно изъ двухъ—или броситься въ воду, или сдаться на предложенія герцога. Это, говоря другими словами, все та же «Сонечка, вѣчная Сонечка, пока свѣтъ стоитъ», Сонечка, положительно выходящая за предѣлы нашего «темнаго царства», возможная при всевозможныхъ усовершенствованныхъ формахъ быта и при всякихъ степеняхъ образованія. Вышневской, совершенно подобной леди Мильфордъ, только поставленной въ менѣе важную сферу, приходится затѣмъ говорить своему щедрому обожателю: «Что со мной было потомъ, когда я узнала, что даже деньги, которыя вы мнѣ дарите—не ваши, что онѣ пріобрѣтены не честно» (Шиллеровскій герцогъ пріобрѣталъ ихъ продажею рекрутовъ, Вышневскій менѣе человѣко-убійственнымъ, но также нечистымъ способомъ).

Ну, а каковы же тѣ семейныя отношенія, въ какія вступаетъ Жадовъ? Ужь съ его-то стороны не имѣется и малѣйшаго стремленія къ подкупу, какъ и малѣйшей на то возможности. Мать дѣйствительно желаетъ сбыть съ рукъ своихъ дочекъ, но онѣ вѣдь и сами совершенно входятъ во вкусъ ея родительскихъ наставленій: «Мужьямъ потачки не давайте, такъ ихъ поминутно и точите, чтобы деньги добывали; а то облѣнятся, потомъ сами плакать будете... Вамъ теперь, дѣвушкамъ, еще всего сказать нельзя; коли случится что, пріѣзжайте прямо ко мнѣ, у меня всегда для васъ пріемъ, никогда запрету нѣтъ». Она далека отъ того, чтобы по самодурному обычаю «темнаго царства» проповѣдывать полнѣйшую подчиненность мужу. «Развѣ онѣ у меня такъ жили,—попрекаетъ она Жадова.— У меня порядокъ, у меня чистота. Средства мои самыя ничтожныя, а все-таки онѣ жили какъ герцогини, въ самомъ невинномъ состояніи; гдѣ ходъ въ кухню не знали... только и занимались, какъ слѣдуетъ барышнямъ, разго-

воромъ объ чувствахъ и предметахъ самыхъ облагороженныхъ». — «Плачь, плачь, несчастная жертва!» — обращается она къ Полинѣ, считая ее несчастною въ замужествѣ съ Жадовымъ. Такъ ли говорятъ въ «темномъ царствѣ»? Все тутъ, пожалуй, и не менѣе мерзко, но уже въ другомъ родѣ.

Вліяніе такихъ семейныхъ отношеній на общественную дѣятельность, разумѣется, самое пагубное. Вышневская стала открещиваться отъ щедрыхъ приношеній своего старика, но онъ уже успѣлъ приплатить за нихъ тою цѣною, ради которой приходится ему наконецъ свалиться со своей высоты. Жадова требуетъ приношеній отъ своего молодого мужа, и онъ, уступая ей, идетъ искать себѣ доходнаго мѣста. Такъ ли, ради того-ли кривятъ совѣстью въ темномъ царствѣ? Вѣдь тамъ мошенничаютъ просто ради себя, ради набиванія своей мошны, а если иногда и ссылаются на выходъ замужъ какой-нибудь дочки, то потому, что обрядъ, такъ сказать, требуетъ приданаго и на него по крайней мѣрѣ изыскиваются экстренныя средства.

«Любопытна,—продолжаетъ Добролюбовъ,—внутренняя, душевная сторона жизни этихъ людей, которыхъ мы оффиціально такъ презираемъ и клеймимъ названіями крючкотворцевъ и взяточниковъ. Здѣсь въ полной силѣ выразилось одно изъ главныхъ свойствъ таланта Островскаго— умѣнье заглянуть въ душу человѣка и изобразить его человѣческую сторону независимо отъ его оффиціальнаго положенія... Благодушіе и особаго рода совѣстливость взяточниковъ рисуются нѣсколькими бѣглыми чертами еще въ «Бѣдной невѣстѣ» въ лицѣ добряка Добротворскаго. Но въ «Доходномъ мѣстѣ» черты эти гораздо ярче въ Юсовѣ и Бѣлогубовѣ. Лица эти прямо наводятъ насъ на мысль, что всѣ ихъ беззаконія—чисто слѣдствія ложнаго ихъ положенія въ обществѣ и ложныхъ понятій, пріобрѣтенныхъ вслѣдствіе фальшивости положенія. А ложное положеніе ихъ есть опять-таки послѣдствіе одной общей причины всѣхъ гадостей «темнаго царства»—самодурства». Что касается Юсова, то онъ дѣйствительно даже добро-

душно наивенъ въ минуту своего маленькаго трактирнаго разгула съ Бѣлогубовымъ, когда пускается въ плясъ и говоритъ: «Мнѣ можно плясать. Я все въ жизни сдѣлалъ, что предписано человѣку. У меня душа спокойна, сзади ноша не тянетъ, семейство обезпечилъ—мнѣ теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божій міръ! Птичку увижу и на ту радуюсь, цвѣтокъ увижу и на него радуюсь... Я хоть на площади передъ всѣмъ народомъ буду плясать. Мимоходящіе скажутъ: «сей человѣкъ пляшетъ, должно быть, душу имѣетъ чисту!» И пойдетъ всякій по своему дѣлу». Только недостаетъ того, чтобы онъ уподобилъ свою веселость библейскому плясанію передъ ковчегомъ завѣта. Но вѣдь черты такой же добродушной наивности можно бы отыскать и у Гоголевскихъ «крючкотворцевъ и взяточниковъ». Это объясняется узостью ихъ кругозора, тѣмъ, что въ сознаніи своихъ обязанностей они рѣшительно не идутъ далѣе *семьи*, что *общество* для нихъ совершенно не существуетъ. Потому-то мы и назвали (въ особой статьѣ) міръ этихъ «крючкотворцевъ и взяточниковъ» міромъ «отрозненной личности». Но міръ этотъ все же отличенъ отъ міра самодуровъ, въ которомъ власть становится пріятною уже сама по себѣ, какъ *власть*. Для Гоголевскихъ героевъ, какъ и для тѣхъ, которыхъ вывелъ Островскій въ «Доходномъ мѣстѣ», она прежде всего «прикладная сила», надежное средство для доставленія имъ и и ихъ близкимъ всякихъ жизненныхъ благъ.

«Гордости во мнѣ нѣтъ,—говоритъ Юсовъ,—гордость ослѣпляетъ. Мнѣ хоть мужикъ, я съ нимъ, какъ съ своимъ братомъ.... все равно, ближній.... По службѣ нельзя... особенно верхоглядовъ не люблю, нынѣшнихъ образованныхъ-то». Они не любы ему особенно потому, что скорѣе другихъ способны приглядываться къ дѣламъ начальства и оцѣнивать эти дѣла, что ихъ труднѣе привести къ той безгласной субординаціи, которая нужна тутъ не столько сама по себѣ, ради доставляемаго начальству удовольствія, сколько ради удерживанія этимъ способомъ отъ всякаго разсужденія о начальствѣ. Впрочемъ Юсовъ, если вѣрить его словамъ, держитъ въ особаго рода субординаціи и

своего генерала: «весь въ моихъ рукахъ,—говоритъ онъ,— что я скажу, то и будетъ». Но и такая, такъ сказать, моральная власть надъ начальствомъ, мила ему не сама по себѣ, ради прикладныхъ цѣлей, опирается же эта власть, какъ и у Гоголевскихъ героевъ, на томъ, что «рука руку моетъ», да еще и на томъ, что Юсовъ великій дѣлецъ, а его генералъ, при всей своей «геніальности», «въ законѣ не совсѣмъ твердъ, изъ другого вѣдомства». Юсовъ, стало быть, много значитъ у Вышневскаго по той же самой причинѣ, по какой Фамусовъ въ свое время нуждался въ Молчалинѣ: и старый подчиненный Вышневскаго и молодой подчиненный Фамусова держатся тѣмъ, что они «дѣловые».

Добролюбовъ въ своемъ разборѣ «Доходнаго мѣста» такимъ образомъ опредѣляетъ систему господствующаго, по его мнѣнію, и тутъ самодурства: «будь хоть семи пядей во лбу, но если вамъ не нравится, то останется въ ничтожествѣ; и самъ виноватъ, зачѣмъ не умѣлъ заслужить вашей милости» (146). На самомъ же дѣлѣ, въ основаніи тутъ вовсе не голый произволъ съ его причудами, съ возможностью безпричиннаго перехода отъ гнѣва къ милости, какъ то бываетъ въ царствѣ истаго самодурства. Тутъ въ основѣ всего—прикладныя цѣли. Нравится тотъ, кто не можетъ мѣшать ихъ осуществленію, кто напротивъ изъ кожи лѣзетъ, чтобы помочь начальству, и самъ, конечно, разсчитывая при этомъ на выгоду. Люди «семи пядей» не удобны тѣмъ, что не ограничиваются одною «дѣловитостью», а идутъ гораздо дальше ея, что у нихъ есть тотъ «главный умъ», который не позволяетъ имъ потакать всякаго рода «дѣлишкамъ», что они обладаютъ нравственною чистоплотностью.

Но что же такое Жадовъ? въ самомъ ли дѣлѣ онъ человѣкъ «семи пядей», потому-то и противный Вышневскимъ и Юсовымъ, своего рода Чацкій, потому-то и объявляемый сумасшедшимъ, что слишкомъ въ немъ много того ума, который въ житейскихъ дѣлахъ причиняетъ горе? Мы ставимъ такой вопросъ, считая міръ Вышневскихъ и Юсовыхъ не чѣмъ инымъ, какъ міромъ

Фамусовыхъ и Молчалиныхъ. Жадовъ, какъ и Чацкій, является въ этомъ, конечно, «темномъ», но не прямо самодурномъ мірѣ представителемъ образованія. Только Жадовъ уже черезчуръ простодушный его представитель, это какая-то наивная институтка во фракѣ. Онъ точно будто затѣмъ и выставленъ, чтобы воздержать отъ тѣхъ слишкомъ большихъ надеждъ собственно на образованіе, которыя сказывались, какъ мы видѣли, и у Добролюбова. «Не вѣрю я вамъ»,—говоритъ онъ, наслушавшись дядюшкиныхъ рѣчей о непрактичности тѣхъ «завиральныхъ» идей, которыя вынесъ Жадовъ изъ университета. «Не хочу вѣрить тому, что общество такъ развратно». «Неужели это правда»?—спрашиваетъ онъ дядю и во время его разсказа про людей практическихъ, пренебрегающихъ общественнымъ мнѣніемъ, и получаетъ лаконическій отвѣтъ: «поживи, такъ узнаешь». «Для чего же насъ учили,—спрашиваетъ онъ того же дядюшку,—для чего же въ насъ развивали такія понятія, которыхъ нельзя выговорить вслухъ безъ того, чтобы вы не обвинили въ глупости или дерзости?» Для чего же въ самомъ дѣлѣ его учили, если онъ остался такимъ ребенкомъ, не вѣдающимъ общественнаго зла? Для чего же его учили, если его все же смущаютъ обвиненія въ глупости или дерзости со стороны такого лица, какъ Вышневскій? Другими словами: для чего же его учили, если онъ ищетъ себѣ покровителя въ такомъ человѣкѣ, пользуясь близкимъ родствомъ съ нимъ и разсчитывая, стало быть, на предполагаемую въ немъ Фамусовскую готовность «порадѣть родному человѣчку?» Вѣдь Жадовъ не въ силу только дальнѣйшихъ тяжелыхъ обстоятельствъ видитъ себя вынужденнымъ обратиться къ дядюшкѣ; вѣдь онъ уже въ самомъ началѣ комедіи взываетъ къ его протекціи: «Я получаю очень мало жалованья, мнѣ нечѣмъ жить. Теперь есть ваканція; позвольте мнѣ занять ее, я женюсь». Вѣдь онъ тѣмъ самымъ какъ бы прямо напрашивается на такой отвѣтъ, съ основательностью котораго долженъ бы въ сущности согласиться: «ты мой родственникъ, сочтутъ лицепріятіемъ». Выш-

невскій, конечно, только замаскировываетъ этимъ тѣ другіе резоны, по которымъ онъ не хочетъ пристроить къ себѣ Жадова; но онъ замаскировываетъ ихъ очень ловко, такъ какъ Жадовъ, если бы онъ дѣйствительно недаромъ учился университетской мудрости, не могъ бы, конечно, искать себѣ мѣста у дяди. Съ другой же стороны, одно то, что онъ сразу рѣшился на такой шагъ, давало бы дядюшкѣ достаточное основаніе не считать племянничка такимъ опаснымъ человѣкомъ. «Ты во мнѣ ищешь, значитъ рано или поздно ты совсѣмъ сдашься передъ требованіеми жизни со всею своею отвлеченною университетскою мудростью»,—могъ бы тутъ же сообразить дядя. Онъ могъ бы въ самомъ дѣлѣ не дожидаться пятаго акта, а въ самомъ началѣ сказать про Жадова: «Вотъ они, герои-то! Молодой человѣкъ, который кричалъ на всѣхъ перекресткахъ про взяточниковъ, говорилъ о какомъ-то новомъ поколѣніи, идетъ къ намъ же просить доходнаго мѣста, чтобы брать взятки». Если подъ конецъ Жадовъ дѣлаетъ болѣе рѣшительный шагъ по практическому пути, говоря о мѣстѣ, гдѣ бы онъ могъ «пріобрѣсть что-нибудь» и разумѣя подъ пріобрѣтеніемъ, пожалуй, и прямо взятки, то вѣдь и въ самомъ началѣ онъ уже становится на тотъ же путь, не гнушаясь исканіемъ у взяточника мѣста, хотя бы такое исканіе и не мѣшало ему высоко держать голову и воображать себя непреклонно честнымъ. Вышло ли оно такъ невольно, безъ умысла автора, или же Островскій и хотѣлъ намъ выставить Жадова съ самаго начала уже сдающимся и затѣмъ только воображающимъ себя жертвою обстоятельствъ, съ которыми онъ будто бы долго боролся? Трудно дать на это положительный отвѣтъ, и такая неясность составляетъ, конечно, слабую сторону комедіи. Въ жизни же, разумѣется, вполнѣ возможно— и, попытавшись въ самомъ дѣлѣ постоять за принципъ, измѣнить ему при первой встрѣчѣ съ враждебными обстоятельствами, и, только воображая себя послѣдователемъ принципа, съ первыхъ же шаговъ на жизненномъ поприщѣ дѣйствовать ему вопреки. То и другое вполнѣ

возможно и при значительной степени образованія, но при недостаточномъ развитіи силы воли или же полномъ ея недостаткѣ. Точно также возможно и при образованіи такое ребяческое увлеченіе страстью, какое мы видимъ у Жадова относительно его, вѣроятно, красивой, но препустѣйшей Полины. И этимъ, замѣтимъ мы, обращаясь назадъ, кидается свѣтъ и на то увлеченіе смазливымъ, но пустѣйшимъ Вихоревымъ, какое видѣли мы со стороны Авдотьи Максимовны. Вѣдь если можетъ ребячески увлекаться молодой человѣкъ, вскормленный университетской наукой, то, чтобы объяснить ребяческое увлеченіе необразованной дѣвушки, вовсе не приходится указывать на отсутствіе самостоятельности, на неумѣнье собой владѣть и вѣрно судить о людяхъ, какъ на послѣдствія самодурнаго гнета. Какъ бы то ни было, увлеченіе Жадова, конечно, вполнѣ возможно, но громко свидѣтельствуетъ о томъ, что подобныя увлеченія, не предотвращаемыя образованіемъ, прямо мѣшаютъ общественному служенію. Вѣдь ради своей Полины Жадовъ и идетъ, еще будучи женихомъ, къ Вышневскому, чтобы указать ему на открывшуюся вакансію, и даже не сознаетъ, что тутъ уже становится искателемъ протекціи у вліятельнаго и далеко не безгрѣшнаго родственника, т.-е. тутъ уже дѣлаетъ подлость. Женитьба съ послѣдовавшими за нею попреками молодой жены, требующей того, чего не позволяютъ Жадову его средства, заставляетъ его опять пойти къ дядѣ и уже прямо указать ему на такое мѣсто, на которомъ можно бы было пріобрѣсть что-нибудь, т.-е. женитьба доводитъ его до рѣшительнаго паденія. Послѣ этого поневолѣ приходится согласиться со словами его пріятеля Мыкина: «и тебѣ надобно было жениться! Нашему брату жениться не слѣдъ. Гдѣ ужъ намъ, голякамъ! Сытъ, прикрытъ чѣмъ-нибудь отъ вліянія стихій, и довольно. Знаешь пословицу: одна голова не бѣдна, а хоть и бѣдна, такъ одна». Въ словахъ этихъ такой же точно смыслъ, какъ и въ обращеніи Пушкина къ придирчивому цензору, ссылающемуся на то, что у него семья:

Жена и дѣти, другъ, большое зло,
От нихъ все скверное у насъ произошло.

Да, но какъ же тутъ быть? Съ одной стороны, при необдуманномъ бракѣ, перспектива если не непремѣнно разгула съ горя (не всѣ же оказываются и до того ничтожными, подобно Жадову), то перехода на соблазнительную дорогу такъ называемой практичности; съ другой, при отреченіи отъ брака, перспектива соблазновъ случайной, такъ сказать, воровской любви, перспектива сдѣлаться причастнымъ той человѣкоубійственной жертвѣ, которая называется «Сонечкой, вѣчною Сонечкой»! Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, сумѣвъ отказаться отъ одного, сумѣть отказаться и отъ другого? Вѣдь и тутъ опять рѣшительно не поможетъ никакое образованіе. *Сумѣть*—это вѣдь значитъ тутъ—*совладать* съ этимъ; тутъ нужна *сила воли*. А откуда набраться ея, если, во имя «послѣдняго слова науки», насъ увѣряютъ, что и воли-то вовсе нѣтъ, т.-е. что воля вовсе не зависитъ отъ самого человѣка? Но вѣдь при такомъ, пожалуй, и вполнѣ логичномъ выводѣ изъ всякихъ положительныхъ данныхъ, *жить нельзя*, т.-е. нельзя по-человѣчески жить, а остается только погрязнуть въ Обломовщинѣ или въ Жадовщинѣ. «Отъ равнодушія не далеко до порока»,—вѣрно замѣчаетъ Жадовъ. Но равнодушіе неизбѣжно, если никто изъ насъ не отвѣтственъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Да, и столько же неизбѣженъ и порокъ, если мы заранѣе будемъ увѣрены въ такой его неизбѣжности. Вотъ такимъ-то образомъ и выходитъ, что Жадовъ, говорившій сумѣвшему отлично устроить себя передъ бракомъ съ Юлинькой Бѣлогубову: «не пара мы», точно будто старается дать ему право сказать: «нѣтъ, пара»!—Вся разница между ними въ томъ, что Бѣлогубовъ и на словахъ исповѣдуетъ то, что проявляетъ на дѣлѣ, а Жадовъ умѣетъ произносить такія громкія фразы: «борьба трудна и часто пагубна, но тѣмъ больше славы для избранныхъ: на нихъ благословеніе потомства; безъ нихъ ложь, зло, насиліе выросли бы до того, что закрыли бы отъ людей свѣтъ солнечный».—

И онъ разсыпаетъ этотъ свой бисеръ передъ Полиною, для того, чтобы она сказала ему: «Ты — сумасшедшій, право, сумасшедшій!»—Вѣрнѣе бы было, конечно, сказать ему: «ты болтунъ, право, болтунъ», сказать даже и послѣ его заключительныхъ словъ: «Я буду ждать того времени, когда взяточникъ будетъ бояться суда общественнаго больше, чѣмъ уголовнаго».

Изъ міра «взяточниковъ и крючкотворцевъ», міра Гоголевскаго, только освѣщеннаго у Островскаго значительно иначе, чѣмъ у Гоголя, мы снова переходимъ въ міръ самодуровъ, касаясь небольшой комедіи: «Въ чужомъ пиру похмѣлье». Нигдѣ, по мнѣнію Добролюбова, «безсилье и внутреннее ничтожество самодурства не выдаются съ такою поразительною яркостью», какъ именно тутъ. «Тутъ, по его же словамъ, есть все: и грубость, и отсутствіе честности, и трусость, и порывы великодушія—и все это покрыто тупоумною глупостью...» Такая глупость положительно невозможна въ мірѣ «крючкотворцевъ и взяточниковъ». Мы считаемъ ее, впрочемъ, не совсѣмъ возможною и въ мірѣ самодуровъ, и полагаемъ, что Островскій дошелъ тутъ, какъ доходилъ иногда и Гоголь, до каррикатуры. Обрисовавъ Тита Титыча Брускова, какъ грознаго владыку въ своей семьѣ, Аграфена Платоновна, квартирная хозяйка учителя Иванова, дорисовываетъ его такими чертами: «Насчетъ плутовства—онъ, точно, старикъ хитрый, но хоть и плутоватъ, а человѣкъ темный. Онъ только въ своемъ семействѣ свирѣпъ, а то съ нимъ что хочешь дѣлай — дуракъ дуракомъ; на пустомъ спугнуть можно...» «И дѣйствительно, замѣтилъ Добролюбовъ, изъ пьесы оказывается, что всѣ слова Аграфены Платоновны справедливы. Она же сама, ни съ того, ни съ сего, беретъ съ Брускова, зашедшаго на квартиру Ивановыхъ, тысячу цѣлковыхъ за расписку, въ которой сынъ его, Андрей Титычъ, обѣщается жениться на дочери Иванова. Расписка эта и сама по себѣ ничего не значитъ (хотя, прибавимъ мы, и писана на гербовой бумагѣ), да Ивановъ съ дочерью и не знаютъ о ней и претензіи никакой не имѣютъ; все это

сама хозяйка устраиваетъ, желая ихъ облагодѣтельствовать... Но Брусковъ, какъ темный человѣкъ, вполнѣ освоившійся съ обычаями «темнаго царства», не входитъ ни въ какія соображенія. Во-первыхъ, онъ всегда готовъ къ тому, что его обманутъ, такъ какъ онъ самъ готовъ обмануть всякаго. Поэтому, прочитавъ бумажку, показанную ему Аграфеной Платоновной, онъ преспокойно замѣчаетъ: «это, то-есть, насчетъ грабежу. Ну, народецъ!» Затѣмъ, какъ извѣстно, онъ соглашается стать жертвою этого грабежа, повѣривъ на слово Аграфенѣ Платоновнѣ, что ему-же тутъ можетъ предстоять и судебная расправа, а онъ боится суда, зная за собою разнаго рода грѣшки. Мы думаемъ однако, что, какъ онъ ни глупъ, а, по самой своей профессіи, заставлявшей его вести дѣла, онъ никакъ не можетъ повѣрить въ силу такой нелѣпой росписки, хотя бы она и была написана на гербовой бумагѣ, заплатить за нее деньги и затѣмъ, въ утѣшенье себѣ, усѣсться у Аграфены Платоновны, чтобы хоть «поругаться за свои деньги», да еще заявить и такую претензію: «вы меня хоть подчуйте чѣмъ за мои деньги». Но вѣдь дѣло и этимъ не ограничивается. Выпроваживаемый не одною Аграфеною Платоновной, но и самимъ расходившимся Ивановымъ, онъ унимаетъ, его, говоря: «я вѣдь ничего, я такъ — шучу съ тобой... выпьемъ вмѣстѣ, — пріятели будемъ, что ссориться-то». Когда же Ивановъ не унимается, а входитъ только въ пущій азартъ, Титъ Титычъ и самъ опять начинаетъ ругаться, замѣтивъ Иванову: «ишь ты какой сердитый». Все это, по нашему мнѣнію, совершенно неправдоподобно, хотя и можетъ смѣшить такихъ зрителей, которые ходятъ въ театръ собственно ради смѣха. Совсѣмъ другое дѣло, когда онъ, придя въ себя, велитъ Захару Захарычу, пьянчужкѣ приказному, «писать такое прошеніе, чтобы троихъ человѣкъ въ Сибирь сослать по этому прошенію» (т.-е. Иванова съ дочерью и квартирную ихъ хозяйку). «Я, говоритъ, такъ хочу и никакихъ денегъ для этого не пожалѣю». Тутъ передъ нами дѣйствительный самодуръ, самоувѣренно сознающій ту власть, которая заключается въ его день-

гахъ. Но вотъ приходитъ къ нему самъ Ивановъ, узнавшій между тѣмъ все дѣло, приноситъ деньги, взятыя Аграфеной Платоновной, и проситъ назадъ росписку. «Деньги! ты деньги принесъ?—вопрошаетъ въ недоумѣньи Титъ Титычъ.—Что за диковина такая? Деньги назадъ принесъ!» И, мѣря чужіе поступки на свой аршинъ, обращается къ своему приказному: «Захарычъ, какъ ты думаешь, взять деньги али нѣтъ? Обману нѣтъ-ли?» Захарычъ находитъ возможнымъ взять деньги, но не совѣтуетъ отдавать росписку, и Титъ Титычъ отказывается это сдѣлать. «Онъ, должно быть, для того деньги-то и принесъ,—разсуждаетъ нашъ самодуръ,—чтобы росписку выручить, а потомъ за нее вдвое заломить. Ему мало показалось. Надувательная система». Но несчастный Ивановъ, которому и въ самомъ дѣлѣ тутъ вышло «похмѣлье въ чужомъ пиру», совсѣмъ растерявшись послѣ того, какъ отдалъ деньги впередъ, объясняется совершенно чистосердечно: «нѣтъ, я потому деньги принесъ, что намъ чужихъ не надобно... мы живемъ бѣдно, мы живемъ своими трудами... мы смирно живемъ. Я вамъ еще денегъ принесу, сколько у меня есть... Я достану, заработаю». То бросаясь на Тита Титыча, то становясь передъ нимъ на колѣни, добрый отецъ, готовый на все, чтобы спасти только доброе имя своей дочери, жалобно причитаетъ: «отдайте, отдайте! Я не выйду безъ этого! Какъ мнѣ показать глаза дочери! Это сдѣлала глупая хозяйка. Развѣ моя Лиза можетъ? Она плачетъ теперь... Да что я говорю! Гдѣ я говорю объ ней! Я съ ума сойду!» Кого не разжалобитъ, кого наконецъ и не вразумитъ такой голосъ? Имъ разжалоблены не только причастный этому дѣлу молодой Брусковъ, но и его мать. Этимъ голосомъ наконецъ вразумленъ и старикъ Брусковъ. Онъ догадывается наконецъ, что «это хозяйка обработала». Но, вразумленный, онъ и разжалобленъ въ свою очередь, только, какъ и подобаетъ въ подобныхъ случаяхъ истому самодуру, пытается щегольнуть способностью и свеликодушничать, говоря: «я не въ тебя», отдавая наконецъ росписку. Тутъ опять, оставляя каррикатуру,

Островскій переходитъ въ такой драматизмъ, которымъ искупаются недостатки комедіи. Намъ кажется, что Добролюбовъ совершенно напрасно пытается подвести подъ огульную глупость этой исторіи и самого Иванова. Если только допустить, что такая росписка могла быть взята (а Добролюбовъ допускаетъ это), то Ивановъ и могъ поступить только такъ, какъ въ самомъ дѣлѣ и поступилъ. Добролюбовъ же удивлялся тому, что Ивановъ, убиваясь, «требовалъ даже не уничтоженія росписки, а ея возвращенія, что ему вовсе не нужно, и только возбуждаетъ справедливыя подозрѣнія въ Брусковѣ». Между тѣмъ Иванову именно и нужно возвращеніе росписки, нужно для того, чтобы самому ее разорвать и имѣть возможность сказать дочери, что онъ разорвалъ ее своими руками. Даже самъ Титъ Титычъ къ концу этой сцены, (а ею кончается и комедія), подъ вліяніемъ охватившей его жалости, до извѣстной степени просвѣтляется и смысломъ, говоря: «деньги и все это—тлѣнъ, металлъ звенящій! Помремъ—все останется». Ставъ-же на дорогу великодушничанья, онъ, въ силу косности, и далѣе идетъ по ней, давая сыну 150.000 и приказывая ему: «поѣзжай къ учителю, проси, чтобъ дочь отдалъ за тебя. Онъ человѣкъ хорошій». Оставаясь однако же истымъ самодуромъ, старикъ не можетъ при этомъ не выразиться и такъ: «мое слово—законъ». Онъ не можетъ не думать, что слово его—законъ не только для его сына, но и для учителя. «Какъ онъ смѣетъ не отдать, когда я этого желаю», говоритъ Брусковъ, впрочемъ, какъ будто одумавшись, сейчасъ-же и прибавляетъ: «если онъ не отдастъ за тебя, ты лучше мнѣ и на глаза не показывайся». Въ этомъ, конечно, опять нѣтъ логики—но вѣдь онъ-же и остается самодуромъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя (1863) Островскій вернулся къ тѣмъ же Брусковымъ—отцу и сыну—въ сценахъ изъ московской жизни, озаглавленныхъ «Тяжелые дни». Андрей Титычъ является тутъ передъ нами все еще холостымъ, изъ чего и можно заключить (что, впрочемъ, и безъ того было ясно), что у Ивановыхъ онъ получилъ

отказъ. «Тяжелые дни» выпадаютъ тутъ на долю самого Тита Титыча. Сынъ его Андрей Титычъ разказываетъ занимающемуся частными дѣлами чиновнику Досужеву: «маменька послали къ тятенькѣ, они теперь въ судѣ по дѣлу, такъ чтобъ домой вмѣстѣ. А то, пожалуй, уѣдутъ куда съ судейскимъ да и загуляютъ... Къ тому же нынче маменька не пускали тятеньку въ судъ, потому нынче понедѣльникъ — тяжелый день, а маменька этому очень вѣруютъ; ну, а тятенька-то не послушались, такъ маменька еще больше боятся». На повѣрку выходитъ, что маменька боялась недаромъ. Тятенька не только загуляли, но еще и барина прибили—барина, по выраженію Андрея Титыча, настоящаго. Дѣло въ томъ, что «тятенька въ Марьиной рощѣ встрѣтили знакомую компанію, человѣка четыре подрядчиковъ: какіе-то могарычи запиваютъ. Тутъ ужь и пошло! Шенпанскаго сразу ящикъ потребовали; цыганокъ пѣть заставили». И это бы еще ничего, только вздумалось кому-то изъ судейскихъ предложить качать тятеньку. «Качали, качали, да и уронили... Ушибить-то не ушибли, только ужь очень тятенька въ сердце вошли...» Вотъ тутъ какой-то, втершійся въ компанію, баринъ и наскочилъ на тятеньку подъ пьяную руку, «а тятенька, ужь извѣстно, много разговаривать не станутъ; должно быть, его раза два и ударили». Въ результатѣ оказалось, что обиженный запросилъ за безчестье ни больше, ни меньше, какъ триста тысячъ. Конечно, почему и не запросить, съѣхать вѣдь можно всегда и на малое. Все зависитъ отъ того человѣка, который поведетъ дѣло. Только Титъ Титычъ, не сдержавъ своего сердца ретиваго, прогналъ отъ себя преемника Захара Захарыча, новаго своего приказнаго, Мудрова, за то, что тотъ запросилъ за веденіе дѣла пять тысячъ. Вотъ тутъ и пригодился знакомый его сынку Досужевъ. Сцена переговоровъ съ нимъ выставляетъ намъ самодурство уже во всей его несомнѣнной, неописанной красотѣ. «Зачѣмъ же ты и стряпчій,—говоритъ ему Титъ Титычъ,— коли ты не можешь оправить человѣка? А ты такую кляузу напиши, чтобъ я былъ не виноватъ ни въ чемъ».

А Досужевъ все-таки указываетъ ему на необходимость помириться. «Да ты съ кѣмъ говоришь,—возражаетъ Титъ Титычъ. — Учить, что ли, ты меня пришелъ у меня-то въ домѣ? Хочу буянить, и буяню; нешто ты мнѣ заказать смѣешь? Вотъ я ужо Андрюшкѣ задамъ, чтобъ онъ этакихъ стрекулистовъ ко мнѣ не водилъ». Но сколько ни хорохорься Титъ Титычъ: «я тебя и знать не хочу», Досужевъ преспокойно ему отвѣчаетъ: «радъ бы не хотѣть, да нельзя... Перцовъ далъ подписку, что дѣло съ тобой прекращаетъ, и подписку эту отдалъ мнѣ. Теперь я, что хочу, то съ тобой и сдѣлаю. Захочу — отдамъ ее тебѣ, и дѣло кончено; а не захочу—подадимъ на тебя завтра прошеніе и упрячемъ тебя въ смирительный». Дѣлать нечего, приходится ладить. «А ты имѣй сколько-нибудь совѣсти,— говоритъ Досужеву старый самодуръ,—не грабь меня. Грабить-то не хорошо». Но выходитъ, что Досужевъ вовсе и не намѣренъ его грабить. «Во-первыхъ,—говоритъ онъ,—сто цѣлковыхъ Перцову за обиду».—«Это ничего. Это, по чести, недорого!—сознается Титъ Титычъ и даже съ удовольствіемъ замѣчаетъ:—Это и въ другой разъ, коли случится». Но что же потребуетъ Досужевъ самому себѣ? «Мнѣ много надобно», пугаетъ онъ Тита Титыча, а съѣзжаетъ на то, чтобы онъ поскорѣе женилъ сына на Кругловой. Титъ Титычъ опять за свое—какъ это смѣютъ ему указывать? Но и Досужевъ вѣдь за свое же: «надо сейчасъ къ полицмейстеру ѣхать». Приходится самодуру сдаваться—сдаваться, да не сознаваться. «Ты не подумай,—говоритъ онъ,—что это я тебя послушалъ! Это я самъ. А если-бъ не самъ, и никто-бъ меня на свѣтѣ... Слышишь ты, я самъ... Я хочу, чтобъ Андрюшка женился на Кругловой, такъ тому и быть. Никто мнѣ ни указывать, ни приказывать не смѣетъ. Что хочу, то у себя дома и дѣлаю».

А Андрюшка тому и радъ. Наконецъ-то послалъ ему Богъ такого родителя. А было вѣдь такъ, что отецъ то велитъ ему жениться на Кругловой, хотя она и совсѣмъ не богата, то опять разведитъ, говоря: «этакое несчастіе

въ домѣ, а ты женишься». Только при помощи Досужева и вышли наконецъ для Андрюши легкими тяжелые отцовскіе дни.

Едва ли въ какой другой изъ своихъ комедій Островскій до такой степени уличилъ во всей его безшабашной пошлости настоящее самодурство.

Но вотъ передъ нами тѣ картины московской жизни, которыя озаглавлены: «Не сошлись характерами» (1858). Тутъ мы видимъ уже столкновеніе купеческаго и чиновничьяго міровъ,—столкновеніе, развязывающееся далеко не къ выгодѣ послѣдняго—при всей его относительной цивилизованности. Сыну прожившагося старика въ большихъ чинахъ, благовоспитанному и безупречно одѣвающемуся Полю, нужно жениться, для поправленія своихъ дѣлъ, на богатой вдовѣ — купчихѣ. И онъ благополучно женится. За то, когда онъ въ первый разъ проситъ у жены, для поправленія своихъ дѣлъ, пять тысячъ, то выходитъ у него по пословицѣ: первый блинъ да комомъ. Жена уѣзжаетъ къ папенькѣ, а ему оставляетъ письмо съ отказомъ и съ такой философіей: «что я буду значить, когда у меня не будетъ денегъ?—тогда я ничего не буду значить. Когда у меня не будетъ денегъ—я кого полюблю, а меня, напротивъ того, не будутъ любить. А когда у меня будутъ деньги,—я кого полюблю, и меня будутъ любить, и мы будемъ счастливы». Такая философія уже заранѣе сложилась въ головѣ у Серафимы Карповны и удостоилась одобренія ея родителя, который, каковъ онъ тамъ ни будь, а все же гораздо путнѣе Поля. Этотъ послѣдній весь выражается въ обращеніи къ своей мамашѣ: «позвольте, maman, поблагодарить васъ за двѣ вещи: во-первыхъ, за то, что вы промотали мое состояніе, а во-вторыхъ, за то, что воспитали меня такъ, что я никуда не гожусь».

Съ Полемъ же, только самаго мелкаго сорта, встрѣчаемся мы и въ лицѣ Бальзаминова, жизнь котораго воспроизведена Островскимъ въ цѣлой комической трилогіи: «Свадебный сонъ до обѣда» (1857), «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (1860) и «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь» (1860).

Бальзаминовъ, какъ тотъ же Поль, только совсѣмъ уже безъ изящества, весь вылился въ своихъ словахъ: «Не отъ зависти я хочу жениться на богатой, а отъ того, что у меня благородныя чувства. Развѣ можно съ облагороженными понятіями въ бѣдности жить? А коли я не могу никакими средствами достать себѣ денегъ, значитъ, я долженъ жениться на богатой». Онъ даже придаетъ своимъ вожделѣніямъ видъ какой-то не то общественной, не то государственной философіи: «Какая это обида, что все на свѣтѣ такъ нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бѣдный—на бѣдной. Есть ли въ этомъ какая справедливость? Одно только притѣсненіе для бѣдныхъ людей. Если-бъ я былъ царь, я бы издалъ такой законъ, чтобъ богатый женился на бѣдной, а бѣдный на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь» [1]). Между тѣмъ, онъ непроходимо глупъ, гораздо глупѣе Андрюши Брускова, который, конечно, тоже не изъ умныхъ, если подписывается подъ извѣстною намъ подсунутою ему роспискою, не понимая, что этимъ ставитъ въ ложное положеніе любимую имъ дѣвушку. Если Андрюша, при всей своей недальности, жалуется: «Учиться захотѣлъ, такъ и то не велѣли», то вѣдь и Бальзаминовъ жалуется на «недостатки въ себѣ, въ образованіи». Съ Полемъ сближаетъ Бальзаминова ихъ принадлежность не къ купеческому міру, а къ міру такъ называемыхъ *господъ* (хотя Бальзаминовъ, если и *господинъ*, то очень ужъ мелкой сошки). Оба же они сближаются съ Андрюшей Брусковымъ общимъ положеніемъ сватающихся горе-богатырей. Но Бальзаминовъ богатырь изъ наиболѣе трусоватыхъ. Онъ боится какъ задорной ладони, такъ и цѣпныхъ собакъ на невѣстиныхъ дворахъ. Чтобы себѣ придать куражу, онъ готовъ бы, однако, поступить въ военную службу, говоря: «Сколько бы я ни прослужилъ, вѣдь у меня такъ же время-то идетъ, за то офицеръ. А теперь что я? Чинъ у меня маленькій, притомъ же я человѣкъ робкій, жи-

---

[1]) «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь», картина 1-ая, явл. 4-ое.

вемъ мы въ сторонѣ необразованной, шутки здѣсь все такія неприличныя, да и насмѣшки... А вы только представьте, маменька: вдругъ я офицеръ, иду по улицѣ смѣло; ужь тогда смѣло буду ходить; вдругъ вижу—сидитъ барышня у окна, я поправляю усы...»

Первый романъ Бальзаминова, чиновника 25 лѣтъ, разыгрывается въ домѣ купеческой вдовы Нічкиной, за семнадцатилѣтнею дочкой которой, Капочкой, онъ ухаживаетъ, при содѣйствіи свахи Красавиной, проходящей черезъ всю трилогію. Красавина умѣетъ занимать Ничкину слухами о царѣ Фараонѣ, который «сталъ по ночамъ изъ моря выходить, и съ войскомъ покажется, и опять уйдетъ», а равно и о той «кометѣ-ли, планидѣ-ли», про которую «ученые разсчитали по цифрамъ, въ какой день и въ какомъ часу она на землю сядетъ». Между такими-то разговорами она нѣтъ, нѣтъ да и ввернетъ словцо про Бальзаминова. И романъ увѣнчался бы счастливой развязкой, если бы не принесло невѣстина дядю, Неуѣденова. Недаромъ уже при одномъ его появленіи Капочка говоритъ: «Теперь все въ домѣ на русскій манеръ пойдетъ. Ахъ, я чувствую свою судьбу; разстроитъ онъ маменьку. Ну, какъ да онъ научитъ маменьку отдать меня за купца съ бородой! Тогда я умру отъ любви». (Видно, Капочка такая же цивилизованная, какъ Липочка Большова). Неуѣденовъ — это такой же представитель совсѣмъ ужь не самодурства, а *дѣльности*, какъ Смуровъ въ «Утрѣ молодого человѣка». Онъ великолѣпнѣйшимъ образомъ отбояриваетъ глупаго жениха съ его карманными вожделѣніями. Когда Бальзаминовъ говоритъ о людяхъ, которымъ «въ мечтахъ все представляется богатство, и даже во снѣ снится», Неуѣденовъ замѣчаетъ: «А по моему, такому человѣку, который не умѣетъ достать ничего, не то что въ богатствѣ, жить, а и вовсе жить незачѣмъ».—«Куда же ихъ дѣвать-то?»—простодушно спрашиваетъ маменька Бальзаминова.—«Въ черную работу, землю копать,—отвѣчаетъ Неуѣденовъ.—Это дѣло всякій умѣетъ. Сколько выработалъ, столько и денегъ бери».—«Я вотъ за сестру теперь очень опа-

саюсь,—начинаетъ онъ уже отъ себя,—подвернется ей фертикъ во фрачкѣ съ пуговками или какой съ эполетками, а она съ дуру-то и обрадуется, какъ ни вѣсть какому счастью. Дочь-то отдасть—нужды нѣтъ, а вотъ денегъ-то жалко»,—заключаетъ онъ, повидимому, совсѣмъ безсердечно. Но приглядитесь внимательнѣе, и Неуѣденовъ окажется правъ. «Коли счесть,—говоритъ онъ, сколько наша братія по своей глупости денегъ раздала за дочерьми разнымъ аферистамъ, такъ, право, сердце повернется. Что добра-то бы можно на эти деньги сдѣлать. Боже мой! Эти деньги, я такъ считаю, у общества украдены». Дядюшкины выходки приводятъ наконецъ въ негодованіе Капочку: «Вы, дяденька, оттого такъ разсуждаете,—говоритъ она,—что вы необразованы».—«Именно, мой другъ, необразованы,—преспокойно отвѣчаетъ дядя.—Не одна ты это говоришь. Вотъ и тѣ голые-то, которыхъ мы одѣвали, да обували, да на безпутную ихъ жизнь деньги даемъ, тоже насъ необразованными зовутъ. Имъ бы только отъ насъ деньги-то взять, а родни-то хоть вѣкъ не видать». Тутъ даже и г-жа Бальзаминова видитъ, что имъ остается только поворотить оглобли. «Послѣ такихъ словъ,—говоритъ она,— намъ съ тобой, Миша, кажется, здѣсь нечего дѣлать».— «Да, похоже на то,—подтверждаетъ Неуѣденовъ.—На ворѣ-то вѣдь шапка горитъ».—«Я этихъ словъ, маменька, на свой счетъ не принимаю»,—замѣчаетъ Миша и напрашивается на прямое уже поясненіе со стороны Неуѣденова: «Нѣтъ, я на вашъ счетъ. Вотъ маменька-то ваша поумнѣе—сейчасъ поняла». Такимъ-то образомъ все это сватовство и оказывается только «Свадебнымъ сномъ до обѣда».

Но Миша не унываетъ. Въ новой комедіи («Свои собаки грызутся») онъ начинаетъ ухаживать за 30-лѣтнею купеческою вдовою, Антрыгиной, которую сваха Красавина обрисовываетъ такимъ образомъ: «Ходитъ это по комнатамъ, размахиваетъ руками. «Никого, говоритъ, я не боюсь, что хочу, то и творю; нѣтъ, говоритъ, надо мной старшихъ!»—«Да и точно,—поясняетъ сваха,—

кого ей бояться? Ни мужа у нея, ни отца; одна какъ есть. Да и сторона-же у нихъ такая глухая». Можно самодурствовать въ волю, благо мошна туга, а мужчины надъ нею нѣтъ. Бальзаминовъ какъ разъ по ней: будетъ въ качествѣ мужа тише воды, ниже травы. Одна бѣда—ей приглянулся уже сослуживецъ его, Устрашимовъ. Но онъ человѣкъ фатальный. «Во вторникъ,—разсказываетъ Антрыгина своей пріятельницѣ Піоновой,—ѣду это я мимо Чистыхъ Прудовъ, вдругъ вижу—этотъ господинъ идетъ подъ ручку съ какой-то дамой, садятся на лавочку и такъ это горячо разговариваютъ... Во всѣхъ членахъ трясеніе сдѣлалось... Сейчасъ же не велѣла его пускать и писемъ отъ него принимать». Вотъ тутъ-то она и поваживаетъ посѣщать себя Бальзаминова и тѣмъ самымъ надоумливаетъ Устрашимова: что́ какъ да вдругъ прозѣваешь такой лакомый кусочекъ? А Бальзаминовъ увѣренъ, между тѣмъ, въ успѣхѣ вплоть до того злополучнаго дня, когда, приходя, по обыкновенію, къ Антрыгиной, находитъ у нея Устрашимова. «Какъ же-съ, вѣдь вы поссорились»,—недоумѣваетъ онъ.—«Они поссорились, они и помирились,—поясняетъ Піонова...—свои собаки грызутся, чужая не приставай».

Но вѣдь существуетъ и такая пословица: «за чѣмъ пойдешь, то и найдешь», и мораль ея точнѣйшимъ образомъ оправдывается, на счастье Бальзаминову. Повадился онъ, было, ходить опять въ купеческій домъ, гдѣ, по словамъ кухарки Матрены, «живутъ двѣ сестры — обѣ дѣвки ужь въ лѣтахъ. Только выходу имъ никакого нѣтъ: сидятъ наверху у себя взаперти, все одно подъ замкомъ...» «Такой приказъ отъ братьевъ,—поясняетъ она,—очень на мужчинъ безстыжи». Бальзаминовъ посѣщаетъ ихъ домъ не одинъ, а подъ охраною своего новаго пріятеля, Чебакова, офицера въ отставкѣ. По порученію Чебакова, онъ даже переодѣвается башмачникомъ и передаетъ записочки отъ него одной изъ сестеръ — въ надеждѣ, что другая достанется ужь ему самому (а которую ни взять, ему все равно). «Онъ мнѣ что-то, Анфиса, гнусненекъ кажется»,—говоритъ про него сестра

Раиса.—«Зачѣмъ же ты съ нимъ кокетничаешь?»—«Отъ тоски. Все-таки развлеченіе». Это «развлеченіе» окончилось бы тѣмъ, что Бальзаминовъ остался бы опять въ дуракахъ. Къ счастью, сваха Красавина, такъ неудачно служившая ему до сихъ поръ, подыскала для Бальзаминова купеческую вдову Бѣлотѣлову, не особенно молодую, лѣтъ такъ 36-ти, за то очень полную и съ большимъ капиталомъ. Какъ разъ кстати Бальзаминовъ, испугавшись, какъ бы не накрыли его въ своемъ саду Раисины и Анфисины суровые братцы, перелѣзаетъ черезъ заборъ и нежданно-негаданно попадаетъ въ сосѣдній садъ Бѣлотѣловой. Новый романъ завязывается самымъ непринужденнымъ способомъ. «Скучно одной-то ничего не дѣлать, а вмѣстѣ веселѣе»,—говоритъ Бѣлотѣлова. — «Какъ же можно, гораздо веселѣе»,—отвѣчаетъ Бальзаминовъ.—«Вы хотите вмѣстѣ?»—«Даже за счастье почту-съ».—«Я очень добрая, я всему вѣрю, такъ ужь вы меня не обманите».— «Какъ же это можно-съ, я за низость считаю обманывать».—«Ну, хорошо, вы меня любите, и я васъ буду»...— «Покорнѣйше благодарю-съ. Позвольте ручку поцѣловать!» Къ обоюдному удовольствію ничто не мѣшаетъ и благополучной развязкѣ. «Пословица-то говоритъ, что дуракамъ счастье,—замѣчаетъ Бальзаминова.—Ну, вотъ намъ счастье и вышло. За умомъ не гонись, лишь бы счастье было. Съ деньгами-то мы и безъ ума проживемъ». И Миша вполнѣ согласенъ съ такой философіей. «На что мнѣ теперь умъ?—поддакиваетъ онъ мамашѣ.—А давеча, маменька, обидно было, какъ денегъ-то нѣтъ, да и ума то нѣтъ, говорятъ. А теперь пускай говорятъ, что дуракъ: мнѣ все одно».

Такъ-то, наконецъ, и увѣнчались успѣхомъ Бальзаминовскія похожденія. Умѣлъ не унывать добрый молодецъ, проявилъ замѣчательное упорство въ достиженіи своей цѣли и, наконецъ, достигъ. Всѣмъ бы и во всякомъ бы дѣлѣ проявлять такую настойчивость!

Согласитесь, читатель, что тутъ передъ нами не самодурство, да и не просто глупость; вѣдь мать не умѣетъ цѣнить Бальзаминова. Онъ не дуракъ, а своего рода

герой—герой идеальной, торжествующей пошлости. Мы переносимся тутъ съ Островскимъ въ тотъ спеціально-Гоголевскій міръ, на который указывалъ Пушкинъ.

IV.

«Воспитанница».—«Гроза».

«Между этими произведеніями, появившимися одно за другимъ (1859 и 1860 г. г.), существуетъ и внутренняя связь. Она сказывается въ нѣкоторомъ сходствѣ главныхъ женскихъ характеровъ: Нади—въ первомъ наброскѣ, не названномъ у Островскаго не только комедіей или драмой, но даже сценами [1]), и Катерины—во второмъ произведеніи, относящемся у нашего автора къ самымъ глубоко обдуманнымъ и художественно-обработаннымъ драмамъ. Какъ Надя, такъ и Катерина—несомнѣнныя жертвы прямого, настоящаго самодурства, связаннаго въ «Воспитанницѣ» съ крѣпостнымъ барствомъ, а въ «Грозѣ» опять съ купеческимъ бытомъ, этою излюбленною областью Островскаго.

«Надя, —говорилъ Добролюбовъ, —живетъ въ домѣ Улабенковой, этого безобразнаго самодура въ женскомъ платьѣ,—и все должно пропасть для нея. Лицо Улабенковой замѣчательно, какъ примѣръ того, что значитъ самодурство, перенесенное изъ купеческаго дома въ другую сферу. Здѣсь оно могучѣе, вліяніе его обширнѣе, и потому оно еще отвратительнѣе. Купецъ ограничиваетъ свое самодурство упражненіями надъ домашними да надъ близкими людьми; но въ обществѣ онъ не можетъ дурить, потому что, какъ мы видѣли, онъ, въ качествѣ самодура, труслпвъ и слабодушенъ передъ всякимъ не-

---

1) Такъ оно въ полномъ собраніи сочиненій. Но въ «Библіотекѣ для чтенія», гдѣ первоначально появилась «Воспитанница», произведеніе это названо: «сцены изъ деревенской жизни», на обложкѣ-же журнала даже «комедія».

зависимымъ человѣкомъ. Ужъ на что Титъ Титычъ Брусковъ—и тотъ не посмѣлъ очень вольничать надъ Ивановымъ... Кругъ дѣйствія Улабенковой довольно великъ. Во-первыхъ, у нея домашнихъ очень много — воспитанницы, приживалки, ключницы, горничныя, служители... Потомъ у нея есть крестьяне. Кромѣ того, она представляетъ сильное лицо въ цѣломъ околоткѣ и имѣетъ вліяніе. Она и чужія свадьбы насильно устраиваетъ, и на мѣста опредѣляетъ, и отъ суда спасаетъ». На то она и барыня стараго покроя, пользующаяся, по своему независимому положенію, по своимъ средствамъ и, наконецъ, по своей властной смѣлости большимъ вѣсомъ среди окружающихъ ее своихъ же братьевъ—дворянъ и потакающихъ имъ всякаго рода служилыхъ людей. Она вѣдь одна изъ тѣхъ маленькихъ государынь, какими воображали себя въ свое золотое время богатыя помѣщицы, подобно тому, какъ помѣщики воображали себя своего рода сказочными царьками—т.-е. тѣми *вольными*, для себя только существующими *человѣками*, какими являются сказочные цари. «Все это знаютъ, благодѣтельница, — недаромъ говоритъ Улабенковой льстивая и въ то же время ехидная приживалка Василиса Перегриновна,—что вы, если захотите, можете изъ грязи человѣка сдѣлать; а не захотите, такъ будь хоть семь пядей во лбу, — такъ въ ничтожествѣ и пропадетъ. Самъ виноватъ, отчего не умѣлъ заслужить». «Весь цинизмъ самодурной морали и логики, — по справедливому замѣчанію Добролюбова,—выраженъ здѣсь очень рельефно». Да вѣдь именно на почвѣ крѣпостного барства и достигалъ этотъ цинизмъ до своего настоящаго апогея. «Нѣтъ никакихъ правъ, кромѣ милости самодура,—продолжалъ характеризовать этотъ цинизмъ Добролюбовъ,—никакихъ нравственныхъ правилъ, кромѣ угожденія его волѣ... Такимъ образомъ вопросы о законности ставятся тутъ съ безстыдною прямотою: законъ есть не что иное, какъ воля самодура, и всѣ должны ей подчиняться, а онъ не долженъ стѣсняться ничѣмъ». Все это совершенно вѣрно. Но весь этотъ барскій цинизмъ самодурства крѣпостной поры отошелъ уже, слава Богу, въ область

прошлаго, и «Воспитанница» является въ своемъ родѣ историческою картиною.

«Вы,—говоритъ Улабенкова своимъ воспитанницамъ,—жили у меня въ богатствѣ и роскоши и ничего не дѣлали; теперь ты выходишь за бѣднаго и живи всю жизнь въ бѣдности, и работай, и свой долгъ исполняй, и позабудь,—говоритъ,—какъ ты у меня жила, потому что *не для тебя я это дѣлала, я себя только тѣшила*, а ты не смѣй никогда о такой жизни и думать, и всегда ты помни свое ничтожество и изъ какого ты званія». «И не подумайте,—замѣтилъ по этому поводу Добролюбовъ,—что это говорится со злобою или съ сарказмомъ; вовсе нѣтъ—это отъ полноты души, отъ искренняго убѣжденія Улабенковой» (стр. 124—127). Но вѣдь, можно сказать, это стало и искреннимъ убѣжденіемъ ея дворовыхъ людей. Вспомните, съ какимъ чуть ли не увлеченіемъ разсказываетъ объ этомъ Потапычъ. Но вѣдь съ такимъ же точно увлеченіемъ относится онъ и къ безграничнымъ правамъ своего барчука, молокососа Леонида.

«Да что-жъ, сударь,—говоритъ онъ ему,—маменька ваша обыкновенно должны строгость соблюдать, потому какъ онѣ дамы. А вамъ что на нихъ смотрѣть (т.-е. не на маменьку, а на оберегаемыхъ ею до замужества воспитанницъ)! Вы сами по себѣ должны поступать, какъ всѣ молодые господа поступаютъ. Ужь вамъ порядку этого терять не должно. Что-жъ вамъ отъ другихъ-то отставать! Это будетъ къ стыду вашему». Но вѣдь точно такою же вѣрнопреданною потакательницею оказывается относительно этого восемнадцатилѣтняго шалопая и ключница Гавриловна. Ему, видите, скучно, потому, что и доучиться-то чему-нибудь было лѣнь, потому что никакое дѣло и никакая умственная пища для него не существуетъ. «Ну, ужь какъ, чай, не скучать?—холопски поддакиваетъ Гавриловна.—Ишь вѣдь у насъ точно монастырь. Ну, а вы, извѣстное дѣло, молодой человѣкъ, и позабавились бы чѣмъ-нибудь, да нельзя. Не велико веселье-то утокъ стрѣлять». И вѣдь Гавриловна, если угодно, говоритъ это тоже отъ «полноты души, отъ ис-

кренняго „убѣжденія». Она становится даже въ своемъ родѣ права, когда замѣчаетъ, что «гдѣ больше строгости, тамъ и грѣха больше». Строгостью, т.-е. постояннымъ надсматриваньемъ, конечно, ничего не возьмешь. Улабенкова думаетъ охранить своихъ воспитанницъ, этотъ, если такъ можно выразиться, свадебный товаръ, отъ своего Леонида, этого «ангельчика», этой «невинности», по льстиво-ехидному выраженію Василисы Перегриновны, а также, быть можетъ, и своего Леонида отъ этихъ воспитанницъ, но ни то, ни другое не удается. Она и не думаетъ о томъ, чтобы доставить имъ и ему такое содержаніе для жизни, такую опору въ дѣятельности, въ опредѣленномъ и удовлетворяющемъ лучшія стороны человѣка призваніи, которая спасала бы отъ случайныхъ и преждевременныхъ увлеченій. Къ тому же сама она подаетъ имъ собою, т.-е. безцѣльностью и безсмысленностью своей собственной жизни, самый ненаставительный примѣръ, и доходитъ въ своей барской безсознательной скукѣ и въ своемъ барскомъ «все позволено» до того, что на глазахъ у своего восемнадцатилѣтняго юнца держитъ другого юнца—слугу-любимца, котораго рядитъ и всячески балуетъ на потѣху своей отвратительной старческой страстности. Вотъ сынокъ у нея и выходитъ такимъ, что всего вѣрнѣе самъ опредѣляетъ себя, говоря: «какой я дрянной, негодный мальчишка». Добролюбовъ былъ къ нему все-же поснисходительнѣе.

«Леонидъ, — говорилъ онъ, — мальчикъ 18 лѣтъ, не злой и не совсѣмъ глупый; характеръ его еще не сложился (мы, съ своей стороны, думаемъ, что онъ и никогда не сложится). Но посмотрите, какія у него замашки, какъ онъ уже испорченъ въ корнѣ, и какъ все окружающее способствуетъ его дальнѣйшему развращенію, какъ все вырабатываетъ изъ него отвратительнѣйшаго самодура. Одни разговоры съ Потапычемъ чего стоятъ! Онъ замѣчаетъ Потапычу, озирая имѣнье: «вѣдь это все мое будетъ». И Потапычъ отвѣчаетъ: «все, сударь, ваше, и мы ваши будемъ... Какъ, значитъ, при баринѣ, при покойникѣ, такъ все равно и вамъ должны...»

Затѣмъ Леонидъ объясняетъ, что онъ служить не намѣренъ, потому что тамъ еще писать заставятъ. Потапычъ и на это свою рѣчь держитъ: «и нѣтъ, сударь, зачѣмъ же вамъ самимъ дѣло дѣлать! Ужь это не порядокъ! Вамъ такую службу найдутъ, самую барственную, великатную; работать будутъ приказные, а вы будете надъ ними надо всѣми начальникомъ. А чины уже сами собой пойдутъ» (130). И тутъ опять передъ нами картинка историческаго содержанія.

Улабенкова и Леонидъ—это Простакова и Митрофанъ послѣднихъ временъ крѣпостного права, Простакова и Митрофанъ уже значительно полированные, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще болѣе отвратительные [1]). Ни за Простаковой, ни за Митрофаномъ не водится амуровъ. Улабенкова, пользуясь своею властью, выбрала себѣ смазливаго мальчишку изъ своихъ крѣпостныхъ, обязанныхъ удовлетворять всему, даже и старческому сладострастію барыни. Леонидъ, очевидно, на дорогѣ къ тому, чтобы въ самомъ непродолжительномъ времени создать себѣ цѣлый маленькій гаремъ изъ дворовыхъ дѣвушекъ, благо и онѣ обязаны удовлетворять всему, даже и султанскимъ наклонностямъ мальчишки, вовсе не заботящагося о своемъ развитіи умственномъ, за то обладающаго полнымъ досугомъ, чтобы потакать своему преждевременному, бездѣліемъ ускоряемому, физическому развитію. Онъ смазливый мальчишка, и это, конечно, содѣйствуетъ его успѣху, но будь онъ хоть уродъ, хоть жалкій наслѣдникъ ужасныхъ недуговъ цѣлаго развратнаго поколѣнія, нашатавшагося по разнымъ Парижамъ, онъ могъ бы разсчитывать на такое же безпрекословное повиновеніе своей волѣ. На то вѣдь и существовало помѣщичье, не ограничиваемое даже никакими опасеніями огласки—современной или исторической—вполнѣ уже безшабашное «le roi s'amuse».

---

1) Что Леонидъ сильно напоминаетъ Митрофана, это замѣтилъ уже г. Ахшарумовъ въ своей статьѣ о «Воспитанницѣ» (въ сборникѣ «Весна» 1859 г.). Онъ же называетъ Леонида «дурачкомъ».

Но мы далеки отъ того, чтобы считать Леонида только жертвой среды, жертвой вполнѣ безсильной противъ ея вліянія. Если мы говорили выше, что не всѣ же въ средѣ иной, все же менѣе гнусной, но тоже очень отталкивающей, средѣ самодурства купеческаго, становятся Большовыми, Подхалюзиными и Липочками, то такъ же точно не всѣ же и подъ вліяніемъ помѣщичьяго самодурства становились непремѣнно Леонидами. Были же и такіе, которые, не обладая никакими геніальными способностями, ни даже особенною силою воли, просто вслѣдствіе добрыхъ инстинктовъ своей природы, подъ впечатлѣніями своей среды все болѣе и болѣе исполнялись отвращенія къ ея мерзостямъ. Островскій вполнѣ сознавалъ это, а потому и осудилъ Леонида его же собственными словами: «какой я дрянной, негодный мальчишка».

Общею жертвой Улабенковой и ея сынка является Надя. По справедливому замѣчанію Добролюбова, она не пріучена къ тому, чтобы сохранять власть надъ собою и остаться вѣрною своимъ понятіямъ изъ внутренняго убѣжденія въ ихъ правотѣ и силѣ; у нея скромность и честность имѣютъ прямую цѣль—сохранить себя для замужества... Но естественное чувство ея внезапно оскорбляется приказаніемъ идти за пьянаго и грязнаго негодяя... Прежде она мечтала, какъ будетъ сидѣть съ учениками,—словно княжна какая, словно у ней каждый день праздникъ; какъ она будетъ жить замужемъ, словно въ раю, словно гордясь чѣмъ-то... А теперь у нея другія мысли; она подавлена самодурствомъ, да и впереди ничего не видитъ, кромѣ того же самодурства. «Какъ подумаешь, — говоритъ она, — что станетъ этотъ безобразный человѣкъ издѣваться надъ тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубитъ онъ твой вѣкъ ни за что... Не живя, ты съ нимъ состаришься... Такъ уже, право, молодой баринъ лучше...»

Этотъ молодой баринъ на первыхъ порахъ какъ будто спасаетъ ее отъ безобразнаго Неглигентова, который самъ, въ пьяномъ видѣ, проболтался ему о будущемъ бракѣ съ нею. «Мнѣ, мамаша, жалко ее», говоритъ онъ

Улабенковой, и Улабенкова прогоняетъ Неглигентова — не потому, чтобы и ей было жалко Надю, а потому, что Неглигентовъ осмѣлился пьяный появиться у нея въ саду да еще плясать. Онъ, стало быть, зазнался, оказался не только посаженнымъ за столъ, но и положившимъ ноги на столъ, неблагодарнымъ животнымъ,—вотъ за это и гонятъ его со двора, но гонятъ только до поры до времени. Леониду жаль Надю, но не по безкорыстному чувству человѣколюбія; она приглянулась ему самому, хотя онъ, конечно, далекъ отъ какихъ-либо серьезныхъ намѣреній въ будущемъ. Онъ недаромъ полюбопытствовалъ узнать, влюблена ли она въ кого-нибудь. На ея отвѣтъ: «ни въ кого я не влюблена-съ», онъ съ большою радостью (какъ значится въ скобкахъ) ей говоритъ: «полюби меня!» Ея вторичный отвѣтъ: «насильно сердце заставить нельзя-съ» его, конечно, не останавливаетъ. И онъ вѣдь достигаетъ своей цѣли. Съ перваго взгляда можетъ, пожалуй, показаться страннымъ, что онъ достигаетъ цѣли вслѣдъ за тѣмъ, какъ прогнали со двора Неглигентова. Но не можетъ же Надя думать, что, избавивъ ее почти-что случайно отъ безобразнаго жениха, самъ онъ имѣетъ на нее серьезные виды: она же, наконецъ, считаетъ его мальчикомъ. Да, но вѣдь Надя не можетъ же также быть увѣрена въ томъ, что вмѣсто прогнаннаго Неглигентова не явится вдругъ какой-нибудь другой Неглигентовъ, который будетъ уже осторожнѣе и котораго не прогонятъ. Рано или поздно, ей все-таки придется выйти замужъ, потому что «холостая жизнь ужасно портитъ молодыхъ людей» и что барынѣ захочется, посредствомъ своей воспитанницы, спасти отъ такой порчи какого-нибудь молодого человѣка. А не то, пожалуй, ее упекутъ и за дряхлаго старика, потому что барынѣ, изъ человѣколюбія, захочется приставить къ нему нянькою Надю. И тутъ вѣдь Надѣ напрасно пришлось-бы спрашивать свою благодѣтельницу: «чѣмъ же я вамъ теперь, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за старика отдать?» У Улабенковой, разумѣется, будетъ все тотъ же отвѣтъ: «я смолоду привыкла, чтобъ каждаго

моего слова слушались» [1]). Впереди все равно не предстоитъ ничего хорошаго. Вотъ Надя и приходитъ къ тому, что говоритъ Лизѣ: «куда страхъ, куда стыдъ дѣвался, не знаю. Хоть день, да мой, думаю, а тамъ что будетъ, то будетъ, ничего я и знать не хочу!» Отдавшись съ отчаянья хорошенькому барчуку, она доходитъ затѣмъ до какого-то упоенія имъ, говоря: «я не тужу, а вы тужите, какой добренькій!.. Не ушла бы я отъ васъ, да нечего дѣлать: не своя воля». Но слишкомъ ужъ поздно она отъ него уходитъ. Все подглядѣла ехидная Перегриновна, и все-то она передала, да еще съ такимъ видоизмѣненіями: «и какъ это видно было, что онъ, по своей непорочности, старается ее оттолкнуть отъ себя, а она все хватаетъ его за шею, лобзаетъ и соблазняетъ». Дорого обходится Надѣ вечерокъ въ саду съ этимъ *добренькимъ* бариномъ. Ставъ, безъ строго опредѣленнаго умысла, виновникомъ избавленія ея отъ Неглигентова, онъ же и становится теперь, опять безъ опредѣленнаго умысла, причиной того, что Улабенкова говоритъ Надѣ: «я должна тебя отдать замужъ. Послать въ городъ и сказать Неглигентову, что я отдаю Надежду за него и чтобы свадьба была скорѣе, какъ можно». Что же добренькій баринъ? Ему и хотѣлось бы уговорить маменьку, да и сама Василиса Перегриновна, которую, должно быть, отчасти пробрала и жалость, подаетъ ему такой совѣтъ: «благодѣтельница наша обидѣлись очень на Гришку, что онъ не ночевалъ дома, пришелъ пьяный, да еще и прощенья не попросилъ, ручку не поцѣловалъ. Отъ этого огорченія онѣ и больны-то сдѣлались. Ужъ Надежда-то такъ подъ сердитую руку попалась. (Этимъ, можетъ быть, Перегриновна убаюкиваетъ свою пробудившуюся совѣсть). Теперь наша благодѣтельница и изъ комнаты не выйдетъ, и никого къ себѣ не пуститъ, пока этотъ противный Гришка прощенія просить не будетъ... Вотъ теперь, баринъ нашъ хо-

---

1) Г. Ахшарумовъ въ своей статьѣ замѣтилъ, что у Улабенковой просто «развита страсть къ сводничеству».

рошій, не угодно ли вамъ будетъ поклониться (въ этомъ выраженіи сказалось опять обычное въ ней ехидство), чтобы онъ поскорѣе шелъ у маменьки прощенья просить». Не скажи она—«не угодно ли вамъ поклониться», а скажи: «не угодно ли вамъ приказать» или что-нибудь подобное, и Леонидъ бы, можетъ быть, подался на это. Но Перегриновна—умышленно, или неумышленно—затронула въ немъ барчука—и дѣлу конецъ! «Ну, ужь это ему много чести будетъ», прямо отдѣлывается Леонидъ, хотя ему все еще жаль Надю. «Что же теперь дѣлать-то?» спрашиваетъ онъ безпомощно и растерянно, и вызываетъ убійственную отповѣдь Нади: «да что вы хлопочете-то? Ничего вѣдь вы сдѣлать не можете: ужь оставьте лучше! Вы же теперь скоро уѣдете въ Петербургъ; веселитесь себѣ; что вамъ о такихъ пустякахъ думать, себя безпокоить!» Страшнымъ трагизмомъ звучитъ дальнѣйшій непродолжительный ихъ разговоръ, трагизмомъ, тѣмъ болѣе пронимающимъ, что все тутъ такъ просто, такъ естественно!

— Да вѣдь мнѣ тебя жалко,—какъ-то по-попугайски твердитъ свое Леонидъ. «Не жалѣйте, пожалуйста! Я сама, какъ сумасшедшая, на бѣду лѣзла, не спросясь ума-разума».—Какъ же ты теперь думаешь?—«А ужь это мое дѣло».—Да вѣдь тебѣ будетъ очень тяжело.—«Вамъ-то что за дѣло! Вамъ за то весело будетъ».—Да зачѣмъ же ты такъ говоришь?—«Затѣмъ, что вы мальчикъ еще. Оставьте!»—Да вѣдь онъ пьяный, скверный такой!—«Ахъ, Боже мой! Ужь уѣхали бы вы лучше куда-нибудь съ глазъ долой».—А въ самомъ дѣлѣ, я лучше уѣду къ сосѣдямъ на недѣлю.

Но онъ все-таки продолжаетъ увѣрять, что ему ее жалко. И все-таки уѣзжаетъ, несмотря на ея послѣднія слова: «не хватитъ моего терпѣнья, такъ прудъ-то у насъ недалеко!»

Авторъ, какъ извѣстно, опустилъ занавѣсъ, не давъ намъ узнать, въ самомъ ли дѣлѣ она кончитъ съ собою такимъ образомъ, или же, покорившись своей судьбѣ, погрязнетъ въ такомъ омутѣ, какъ бракъ съ Неглигентовымъ.

Не такъ оно въ «Грозѣ». Тамъ все досказывается до конца, до конца трагическаго. Разборъ «Грозы», какъ извѣстно, особенно удался Добролюбову, вызвавъ у него цѣлую большую статью подъ заглавіемъ: «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ». Критикъ тутъ оказался въ своей сферѣ, такъ какъ нигдѣ, можетъ быть, темное царство со своимъ самодурствомъ не выставлено въ такомъ ужасающемъ и отталкивающемъ видѣ, какъ именно въ этомъ произведеніи Островскаго. «Люди, которыхъ вы здѣсь видите,—говорилъ Добролюбовъ,—живутъ въ благословенныхъ мѣстахъ: городъ стоитъ на берегу Волги, весь въ зелени; съ крутыхъ береговъ видны далекія пространства, покрытыя селеньями и нивами...» Но какъ же живутъ эти люди? «Ихъ жизнь,—продолжалъ онъ,—течетъ такъ ровно и мирно, никакіе интересы міра ихъ не тревожатъ, потому что не доходятъ до нихъ; царства могутъ рушиться, новыя страны открываться, лицо земли можетъ измѣняться, какъ ему угодно, міръ можетъ начать новую жизнь на новыхъ началахъ,—обитатели города Калинова будутъ себѣ существовать по прежнему въ полнѣйшемъ невѣдѣніи объ остальномъ мірѣ» (III, 523). Да, они совершенно отрѣзанный ломоть,—отрѣзанный ломоть въ пространствѣ, отрѣзанный ломоть и во времени. Они, повидимому, въ самомъ дѣлѣ не ощущаютъ никакой связи даже съ остальною землею Русскою, какъ не ощущаютъ и малѣйшей связи съ ея прошлымъ, съ ея исторіей. Они живутъ по-старинному, косно, но старина въ ихъ *сознаніи* не существуетъ, она не существуетъ въ немъ, какъ *исторія*, какъ завѣтъ и преданіе *всей земли*. Да и въ настоящемъ-то, въ неподвижномъ ихъ настоящемъ, они и въ своемъ-то городѣ совершенно между собою разъединены, разрознены. Они сходятся по торговымъ дѣламъ, сходятся на гулянья, но у нихъ нѣтъ ничего общаго, они разсыпаются, какъ песчинки въ кучѣ. Таково торговое населеніе города, соблюдающее только свои личные интересы, т.-е. каждый свои по пословицѣ: «каждый для себя, а Богъ за всѣхъ». Впрочемъ они и Бога-то воображаютъ себѣ по своему же

образу и подобію. Онъ, по ихъ понятію, за того, кто лучше сумѣетъ его замолить, склонить къ себѣ пудовыми свѣчами да вкладами. Передъ нами вѣдь городъ еще той поры, которую живописалъ Гоголь, городъ съ городничимъ, только съ такимъ, который весь въ рукахъ у какого-нибудь богатѣйшаго купца-самодура. Заикнулся, было, городничій Дикому: «разсчитывай ты мужиковъ хорошенько! Каждый день ко мнѣ съ жалобой ходятъ!» А тотъ себѣ и въ усъ не дуетъ. Треплетъ городничаго по плечу, да говоритъ: «стоитъ ли, ваше высокоблагородіе, намъ съ вами о такихъ пустякахъ разговаривать! Много у меня въ годъ-то мужиковъ перебываетъ; вы то поймите, не доплачу я имъ по какой нибудь копѣйкѣ на человѣка, а у меня изъ этого тысячи составляются, такъ оно мнѣ и хорошо». Попробуй заикнуться о томъ же самомъ батюшка на духу,—и ему будетъ такой же, только видоизмѣненный, отвѣтъ: «изъ тѣхъ тысячъ, батюшка, я вѣдь малую-то толику вамъ-же въ храмъ принесу». Вспомнимъ разсказъ Дикого про его говѣнье, соблюдаемое имъ изъ года въ годъ съ величайшею обрядовою точностью и при настоящемъ, хотя, вѣроятно, и не очень-то голодномъ постѣ. «А тутъ нелегкая,—сознается онъ Кабанихѣ,—и подсунь мужичонка: за деньгами пришелъ, дрова возилъ. И принесло же его на грѣхъ-то въ такое время. Согрѣшилъ-таки: изругалъ, такъ изругалъ, что лучше требовать нельзя, чуть не прибилъ. Вотъ оно какое сердце-то у меня!» Правда, спохватился Дикой—не такая пора, вѣдь передъ исповѣдью, Божій страхъ пробралъ. «Истинно тебѣ говорю,—сознается онъ,—мужику въ ноги кланялся. Вотъ до чего меня сердце доводитъ: тутъ на дворѣ, въ грязи, ему и кланялся; при всѣхъ ему кланялся». Ну, точно такъ, какъ Владиміръ въ былинахъ, когда подошла бѣда неминучая, бьетъ челомъ до сырой земли мужику Ильѣ Муромцу. Но что же? отъисповѣдается Дикой, причастится, и перестанетъ опять, впредь до слѣдующаго говѣнья, хотя сколько-нибудь сдерживать свое сердце ретивое. Да онъ, вѣроятно, и на духу будетъ говорить то же са-

мое, что говоритъ Кабанихѣ. «Что-жъ ты мнѣ прикажешь съ собой дѣлать?... Вѣдь ужь знаю я, что надо отдать, а все добромъ не могу. Другъ ты мнѣ, и я тебѣ долженъ отдать, а приди ты у меня просить—обругаю. Я отдамъ, отдамъ, а обругаю. Потому только и заикнись мнѣ о деньгахъ, у меня всю нутренную разжигать станетъ; всю нутренную вотъ разжигаетъ, да и только; ну и въ тѣ поры ни за что обругаю человѣка». Ради той же своей «разжигаемой нутренной» обрываетъ онъ и мѣщанина Кулигина, честнаго и добраго человѣка, потому, что онъ заводитъ съ нимъ рѣчь о томъ, какъ бы хорошо было солнечные часы устроить «на пользу общую»,—да и стоило бы не дорого: какихъ-нибудь рублей десять. «А, можетъ, ты украсть хочешь, кто тебя знаетъ», обрѣзываетъ Дикой, да еще и сердится, что Кулигинъ этимъ обиженъ. «Хочу такъ думать о тебѣ, такъ и думаю. Для другихъ ты честный человѣкъ, а я думаю, что ты разбойникъ, вотъ и все... Говорю, что разбойникъ, и конецъ! Что-жъ ты, судиться, что ли, со мной будешь! Такъ ты знай, что ты червякъ. Захочу—помилую, захочу—раздавлю». Но Кулигинъ и не отрицаетъ его силы, онъ находитъ только, что ей надо бы поискать хорошаго примѣненія. Онъ готовъ, пожалуй, признать за Дикимъ и власть, но вѣдь власть-то, по мнѣнью Кулигина, есть прикладная сила. «Была-бъ только воля на доброе дѣло,—говоритъ онъ Дикому.—Вотъ хоть бы теперь то возьмемъ: у насъ грозы частыя, а не заводимъ мы громовыхъ отводовъ». Но на это у Дикого отвѣтъ короткій: «все суета!» А суета потому, что «гроза-то намъ въ наказаніе посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости Господи, обороняться». Напрасно Кулигинъ ссылается на Державина:

Я тѣломъ въ прахѣ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю!

За эти слова, по мнѣнію Дикого, надо Кулигина къ городничему, и тотъ ему задастъ! Городничій, видите, са-

мому-то Дикому задать не можетъ за то, что онъ обсчитываетъ рабочихъ, а можетъ задать «червяку», позволяющему себѣ отъ грозы защититься, кары Божьей «не чувствовать». Вотъ Дикой такъ *чувствуетъ*—это, должно быть, видно по его образу дѣйствій...

Такому «червяку», какъ Кулигинъ, Дикіе проповѣдуютъ всегдашнее *смиреніе*, сами же они развѣ разъ въ годъ соблюдаютъ его, да и то чисто обрядовымъ образомъ. Но случается и такъ, что находитъ у нихъ коса на камень. Вспомнимъ встрѣчу Дикого съ Кабанихой, спрашивающей кума, отчего онъ такъ поздно бродитъ? «А кто-жъ мнѣ запретитъ! Кто запретитъ?—вопрошаетъ онъ въ отвѣтъ.—Кому нужно. Ну, и значитъ, нечего разговаривать. Что я, подъ началомъ, что-ль, у кого? Ты еще что тутъ! Какого еще тутъ чорта водяного?»—Ну, ты не очень горло-то распускай,—огрызается Кабанова.—Ты найди подешевле меня. А я тебѣ—дорога».

И подумаешь, на чемъ опирается сила и власть этихъ, точно будто державныхъ, то ссорящихся, то дружелюбствующихъ, сосѣдей?—На ихъ деньгахъ!

Кабанова, замѣчая, что Дикой хмѣленъ, совѣтуетъ ему идти домой. «А коли я не хочу домой-то», спрашиваетъ онъ.—Отчего же это?—въ свою очередь спрашиваетъ она. «А потому, что у меня тамъ война идетъ».—Да кому-жъ тамъ воевать-то? Вѣдь ты одинъ только тамъ воинъ-то и есть.—«Ну, такъ что же, что я воинъ? Ну, что-жъ изъ этого?»—Что? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь съ бабами. (Кабаниха отзывается такъ о своихъ же сестрахъ, не считая себя, въ качествѣ матерой вдовы, «государыни-матушки», въ числѣ бабъ).—«Ну, значитъ, онѣ и должны мнѣ покориться,—отвѣчаетъ Дикой.—А то я, что ли, покоряться стану!»—Ужъ не мало я дивлюсь на тебя: сколько у тебя народу въ домѣ, а на тебя на одного угодить не могутъ.

А между тѣмъ и на нее самое никто точно такъ же угодить не можетъ. И она точно такъ же воюетъ съ

безоружными или, лучше сказать, поѣдомъ ѣстъ всѣхъ въ домѣ (на то вѣдь она и *баба*, хотя и не сознаетъ себя ею). Кабаниха, какъ и всѣ люди такого покроя, отлично видитъ въ другихъ то, чего не видитъ въ самой себѣ. Въ этомъ вѣдь тоже одинъ изъ признаковъ самодурства.

Въ томъ, что темное царство тутъ раздѣляется, что одинъ самодуръ идетъ иногда на другого, конечно, еще мало спасенія. Признаки спасенія скорѣе тутъ въ томъ, что гроза начинаетъ собираться на самодуровъ со стороны, снизу. Важны въ этомъ отношеніи слова Кудряша, конторщика у Дикого, мѣщанину Шапкину: «вчетверомъ этакъ, впятеромъ въ переулкѣ гдѣ-нибудь поговорили бы съ нимъ съ глазу на глазъ, такъ онъ бы шелковый сдѣлался. А про нашу науку-то и не пикнулъ бы никому, только бы ходилъ да оглядывался». А Кудряшъ такъ смѣлъ, потому что чувствуетъ свою силу. На слова Шапкина: «недаромъ онъ хотѣлъ тебя въ солдаты-то отдать», Кудряшъ замѣчаетъ: «хотѣлъ, да не отдалъ... Не отдастъ онъ меня: онъ чуетъ носомъ-то своимъ, что я свою голову дешево не продамъ. Это онъ вамъ страшенъ-то, а я съ нимъ разговаривать умѣю... Я грубіянъ считаюсь, за что-жъ онъ меня держитъ? Стало быть, я ему нуженъ. Ну, значитъ, я его и не боюсь, а пущай же онъ меня боится». Впрочемъ, и Кудряши еще не тѣ люди, которые бы служили провозвѣстниками новой, дѣйствительно человѣческой жизни. Они могутъ задать острастку самодурамъ, острастку, важную тѣмъ, что она идетъ не отъ равныхъ имъ, а отъ стоящихъ подъ ними; но и въ немъ нѣтъ единственной настоящей и силы и власти—силы и власти нравственной. И онъ не держитъ себя самъ въ уздѣ, да и не хочетъ держать, точно такъ же, какъ они, если хвалится: «жаль, что дочери-то у него (т.-е. у Дикого) подростки, большихъ-то ни одной нѣтъ».—А то что бы?—спрашиваетъ его Шапкинъ.—«Я-бъ его уважилъ. Больно лихъ я на дѣвокъ-то». Но вѣдь это та-же лихость, что и у Дикихъ. Нѣтъ, не людямъ такой похвальбы, не потакателямъ

своихъ стихійныхъ страстей, совладать съ насиліемъ! Они совладаютъ съ его прежними представителями, но въ лицѣ своемъ явятъ свѣту новыхъ.

Настоящіе признаки будущей, въ самомъ дѣлѣ человѣческой жизни, скорѣе въ Кулигиныхъ. Они не только «поначитались Ломоносова», знаютъ, что онъ «былъ мудрецъ, испытатель природы», они знаютъ и то, что онъ «тоже изъ нашего изъ простого званія», т.-е. они знаютъ, что можетъ же проложить себѣ путь, несмотря ни на что, настоящая духовная сила. Упорно, настойчиво порываются они къ свѣту, они жаждутъ его не только для себя, но и для другихъ. Взглядъ ихъ на природу и ея явленія свѣтлый. «Каждая теперь травка,—говоритъ онъ, — каждый цвѣтокъ радуется, а мы прячемся... Гроза убьетъ! Не гроза это, а благодать!.. Сѣверное сіяніе загорится, любоваться бы надо да дивиться премудрости... А вы ужасаетесь да придумываете: къ войнѣ это или къ мору... Изо всего-то вы себѣ пугалъ надѣлали». Онъ жаждетъ освободить людей отъ пугалъ. Въ его душѣ пробудилось не только сознаніе своихъ личныхъ правъ, но и сознаніе общей пользы. Онъ способенъ даже сдержанно относиться къ Дикому, чтобы добиться отъ него хоть чего-нибудь на общую пользу. Вспомнимъ, какъ сочувственно коснулся Кулигина Ап. Григорьевъ. Добролюбовъ почти вовсе его не коснулся.

Онъ замѣтилъ, впрочемъ, что «недаромъ Кабанова замѣчаетъ о Кулигинѣ: «вотъ времена-то пришли, какіе учителя проявились. Коли старикъ такъ разсуждаетъ, чего ужь отъ молодыхъ-то требовать!» «И Кабанова,—продолжалъ онъ,—очень серьезно огорчается будущностью старыхъ порядковъ, съ которыми она вѣкъ изжила... Точно послѣдніе язычники передъ силою христіанства, поникаютъ и стираются похожденія самодуровъ, застигнутыя ходомъ новой жизни...», (530). «Отъ того-то такъ и печальна Кабанова, отъ того-то такъ и бѣшенъ Дикой: они до послѣдняго момента не хотѣли укоротить своихъ широкихъ замашекъ, и теперь находятся въ положеніи богатаго купца наканунѣ банкрот-

ства.... Поправить свои дѣла они ужъ и не разсчитываютъ; но они знаютъ, что ихъ своевольство будетъ имѣть еще довольно простора до тѣхъ поръ, пока всѣ будутъ робѣть передъ ними; и вотъ почему они такъ упорны, такъ высокомѣрны, такъ грозны даже въ послѣднія минуты, которыхъ уже немного осталось имъ, какъ они сами чувствуютъ. Чѣмъ менѣе чувствуютъ они дѣйствительной силы, тѣмъ сильнѣе поражаетъ ихъ вліяніе свободнаго здраваго смысла, доказывающее имъ, что они лишены всякой разумной опоры, тѣмъ наглѣе и безумнѣе отрицаютъ они всякія требованія разума, ставя себя и свой произволъ на ихъ мѣсто». (532—533). Это такъ же прекрасно и такъ же вѣрно замѣчено, какъ и то, что «если въ темномъ царствѣ заявляются преспокойно самые нелогичные взгляды и понятія, то секретъ подобнаго равнодушія къ логикѣ заключается, прежде всего, въ отсутствіи всякой логичности въ жизненныхъ отношеніяхъ» (526).

Мы согласны съ знаменитымъ критикомъ и въ томъ, что, если «Гроза» «есть самое рѣшительное произведеніе Островскаго», если «взаимныя отношенія самодурства и безгласности доведены въ ней до самыхъ трагическихъ послѣдствій», то есть въ ней съ другой стороны даже что-то освѣжающее и ободряющее, «т.-е. фонъ пьесы, обнаруживающій шаткость и близкій конецъ самодурства» (мы бы прибавили отъ себя: самодурства того *стараго покроя*, съ какимъ и имѣетъ тутъ дѣло Островскій). Но мы не можемъ согласиться съ критикомъ въ одномъ,— будто «самый характеръ Катерины, рисующійся на этомъ фонѣ, тоже вѣетъ на насъ новою жизнью, которая открывается намъ въ самой ея гибели» [1]) (536).

Какъ ни сочувственна, какъ ни поэтична, какъ ни глубока и прекрасна, по основамъ своей души, Катерина, мы не видимъ въ ней никакихъ признаковъ новой жизни, ничего возрождающаго и освободительнаго въ ея гибели.

---

[1]) Съ этимъ взглядомъ въ сущности не соглашается и г. Скабичевскій въ своей статьѣ: «Женщины въ пьесахъ А. Н. Островскаго» («Сѣв. Вѣстникъ». 1887 г. Августъ, стр. 175).

На нашъ взглядъ она въ своей трагической смерти вовсе не побѣдительница этого темного царства, а только одна изъ наиболѣе трогающихъ, наиболѣе привлекающихъ наше сочувствіе, жертвъ его [1]).

Добролюбовъ съ видимою любовью прослѣдилъ развитіе характера Катерины, начиная съ ея собственнаго разсказа о своемъ дѣтствѣ: «въ домѣ ея матери,—пояснялъ онъ,—было то же, что у Кабановыхъ—ходили въ церковь, шили золотомъ по бархату, слушали разсказы странницъ, обѣдали, гуляли по саду, опять бесѣдовали съ богомолками и сами молились... Выслушавъ разсказъ Катерины, Варвара, сестра ея мужа, съ удивленіемъ замѣчаетъ: «да вѣдь и у насъ то же самое». Но разница опредѣляется Катериною очень быстро въ пяти словахъ: «да здѣсь все какъ будто изъ-подъ неволи!» И дальнѣйшій ея характеръ показываетъ, что во всей этой внѣшности, которая такъ обыденна у насъ повсюду, Катерина умѣла находить свой особенный смыслъ, примѣнять ее къ своимъ потребностямъ и стремленіямъ, пока не налегла на нее тяжелая рука Кабанихи. Катерина вовсе не принадлежитъ къ буйнымъ характерамъ, никогда не довольнымъ, любящимъ разрушать, во что бы то ни стало. Напротивъ, это характеръ по преимуществу созидающій, любящій, идеальный... Грубые суевѣрные разсказы и безмысленныя бредни странницъ превращаются у нея въ золотые, поэтическіе сны воображенія, не устрашающіе, а ясные, добрые». Но ей вѣдь, быть можетъ, приходилось слушать не только такихъ странницъ, какъ выведенная въ «Грозѣ» Ѳеклуша; дома ей, можетъ быть, приходилось сталкиваться и съ такими,

---

1) Подъ сильнымъ обаяніемъ Катерины находился въ Добролюбовскія времена и покойный С. С. Дудышкинъ. «На самой,—говорилъ онъ,—безплодной, казалось бы, для поэзіи почвѣ выросла самая прекрасная сторона души человѣческой; мизернѣйшій изъ мизерныхъ городковъ русскихъ, въ которомъ мы съ вами не искали ничего, кромѣ плохихъ баранокъ и загнанныхъ почтовыхъ лошадей,. нашли мы городомъ полнымъ жизни и страсти; из сухой почвѣ старинныхъ преданій, изъѣденныхъ формалистикой, мы нашли полные жизни побѣги и чувства, и страсти». («Отеч. Записки». 1860 г. Январь).

какія выведены у Тургенева въ «Живыхъ мощахъ», гдѣ имъ приписывается такое возбудительное вліяніе на широкое сердце Лукерьи. «Иной разъ, бывало, —цитуетъ Катерину нашъ критикъ,—рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко восходитъ,—упаду на колѣни, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чемъ молюсь и о чемъ плачу; такъ меня и найдутъ. И о чемъ я молилась тогда, чего прошу,—не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно». То, что выслушивала она, можетъ быть, отъ странницъ не такого безтолковаго покроя, какъ Ѳеклуша, выслушивала о чужой бѣдѣ и нуждѣ, о бѣдѣ и нуждѣ отдаленной, но человѣчески близкой, должно быть, не такъ глубоко западало ей въ душу, какъ такіе разсказы западали въ душу Лукерьи, которая въ своей крестьянской долѣ не имѣла основанія сказать про себя, что ей ничего не надобно, всего у нея довольно. По всей вѣроятности, въ истинный смыслъ того, что долетало до Катерины и сказывалось, при ея бывшемъ довольствѣ, только въ безсознательной молитвѣ о чемъ-то еще иномъ, она вникла только тогда, когда довольство для нея кончилось, когда она очутилась въ чужой семьѣ, у неласковой, вѣчно ворчливой свекрови, вникла и стала наконецъ сознательно чутка и къ чужому горю. Но и тутъ она откликается на него не безъ примѣси того эгоизма, который, при всей ея добротѣ, остается ей присущимъ. «Вотъ что сдѣлаю,—говоритъ она уже у Кабанихи, уже наиспытавшись своей новой горемычной доли и вызваннаго ею соблазна:—я начну работу какую-нибудь по обѣщанію; пойду въ гостиный дворъ, куплю холста да и буду шить бѣлье, а потомъ раздамъ бѣднымъ. *Они за меня Богу помолятъ*». И позже, въ самую роковую минуту жизни, въ заботѣ ея о чужомъ горѣ слышится все та же утилитарная складка. «Поѣдешь ты дорогой,—говоритъ она Борису,—ни одного ты нищаго такъ не пропускай, всякому подай да прикажи, *чтобъ молились за мою грѣшную душу*». Вотъ въ томъ-то, можетъ быть, и одна изъ главныхъ бѣдъ Катерины, что, при своей любящей душѣ, она неспособна найти для нея широкаго

простора, который открывается только въ такой отзывчивости на все человѣческое, какая сказывается у Тургеневской Лукерьи, находящей себѣ въ этой отзывчивости исцѣленіе и отъ душевной утраты, и отъ медленнаго убійственнаго недуга. Послѣ такого довольства въ своей семьѣ (при той нѣгѣ и холѣ, которая заставляетъ предполагать въ ея родителяхъ людей добрыхъ) въ силу, надо думать, просватанія на всей на родительской волѣ, безъ всякаго спроса у нея самой, по тому заведенному обычаю, въ которомъ тѣ же родители, надо думать, не выглядѣли никакого противорѣчія съ тѣмъ, какъ относились они до тѣхъ поръ къ своей дочери, — Катерина вдругъ попадаетъ подъ гнетъ свекрови,—гнетъ, подъ которымъ изнываетъ и ея слабодушный и недалекій мужъ. «Въ прежнее время,—замѣтилъ Добролюбовъ,— ея сердце было слишкомъ полно мечтами, она не обращала вниманія на молодыхъ людей, которые на нее заглядывались, а только смѣялась. Выходя замужъ за Тихона Кабанова, она и его не любила, она еще и не понимала этого чувства; сказали ей, что всякой дѣвушкѣ надо замужъ выходить, показали Тихона, какъ будущаго мужа, она и пошла за него, оставаясь совершенно индифферентною къ этому шагу... Ей нѣтъ особенной охоты выходить замужъ, но нѣтъ и отвращенія отъ замужества; нѣтъ въ ней любви къ Тихону, но нѣтъ любви и ни къ кому другому. Ей все равно покамѣсть, вотъ почему она и позволяетъ дѣлать съ собою, что угодно...» Но, и очутившись какимъ-то неожиданнымъ образомъ замужемъ, Катерина могла бы найтись въ своемъ положеніи, въ ней бы могло пробудиться и дѣйствительно уже пробуждалось чувство привязанности къ мужу. Но вотъ тутъ-то и стала между ними злая свекровь, въ своихъ бездушныхъ заботахъ о соблюденіи ими формальныхъ обязанностей, становящаяся настоящею ихъ разлучницею. «Еще въ первой сценѣ появленія семейства Кабановыхъ на бульварѣ,—говоритъ Добролюбовъ, — мы видимъ, каково положеніе Катерины между мужемъ и свекровью. Кабаниха ругаетъ сына, что жена его не боится; онъ

рѣшается возразить: «да зачѣмъ же ей бояться? Съ меня и того довольно, что она меня любитъ». Старуха тотчасъ же вскидывается на него: «Какъ, зачѣмъ бояться?.. Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станетъ бояться, меня и подавно: какой же это порядокъ-то въ домѣ будетъ! Вѣдь ты, чай, съ ней въ законѣ живешь...» Подъ такими началами, разумѣется, чувство любви въ Катеринѣ не находитъ простора и прячется внутрь ея, сказываясь только по временамъ судорожными порывами. Но и этими порывами мужъ не умѣетъ пользоваться: онъ слишкомъ забитъ, чтобы понять силу ея страстнаго томленія. «Не разберу я тебѣ, Катя,—говоритъ онъ ей,—то отъ тебя слова не добьешься, не то что ласки, а то сама лѣзешь».—Еще хуже, прибавимъ мы отъ себя, если въ минуту такого порыва придется Катеринѣ попасть на глаза свекрови. «Что на шею виснешь, безстыдница?—закричитъ она:—въ ноги кланяйся!» Когда Тихонъ собирается ѣхать въ Москву, Катерина Христомъ Богомъ умоляетъ его не уѣзжать, чуя въ себѣ всю неотразимость чувства, которое, не находя себѣ исхода въ ту сторону, которая представляется законною и ей самой, неминуемо готова направиться въ другую, хотя бы и по собственному ея пониманію незаконную. А онъ, въ отвѣтъ на этотъ жалобный кличъ утопающаго, хватающагося и за соломинку, холодно отвѣчаетъ: «Нельзя, Катя. Коли маменька посылаетъ, какъ же я не поѣду». На самомъ же дѣлѣ имъ управляетъ еще и другое. Вѣдь онъ, по вѣрному замѣчанію Добролюбова, «съ безстыднѣйшимъ цинизмомъ» говоритъ женѣ, когда она упрашиваетъ его взять и ее съ собою: «съ этакой-то неволи отъ какой хочешь красавицы жены убѣжишь! Ты подумай то, какой ни на есть, а я все-таки мужчина,—всю жизнь вотъ этакъ жить, какъ ты видишь, такъ убѣжишь и отъ жены!»—Какъ же мнѣ любить-то тебя,—невольно вырывается тутъ у жены,—когда ты такія слова говоришь». Но онъ все-таки уѣзжаетъ, а по возвращеньи своемъ все съ тѣмъ же цинизмомъ сознается Кулигину: «ужь очень радъ, что на волю-то вырвался. И всю до-

рогу пилъ, и въ Москвѣ все пилъ; такъ это кучу, что на-поди! Такъ, чтобъ ужь на цѣлый годъ отгуляться». А между тѣмъ, чуть успѣлъ онъ уѣхать, свекровь ужь накидывается на нее: «ты вотъ похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воетъ, лежитъ на крыльцѣ; а тебѣ видно ничего».—Не къ чему! Да и не умѣю,—въ цѣломудріи своего оскорбленнаго чувства отвѣчаетъ она.—Что народъ-то смѣшить!— «Хитрость-то не великая,—продолжаетъ свое Кабанова.— Кабы любила, такъ бы выучилась. Коли порядкомъ не умѣешь, ты хоть бы примѣръ-то этотъ сдѣлала; все-таки пристойнѣе, а то, видно, на словахъ-то только. Ну, я Богу молиться пойду, не мѣшайте мнѣ».—Этимъ дается Катеринѣ уже самый рѣшительный толчокъ въ ту сторону, куда ее давно уже тянетъ неудовлетворенное чувство. А тутъ еще золовка Варвара объявляетъ матери: «я со двора пойду», и та же мамаша ей отвѣчаетъ: «а мнѣ что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придетъ. Еще насидишься». Но Катерина уже слишкомъ хорошо знаетъ, что́ у Варвары значитъ гулять, и въ словахъ Кабанихи ей, надо думать, слышится своего рода цинизмъ—все при томъ же обрядовомъ формализмѣ, въ настоящемъ случаѣ раздѣляющемъ жизнь на веселую и невеселую половины.

Оставшись одна, Катерина задумчиво говоритъ: «Ну, теперь тишина у насъ въ домѣ воцарится! Ахъ, какая скука! Хоть бы дѣти чьи-нибудь! Эко горе! Дѣтокъ-то у меня нѣтъ: все бы я сидѣла съ ними да забавляла ихъ. Люблю очень съ дѣтьми разговаривать—ангелы вѣдь это». Да, если бы у нея былъ ребенокъ, она бы, быть можетъ, и не рѣшилась на роковой шагъ. «Хоть бы чьи-нибудь дѣти» говоритъ она, готовая, надо думать, взять какого-нибудь чужого ребенка и способная, разумѣется, всею душою привязаться къ нему. Но развѣ Кабаниха это позволитъ? Вмѣсто дѣтей, этихъ «ангеловъ», возлѣ нея искусительница—эта Варвара, сестра Тихона, которой сама маменька разрѣшаетъ гулять, пока ея пора не

пришла. И гуляетъ же Варвара, пользуясь тѣмъ, что Кудряшъ, по его выраженію, «лихъ на дѣвокъ». Варварѣ и жаль Катерину, и, надо думать, хотѣлось бы ее сманить на свой разухабистый путь, по другому, менѣе благородному побужденію. Видя со стороны ея жалость, Катерина тепло и довѣрчиво относится къ ней (надо же кому-нибудь довѣрять, передъ кѣмъ-нибудь изливать свое чувство). «Отчего люди не летаютъ!» вырывается у Катерины въ разговорѣ съ ней, а Варвара недоумѣваетъ: «Я не понимаю, что ты говоришь».—«Я говорю, отчего люди не летаютъ такъ, какъ птицы? Знаешь, мнѣ иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горѣ, такъ тебя и тянетъ летать. Вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки и полетѣла. Попробовать нешто теперь?» И при этомъ она хочетъ бѣжать. Да и слово *полетъ* тутъ на самомъ дѣлѣ только отзвукъ той мечтательности, которая водилась за нею въ родительскомъ домѣ. Теперь для Катерины это выраженіе уже вовсе не означаетъ того, что означаетъ оно на устахъ у Тургеневской Аси. Катеринѣ на самомъ дѣлѣ просто хочется теперь именно *убѣжать*, убѣжать отъ того, что ее окружаетъ. Варвара не понимаетъ ее сначала только ради не позабытыхъ особенностей ея прежняго языка. Все становится тутъ же яснымъ Варварѣ, когда Катерина начинаетъ говорить съ ней такимъ образомъ: «Ночью, Варя, не спится мнѣ, все мерещится шопотъ какой-то: кто-то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубитъ меня, точно голубь воркуетъ. Ужь не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья да горы, а точно меня кто-то обнимаетъ такъ горячо, горячо и ведетъ меня куда-то, и я иду за нимъ, иду...» Но вѣдь этотъ образъ, представляющійся ей въ сновидѣніи, уже принялъ для нея опредѣленныя очертанія въ живомъ лицѣ. Ей на самомъ дѣлѣ было бы съ кѣмъ бѣжать,—тѣмъ болѣе, что и того препятствія нѣтъ, какимъ въ подобномъ случаѣ являются дѣти... А бѣжать такъ хочется, бѣжать отъ этихъ обидъ, отъ этого пиленья свекровью, отъ попрековъ мужа, что мать «за нее его поѣдомъ ѣстъ». А Катерина вѣдь исповѣдуется той же

Варварѣ: «Такая ужь я зародилась горячая! Я еще лѣтъ шести была, не больше, такъ что сдѣлала! Обидѣли меня чѣмъ-то дома, а дѣло было къ вечеру, ужь темно, я выбѣжала на Волгу, сѣла въ лодку, да и отпихнула ее отъ берега. На другое утро ужь нашли, верстъ за десять!»

«Какова въ колыбельку, такова и въ могилку», могла бы она сказать про себя, она, готовая даже до срока, по собственной волѣ, въ могилку лечь, только бы не жить въ неволѣ. Да она вѣдь тутъ же и говоритъ Варѣ: «Ужь коли очень мнѣ здѣсь опостынетъ, такъ не удержать меня никакою силой. Въ окно брошусь, въ Волгу кинусь. Не хочу здѣсь жить, такъ не стану, хоть ты меня рѣжь!» Варварѣ дѣло представляется просто, она мѣритъ на свой аршинъ. Узнавъ отъ Катерины про Бориса, она совѣтуетъ ей только «не проговориться какъ-нибудь».— «Обманывать-то я не умѣю; скрыть-то ничего не могу».— «И я не обманщица была,—поучаетъ ее своимъ примѣромъ Варвара,—да выучилась, когда нужно стало... Помоему, дѣлай, что хочешь, только бы шито да крыто было».—«Не хочу я такъ,—стоитъ еще на своемъ Катерина.—Да и что хорошаго! Ужь я лучше буду терпѣть, пока терпится». По ей въ сущности уже совсѣмъ не терпится, ей здѣсь совсѣмъ уже опостыло. И вотъ при всей своей правдивости, послѣ того, какъ мужъ, несмотря на всѣ ея просьбы, самъ уѣзжаетъ, а ее не беретъ съ собой, она уже не думаетъ отказываться отъ того ключа, который ей подложила Варвара, утащивъ его у Кабанихи. «Въ неволѣ-то кому весело»—вотъ что пересиливаетъ въ ея душѣ всякія встрѣчныя колебанія и сомнѣнія. Добролюбовъ видѣлъ въ ней «возмужалое, изъ глубины всего организма возникающее требованіе права и простора жизни». А между тѣмъ сама Катерина, выйдя на свиданье съ Борисомъ, говоритъ ему: «Нѣтъ у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я къ тебѣ». Она называетъ его своимъ *врагомъ*, она говоритъ ему: «Поди прочь, окаянный человѣкъ!» Вѣдь для него, потому что теперь «вся его воля надъ ней», она и обычной

своей прямотѣ, своей правдивости измѣнила, она вышла къ нему тайкомъ, съ украденнымъ ключомъ, съ тѣмъ, чтобы и потомъ нѣсколько дней таиться и скрытничать, пока опять не возьметъ въ ней верхъ ея обычная прямота, и она во всемъ не сознается. Теперь «его воля надъ ней», и вотъ она говоритъ въ какомъ-то неодолимомъ чаду: «погуляемъ, а тамъ...» А тамъ оказывается, что и онъ отъ нея уѣзжаетъ. Напрасно она молитъ его, какъ молила мужа: «Возьми меня съ собой отсюда!» И у него такой же отвѣтъ: «Нельзя мнѣ, Катя, не по своей волѣ я ѣду: дядя посылаетъ, ужь и лошади готовы...» Дядя посылаетъ, а отъ дяди зависитъ лишить и его, и его сестру наслѣдства... Вѣдь это, пожалуй, будетъ еще покрасивѣе тѣхъ резоновъ, какіе приводилъ ей мужъ. «Тяжело тебѣ, Катя?» спрашиваетъ онъ, прямо напоминая Леонида съ его безплодною жалостью къ Надѣ. Разница въ томъ, что Надя иронически относится къ своему мальчишкѣ, совѣтуя ему поскорѣе уѣхать, чтобы развлечься, а Катерина до конца остается въ такомъ чаду, что и на безплодное восклицаніе Бориса: «Эхъ, кабы сила!» отвѣчаетъ страстнымъ воплемъ: «Дай поглядѣть на тебя въ послѣдній разъ». Она совсѣмъ даже его не винитъ, не намекаетъ ему на то, что Волга близко, а онъ уже самъ говоритъ себѣ: «только одного и надо у Бога просить, чтобы она умерла поскорѣе, чтобы ей не мучиться долго!»

Добролюбовъ упоминаетъ о томъ, что даже Кудряшъ, этотъ ésprit fort своей среды, говоритъ про отношенія Бориса къ Катеринѣ: «это дѣло бросить надо», и говоритъ, надо замѣтить, еще во-время. Критикъ къ этому прибавляетъ: «все противъ Катерины». Мы же думаемъ въ этомъ случаѣ, что Кудряшъ, несмотря «на свое удальство и нѣкоторое безчинство», скорѣе былъ за нее. Критикъ впрочемъ и самъ былъ очень невыгоднаго мнѣнія о Борисѣ, когда замѣтилъ: «надо отказаться отъ излишнихъ надеждъ на племянниковъ, ожидающихъ наслѣдства, хотя бы они и были образованы до-нельзя». И такому-то племяннику, приносящему свое чувство въ жертву наслѣд-

ству, отдаетъ себя Катерина, да еще винитъ не его, а себя, говоря: «Э, что меня жалѣть, никто не виноватъ,— сама на то пошла (то же говорила и Надя своему Леониду). Не жалѣй, губи меня! Пусть всѣ знаютъ, пусть всѣ видятъ, что я дѣлаю... Коли я для тебя грѣха не побоялась, побоюсь ли я людского суда?»

«Все противъ Катерины,—говорилъ Добролюбовъ,— даже ея собственныя понятія о добрѣ и злѣ». Да, и въ этихъ ея понятіяхъ—тѣмъ оно ужаснѣе для нея—не одна только дань предразсудкамъ, но и добрыя стороны ея души. Въ душѣ ея — не одно сознаніе своихъ попираемыхъ правъ, но и сознаніе своей отвѣтственности, то сознаніе своей отвѣтственности, безъ котораго нельзя быть *человѣкомъ* (самодуры его не знаютъ). Знакомые съ судьбой Катерины, мы не можемъ ее винить, но мы тѣмъ болѣе должны сострадать ей, чувствуя весь ужасъ ея внутренней раздвоенности. При живомъ сознаньи *грѣха*, она, подобно Надѣ, идетъ туда, гдѣ написано: «хоть день, да мой», идетъ, чтобы затѣмъ привести въ исполненіе то, о чемъ, можетъ быть, только поговорила Надя. Ея религіозность, не удержавшая ее отъ того, въ чемъ она видитъ, и справедливо, полнѣйшую утрату собственной воли, не удерживаетъ ее и отъ самоубійства; да, потому, что это религія страха, поддерживаемая картиною страшнаго суда и впечатлѣніями грозы. Для Катерины, при всѣхъ ея добрыхъ качествахъ, какъ и для всѣхъ, выведенныхъ въ драмѣ, за исключеніемъ одного Кулигина, не существуетъ та религія любви, которая поддерживаетъ насъ во всякомъ положеніи—тѣмъ, что указываетъ намъ исходъ въ братскомъ общеніи съ той великой Божьей семьей, которая называется человѣчествомъ. Мы видѣли, что порывъ къ такому общенію проглядываетъ въ Катеринѣ, но принимаетъ себялюбивый оттѣнокъ, лишающій его всей его прелести. Будь въ ней вѣра иного закала, настоящая, дѣятельная, растворенная любовью, вѣра, и она бы бѣжала отъ своей обстановки, бѣжала бы точно такъ-же, но не для того, чтобъ броситься въ объятія какому-нибудь Борису, а чтобы отдать себя, такъ или

иначе, братьямъ-людямъ. Но если бы это было невозможно, если бы ее силой вернули въ эту семью, которая, на самомъ дѣлѣ, не есть семья, она бы пожалуй, бросилась прямо въ Волгу, но все-таки избѣжала бы того омута, который открылся ей въ объятіяхъ человѣка, сейчасъ-же ее и бросающаго. Вѣдь въ этихъ-то объятіяхъ, именно въ нихъ-то, совсѣмъ нѣтъ той освободительной силы, какою обладаетъ тутъ Волга, освобождающая, по крайней мѣрѣ, отъ самой жизни; въ объятіяхъ Бориса, этого племянника, ищущаго наслѣдства, какъ то ясно понимаетъ и сама Катерина,—только неволя, только заполоненье стихійною страстью. Отдаться во власть этой страсти можно было только съ отчаянья, и Катерина могла бы повторить слова Нади: «будь жизнь получше, не пошла бы я ночью въ садъ». Но странное дѣло: наша критика, покаравшая Татьяну за то, что она въ Москвѣ не пошла за Онѣгинымъ (хотя она тутъ уже совсѣмъ не вѣритъ Онѣгину), превознесла Катерину за то, что она пошла за Борисомъ (хотя сама же критика объявила его «ищущимъ наслѣдства племянникомъ»). Если бы такія воззрѣнія проводились какимъ-нибудь русскимъ Жоржъ Зандомъ, т.-е., хотя и подъ мужскимъ псевдонимомъ, но писательницей, то это все же не получило бы того подозрительнаго оттѣнка, какой получаютъ подобные взгляды подъ перомъ писателей. Вѣдь поневолѣ покажется, что это oratio pro domo sua—заинтересованная защита своихъ мужскихъ выгодъ и преимуществъ. Но вѣдь Добролюбовъ-то, какъ извѣстно, въ жизни своей былъ далекъ отъ того, чтобы вызывать подобныя подозрѣнія. Не даромъ же сказано надъ его могилой Некрасовымъ:

Сознательно мірскія наслажденья
Ты отвергалъ, ты чистоту хранилъ,
Ты жаждѣ сердца не далъ утоленья,
Какъ женщину, ты родину любилъ...

Для Добролюбова, стало быть, апоѳеозъ страсти могъ быть только теоріей. А между тѣмъ, до какого паѳоса дошелъ онъ у него въ словахъ: «Островскій почувство-

валъ, что не отвлеченныя вѣрованія, а жизненные факты управляютъ человѣкомъ, что не образъ мыслей, не принципы, а натура нужна для проявленія сильнаго и крѣпкаго характера, и онъ умѣлъ создать такое лицо, которое служитъ представителемъ великой народной идеи, не нося великихъ идей ни на языкѣ, ни въ головѣ, самоотверженно идетъ до конца въ неравной борьбѣ и гибнетъ, вовсе не обрекая себя на высокое самоотверженіе» (556—557).

Но есть ли на самомъ дѣлѣ *самоотверженіе* въ томъ, что она отказывается отъ жизни, когда жизнь ей вполнѣ опостыла? Мы понимаемъ, что въ самоубійствѣ возможно и самоотверженіе — если мы лишаемъ себя жизни ради другихъ, ради общества. Но думала ли, могла ли даже Катерина думать, что она своимъ поступкомъ подѣйствуетъ на темное царство, заставивъ его содрогнуться и хоть въ чемъ-нибудь измѣниться? Если бы оно могло быть такъ, то мы бы въ самомъ дѣлѣ признали Катерину свѣтлымъ лучомъ, провозвѣстницею новаго, возрождающаго начала. Но оно вѣдь не такъ. Споконъ вѣка существовали Катерины, кидающіяся съ отчаянія въ омутъ страсти, а затѣмъ и въ воду, а темное царство стоитъ себѣ да стоитъ на своихъ отвратительныхъ и нелѣпыхъ, но страшно живучихъ основахъ. Чтобы подкопаться подъ эти основы, нужны тѣ въ самомъ дѣлѣ крѣпкіе люди, которыми управляетъ не одна натура, хотя бы и добрая, а именно образъ мыслей, принципы,—люди, которымъ бы эти принципы и образъ мыслей, конечно, живительные, возрождающіе по своимъ основамъ, давали силу на настоящее самоотверженіе, состоящее въ томъ, чтобы жертвовать жизнью не только тогда, когда она опостыла, но и тогда, когда она намъ мила, кромѣ того — жертвовать ею и не переставая жить, но живя «не какъ хочется, а какъ Богъ велитъ».

Добролюбовъ превозносилъ въ «Грозѣ» то, что «*натура* замѣняетъ здѣсь и соображенія разсудка, и требованія чувства и воображенія: все это сливается въ общемъ чувствѣ организма, требующаго себѣ воздуха, пищи,

свободы» (544). Въ такомъ «чувствѣ организма», доводящемъ Катерину до самоубійства, онъ видѣлъ «страшный вызовъ самодурной силѣ» (567). Въ то же время онъ иронически относился къ «высокимъ ораторамъ правды, претендующимъ на отреченіе отъ себя для великой идеи», весьма часто оканчивающимъ полнымъ отступленіемъ отъ своего служенія, говоря, что борьба со зломъ еще слишкомъ безнадежна, что она повела бы только къ напрасной гибели и проч. Мы вполнѣ согласны на иронію по адресу *такихъ* ораторовъ. Мы даже совсѣмъ несогласны съ снисходительною оговоркою о нихъ Добролюбова: «они справедливы и нельзя ихъ упрекать въ малодушіи (по-нашему—и можно, и должно). Но, во всякомъ случаѣ,—совершенно вѣрно опять прибавилъ Добролюбовъ,—нельзя не видѣть въ этомъ, что «идея», которой они хотятъ служить, составляетъ для нихъ что-то внѣшнее, безъ чего они могутъ обойтись, что они умѣютъ очень хорошо отдѣлить отъ своихъ личныхъ, прямыхъ потребностей». Вотъ въ томъ-то и дѣло, и потому-то эти люди и малодушны, что они не хотятъ вполнѣ отдаться никакой *великой* идеѣ (нашъ критикъ сказалъ бы: *не могутъ*, мы умышленно говоримъ: *не хотятъ*). А между тѣмъ, для того, чтобы совладать съ окружающимъ зломъ, мало отдаться своей, хотя бы и доброй, натурѣ, а надо всецѣло отдаться *идеѣ*, или, пожалуй, надо, *чтобы идея стала для насъ натурою*, чтобы вся сила нашей страсти всецѣло поглощена была *ею* одною, чтобы *все* личное, стремящееся только къ *нашему* счастью, *нашему* наслажденью, для насъ совершенно не существовало. Если такъ, то свѣтлымъ лучомъ въ «Грозѣ» могъ бы представиться развѣ Кулигинъ. Есть въ немъ, хотя бы и въ слабой степени, что-то въ самомъ дѣлѣ не унывающее и не сдающееся совершенно, не въ *личномъ*, а въ болѣе широкомъ смыслѣ, что-то не останавливающееся и передъ тѣмъ, что «одинъ въ полѣ не воинъ». И что же? Заведись только не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ «богоспасаемыхъ градахъ» точно также только по одному неунывающему, не сдающемуся человѣку, и вотъ ужь въ итогѣ

оказалось бы цѣлыхъ десять библейскихъ праведниковъ на «*темное* царство». И это, разумѣется, не особенно угрожающій вызовъ ему, но все же болѣе угрожающій, чѣмъ увлеченіе Борисомъ и гибель въ Волгѣ Катерины, милой, несчастной, мы готовы даже сказать, неповинной, но все же далекой отъ того, чтобы быть провозвѣстницею освобожденья и возрождающей правды!

V.

«Старый другъ лучше новыхъ двухъ».— «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ».— «Шутники». — «На бойкомъ мѣстѣ». — «Пучина».

Передъ нами цѣлый рядъ произведеній Островскаго, въ которыхъ, если и замѣшано самодурство, то уже совершенно эпизодически. Въ картинѣ московской жизни, озаглавленной «Старый другъ лучше новыхъ двухъ» (1860), мы снова встрѣчаемся съ брачнымъ вопросомъ, рѣшаемымъ тутъ такъ же пошло и низменно, какъ въ Гоголевской «Женитьбѣ». Мѣщанка по сословію, портниха по профессіи, напѣвающая, сидя за работой, какіе-то допотопные романсы, Оленька спитъ и видитъ, какъ бы ей выйти замужъ, да непремѣнно за благороднаго. «А то такъ и не надо,—отрѣзываетъ она.—Вѣдь я, маменька, буду барыня хоть куда!» мечтаетъ Оленька. Мать согласна, но замѣчаетъ насчетъ приглянувшагося ей, служащаго въ судѣ, Васютина: «охъ какъ пустъ малой-то!» А Оленька, несмотря на это, утверждаетъ: «все-таки лучше мастерового». Это не мѣшаетъ ей, конечно, имѣть виды и на доходы своего будущаго муженька. Яблочко не далеко откатывается отъ яблоньки, а житейская мудрость Оленькиной мамаши вся такъ и выкладывается на видъ въ замѣчаніи ея дворянкѣ-сплетницѣ, Пульхеріи Андреевнѣ: «Вамъ грѣхъ на мужа жаловаться, онъ у

васъ добычникъ хорошій». Бѣда въ томъ, что будущій Оленькинъ «добычникъ» готовъ улизнуть изъ ея рукъ, несмотря на свои отношенія къ ней, завязавшіяся не со вчерашняго дня. Онъ чувствуетъ себя виноватымъ передъ своею мамашей въ томъ, что становится уже на дорожку своего отца — по временамъ запиваетъ, не выдерживая того соблазна, какой представляется ему со стороны его мелкихъ кліентовъ—купцовъ съ деньжонками, обращающихся къ нему по своимъ дѣлишкамъ. Мамаша разсчитываетъ на исправительное дѣйствіе брачныхъ узъ, завязываемыхъ съ «порядочнымъ семействомъ». Ей, по замѣчанью Пульхеріи Андреевны, такое счастье, что «сыну невѣсту нашла, и съ крестьянами, видите ли, и образованную», хотя «крестьянъ-то и всего тринадцать душъ» (картина написана наканунѣ отмѣны крѣпостного права). Чтобы успокоить мамашу, Прохоръ Гаврилычъ Васютинъ рѣшается жениться—если не на тысячѣ (какъ Калиновичъ у Писемскаго), то хоть на тринадцати душахъ, и въ жертву этому браку принести свою Оленьку. Къ счастью послѣдней, въ «порядочномъ» домѣ обратили вниманіе на не совсѣмъ-то порядочное поведеніе жениха, а тутъ еще и подслуживающаяся Оленькиной матери Пульхерія Андреевна (въ сущности ей бы только посплетничать) умѣетъ нѣсколькими рѣшительными штрихами дорисовать картину образа жизни Васютина. Такимъ-то вотъ образомъ онъ и возвращается къ своей Оленькѣ, умѣющей, купно съ мамашей, окончательно упрочить его теперь за собой выдумкой, будто у нея есть въ виду другой женихъ, а потому Васютинъ и долженъ поспѣшить со своимъ окончательнымъ рѣшеніемъ. Онъ бѣжитъ къ мамашѣ, получаетъ ея согласіе, и Оленькино дѣло увѣнчивается успѣхомъ. По пятамъ за Васютинымъ является и его кліентъ-купецъ съ обѣщаніями: «мы здѣсь гнѣздышко совьемъ! Только вы, хозяюшка, насчетъ провіанта не безпокойтесь на будущее время—это ужь моя забота. Я къ вамъ завтрашняго числа за разъ побольше привезу, чтобъ надолго хватило». Чего же еще? Оленька и считаетъ себя вполнѣ счастливою, прочитывая своему суже-

ному такую мораль: «положимъ, что ты женился бы на ней, что-жъ бы вышло изъ этого хорошаго? Если у нея вольный духъ, такъ она смѣялась бы надъ тобой, да любовника завела, а если смирная, такъ изсохла бы, глядя на тебя. А вѣдь ужь я-то тебя знаю; жизнью своей безобразной ты меня не удивишь! Я тебя остановить умѣю и гостей твоихъ знаю, какъ принимать, да еще и вкусу тебя научу, какъ одѣваться и какъ вести себя благороднѣй. А ты было меня совсѣмъ бросить хотѣлъ! Ну, какой же ты человѣкъ послѣ этого». Самой себѣ Оленька никакой морали не читаетъ. Ждетъ, надо думать, чтобъ жизнь ей мораль прочла.

Драма «Грѣхъ да бѣда»—одно изъ крупныхъ произведеній Островскаго, хотя замыселъ тутъ, какъ и въ «Не такъ живи, какъ хочется», выше выполненія. Кромѣ такого случайнаго сходства, есть между обѣими драмами и другое соотношеніе. Петру, измѣняющему женѣ, соотвѣтствуетъ Татьяна Краснова, измѣняющая мужу. Но Петръ чуть было не дошелъ до трагической развязки, чтобы только освободиться отъ стоящей поперекъ дороги жены. Красновъ же до такой развязки доходитъ, совершая свой самосудъ надъ тою, кого онъ страстно любитъ, но кто не вѣренъ ему. Еще болѣе существенная разница въ томъ, что бракъ Петра произошелъ по взаимной страсти между нимъ и женой, тогда какъ Красновъ, влюбившись, не встрѣтилъ отказа собственно потому, что Татьянѣ хотѣлось, такъ или иначе, пристроиться. Зналъ ли онъ, что она идетъ за него только по разсудку, или она умѣла такъ притвориться, что онъ повѣрилъ ея любви, это остается не совсѣмъ яснымъ и должно быть отнесено къ недостаткамъ драмы. По общимъ чертамъ своего характера, Татьяна вполнѣ способна на притворство, особенно при сильномъ вліяніи на нее сестры, старой дѣвы себѣ на умѣ. Обѣимъ жилось хорошо, пока въ живыхъ оставалась ихъ благодѣтельница, мать того молодого Бабаева, который интересовался Татьяной и готовъ завести съ ней «легонькую интрижку», несмотря на ея замужество, просто потому, что въ уѣздномъ городишкѣ, въ которомъ

онъ остановился, скука, а онъ позабылъ взять съ собою книжекъ, т.-е. какихъ-нибудь легкихъ романовъ. Къ иному чтенію онъ едва ли привыкъ, если вѣрно то, о чемъ напоминаетъ ему дѣвица Жмигулина: «ваша мамаша бывало даже не любила, когда кто задумается или книжку читаетъ». Эта его мамаша, должно быть, оказывала свои благодѣянія такъ-же безсмысленно и себѣ на потѣху, какъ и Улабенкова. Она развивала въ облагодѣтельствованныхъ барскіе вкусы и вовсе не заботилась о соотвѣтствующемъ устройствѣ ихъ будущности. Оставшись послѣ смерти благодѣтельницы на рукахъ у папаши съ его тридцатирублевою пенсіей, пришлось поскорѣе пристроиться, не очень-то вдаваясь въ разборъ какъ своихъ собственныхъ чувствъ, такъ и свойствъ и положенія жениха. «Совсѣмъ, совсѣмъ не такого я Танѣ счастья ожидала, — говоритъ про сестру дѣвица Жмигулина. — Судя по красотѣ ея, да по тому, какіе люди на нее заглядывались, ей бы въ каретѣ ѣздить. А теперь вотъ пришлось чуть не изъ-за куска хлѣба за мужика идти, да передъ людьми за него стыдъ терпѣть». Дѣвица Жмигулина говоритъ такъ не кому другому, какъ Бабаеву, очевидно, разсчитывая разжечь въ немъ воспоминанья о Татьянѣ и достигнуть «ѣзды въ каретѣ», хотя бы и не законнымъ образомъ. При этомъ она, должно быть, разсчитываетъ на простоту «мужика», какъ называетъ она своего зятя лавочника. Онъ и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ простой, т.-е. безъ всякихъ хитростей, человѣкъ очень добрый, прямой и въ то же время, несмотря на то, что «мужикъ», даже очень деликатный въ обращеніи съ женою, терпѣливый и уступчивый, благодаря той своего рода тонкости, которая заставляетъ его вникнуть въ положеніе жены. До чего онъ не самодуръ, это видно изъ его словъ сестрѣ своей, Курицыной: «я долженъ быть имъ, супругѣ моей, благодаренъ, что онѣ, при всей своей красотѣ и образованіи, полюбили меня, мужика. Допрежъ того я на васъ былъ работникъ, а теперь на нихъ вѣчный работникъ. Околѣю на работѣ, а для нихъ всякое удовольствіе сдѣлаю. Я долженъ у нихъ ножки цѣловать». Онъ совсѣмъ

не то, что женатый на сестрѣ его Курицынъ, хвастающійся передъ нимъ вотъ чѣмъ: «Слушай, до чего я Ульяну доводилъ, до какой точки. Бывало у насъ промежъ себя, промежъ знакомыхъ или сродственниковъ, за споромъ дѣло станетъ, чья жена обходительнѣе. Я всѣхъ къ себѣ на домъ веду, сяду на лавку, вотъ такъ-то ногу выставлю и сейчасъ говорю женѣ: «чего моя нога хочетъ?» А она понимаетъ, потому обучена этому: ну, и значитъ сейчасъ въ ноги мнѣ». Несмотря на такіе уроки, Красновъ становится крутъ только послѣ того, какъ жена, подстрекаемая сестрой, стала просто его дразнить Бабаевымъ: «Мы съ сестрой обѣщали бывать у него и даже сегодня хотѣли идти». Да и тутъ-то крутость является у него не сразу. Онъ и тутъ начинаетъ довольно мягко, спрашивая жену: «Должны вы меня уважить или нѣтъ?»—«Что это вы какую власть вдругъ забрали,—отвѣчаетъ она, думая его этимъ сконфузить.—Да вы и не воображайте, чтобы мы васъ послушались—этому не бывать!» Въ сущности тутъ ему-то и приходится освобождаться изъ-подъ ея ферулы, говоря ей наконецъ настойчиво: «Какъ такъ не бывать? Нѣтъ, ужъ коли я что говорю, такъ это такъ точно и будетъ. Я говорю дѣло и вамъ на пользу-съ, по тому самому я вамъ строго и приказываю». Онъ такимъ образомъ даже считаетъ нужнымъ прямо указать на то, что тутъ не его произволъ или прихоть, а ея же польза,—и онъ вѣдь правъ, потому что «ѣзда въ каретахъ» по милости г. Бабаева,—всего на какихъ-нибудь четыре дня, пока у этого яснаго сокола нѣтъ съ собою романовъ, и онъ отъ скуки самъ не прочь сотворить романъ. Расходившись, Красновъ даже два раза стучитъ по столу кулакомъ. Когда же Татьяна, опять желая его сконфузить, замѣчаетъ ему, что этакъ онъ, пожалуй, и драться начнетъ, Красновъ, снова овладѣвая собой, сдержанно говоритъ ей: «Ошиблись. Никогда вы отъ меня не дождетесь! Я васъ столько люблю, что на нынѣшній разъ даже вашъ капризъ уважу...» «Кажется, у насъ дѣло на ладъ пойдетъ,—говоритъ онъ, оставшись одинъ.—Онѣ были маленько избалованы, въ такомъ случаѣ

для нихъ строгость не мѣшаетъ. Стерпится — слюбится. А тамъ, какъ баринъ уѣдетъ, можно и опять лаской; такъ наша размолвка и забудется. Оно точно, что я за эти полчаса, когда онѣ у барина будутъ, кажется, ничего бы на свѣтѣ не взялъ; да что-жъ дѣлать, сразу круто нельзя — вовсе отъ себя оттолкнешь... Ну, да что-жъ вѣдь, давно знакомы, можетъ такъ что!» старается онъ окончательно себя успокоить. А въ сердцѣ что-то такъ и бунтуетъ. «Татьяна Даниловна, — обращается къ ней заглазно Красновъ, — сохнулъ я по тебѣ, пока не взялъ за себя; вотъ и взялъ, да все сердце не на мѣстѣ. Не загуби ты парня! Грѣхъ тебѣ будетъ!» Дѣло въ томъ, что онъ, по его собственнымъ словамъ, человѣкъ горячій. Когда жена возразила ему на это: «Отчего же вы мнѣ прежде не сказали о своемъ характерѣ, я бы за васъ и не пошла», то онъ оправдывается очень просто и искренно: «Коли горячій человѣкъ, такъ въ этомъ ничего худого нѣтъ-съ. Стало-быть, онъ до всякаго дѣла горячъ, и до работы, и любить можетъ лучше, потому больше другихъ чувства имѣетъ». Вся вина его въ томъ, что онъ въ свое время не попытался измѣрить степень того чувства, какое есть въ ней, и убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли оно существуетъ въ ней, въ какой бы то ни было степени, по отношенію къ нему. Насколько Татьяна обрисована у Островскаго, а обрисована-то она, по нашему мнѣнію, не достаточно полно, у нея и вообще глубокаго чувства нѣтъ; ей не то, чтобы ужъ очень былъ милъ Бабаевъ, а ей скучно, не по себѣ, не достаточно комфортабельно въ новой ея обстановкѣ, хотя, по собственному ея признанію Бабаеву, она «сама замужъ шла, никто не неволилъ». Все дѣло въ томъ, что мужъ, по ея словамъ, «грубый, неотесанный, ласки медвѣжьи! Сидитъ, ломается, какъ мужикъ. А тутъ еще притворяйся передъ нимъ, потрафляй ему; противность какая!» На самомъ же дѣлѣ, ей не въ диковину притворяться, а онъ, по своей прямотѣ, не замѣчаетъ притворства. Когда сестрица-наставница увѣряетъ его: «Она бы и хотѣла вамъ свою любовь высказать, да отъ робости не можетъ», онъ чисто-

сердечнѣйшимъ образомъ говоритъ: «Чего меня робѣть-съ, я такой же человѣкъ, какъ и всѣ... Ужь вы сдѣлайте такое ваше одолженіе, вы впередъ меня не бойтесь. Меня совѣсть зазритъ. Что я за пугало?» Онъ, очевидно, неизмѣримо выше г. Бабаева, и только неразвитость самой Тани (при всемъ ея, такъ называемомъ, «образованіи») мѣшаетъ ей оцѣнить въ немъ именно тонкость его чувствъ, при всей, можетъ быть, внѣшней грубости или, лучше сказать, невоздѣланности его натуры. Взаимныя ихъ отношенія отлично понимаетъ Аѳоня, братъ Краснова, болѣзненный, но сердечный юноша. «Братъ нешто слѣпъ?— говоритъ онъ.—Такъ ли она его любитъ, какъ онъ ее? Стоитъ ли она его? Зачѣмъ же онъ передъ ними рабствуетъ? Мнѣ обидно, что онъ рабствуетъ. Хуже, что ли, онъ ихъ съ сестрой? Жену-то въ домъ приводятъ работницу, а она сидитъ, сложа руки, братъ одинъ работаетъ да ухаживаетъ за ними. Мнѣ его жаль».

На замѣчаніе добраго дѣдушки Архипа: «почемъ ты знаешь, можетъ, братъ самъ не хочетъ, чтобъ она работала», Аѳоня очень здраво отвѣчаетъ: «А коль не работаетъ, такъ и не величайся. Вышла замужъ за мѣщанина, такая же мѣщанка стала, какъ и мы. Что-жъ мы, проклятые, что-ли, какіе, прости Господи? У насъ тоже и общество есть, подати платимъ, повинности всякія несемъ. Братъ потомъ да горбомъ деньги-то достаетъ, да въ общество несетъ. Сидѣла бы дома въ дѣвкахъ, да и барствовала... Братъ ей платки да платья шелковые даритъ, а онѣ съ сестрой промежъ себя смѣются, дуракомъ его называютъ». Аѳоня положительно правъ. Танѣ съ сестрой противно, что онѣ попали въ такую среду, по грубымъ понятіямъ которой не полагается барствовать, вотъ ихъ и тянетъ къ Бабаеву, въ замужествѣ съ которымъ, если бы оно состоялось, Танѣ можно бы было жить не по-мѣщански. Ей, какъ и Оленькѣ, въ недавно нами разобранной картинѣ московской жизни, хотѣлось бы непремѣнно за благороднаго, а не за мастероваго,— между тѣмъ, суженымъ ея, какъ на грѣхъ, оказался лавочникъ, Самъ Красновъ, сколько бы ни защищалъ онъ

жену отъ родныхъ, въ сущности понимаетъ, что они правы, но хотѣлъ бы увѣрить себя, что оно не такъ. Онъ видитъ, что жена пренебрегаетъ его «мужицкимъ» бытомъ и предпочитаетъ ему утонченный Бабаевскій свычай-обычай! Этимъ только усиливается въ немъ то чувство ревности, котораго онъ и совѣстится, и боится, но подъ власть котораго все болѣе и болѣе попадаетъ. Когда сестра указываетъ ему на отношенія Тани къ Бабаеву, онъ восклицаетъ: «Ты какое слово сказала-то! Коли повѣрить тебѣ, что-жъ тогда дѣлать? Ну, скажи! Одна у меня радость, одно утѣшеніе, и я его долженъ рѣшиться. Легко это, а? легко? Я не каменный какой, чтобъ на такія женины дѣла сквозь пальцы смотрѣлъ! Меня слово-то твое дурацкое только за ухо задѣло, и то во мнѣ все сердце перевернулось. А повѣрь я тебѣ, такъ вѣдь, чего Боже сохрани, долго ли до грѣха-то! За себя поручиться нельзя: каковъ часъ выдетъ. Пожалуй, дьяволъ подъ руку-то толкнетъ». За «дурацкое» слово сестры онъ выгоняетъ ее отъ себя вмѣстѣ съ ея мужемъ; за такія же «дурацкія» сужденія брата Аѳони не разъ давно уже отъ него доставалось этому, преданному ему всею душою, горячему юношѣ. И вотъ на повѣрку выходитъ, что слова ихъ совсѣмъ не «дурацкія». Такъ выходитъ оно, совсѣмъ уже для него неожиданно, послѣ того, какъ онъ, повидимому, навсегда объяснился и помирился съ женой при посредствѣ самого, сдавшагося передъ ея хитростью, дѣдушки Архипа. Она сама увѣряла мужа, что любитъ его, сама къ нему ластилась,— и тотчасъ же послѣ этого, воспользовавшись его отлучкою, опять ушла отъ него къ Бабаеву. Онъ для нея съ ближайшими родными поссорился, онъ стоялъ за нее горою, а она надъ нимъ такъ натѣшилась, такъ его провела и оставила въ дуракахъ передъ тѣми, кого онъ винилъ за нихъ, по его словамъ, дурацкія подозрѣнія и предостереженія.

А они тутъ всѣ на лицо, они неотразимо доказываютъ ему, что были правы, и ей остается только при всѣхъ сознаться: «Не любила я васъ никогда и теперь не люблю».—

«Ты говоришь, — отвѣчаетъ онъ, — что не любишь меня и не любила, а я, видишь ты, по городу ходилъ да ломался, что меня барышня любитъ распрекрасная!» Вотъ слова, по которымъ можно догадываться, что она и передъ бракомъ его обманула, притворилась къ нему привязанною. «На комъ мнѣ этотъ стыдъ теперь взять?» спрашиваетъ несчастный, разумѣя тутъ стыдъ обманутыхъ чувствъ, стыдъ очевидной несправедливости къ другимъ, — все изъ-за нея же, обманщицы, стыдъ предпочтенья ему, сиволапому мужику, потѣшающагося надъ нимъ, да и надъ нею, барина. А тутъ еще подъ руку подвертывается ему ножъ, да Аѳоня, оказавшійся во всемъ правымъ, ему наговариваетъ: «Къ барину уйдетъ. Я слышалъ, какъ они сговаривались уѣхать въ деревню». На бѣду же тутъ надъ нимъ такъ и не раздается того колокольнаго звона, который на краю подобной же пропасти удержалъ Петра. Но вѣдь Петръ собирался порѣшить съ женою, повинною только въ томъ, что она являлась помѣхой ему при его новой страсти, а Красновъ глядитъ на себя, какъ на законнаго судью жены, которая его обманула. Да, положенія ихъ разныя, но убійство — всегда убійство — по крайней мѣрѣ съ той точки зрѣнія, съ которой сказано: «ни права, ни крива не убивайте и не повелѣвайте убити». Совершить убійство, хотя бы и надъ виновнымъ, хотя бы и не самосудомъ, а законнымъ судомъ, — значитъ свалиться въ ту нравственную пропасть, отъ которой удерживаетъ человѣка христіанская правда. Никто не напомнилъ о ней Краснову, пока еще было время, и слишкомъ поздно раздается надъ нимъ не колокольный звонъ, но слова старика Архипа: «Что ты сдѣлалъ, кто тебѣ волю далъ? Нешто она передъ тобой однимъ виновата? Она прежде всего передъ Богомъ виновата, а ты гордый, самовольный человѣкъ, ты самъ своимъ судомъ судить захотѣлъ. Не захотѣлъ ты подождать милосерднаго суда Божьяго, такъ и самъ ступай теперь на судъ человѣческій! Вяжите его!» — Но Красновъ вѣдь и самъ уже закричалъ: «Вяжите меня! Я ее убилъ». — Но какъ бы ни былъ верховенъ тотъ человѣ-

ческій судъ, на который готовъ идти самъ Борисъ, предупреждая дѣда Архипа, поднялась ли бы у насъ рука на этотъ самый человѣческій судъ, если бы онъ, устами еще не существовавшихъ у насъ тогда присяжныхъ, вынесъ въ такомъ случаѣ оправдательный приговоръ? Или, по крайней мѣрѣ, рѣшились ли бы мы видѣть въ такой мягкости приговора не что иное, какъ стачку какихъ-нибудь самодуровъ? Полагаемъ, что нѣтъ, и что и Божескій судъ оказался бы снисходительнымъ къ такой человѣческой снисходительности. Вѣдь для такихъ, какъ Красновъ — въ сознаньи того, до чего онъ дошелъ, и заключается казнь, ужаснѣйшая изъ казней!

Изъ городка, въ которомъ разыгралась передъ нами такая трагедія, Островскій снова переноситъ насъ въ свою излюбленную Бѣлокаменную — въ тѣхъ «картинахъ изъ московской жизни», которымъ заглавіе «Шутники» (1864 г.). Тутъ мы возвращаемся на почву «Бѣдной невѣсты», снова попадаемъ въ міръ маленькихъ людей, унижаемыхъ и оскорбляемыхъ суровою своею долею. Какихъ только шутокъ не приходилось выносить на своемъ вѣку старику Оброшенову, чтобы какъ-нибудь пробиться съ своими двумя дочерьми. Давно онъ привыкъ къ тому, чтобы не обижаться ничѣмъ, потому что вѣдь у «благодѣтелей» такой нравъ: они «не любятъ, когда обижаются». И вотъ доходитъ, наконецъ, до того, что «шутятъ» со старикомъ и такіе дрянные мальчишки, одѣтые по послѣдней модѣ, какъ Недоносковъ и Недоростковъ. Чтобы отбить, просто ради потѣхи, у Вѣрочки Оброшеновой бѣднаго, но милаго ей жениха, они, подпоивъ, везутъ его къ болѣе подходящей невѣстѣ, оказывающейся на повѣрку переодѣтою горничной. Мало того: издѣваясь надъ старикомъ Оброшеновымъ, ищущимъ денегъ, чтобы выручить изъ бѣды того же бѣдняка-жениха Вѣрочки, спустившаго съ рукъ чужія деньги, они подбрасываютъ старику денежное письмо на 60,000. Оброшеновъ, поднявъ его на улицѣ, приходитъ въ восторгъ, воображая, что ему, какъ нашедшему и объявившему о находкѣ, достанется третья часть, — приходитъ въ вос-

торгъ, чтобъ найти въ конвертѣ ни больше, ни меньше, какъ безграмотную записку: «не гонись за чужимъ добромъ». Но такая ли еще *шутка* предстоитъ старику! «Что за безчестье, — говоритъ ему купецъ Хрюковъ, — что дочь твоя будетъ жить въ моемъ домѣ». (Онъ подразумѣваетъ старшую, Анну Павловну). Развѣ только скажутъ, что она любовница моя. Такъ и то не бѣда. Всякій умный человѣкъ разсудитъ, что она это отъ бѣдности».

Заговорило отцовское сердце. «Молчи! задушу! — закричалъ онъ.—Ты думалъ, что я шутъ! Ну да, я шутъ и есть, только за дочерей убью, всякаго убью!» Старикъ даже хватается при этомъ за стулъ и только по уходѣ Хрюкова вспоминаетъ, сколько денегъ онъ ему долженъ. «Пугнулъ я его, а теперь ужь и самому страшно, — сознается Оброшеновъ. — Кругомъ я обязанъ человѣку, пропасть долженъ, и вдругъ выгналъ изъ дому, убить хотѣлъ. Кого? благодѣтеля своего». — «Онъ, папенька, стоилъ этого», оправдываетъ отца Анна Павловна». — «Стоилъ-то стоилъ, — соглашается старикъ. — Его-бъ отсюда не въ дверь, а въ окно надо было проводить! Да вотъ то-то, Аннушка, душа-то у меня коротка. Давеча погорячился, поступилъ съ нимъ, какъ слѣдуетъ благородному человѣку, а теперь вотъ и струсилъ. Бѣдность-то насъ изуродовала». А на повѣрку выходитъ, что Хрюковъ — все же лучше, чѣмъ можно было подумать. Онъ только придалъ дѣлу игривый оборотъ, а намѣренія у него, какъ оказывается, были серьезныя. «Будь тверже, Аннушка, будь тверже!—говоритъ Оброшеновъ.—Хрюковъ проситъ руки твоей и двадцать тысячъ на приданое даетъ. Падайте! — обращается онъ къ меньшой дочери и къ ея злосчастному жениху.—Аннушка! Падаемъ, падаемъ къ ногамъ твоимъ». И онъ, въ самомъ дѣлѣ, готовъ упасть передъ дочерью на колѣни. «И вы думаете, что я откажусь? — говоритъ она, удерживая его.—Вы боитесь, папенька? Нѣтъ. Вы больны, вы стары: вамъ нуженъ покой. А вы для насъ работаете, убиваете послѣднія силы... Я буду имѣть возможность ходить за

вами, покоить васъ, баловать, какъ малаго ребенка... И вы подумали, что я откажусь отъ этого? И ее, мою куклу, — продолжаетъ она, обнимая сестру Вѣрочку, — я могу рядить, во что мнѣ захочется, доставлять ей удовольствія... И я откажусь! Папенька, что вы! Я умереть для васъ готова, только бы вы были счастливы». Да вѣдь умереть было бы едва ли не легче, чѣмъ выйти замужъ за 60-лѣтняго скопидома, думавшаго сперва заманить ее къ себѣ въ «экономки». Но вѣдь смертью своею она бы не достигла для отца и для сестры того, чего достигаетъ *такою жизнью*. «А что-жъ онъ давеча-то говорилъ: въ экономки?» простодушно спрашиваетъ Вѣрочка. «Да, да, — отвѣчаетъ старикъ. — Я его бранилъ за это. Ужасъ, какъ бранилъ! А онъ говоритъ: я шутилъ, я только испытать хотѣлъ. Я, говоритъ, уже давно жениться задумалъ за непочтеніе дѣтей. И много невѣстъ смотрѣлъ, да все не по сердцу; а твоя по сердцу пришла». У Хрюкова, такимъ образомъ, оказывается еще и особый фортель: возводя Анну Павловну въ санъ жены, онъ еще и дѣтямъ задаетъ острастку. Этимъ, конечно, дорисовывается картина семейнаго счастья, предстоящаго Аннѣ Павловнѣ. «Пусть не сердится; я шутилъ», сказалъ о ней Хрюковъ, а Вѣрочка спрашиваетъ: «Что это съ нами все шутятъ?» Анна Павловна сейчасъ же находится: «А вотъ, Вѣрочка, будемъ жить богато, да весело, а главное, не будемъ ни въ комъ нуждаться, такъ перестанутъ надъ нами шутить». Къ ней присоединяется и умиленный отецъ, подтверждая: «Перестанутъ, милыя мои, родныя мои, перестанутъ!» Но Вѣрочкинъ вопросъ, разумѣется, сохраняетъ свою силу—уже отъ того, что счастье «ни въ комъ не нуждаться», повидимому, улыбающееся самоотверженной Аннѣ Павловнѣ, достается ужь слишкомъ дорогою цѣною. Найдись у нея братъ, въ родѣ Родіона Романовича Раскольникова—онъ бы непремѣнно замѣтилъ: «Вѣдь этакъ и отъ Сонечкина жребія не далеко!» Но многіе зрители, надо думать, расходятся изъ театра послѣ «Шутниковъ» въ самомъ легкомъ и благодушномъ настроеніи, думая: «вотъ и спасибо автору,—такъ хорошо

все устроилъ, — не то, что въ какихъ-нибудь раздирательныхъ трагедіяхъ!»

Вовсе не «раздирательнымъ» образомъ оканчивается у Островскаго и «Пучина» (1865 г.), въ свою очередь очень скромно отнесенная нашимъ драматургомъ просто къ «сценамъ изъ московской жизни». А вѣдь тутъ передъ нами проходитъ цѣлый человѣческій вѣкъ. Въ первой сценѣ застаемъ мы главныхъ дѣйствующихъ лицъ юношами, только что сошедшими съ учебной скамьи; въ послѣдней—зрѣлыхъ лѣтъ людьми, прошколенными опытомъ жизни. Время дѣйствія — «около 30 лѣтъ назадъ», т.-е. въ совсѣмъ еще дореформенную пору, ту пору, когда на московской сценѣ давалась «Жизнь игрока» съ Мочаловымъ, о которомъ и говорится въ первомъ явленіи. Да и «Пучина» есть своего рода «жизнь игрока», только выставленная безъ мелодраматизма. Игрокъ тутъ — Кисельниковъ, студентъ не изъ «кончалыхъ» (выраженіе чиновника Переяркова), т.-е. не изъ окончившихъ курсъ, а изъ отставшихъ отъ университета, отставшихъ ради того, чтобы пуститься въ ту азартную игру, которая называется семейнымъ счастьемъ. Встрѣчающіеся ему товарищи только что не напоминаютъ ему пословицу: «не хочу учиться, хочу жениться». Прежде же всего, говорятъ они ему, нужны средства. Но онъ своего рода идеалистъ: есть свой домикъ, есть своихъ тысячъ семь, да тестевыхъ тысячъ шесть обѣщано; а главное, что́ ему нравится въ семействѣ тестя, это «патріархальность». Напрасно его «кончалой» товарищъ Погуляевъ, узнавъ, что Кисельниковъ еще имѣетъ въ виду дать всѣ деньжонки въ оборотъ тестю, а самъ будетъ трудиться, служить, покачиваетъ головой: «А много ли ты получишь-то, не конча курса, не имѣя чина... Выведутся дѣти, будетъ нужда-то подталкивать, сдѣлаешься неразборчивъ въ средствахъ, руку крючкомъ согнешь. Ахъ, скверно». Самъ Погуляевъ собирается идти по стопамъ своего отца, быть учителемъ, т.-е., какъ это представляется чиновнику Переяркову, «ребятишекъ сѣчь». По мнѣнію Турунтаева, отставного военнаго, лучше поступить въ военную

службу, получить роту, нажить денегъ, да крестьянъ купить—«свои рабы будутъ». Познакомившись съ этими пріятелями той «патріархальной семьи», въ которую вступаетъ Кисельниковъ, мы тутъ-же знакомимся и съ его невѣстою и ея мамашей. Онѣ какъ на ладони въ тѣхъ словахъ, которыми дается отвѣтъ на вопросъ Погуляева Глафирѣ: «Вы очень любите своего жениха?» — «А ты скажи, — диктуетъ ей мамаша, — столько молъ люблю, сколько мнѣ слѣдоваетъ».—«Вы про любовь-то напрасно,— поясняетъ мамаша уже отъ себя.—Она этого ничего понимать не можетъ, потому что было мое такое воспитаніе».—«А какъ же замужъ выходить безъ любви? Развѣ можно?» спрашиваетъ Погуляевъ. «Такъ было согласіе мое и родителя ея, вотъ и выходитъ», отрѣзаетъ Боровцова. А Кисельниковъ тутъ же еще и мечтаетъ о «тихихъ семейныхъ удовольствіяхъ». — «Да какая-жъ это семейная жизнь, — думается Погуляеву. — Это невѣжество—и больше ничего... Загуляй лучше... это еще можетъ тебя спасти. Напьешься, проспишься, а женишься, ужь не воротишь!» Но Кисельниковъ не слѣдуетъ такому совѣту.

Во второй сценѣ открывается передъ нами картина его семейнаго счастья (семь лѣтъ спустя). Мы на именинахъ у его благовѣрной супруги. «Лизанька, плюнь на отца, — говоритъ она своей дочкѣ. — Скажи: «папка дуракъ». И Лизанька въ точности выполняетъ то и другое. «Заплачь, Лизанька, заплачь, — продолжаетъ милая маменька. — Громче плачь, душенька! Пусть всѣ услышатъ, какъ отецъ надъ нами тиранствуетъ». Но тутъ же, ни съ того, ни съ сего, принимается она муштровать ту же самую дочку. «Да что же ты нейдешь, мерзкая дѣвчонка! Какъ примусь я тебя колотить».—Это ангельскую-то душку,—замѣчаетъ Кисельниковъ.—«А тебѣ что за дѣло, — продолжаетъ свое мамаша. — Моя дочь, я ее выходила, а не ты. Вотъ на зло же тебѣ прибью въ дѣтской. Вотъ ты и знай». А все дѣло въ томъ, что «зачѣмъ же онъ ее бралъ изъ богатаго дома, коли у него денегъ нѣтъ», она «къ такой жизни не привыкла». Вотъ

картина семьи, срисованная съ той поры, когда еще и не особенно заботились о женскомъ образованіи,-которое, говорятъ, подорвало у насъ семью. Но вотъ и теща съ тестюшкой. «Ужъ ты до женинаго приданаго добрался», жалуется теща, намекая на заложенныя имъ серьги и не заикаясь о томъ, что тесть такъ хорошо пустилъ въ оборотъ его деньги, что ничего другого и не остается дѣлать. А тесть еще приступаетъ къ нему съ вопросами: «Ты въ какомъ судѣ служишь? Кто у васъ просители?.. Заломилъ ты много съ купца,—поясняетъ онъ,—купецъ упирается; ты его къ себѣ позови, да угости хорошенько; выйдетъ жена твоя въ шелку да въ бархатѣ, такъ онъ сейчасъ и догадается, что тебѣ мало взять нельзя». Напрасно Кисельниковъ отвѣчаетъ на это: «Грабителемъ будутъ звать».—«А тебѣ что за дѣло; пущай зовутъ!— и не думаетъ смущаться тестюшка. — Ты живи для семьи — вотъ здѣсь ты будь хорошъ и честенъ, а съ другими прочими воюй, какъ на войнѣ. Что удалось схватить и тащи домой, наполняй и укрывай свою хижину». Боровцовъ однако-жъ не прочь позволить ему подумать и не объ одной семьѣ. «У тебя семья сыта, ты бѣдному можешь помочь отъ своихъ доходовъ; онъ за тебя Бога умолитъ». Тутъ, впрочемъ, то-же «христіанское милосердіе», та-же «религіозность», дальше которой, какъ видѣли мы, не идетъ и столь симпатичная во многомъ Катерина (въ «Грозѣ»): такова уже себялюбивая закваска въ этомъ патріархальномъ быту — съ тою его «святыней семьи», которой, говорятъ, такъ угрожаетъ женское образованіе. Это вѣдь картинка изъ той поры, когда ради жены и дѣтей, ради ихъ довольства позволяли себѣ всевозможныя скверны въ гражданскомъ смыслѣ, и Боровцовъ не безъ основанія замѣчаетъ: «я, можетъ быть, не одинъ разъ видѣлъ такихъ-то людей, что не берутъ взятокъ... такъ ужъ они и живутъ, какъ монахи».

Сюда же, на этотъ «семейный праздникъ» къ Кисельникову, неожиданно попадаетъ и вернувшійся изъ-за границы (куда онъ ѣздилъ со своимъ воспитанникомъ),

когда-то предостерегавшій его отъ «семьи», Погуляевъ. Видя, какъ Глафира пристаетъ къ мужу съ ромомъ, который необходимъ для ея папаши и котораго ей купить не на что, Погуляевъ отдаетъ старому товарищу послѣднія свои деньги: «я какъ-нибудь добуду».

Слѣдующая сцена разыгрывается передъ нами пять лѣтъ спустя. Тутъ, такъ сказать, въ уменьшенномъ видѣ повторяется въ лицѣ Боровцова Большовъ съ его банкротствомъ. «Что у васъ за несчастье! Ни пожара, ни пропажи не было. Зажали деньги-то, папенька,—говоритъ ему, несмотря на свою смирность, Кисельниковъ.—Пожалѣйте хоть внучатъ-то, вѣдь больные лежатъ» (жена уже померла — тятенька пожалѣлъ денегъ на доктора). А самъ между тѣмъ подписываетъ бумажку, поданную ему тестемъ: «признаю его невинно упадшимъ и искъ свой по роспискѣ въ 5000 ассигнаціями и претензію о домѣ симъ совершенно и навсегда прекращаю». — «Молодецъ,—похваливаетъ его Боровцовъ,—видно, что любишь тестя. Я думалъ, что и ты тоже заломишь (т.-е. какъ другіе кредиторы), такъ приготовилъ было тысчонки двѣ и съ собой захватилъ: заткнуть, молъ, ему ротъ-то, чтобъ не шибко кричалъ». Теперь тестюшка ограничивается тѣмъ, что оставляетъ зятю немного мелочи — дѣткамъ на лакомство, а зять хватается за голову, причитая: «Мнѣ бы самому людей грабить, да васъ, дѣтки, кормить — меня бы и люди простили, и Богъ простилъ; а я вмѣстѣ, за-одно съ грабителями, васъ же ограбилъ». Изъ словъ этихъ видно, что тестюшка, хотя и разорился, но за то возымѣлъ на зятя «нравственное вліяніе». А тутъ еще подвертывается и родная его мать съ такою же моралью: «Бери взятки... я за тебя, Кирюша, Бога умолю». Мораль тутъ немедленно дѣйствуетъ. Взявъ съ какого-то господина три тысячи, Кисельниковъ «портитъ» для него, подъ его непосредственнымъ руководствомъ, какой-то документъ, а господинъ этотъ говоритъ ему: «ты мнѣ за три тысячи полтораста тысячъ продалъ... Пойдетъ слѣдствіе о подлогѣ... Въ Сибирь-то пойдешь все-таки ты, а не мы».

Послѣдняя сцена—еще пять лѣтъ спустя. И зять, и тесть разорены до-тла. У зятя въ 39 лѣтъ что-то въ родѣ разжиженія мозга. Лиза, когда-то, по требованію мамаши, плевавшая на отца, теперь барышня 17 лѣтъ. Она—изъ тѣхъ добрыхъ натуръ, которыхъ окончательно не испортишь дурнымъ воспитаніемъ. Но маменькина закваска все-таки въ ней слышна. «Я дѣвушка молодая,— говоритъ она,— а взгляните, что на мнѣ! Мнѣ стыдно на улицу выйти. Я не хочу рядиться, мнѣ хоть бѣдное платье, да чтобъ оно было чисто, ново, по мнѣ шито. Я хороша собой, молода, — это ужь вѣдь мое; мнѣ хочется, чтобъ и люди видѣли, что я хорошенькая; а у меня сердце замираетъ, какъ я начну надѣвать эти лохмотья; я только себя уродую». Понятно, чѣмъ она рискуетъ. «Вотъ нынче, сейчасъ, какіе-то господа подхватили ее на бульварѣ подъ руки; она такъ испугалась, что и слова не вымолвитъ, а они идутъ, пѣсенки распѣваютъ, да на всѣхъ посматриваютъ. Хорошо, что я подъѣхалъ». Такъ разсказываетъ выручившій ее изъ бѣды Погуляевъ, не воображавшій, что это дочь его бывшаго товарища. Но вѣдь самъ, обратившійся въ идіотизмъ, папаша готовитъ для Лизы другую «встрѣчу». «Ты, говоритъ, въ конурѣ живешь, — передаетъ онъ слова богатаго сосѣда, — и дочь, говоритъ, держишь въ собачьей конурѣ... Вотъ, говоритъ, ей флигель — хорошій, хорошій...» Лиза недавно увѣряла, что она не боится работы, но тутъ же и оговорилась, что если работа ей опостылѣетъ, то она ее броситъ. Выслушавъ отца, она говоритъ бабушкѣ про сосѣда съ флигелемъ: «Я ему давно нравлюсь».—«Да вѣдь онъ женатый, у него жена въ Петербургѣ», поясняетъ Анна Устиновна. «Ну, такъ что-жъ, что женатый,—говоритъ Лиза.—Эхъ, бабушка! Ужь не пришло ли вамъ въ голову-то, что онъ женится на мнѣ хочетъ! У него, говорятъ, сто тысячъ дохода. При такихъ деньгахъ все купить можно». И Лиза уже почти готова идти, идти вслѣдъ за отцомъ, и не понимающимъ хорошенько, что такое онъ дѣлаетъ. А бабушка и удерживаетъ, и говоритъ: «Стара я, кости мои покоя

хотятъ; теплую бы мнѣ комнату, да уходъ бы за мной. Да на тебя-то бы поглядѣла, на нарядную, да на богатую. Охъ, да не слушай ты меня, старую, не слушай». Что же дѣлать Лизѣ? «Стою я надъ пропастью, — говоритъ она, — удержаться мнѣ не за что. Охъ, спасите меня, люди добрые». Спасителемъ отъ прямо уже Сонечкина жребія является опять тотъ же Погуляевъ. «Что лучше, стыдъ или нужда?» спрашиваетъ его Лиза. «Не думайте ни о томъ, ни о другомъ, — отвѣчаетъ онъ, — а пойдите замужъ за меня». Онъ не видитъ въ этомъ, конечно, никакого подвига съ своей стороны и слишкомъ хорошо понимаетъ, что о любви ея къ нему не можетъ еще быть и рѣчи. «Сдѣлайте такъ, чтобъ я васъ полюбила,—говоритъ она ему, соглашаясь.—Любите бабушку, — продолжаетъ она, — да не попрекайте насъ бѣдностью...» Онъ находитъ, что это не трудно. Но она ждетъ отъ него и большаго, она хочетъ, чтобъ онъ ее «выучилъ такой работѣ, за которую много денегъ даютъ». — «Да зачѣмъ вамъ теперь?» спрашиваетъ Погуляевъ. «А затѣмъ, чтобъ помогать бѣднымъ дѣвушкамъ,— отвѣчаетъ Лиза. — Много ихъ въ такомъ положеніи, въ какомъ я была». Одинъ изъ послѣднихъ критиковъ Островскаго замѣтилъ: «выше, святѣе этихъ словъ вы не услышите во всѣхъ десяти томахъ сочиненій Островскаго ни отъ одной изъ 44 героинь его» [1]). Слова Лизы дѣйствительно прекрасны.

Замыселъ «Пучины» глубокъ. Жаль, что она осталась только наброскомъ (эскизомъ). Эту «Пучину» можно бы также назвать «Семьею», такъ какъ тутъ передъ нами въ самомъ дѣлѣ *семья* той благословенной поры, когда нашему благосостоянію еще не угрожали ни какія-нибудь женскія гимназіи, ни, тѣмъ еще менѣе, высшіе курсы.

Комедія «На бойкомъ мѣстѣ» опять насъ отодвигаетъ назадъ—лѣтъ за сорокъ. Мы тутъ на постояломъ дворѣ, котораго хозяинъ не по имени только, но и въ самомъ

---

[1]) Г. Скабичевскій въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за августъ 1887 г.

дѣлѣ Безсудный. Ради наживы онъ и отъ прямого грабежа не прочь, и сестру готовъ въ оборотъ пустить, и женѣ позволяетъ любезничать съ проѣзжающими (хотя и ревнивъ при этомъ). Къ числу его завсегдатаевъ принадлежитъ купеческій сынокъ Непутевый, требующій отъ своего приказчика Сени, чтобы онъ становился передъ нимъ во фрунтъ, и кричащій на постояломъ дворѣ: «кто здѣсь смѣетъ важничать, окромѣ меня! Я деньги плачу». Тотъ же милый юноша, подъѣзжая къ сестрѣ Безсуднаго, Аннушкѣ, говоритъ: «Тѣшь мой обычай. Аль ты моего ндраву не знаешь! Я въ Курчавинѣ, бывало, запрягу дѣвокъ въ сани лѣтомъ, да и ѣзжу по деревнѣ. Ты знай обхожденіе купеческое». Вотъ въ какой средѣ вращается Аннушка. Но она уже совсѣмъ изъ тѣхъ, которыхъ никакая среда не испортитъ. Островскій и любитъ, и умѣетъ выставлять силу нравственнаго устоя. Аннушка уже въ самомъ началѣ коротко и ясно говоритъ брату: «У тебя стыда нѣтъ, а у меня есть».— «Анна!! Ты смотри, не разбуди во мнѣ бѣса!—отвѣчаетъ братъ.—Во мнѣ ихъ сотня сидитъ; какъ начнутъ по моимъ жиламъ ходить, въ тѣ поры у меня расправа ножевая». Отвѣтъ Аннушки опять-таки коротокъ и ясенъ: «Такъ ужь убилъ бы ты меня скорѣе, коли тебѣ кровь-то человѣческую все равно, что воду лить».

Живя въ настоящемъ омутѣ, она устояла. Не только по-человѣчески полюбивъ молодого помѣщика Миловидова, она и въ немъ, и въ крѣпостномъ баринѣ, сумѣла пробудить къ себѣ, мужичкѣ, настоящую человѣческую любовь. «Ужь ты знаешь, какой я ходокъ,—говоритъ онъ своему пріятелю.—А тутъ вдругъ осѣчка: встрѣчаю такую дѣвушку, что и подойти нельзя, держитъ себя мал строго.... Такъ я какъ завлекся, влюбился, какъ мальчишка. Жениться хотѣлъ.... Начали меня усовѣщивать, невѣстъ разныхъ подставлять....» Ничто на него не дѣйствовало, да подѣйствовала напраслина, пущенная въ ходъ ея золовкою, которой приглянулся тотъ же Миловидовъ. Аннушка еще не знаетъ объ этой клеветѣ, но ясно видитъ, что Евгенія отбила у нея друга милаго.

«За что меня обижаете?—говоритъ она ему, отстраняясь отъ его неумѣстныхъ объятій.—Любите другую, а меня отъ скуки цѣловать хотите! Что-жъ я такое для васъ? Какъ-же мнѣ о себѣ думать? Вѣдь это вы мнѣ ножъ въ сердце!» Ужасная мысль шевельнулась у нея въ головѣ. «Самое себя мнѣ страшно,—говоритъ она.—Зажгу, зажгу домъ. Пусть сгорятъ оба и я съ ними». Но не напрасно ей себя страшно: этотъ страхъ спасастъ ее. Надъ злобою вскорѣ торжествуетъ жалость. «Зачѣмъ мнѣ его жаль стало?—сперва какъ будто стыдится она своей жалости.—Что за глупое сердце дѣвичье! Развѣ онъ не злодѣй мой! А ее убила бы, змѣю лютую! Братецъ, убей ее, убей ее! А онъ пусть живетъ. Что я такое, чтобъ изъ-за меня ему умирать! Зачѣмъ мѣшаю ему?» задается она опять новымъ вопросомъ, вопросомъ, указывающимъ ей совершенно новый выходъ. «Зачѣмъ на свѣтѣ живу, себя мучаю! Она намъ помѣха, говорятъ. Помѣха я имъ! Ну, что-жъ? Гдѣ это у братца было.... Боже мой! Я не живая, у меня сердца нѣтъ, я не чувствую; я помѣха только. Ну, что-жъ? Ну, пусть живутъ безъ помѣхи!.. Гдѣ это у братца было спрятано....» И она добирается до того, что спрятано, принимаетъ, какъ думается ей, отраву. Изъ комедіи мы совсѣмъ уже переходимъ въ трагедію, но авторъ, однако-же, заключаетъ благополучной развязкой. Отрава оказывается только дурманомъ,—«питьицемъ забыдущимъ», которымъ, когда было надобно, Безсудный угощалъ своихъ посѣтителей. Аннушка остается въ живыхъ, напраслина, взведенная на нее, выходитъ наружу, Миловидовъ рѣшается жениться на ней, добродѣтель торжествуетъ, а зло наказано тѣмъ, что обличено. Скажемъ ли мы, что такая развязка не составляетъ необходимости, что это какъ будто затасканная, натянутая мораль? Но вѣдь если въ жизни могъ тутъ послѣдовать конецъ трагическій, то могъ точно также послѣдовать и благополучный. Авторъ воленъ въ своемъ выборѣ. Прекрасный характеръ Аннушки ни мало не потерпѣлъ отъ счастливой развязки.

VI.

«Козьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ».

Уже въ нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ произведеній Островскій изображалъ намъ не современность, а время за 30, за 40 лѣтъ назадъ. Въ «Не такъ живи, какъ хочется» время дѣйствія было даже перенесено имъ въ XVIII ст. Онъ пытался такимъ образомъ становиться на почву прошлаго, почву историческую. Онъ окончательно сталъ на нее въ своей драматической хроникѣ «Мининъ» (1862 г.). Соотвѣтственно содержанію, тутъ и внѣшняя форма удаляетъ насъ отъ будничной жизни. Произведеніе это, какъ извѣстно, въ стихахъ и стихахъ прекрасныхъ, мѣстами только чередующихся съ прозаическою рѣчью (какъ у Шекспира и въ «Годуновѣ» Пушкина). Нашему драматургу видимо хотѣлось отдохнуть душою, отвернуться отъ пошлости, грязи и самодурства и перенестись на ту здоровую почву, слабые отголоски которой, однакоже, сказывались по временамъ и въ прежнихъ его произведеніяхъ. Это та почва общинная, земская, которая не поглощаетъ личности, не подавляетъ ея, а только не даетъ ей уродливо развиваться, доходить до безобразнаго самовольничанья. Мининъ, какимъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, рѣшился выставить его Островскій, самъ вполнѣ сознаетъ, какая почва его возростила. Говоритъ же онъ:

Я къ дѣлу земскому рожденъ. Я выросъ
На площади между народныхъ сходокъ.
Я рано плакалъ о народномъ горѣ,
И, не по лѣтамъ, тяжесть земской службы
Я на плечахъ носилъ своей охотой.
Соблазну власти я не поддавался;
И, какъ насѣдка бережетъ цыплятъ,
Такъ я берегъ отъ властныхъ и богатыхъ
Молодшую обидимую братью.

Потому-то Минина и не жалуютъ эти властные и богатые, потому-то не жалуютъ его и служилые, и при-

казные люди, потому-то они и считаютъ его даже вреднымъ и опаснымъ человѣкомъ, его, только и думающаго о томъ, какъ бы земскими силами снова соорудить расшатавшуюся и разсыпавшуюся государственную храмину. Стряпчій Биркинъ даже подвергаетъ Минина скрытому надзору, о чемъ и говоритъ дьяку Семенову:

Я сторожа къ нему приставилъ, знаешь,
Павлушку; онъ хоть зайца сослѣдитъ;
Волкъ травленый, отъ петли увернулся.
Онъ изъ дьячковъ изъ бѣглыхъ, былъ въ подъячихъ,
Проворовался въ чемъ-то; присудили
Его повѣсить, и онъ задалъ тягу:
Теперь веревки, какъ огня, боится.

Семеновъ пытается придать такому отзыву болѣе удобный оборотъ, замѣчая, что Павлушка, быть можетъ, «и не своей виной въ бѣду попался». Но Биркинъ говоритъ на это совершенно невозмутимо:

... Мнѣ какое дѣло?
Хоть висѣльникъ, да только бы служилъ.

Такими соображеніями руководствуются въ разныя времена и въ разныхъ странахъ. Вѣдь и Робеспьеръ, когда ему говорили о гнусностяхъ одного изъ его клевретовъ, невозмутимѣйшимъ образомъ повторялъ: «c'est un bon patriote». Терроръ снизу и терроръ сверху нерѣдко сходятся въ своихъ основныхъ пріемахъ. Нашъ Биркинъ, конечно, не террористъ, но онъ изъ тѣхъ рыболововъ въ мутной водѣ, какіе всегда заводятся во время террора или смуты. Вспомнимъ, что онъ говоритъ Семенову:

Вѣдь Нижній—ключъ всей Волги; за него бы
Король Жигмонтъ иль Владиславъ царевичъ
Намъ дорогую цѣну заплатили,
Кабы привесть къ присягѣ.

Понятно, что Мининъ, который противъ этого непремѣнно возстанетъ, по мнѣнію Биркиныхъ, только

«заводитъ смуту». Да и какъ же этого не сказать, если, по словамъ того же Биркина,

... Всегда толпою
За нимъ народъ валитъ, все шепчутъ что-то
И по ночамъ сбираются къ нему.

Семеновъ болѣе выгоднаго мнѣнія о Мининѣ, хотя и согласенъ, что

Онъ боекъ на языкъ, упрямъ и дерзокъ,
Въ дѣла мѣшается, за всѣхъ заступникъ...

На замѣчаніе Биркина:

Я не люблю, кто бойко говоритъ...

Семеновъ уже прямо поддакиваетъ

Я не ему чета, молчать заставлю.

Тутъ оба собесѣдника уже окончательно сходятся между собою, и Биркинъ имѣетъ полнѣйшее право сказать во множественномъ числѣ:

На то мы власти, чтобы насъ боялись,
Мы черный людъ, какъ стадо, бережемъ,
Какъ стадо, долженъ онъ повиноваться.

На бѣду, народъ въ Нижнемъ не такъ-то податливъ. Тотъ же Биркинъ о немъ отзывается:

... Ужь народецъ
У васъ на Волгѣ! Нечего сказать!
Новогородскимъ духомъ такъ и пахнетъ.

Т.-е., на самомъ дѣлѣ, не собственно новгородскимъ, а тѣмъ стариннымъ обще-русскимъ духомъ, который коренится въ вѣчевой порѣ. Патріархъ Гермогенъ другого мнѣнія объ этомъ духѣ, сохранившемся еще на Волгѣ. Недаромъ Мининъ передаетъ его слова:

Спасенье русское придетъ отъ Волги:
Хорошій, говорятъ, и чистый край!
Снеси ты имъ мое благословенье.

Самъ Мининъ строже относится къ своимъ землякамъ; онъ ближе стоитъ къ нимъ и въ горькомъ раздумьи спрашиваетъ:

Кто на Руси за правду ополчится?
Кто чистъ предъ Богомъ? Только чистый можетъ
Святое дѣло честно совершить.

Вся забота Минина въ томъ, чтобы отыскать вполнѣ чистыхъ людей, чтобы, подготовившись къ дѣлу постомъ и молитвою, общими силами дѣйствовать на остальныхъ, пробуждая и въ нихъ не въ конецъ заглохшія, лучшія стороны ихъ природы. Но вѣдь это-то и представляется чѣмъ-то непозволительнымъ такимъ «оберегателямъ чернаго люда», какъ Семеновъ и Биркинъ. Семеновъ прямо даже говоритъ Минину:

Вѣдь ты еще не воевода! Скажутъ,
Чтобъ говорилъ—такъ говори, что хочешь;
А скажутъ: замолчи! такъ замолчишь.

Но Минину, какъ онъ самъ на себя смотритъ, давно уже сказано, чтобы онъ говорилъ, сказано Тѣмъ, Кто создалъ его не безсловеснымъ, Тѣмъ, Кто надѣлилъ его даромъ слова. Опираясь на велѣніе свыше, на самую верховную силу, самую верховную власть, онъ безстрашно и самоувѣренно отвѣчаетъ:

Не замолчу, на то мнѣ данъ языкъ,
Чтобъ говорить. И говорить я буду
По улицамъ, на площади, въ избѣ,
И пробуждать, какъ колоколъ воскресный,
Уснувшія сердца. Вы подождите,
Я зазвоню не такъ. Не хочешь слушать,
Я не неволю: не любо—не слушай;
А замолчать меня заставить трудно.
Я не свои вамъ рѣчи говорилъ:
Великій господинъ нашъ, патріархъ,
Того же проситъ. Пусть насъ Богъ разсудитъ,
Кто правъ, кто виноватъ.

Мининъ, пользующійся свободой, и Гермогенъ, не сдающійся и въ заточеніи, говорятъ потому, что не гово-

рить не могутъ. Мининъ даже не отвѣчаетъ за свои слова, за что-либо крайнее въ нихъ или кому-нибудь лично обидное. Онъ объясняется передъ тѣми же «оберегателями» народа:

Не помню я, что говорилъ; быть можетъ,
Кого обидѣлъ словомъ. Не вините:
Не самъ я говорилъ, кровь говорила.

Кровь говорила вѣдь въ немъ не ради какой-нибудь личной обиды; она говорила въ немъ потому, что сердце у него наболѣло отъ общей бѣды, отъ народнаго горя.

Этимъ-то горемъ пропитано у него каждое слово, живописующее то, что дѣлается на Руси:

Поймаютъ, силой приведутъ къ присягѣ
Кривить душой, крестъ вору цѣловать.
Да и не счесть всѣхъ дьявольскихъ насилій,
И мукъ непереносныхъ не исчислить!
И все безропотно и терпѣливо
Народъ несетъ, какъ будто ждетъ чего-то.

Ждетъ онъ, этотъ многострадальный народъ, ждетъ не дождется избавителя отъ величайшей изъ бѣдъ—-отъ грозящаго ему нравственнаго исхуданія, онъ заполоненья его развратомъ. Прислушиваясь къ народной заунылой пѣснѣ, Мининъ хотѣлъ бы собрать всѣ слезы съ матушки широкой Руси, и говоритъ:

Пусть всѣ онѣ въ одну сольются пѣсню,
И рвутъ мнѣ сердце, душу жгутъ огнемъ
И слабый духъ на подвигъ утверждаютъ.
О, Господи! Благослови меня!
Я чувствую невѣдомыя силы,
Готовъ одинъ поднять всю Русь на плечи...

Мининъ сознаетъ, что имъ управляетъ такая сила, передъ которою все должно будетъ, наконецъ, сдаться. Сколько бы ни останавливали его, сколько бы ни заподозрѣвали его намѣренія и ни проповѣдывали ему смиреніе, осторожность или благоразуміе, а онъ все свое:

Мнѣ ждать нельзя. Мнѣ Богъ велѣлъ идти.
Смотрите на меня! Теперь не свой я,
А Божій. Не пойдетъ никто, одинъ
Пойду. На перепутьяхъ буду кликать
Товарищей. Въ себѣ не воленъ я.

Завѣтная мысль ему не дастъ покоя ни днемъ, ни ночью. Онъ не знаетъ, не помнитъ, спалъ онъ или не спалъ, когда предсталъ ему мужъ въ одѣяніи схимника

И рекъ: «Кузьма! Иди спасать Москву!
Буди уснувшихъ!»

То былъ голосъ съ того свѣта, голосъ той же церкви,— не воинствующей еще въ лицѣ моримаго голодомъ, но не поникающаго духомъ Гермогена, а церкви торжествующей, церкви небесной,—то былъ голосъ того, кто когда-то благословилъ на святую брань Донского, чья духовная сила преодолѣла все и окрылила русскую рать на побѣду, зависѣвшую отъ общаго настроенія, а не отъ личныхъ качествъ вождя. Не успѣлъ упомянуть о своемъ видѣніи Мининъ, какъ доходитъ до него вѣсть:

Гонцы отъ Троицы живоначальной,
Отъ Сергія угодника пришли.

Мининъ.

Отъ Сергія угодника? И старецъ,
Явившійся мнѣ грѣшному, былъ Сергій.
. . . .
Теперь въ послѣдній разъ, друзья, пойду я
Боярамъ, воеводамъ поклониться.
Молитесь Богу, чтобъ смягчилъ онъ сердце
Властителей, смирилъ гордыню ихъ,
Чтобы помогъ мнѣ двинуть кроткимъ словомъ
На дѣло Божье сильныхъ на землѣ.

Мининъ почти постоянно, въ теченіи пяти дѣйствій, является *дѣйствующимъ* у Островскаго, дѣйствующимъ своимъ несмолкающимъ словомъ, но вѣдь такое *слово* есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *дѣло*. Сколько бы ни говорили о преобладающемъ въ драмѣ лиризмѣ, объ однообразіи боль-

шихъ рѣчей и монологовъ Минина, но въ ней есть свой драматизмъ: онъ заключается въ медленномъ, но вѣрномъ дѣйствіи его упорнаго слова на все окружающее. Передъ нимъ, какъ дѣйствительно «власть имущимъ», склоняется наконецъ и тотъ самый Семеновъ, который напрасно разсчитывалъ на иного рода власть, чтобы заставить замолчать Минина. Семеновъ обращается къ нижегородскому воеводѣ Алябьеву со словами, въ которыхъ прямо говоритъ вдохновитель Мининъ. Но воевода не поддается увѣщаніямъ стать во главѣ нижегородской рати. «Я не пойду, усталъ», — вотъ его отвѣтъ. Онъ ссылается на неудачу прежнихъ предпріятій и объясняетъ это волею Божьею. У Минина другое на то объясненіе. Оно—въ недостаткѣ у властныхъ людей усердія, доброй воли, любви къ погибающему отечеству.

Что за корысть великимъ воеводамъ
За насъ, за маленькихъ людей, сражаться,
За дѣло земское стоять до смерти!
Имъ хочется пожить да погулять!
Имъ хорошо вездѣ. Съ царемъ повздорилъ,
Такъ въ Тушино—тамъ чинъ дадутъ боярскій;
Повздорилъ тамъ, опять къ царю съ повинной:
Царь милостивъ, проститъ; а то такъ въ Польшу.

Единственное, на что сдается, наконецъ, воевода Алябьевъ, это—приказъ кликнуть кличъ для сбора приношеній на ратное дѣло. Тѣ, которыхъ давно уже одушевилъ Мининъ, заранѣе одушевили на сборъ и другихъ, у нихъ ужь положено было пожертвовать третью деньгу. Раздался было и громкій протестъ со стороны скопидома Лыткина, ссылающагося на то, что нельзя же не дѣлать различія между семейнымъ и одинокимъ. Но міру такихъ отговорокъ не принимать стать. «Ты для себя для одного, что ли, жить хочешь?—спрашиваетъ его честный старикъ Аксеновъ.—Такъ ступай въ лѣсъ, да и живи себѣ. Съ людьми живешь, такъ и слушай, что міръ говоритъ. Больше міру не будешь! Міръ никто не судитъ, одинъ Богъ. Велитъ міръ, такъ и все отнимутъ». И этотъ мірской голосъ находитъ себѣ поддержку въ мірѣ-народѣ.

«Какъ сказано, такъ и будетъ,—говоритъ Темкинъ,—на томъ всѣ и станемъ». — «Всѣ, всѣ!» раздается съ разныхъ сторонъ. Даже оказывающійся тутъ же на площади нѣмецъ соглашается дать на общее дѣло. Почва для всенароднаго клича такимъ образомъ подготовлена. Съ разсвѣтомъ зазвонили въ Нижнемъ въ большой колоколъ, и сталъ отовсюду стекаться народъ православный. Тутъ и самому воеводѣ приходится утирать себѣ слезы. А Лыткину, по его словамъ, «сдуру втемяшилось, что всполохъ. Велѣлъ домашнимъ всю рухлядь, что есть, волочь въ городъ на спѣхъ». А народъ понялъ такъ, что это его приношеніе. Приходится скопидому отстаивать свои пожитки, но ихъ ему не отдаютъ иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы онъ деньгами выплатилъ, «какъ на міру рѣшили». Приходится Лыткину раскошеливаться и въ утѣшеніе себѣ жаловаться на грабежъ. «Неволя заставляетъ, самъ доводишь», говорятъ ему. Въ этомъ голосѣ такъ и слышится Илья Муромецъ, требующій у калики тяжеловѣсной его клюки подорожной, пропадающей задаромъ въ его рукахъ, и грозящій каликѣ: «добромъ не дашь — силою возьму», потому что клюка та понадобилась для расправы съ Идолищемъ. Подобно той клюкѣ, теперь нужны матеріальныя средства для отпора врагу, и вотъ ихъ силой берутъ у того, кто ихъ не даетъ добромъ. Знать, мірской-то духъ далекъ отъ той хитрости, что прозывается въ наше время «непротивленіемъ злу». Самъ Мининъ, по преимуществу дѣйствующій убѣжденіемъ, вынужденъ дѣйствовать и иначе — забираніемъ власти въ руки, не ради ея самой, а ради того дѣла, которому она послужитъ въ его рукахъ. Минину приходится вдругъ разочароваться, почти отчаяться. Вспомнимъ его слова:

Давно-ль тотъ день, когда бѣжалъ толпами
Народъ на площадь, отдавалъ копѣйки
Послѣднія и мѣдные кресты?
А что теперь? Хоть плачь, хоть распинайся—
И денежки не вымолишь: забыли,
Что женъ, дѣтей хотѣли заложить.

Всѣ пріуныли. Только бѣдняки
И веселы; а тѣ, что побогаче,
Какъ туча черная, всѣ почернѣли.
Разстаться жаль съ добромъ...

Онъ видитъ, что они колеблятся, исполняясь къ тому-же и ненавистью къ нему, точно онъ «о себѣ, а не о земскомъ дѣлѣ радѣетъ». Эта ихъ личная ненависть, понимаетъ онъ, можетъ повредить всему дѣлу. «Послушай,—говоритъ онъ Аксенову,—

Послали выборныхъ, просить велѣли
На воеводство князя. Князь Дмитрій
Михайловичъ ихъ спроситъ: «кто блюсти
И ратнымъ раздавать казну приставленъ?»
Меня не назовутъ, гляди, другого
Кого-нибудь. Все прахомъ и пойдетъ».

Вотъ Мининъ и не смотритъ на то, что даже Аксеновъ винитъ его въ гордости, не смотритъ, какъ не смотрѣлъ на Семенова, подозрѣвавшаго его въ корыстолюбіи. Когда, направленные къ нему Пожарскимъ, земскіе люди ударяютъ ему челомъ, чтобы онъ согласился блюсти казну, онъ, не довѣряя прочности ихъ рѣшенія, упорно отказывается и говоритъ по уходѣ ихъ:

Теперь зовутъ меня, а я нейду,
И не пойду служить, пока весь Нижній
Въ моихъ рукахъ не будетъ поголовно
Со всѣмъ народомъ и со всѣмъ добромъ.

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, даетъ свое согласіе лишь тогда, когда и нижегородцы соглашаются на такую запись:

«И быти намъ Кузьмѣ послушнымъ,
И не противиться ему ни въ чемъ!
На жалованье ратнымъ людямъ деньги
Имать у насъ у всѣхъ безпрекословно!
А не достанетъ денегъ, животы;
А животовъ не станетъ, женъ съ дѣтьми
Имать у насъ и отдавать въ закладъ».

Только при такомъ уже не переубѣжденіи, а прямо пересиливаніи общественнаго зла и считаетъ онъ дѣло прочнымъ.

Еще такъ недавно корившій его въ гордости старикъ Аксеновъ именно тутъ-то и преклоняется передъ чистотой его побужденій и передъ силою его воли, говоря за всѣхъ:

Давно стоитъ земля, а не бывало
Такого на святой Руси,
И небывалую ты служишь службу.
Прими-жъ такое званіе отъ насъ,
Какого дѣды наши не слыхали
И внуки не услышатъ, и зовись
Ты выборнымъ всей Русскою землею.

Принимая такое званіе, Мининъ имѣетъ полное право сказать, что онъ и теперь, какъ всегда, не поддается «соблазну власти». Да, онъ имѣетъ полное право сказать:

Я не свое хотѣнье исполняю,
А волю, заповѣданную свыше.

Оглядываясь вокругъ себя, любуясь на дѣло своихъ непреклонныхъ рукъ, онъ замѣчаетъ недаромъ, что «въ немъ растетъ душа».

Не только склоняя на жертву, но и вымогая ее у другихъ, Мининъ не можетъ остановиться и передъ какимъ-нибудь колебаньемъ въ своей семьѣ, не можетъ не дать и тутъ полнаго хода своей непреклонной силѣ и власти. Онъ велитъ нести все, что у него есть, велитъ даже «у святыхъ иконъ взять взаймы»,—и жена, безпрекословно повинуясь ему, говоритъ:

... Я все въ ларецъ поклала,
Не думавши, взяла и принесла.
Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарычъ,
Ты слово твердое, такъ что намъ думать!

Вотъ какое возвышенное значеніе получаетъ, движимая великою общественною идеею, та грозная власть домовладыки, которой отвратительное перерожденіе ви-

дѣли мы у того же Островскаго въ лицѣ различныхъ Гордѣй Карпычей и Титъ Титычей. Не оказывается ли послѣ этого, что не чѣмъ инымъ, какъ утратою земскихъ преданій, всякихъ отзвуковъ общиннаго начала, и объясняется появленіе и развитіе въ купеческой средѣ того зла, которое называется самодурствомъ. Если же такъ, то не ясно ли, въ чемъ должны заключаться и настоящія средства противъ него?

Но вотъ передъ нами въ той же драмѣ и лишившаяся своего домовладыки молодая вдова. Не стало у нея «мужа и господина», какъ она выражается; осталось у нея на рукахъ его имѣнье-богачество, но она не копитъ его для того, чтобы добыть себѣ такою приманкою суженаго, который бы оказался у нея въ рукахъ, не думаетъ основать на деньгахъ какой-либо, перетянутой на женскую сторону, самодовлѣющей власти. Далеко за предѣлы своего собственнаго дома выходитъ и ея кругозоръ, и она ощущаетъ свою неразрывную связь со всѣмъ человѣческимъ міромъ. Раздавала она свое имѣніе, раздавала, и все не могла раздать. Вотъ ея слова, обращенныя къ нижегородцамъ:

... Все прибавлялось—
То долгъ несутъ, то кортому съ угодій.
И не внуши вамъ Богъ такого дѣла,
Ни въ жизнь бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ.

Она считаетъ долгомъ доставшееся ей наслѣдство, потому что видитъ въ немъ чужое добро (сама она мало съ собою принесла въ домъ).

Тутъ много тысячъ. Сыпьте, не считайте!
На добрыя дѣла, на обиходъ
Еще немного у меня осталось.
Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмете.
А мнѣ на что! Съ меня и такъ довольно,
Однихъ угодій хватитъ на прожитокъ.

Ея широкому женскому сердцу достается пристыдить тѣхъ, замкнувшихся въ себѣ, богачей, которымъ приходится такъ солонъ Мининъ. А между тѣмъ, вѣдь въ ней

шевелится и личное чувство любви, но она не даетъ ему разгорѣться; оно невольно улегается въ ней передъ общей бѣдой, передъ все перевѣшивающею заботой о томъ, какъ бы выручить изъ нея землю Русскую. Напрасно желающій быть ея суженымъ домогается отъ нея, чтобы она, по крайней мѣрѣ, дала ему слово передъ выступленіемъ его въ походъ. Островскій точно будто и самъ счелъ совершенно не нужнымъ, даже прямо не подходящимъ, развитіе какого-нибудь романа въ подобнаго рода исторической драмѣ. «Богъ дастъ, вернешься»,—говоритъ Поспѣлову Мареа Борисовна.—«Какъ же, дожидайся!—отвѣчаетъ онъ обиженнымъ тономъ.—

Скорѣе голову свою положишь».
—«А голову положишь, нешто худо!»

Невольно пристыжая его, говоритъ она:

Что мученикъ, что на войнѣ убитый,—
Вѣдь все равно. Куда ты угодишь,
Пойми? Намъ не бывать тамъ, гдѣ ты будешь.

Этотъ взглядъ ея — тотъ же мірской взглядъ, который побудилъ новгородскаго лѣтописца отнестись и къ западнымъ крестоносцамъ, какъ къ «святымъ мученикамъ».

Такимъ образомъ эта нѣжная женская душа, не поддающаяся соблазну личной любви (въ такую годину это прямо соблазнъ), не поддается и тому умственному соблазну, въ силу котораго и къ подобнаго рода священной войнѣ готовы бываютъ иные примѣнять пословицу: «худой миръ лучше хорошей брани». И отъ того, и отъ другого соблазна ограждаетъ Мареу Борисовну причастность ея тому расширенному кругозору, какой открывается передъ нею ея участіемъ въ общей, въ народной жизни.

Въ ряды «святыхъ мучениковъ», какими представляются Мареѣ Борисовнѣ Божьи воины (такъ называетъ ихъ въ эпилогѣ народъ), поступаетъ, наконецъ, и *юро-*

дивый—этотъ вполнѣ народный типъ, прекрасно воспроизведенный Островскимъ, типъ, представитель той особой напряженности душевныхъ силъ, которая сказывается тутъ при полнѣйшей, повидимому, слабости или даже непробужденности силы умственной. Сперва отдавъ всѣ свои «копѣечки», юродивый выбѣгаетъ подъ конецъ драмы вооруженный, и его прощаніемъ съ міромъ-народомъ и заканчивается драма. Недаромъ давно уже видѣлась ему «длинная дорога: встанетъ, такъ до неба достанетъ», недаромъ давно собирался онъ въ этотъ путь-дороженьку не одинъ, а предвидѣлъ, что вмѣстѣ съ нимъ будетъ «много-много». Недаромъ видѣлись ему въ концѣ этой дороги

Обители, соборы, много храмовъ,
Стѣна высокая, дворцы, палаты...
Все по горамъ сады, на церквахъ главы
Все золотыя. Вотъ одна всѣхъ выше
На солнышкѣ играетъ голова...
Рѣка, какъ лента, вьется... Кремль! Москва!

VII.

«Воевода».—«Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій».—«Тушино».

Отъ драматической хроники въ Шекспировскомъ родѣ Островскій снова обратился къ комедіи—только не въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, а въ томъ особенномъ, въ какомъ оно употреблялось иногда и великимъ англійскимъ драматургомъ. Тутъ далеко не одинъ комизмъ, тутъ есть и не мало бьющаго по сердечнымъ струнамъ, а дѣйствіе отодвинуто тутъ въ отдаленное прошлое—въ половину XVII столѣтія. Мы разумѣемъ «Воеводу или сонъ на Волгѣ», комедію въ пяти дѣйствіяхъ съ прологомъ, въ стихахъ, воспроизводящую передъ нами тѣ-же двѣ стихіи русской жизни, служилую или приказную и земскую, соотношеніе которыхъ такъ широко указано въ «Mининѣ».

Время дѣйствія въ «Воеводѣ»—это то время, когда окончательно возстановилась изъ развалинъ и окрѣпла на прежнихъ своихъ основахъ государственная храмина, расшатавшаяся въ смутную пору. На повѣрку выходитъ, что, попрежнему считающіе себя ея единственною опорою, служилые люди ничему-то въ эту пору не научились. Вотъ какимъ образомъ описываютъ своего воеводу жители того большого города на Волгѣ, который служитъ въ нашей комедіи мѣстомъ дѣйствія:

Не до воровъ ему, поминки любитъ...
И сысканныхъ-то въ люди распускаетъ,
Беретъ на нихъ и сто рублевъ, и больше.
— А я скажу, что воевода сыщикъ
Лихой у насъ. Онъ дѣвокъ на посадѣ,
Да по клѣтямъ добро какъ разъ разыщетъ,
Не утаишь...

Воевода, въ самомъ дѣлѣ, живетъ, какъ турецкій паша. Такъ, онъ забралъ къ себѣ въ домъ молодую женщину, мужа которой довелъ своими прижимками до того, что тотъ ушелъ въ больницу, а самъ на старости лѣтъ, защекотавъ до смерти двухъ своихъ прежнихъ женъ, собирается снова жениться, выбирая изъ двухъ сестеръ совсѣмъ молоденькую и хорошенькую. Отъ общаго недовольства у воеводы есть такой надежный столбъ, какъ стрѣлецкій сотникъ Баимъ, которому онъ говоритъ:

Пошарь-ко тамъ съ своими молодцами,
Не сыщешь ли кого изъ крикуновъ.
Да не зѣвай! Того, Баимъ, не бойся,
Что въ виноватыхъ правый попадется:
Невиноватъ—укажетъ виноватыхъ.

Понятно, что, при такихъ порядкахъ, народнымъ сочувствіемъ пользуется та волжская вольница, въ которую, вслѣдъ за другими, ушелъ и прижатый воеводой Дубровинъ (вѣдь изъ той же гулящей вольницы вышелъ въ свое время и Ермакъ Тимоѳеевичъ). Недаромъ посадскій Тыра такимъ образомъ защищаетъ Дубровина, ограбившаго, какъ про него баютъ, казну:

Ты бай, не бай—не наше это дѣло.
Казну разбилъ, казна про то и сыщетъ:
А ты не лай разбойникомъ напрасно,
А называй удалымъ молодцомъ.

Недаромъ и самъ Дубровинъ говоритъ старику Несмѣянову, совѣтующему связать его:

... Эхъ, дѣдушка, за что же?
Ты пожалѣй меня! Связать не долго;
Вязать—вяжи, да послѣ не тужи.
Я самъ даюсь; одинъ—не ратникъ въ полѣ
И дерево одно—не темный лѣсъ.

Онъ теперь одинъ, потому что, оставивъ своихъ товарищей, прокрался въ городъ, чтобы узнать про жену. «Меня въ тюрьму,—продолжаетъ онъ,—

... А сколько насъ на волѣ
Останется, ты всѣхъ не перевяжешь;
А у тебя домишко на посадѣ,
Чай бережешь отъ красныхъ пѣтуховъ?»

И никто не выдаетъ Дубровина, не только изъ страха «краснаго пѣтуха», но и по болѣе благороднымъ побужденіямъ,—побужденіямъ, вытекающимъ изъ духа общины.

Кромѣ ухода въ вольницу, есть и еще одинъ путь, уже совершенно законный, противъ воеводскихъ порядковъ. Объ этомъ пути вспоминаетъ посадскій Смирной:

... Терпѣнья намъ не стало!
Чему ни быть, а надоть челобитье
Царю писать.

Правда, на замѣчаніе старосты, что давно уже объ этомъ разговоръ, а дѣла нѣтъ, тотъ же Смирной замѣчаетъ:

...Москва намъ дорога,
Дойметъ тебя московской волокитой.

Но, несмотря ни на что, къ челобитной все-таки прибѣгаютъ. Для подачи ея разсчитываютъ, и недаромъ,

на бывшаго губного старосту Бастрюкова, разсчитывають, говоря:

> Онъ намъ родной, мы сами выбирали,
> А воеводъ не вѣсть откуда шлють.

Это тотъ самый Бастрюковъ, котораго, по мнѣнію воеводы,

> Унять давно пора. Зазнался больно,
> На шею сѣлъ... Плутамъ заступникъ,
> Оберегатель земскій. Двумъ медвѣдямъ
> Не жить въ одной берлогѣ.

Воеводѣ и въ другомъ, чисто уже личномъ смыслѣ, приходится очутиться въ одной берлогѣ — съ сыномъ Бастрюкова, которому давно приглянулась младшая дочь богатаго посадскаго Власа Дюжого, требуемая воеводою себѣ въ замужество вмѣсто старшей, предназначенной воеводѣ ея родителями. Воевода накрываетъ молодого Бастрюкова какъ разъ въ минуту задуманнаго имъ похищенія Марьи Власьевны. Но Бастрюковъ, разумѣется, не оставляетъ своего молодецкаго замысла. Онъ сходится еще и съ удалымъ Дубровинымъ, а тотъ призываетъ на помощь колдуна Мизгиря. Нельзя, кажется, не замѣтить, что, разсчитывая на суевѣріе воеводы, что̀ вполнѣ понятно, наши заговорщики разсчитываютъ и на его круглую глупость, а это далеко не такъ понятно. Мы не можемъ не видѣть слабой стороны комедіи въ томъ, что воевода, зная уже о намѣреніяхъ молодого Бастрюкова, уже накрывъ его разъ, такъ безоглядочно сдается на совѣтъ Мизгиря:

> Въ отъѣздъ тебѣ изъ города дня на два,
> А не уѣдешь, ничего не будетъ.
> Вся сила въ томъ. Пускай она тоскуетъ
> И сохнетъ по тебѣ. Какъ меду выпьетъ,
> Сейчасъ тоска ее обыметъ, станетъ
> Всѣхъ спрашивать: да скоро-ль онъ пріѣдетъ,
> Мой милъ сердечный другъ?

Медъ, о которомъ говоритъ колдунъ, наговоренный медъ, но вѣдь для дѣйствія его на дѣвушку, посред-

ствомъ наговоренной на медъ тоски, воеводѣ не представляется ни малѣйшей надобности удаляться. Не менѣе страннымъ представляется и то, что у Бастрюкова съ его молодцами не хватаетъ умѣнья похитить Марью Власьевну поскорѣе и что воевода, надоумленный привидѣвшимся ему во время его странствія сномъ, возвращается какъ разъ во-время, чтобы снова накрыть похитителей. Все это какъ-то совсѣмъ неестественно, а равно и черезчуръ уже близокъ къ дѣйствительности, неестественно близокъ, тотъ сонъ, въ которомъ онъ видитъ и Бастрюкова-отца, подающаго на него челобитную въ Москвѣ, и Бастрюкова-сына, нападающаго со своими молодцами на тѣ хоромы, въ которыхъ заперта у него Марья Власьевна. Недостатки комедіи выкупаются такими отдѣльными сценами (совсѣмъ уже не комическими), какъ между Дубровинымъ и пустынникомъ, Дубровинымъ и его женою (съ которою встрѣчается онъ у воеводы, принимая участіе въ похищеніи Марьи Власьевны).

Пустынникъ олицетворяетъ собою ту стихію древнерусскаго общества, которая, при своемъ пассивномъ пониманіи христіанства, исповѣдывала своего рода «непротивленіе злу». Онъ говоритъ Дубровину:

Мнѣ жаль тебя. Мы оба бѣглецы.
Ты зломъ за зло, обидой за обиду
Грѣховному и суетному міру
Воздать желаешь; я молюсь о немъ.
Не обнажай меча! Мечомъ погибнетъ
Извлекшій мечъ. Живи со мной въ пещерѣ;
Ко мнѣ и звѣрь безтрепетно приходитъ,
А отъ тебя и человѣкъ со страхомъ
Отходитъ прочь.

Дубровинъ начинаетъ каяться; но кончаетъ тѣмъ, что оправдываетъ себя, говоря:

Мой норовъ крутъ, душа моя не терпитъ,
Когда большой молодшаго обидитъ,
Подвластнаго гнететъ да давитъ властный.

У пустынника, разумѣется, и на это есть возраженія:

У властныхъ власть идетъ отъ Бога. Кто же
Тебѣ дозволилъ стать надъ властью?

Дубровинъ.

Сердце
Ретивое, что бьется—не уймется.
Не правый судъ царитъ на бѣломъ свѣтѣ,
Въ овечьемъ стадѣ волки пастухами;
Кто-жъ заступитъ за бѣдныхъ, беззащитныхъ?
Не мы, такъ кто-жъ? Нѣтъ власти,—есть охота.

Но онъ самъ понимаетъ, что тѣ, съ которыми онъ поневолѣ сошелся, не ему чета:

По локоть
Въ крови ихъ руки, головы похмѣльны,
Я имъ не ровня; я затѣмъ и съ низу
Привольнаго поближе къ дому приплылъ,
Чтобъ бросить ихъ и сѣсть опять въ посадѣ,
Лишь далъ бы Богъ—смѣнился воевода

Онъ разсчитываетъ на то, что только бы была возможность вернуться въ тотъ кругъ, изъ котораго выжилъ его Шалыгинъ,—

Посадскіе не выдадутъ, подъячихъ
Купить не дорого. А тамъ годочекъ,
Другой пройдетъ, доводчиковъ не бойся.
Живешь по тиху, такъ въ разбоѣ старомъ
Судить заказано, опричь убійства.
А я не лгу: я рукъ не кровянилъ.

Его такъ и тянетъ домой, въ общество, завѣты котораго перенесъ онъ въ самую вольницу, въ семью, которая есть у него въ настоящемъ смыслѣ. Между тѣмъ какъ Шалыгины защекочиваютъ собственныхъ женъ и располагаютъ чужими, проявляя самое безшабашное самодурство, Дубровинъ—прямой семьянинъ, и жена его остается ему вѣрна, несмотря ни на что. Ихъ союзъ основанъ на настоящей, на твердой и прочной любви и если бы не злые Шалыгины, была бы у нихъ всегда «тишь, да гладь—Божья благодать». Свиданіе Дубровина со своею Оленушкой обдаетъ васъ дѣйствительнымъ лучомъ свѣта. На просьбу жены сказать ей по правдѣ, не промѣнивалъ ли онъ ее тамъ на сторонѣ на кого-нибудь, онъ чистосердечно ей отвѣчаетъ:

Въ сиротской нашей долѣ
До ласки ли, Олена? А взгрустнется,
Бывало, мнѣ,—присядешь, горько всплакнешь.
Придетъ ко мнѣ, бывало, пожалѣетъ,
Приластится, лицо и руки лижетъ
Мой вѣрный песъ, лохматая собака...

Олена.

Такъ прогони-жъ свою собаку, злую
Разлучницу. Возьми меня. Собакой
Служить тебѣ я буду, злое горе
Съ тобой дѣлить; въ глаза глядѣть и плакать,
И ластиться.

Но у него, въ свою очередь, являются совершенно невольныя и, пожалуй, еще болѣе понятныя подозрѣнія. Она успокаиваетъ его:

Романушко, не думай! Воевода
И плакалъ-то, и пыткой-то стращалъ,
Я напрямикъ ему сказала: руки,
Молъ, наложу, отстань. Три дня не ѣла,
Голодной смертью помереть хотѣла,
И унялся....

Прекрасна также въ сценѣ остановки воеводы, на перепутьи, въ избѣ, противоположность между его тревожнымъ сномъ и безмятежнымъ покоемъ крестьянскаго младенца, убаюкиваемаго старухою:

Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи-усни, крестьянскій сынъ!
Насъ Богъ забылъ, царь не милуетъ,
Люди бросили, людямъ отдали,
Намъ во людяхъ жить, на людей служить,
На людей людямъ припоравливать.
. . . .

Баю, баю, милъ внученочекъ!
Ты спи-усни, крестьянскій сынъ!
Ты спи, поколь изживемъ бѣду,
Изживемъ бѣду, пронесетъ грозу,
Пронесетъ грозу, горе минется,
Поколь Богъ проститъ, царь сжалится.

Долго, слишкомъ долго пришлось дожидаться того цѣлому ряду крестьянскихъ поколѣній! Правду говорила воеводѣ старуха, что

И правнуки, и внуки
Праправнуковъ Егорья помнить будутъ.

Но надъ тѣми своими «сиротами», которые печаловались ему на этого воеводу, царь вскорѣ сжалился. Напрасно еще во-время поспѣваетъ Шалыгинъ домой, чтобы опять накрыть похитителей Марьи Власьевны, напрасно собирается онъ защекотать свою невѣсту, какъ защекоталъ въ свое время двухъ женъ: Бастрюковъ-отецъ тутъ какъ тутъ, чтобы объявить ему, что, по царскому указу, на мѣсто его присланъ Левонъ Поджарый. Приходится старому грѣховоднику сдаться. Между тѣмъ, Дубровина берутъ на поруки его посадскіе. Все такимъ образомъ устраивается пока совсѣмъ хорошо и Бастрюкову приходится праздновать нравственную побѣду, говоря Шалыгину:

Мнѣ Богъ съ тобой, свою бы я обиду
Тебѣ простилъ; да ты весь міръ обидѣлъ.
Ты, знать, забылъ, что съ міромъ не поспоришь,
Что міръ вздохнетъ, такъ до царя дойдетъ.

Да, вздохнулъ этотъ міръ во дни Минина, и сдалась передъ этимъ вздохомъ народнымъ иноземная сила въ Кремлѣ, и не посмѣлъ король Сигизмундъ ни самъ усѣсться на русскій престолъ, ни послать на него своего королевича; вздохнулъ міръ-народъ, и на вздохъ его явился новый, своей русской крови, царскій домъ и нашелъ онъ себѣ опору твердую въ томъ же мірѣ-народѣ. Но попрежнему не хотѣли знать этого мірского вздоха всякіе служилые да приказные, извѣрился въ нихъ совсѣмъ міръ-народъ, и радость его о томъ, что царь внялъ его глубокому вздоху, сейчасъ же и омрачается невольнымъ раздумьемъ о вновь назначенномъ воеводѣ:

Ну, старый плохъ, каковъ-то новый будетъ?
—Да надо быть, такой же, коль не хуже!

Послѣ своей бытовой комедіи изъ XVII в. Островскій возвращается опять на чисто-историческую почву въ своей драматической хроникѣ въ двухъ частяхъ: «Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій» (1867 г.). За нею послѣдовало «Тушино» (въ томъ же году). Нарисовавъ намъ конецъ нашей смутной поры въ своемъ «Мининѣ», онъ обратился затѣмъ къ ея первой порѣ и къ порѣ ея разгара. Смуту недаромъ считаютъ особенно драматическою эпохою въ нашей исторіи. Съ легкой руки Пушкина, воспроизводили ея начало и ея конецъ Кукольникъ, Гедеоновъ, Константинъ Аксаковъ, Хомяковъ, Чаевъ и, позже всѣхъ, уже послѣ Островскаго, гр. Голенищевъ-Кутузовъ. Къ великой чести Островскаго, онъ со всею силою своего таланта далъ почувствовать въ своихъ драмахъ изъ этой поры все значеніе той народной стихіи, которая недостаточно выступаетъ впередъ у Пушкина, глубоко сознавалась, конечно, Хомяковымъ и К. Аксаковымъ, но не вполнѣ далась имъ въ своемъ драматическомъ воспроизведеніи.

Конечно, уже Пушкинъ въ «Борисѣ Годуновѣ» далъ почувствовать, что самозванецъ оказывался сильнымъ

Не войскомъ, нѣтъ, не польскою помогой,
А мнѣніемъ, да—мнѣніемъ народнымъ.

Недаромъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ говоритъ у него про народъ:

....Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинный Юрьевъ день,
Ну, и пойдетъ потѣха.

Глубокаго смысла, конечно, исполнено въ концѣ драмы и то «безмолвіе народа», которое сулитъ самозванцу недоброе. За то прямая причина гибели Годунова, коренившаяся тоже въ настроеніи народномъ, показана Пушкинымъ далеко не ясно. Что же касается геніальнаго Пушкинскаго намека на будущую гибель самозванца, то для оправданія его нужна была цѣлая новая драма, такъ и не написанная Пушкинымъ. Съ нею-то, съ этою даль-

нѣйшею драмою самозванца, и встрѣчаемся мы у Островскаго. Мы видимъ его тутъ уже на престолѣ и убѣждаемся въ искренности его прекрасныхъ правительственныхъ намѣреній. Онъ вѣдь съ истиннымъ увлеченіемъ говоритъ Басманову:

Вездѣ, во всемъ вы властвуете страхомъ:
Вы женъ своихъ любить васъ пріучали
Побоями и страхомъ; ваши дѣти
Отъ страха глазъ поднять на васъ не смѣютъ;
Отъ страха пахарь пашетъ ваше поле,
Идетъ отъ страха воинъ на войну.
Ведетъ его подъ страхомъ воевода,
Со страхомъ вашъ посолъ посольство правитъ;
Отъ страха вы молчите въ думѣ царской.
Отцы мои и дѣды, государи,
Въ ордѣ татарской, за широкой Волгой,
По ханскимъ ставкамъ страха набирались
И страхомъ править у татаръ учились.
Другое средство лучше и надежнѣй—
Щедротами и милостью царить.

Говоря о «предкахъ», самозванецъ, можно сказать, чистосердечно увлекается мыслью, что онъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ ихъ потомокъ. Ему, очевидно, втолковано, что онъ настоящій царевичъ. Соединяя въ своемъ пониманіи названаго Димитрія ту историческую догадку, которая видитъ въ немъ орудіе извѣстной боярской партіи, уже вырастившей его въ потребныхъ для того понятіяхъ, съ тѣмъ едва ли уже не безспорнымъ историческимъ мнѣніемъ, по которому самозванецъ является орудіемъ польско-іезуитской интриги, Островскій не рѣшился, однако же, выставить его вполнѣ убѣжденнымъ въ своемъ царскомъ происхожденіи. Такимъ оказывается онъ, какъ извѣстно, въ неоконченной трагедіи великаго нѣмецкаго поэта, весь психологическій интересъ которой и сосредоточивается въ томъ, что, уже достигая своей цѣли, Димитрій неожиданно разувѣряется въ томъ, во что онъ такъ твердо вѣрилъ—въ самомъ себѣ («Demetrius» Шиллера). Но и у Островскаго онъ, при своей увлекающейся натурѣ, по временамъ почти готовъ вѣрить тому,

что ему издавна втолковано. Припомнимъ его обращеніе къ Грозному:

Отецъ названый! Я себя не знаю,
Младенчества не помню. Царскимъ сыномъ
Я назвался не самъ; твои бояре
Давно меня царевичемъ назвали
И, съ торжествомъ и злобнымъ смѣхомъ, въ Польшу
На бережепье отдали. Не самъ я
На Русь пошелъ; на смѣну Годунова
Давно зоветъ меня твоя столица,
Давно идетъ по всей Россіи шопотъ
Что Дмитрій живъ...
....Какъ сонъ припоминаю,
Что въ дѣтствѣ я былъ вспыльчивъ какъ огонь;
И здѣсь, въ Москвѣ, въ большомъ дому боярскомъ,
Шептали мнѣ, что я въ отца родился,
И радостно во мнѣ играло сердце.
Такъ кто же я? Ну, если я не Дмитрій,
То сынъ любви, иль прихоти царевой...
Я чувствую, что не простая кровь
Течетъ во мнѣ....
.... Счастливый самозванецъ
И царствъ твоихъ невольный похититель,
Я не возьму тиранскихъ правъ твоихъ—
Губить и мучить. Я себѣ оставлю
Одно святое право всѣхъ владыкъ—
Прощать и миловать.

Онъ, стало быть, является у Островскаго не искателемъ приключеній, не ловцомъ рыбы въ мутной водѣ; онъ увлекается мыслью о тѣхъ благахъ, которыя онъ можетъ доставить Русской землѣ, пользуясь доставшеюся ему властью. Да, но онъ смотритъ на себя, какъ на какой-то добровольный источникъ благодѣяній, онъ составилъ себѣ, не безъ вліянія иноземцевъ, самое темное понятіе объ отечественномъ строѣ жизни, и онъ не чуетъ того народнаго воззрѣнія на власть, въ силу котораго она является *службою* землѣ; не чуетъ, что тиранскій образъ дѣйствій Грознаго не былъ его государевымъ *правомъ*; что сыну предстояло бы просто, не мечтая о благодѣяніяхъ, загладить передъ народомъ грѣхи отца. Правда, Димитрій вспоминаетъ о народѣ, какъ о сознательной силѣ, обращается къ его голосу, къ его суду,

когда ему предстоитъ расправа съ Шуйскимъ. Но это оттого, что ему бы только свалить съ самого себя тяжелое дѣло расправы съ личными врагами. Островскій выставилъ его самоувѣренно великодушнымъ до легкомыслія, такъ что самозванецъ напоминаетъ у него Сарданапала въ извѣстной трагедіи Байрона. Но онъ напоминаетъ Сарданапала и въ другомъ отношеніи — тѣмъ, что, при всей своей добротѣ и великодушіи къ врагамъ, онъ, такъ сказать, слишкомъ добръ и къ самому себѣ, слишкомъ самъ себѣ потакаетъ. При этомъ онъ уже ни мало не думаетъ о народномъ мнѣніи, о народномъ судѣ надъ собою, и вотъ ему приходится выслушать отъ дьяка Осипова такія смѣлыя укоризны:

Какой ты царь! Тебѣ-ль управить царствомъ,
Когда собой управить ты не въ силахъ!
Какой ты царь! Ты самъ въ оковахъ рабства.

Но этотъ дьякъ,—онъ вѣдь, хотя и приказный человѣкъ,—въ этомъ случаѣ прямой представитель народнаго мнѣнія. Онъ открыто высказывается передъ Димитріемъ, не вынося и хозяйничанья въ Москвѣ поляковъ съ ихъ очевиднымъ презрѣніемъ къ русскому народу, и явнаго нарушенія самозванцемъ народныхъ обычаевъ, открытаго вызова съ его стороны религіозному чувству народа. На спросъ Димитрія, чего онъ хочетъ, кѣмъ обиженъ, Осиповъ прямо отвѣчаетъ: «тобою».

Димитрій.

Не знаю, чѣмъ и какъ я могъ напрасно
Тебя обидѣть, добрый человѣкъ.

Осиповъ.

А тѣмъ, что ты въ святыхъ стѣнахъ кремлевскихъ,
Среди церквей вертепъ грѣху поставилъ...
. . . .
Святую тишь молитвы православныхъ
Нарушилъ ты гудѣньемъ мусикійскимъ...
. . . .
Гдѣ я молюсь, предъ чѣмъ благоговѣю,
Куда вступаю съ трепетомъ священнымъ,
Туда со мной литвинъ и ляхъ съ руганьемъ
И мерзостнымъ кощунствомъ вмѣстѣ входятъ.

Осиповъ при этомъ очень хорошо понимаетъ, чѣмъ онъ можетъ поплатиться. Онъ говоритъ:

Я смерти жду. Постомъ и покаяньемъ
Я оградилъ себя отъ страха смерти,
И, причастясь святыхъ Христовыхъ тайнъ,
Пришелъ къ тебѣ изъ Божьей церкви прямо
Принять изъ рукъ твоихъ вѣнецъ страдальца,
Съ которымъ я на небеса предстану.

Димитрію, закричавшему было: казнить! но сейчасъ же и отмѣняющему такое рѣшеніе, остается только сознаться, что «твердый, какъ желѣзо, безжалостенъ къ себѣ народъ московскій».

Но это вовсе не внушаетъ ему уваженія къ народу, а только заставляетъ Димитрія заключить о народѣ, что

Онъ милостей не цѣнитъ и не стоитъ.

Шуйскій, этотъ «лукавый царедворецъ», какъ его назвалъ Пушкинъ, но царедворецъ, пролагающій себѣ дорогу къ царству, искусно пользуется у Островскаго легкомысліемъ самозванца и только подстерегаетъ его на то, на чемъ онъ себѣ сломитъ шею. Напрасно предостерегаетъ Димитрія дѣйствительно вѣрный ему Басмановъ, говоря ему:

Бояръ пронырство
Невѣдомо тебѣ,—ты съ нами не жилъ.
Грозна была опала государей,
Родителей твоихъ, и Годунова;
Но еслибъ знать ты могъ бояръ крамольныхъ
Всѣ помыслы, ты казнямъ бы Ивана
Не подивился. Въ самой преисподней,
На самомъ днѣ клокочущаго ада
Не выковать такихъ сѣтей, какими
Они тебя и Русь опутать могутъ.

Голосъ Басманова вполнѣ въ этомъ вторитъ народному голосу, который выражается тутъ и краткими словами юродиваго: «бояринъ — татаринъ». Тому же юродивому принадлежатъ въ драмѣ и другія слова: «казакъ—полякъ!» Вѣрность и этого замѣчанія юродиваго (въ томъ смыслѣ,

что казаки дѣйствовали тутъ за-одно съ поляками) подтверждается кое-чѣмъ уже и въ этой драматической хроникѣ; еще же болѣе очевидною становится она въ «Тушинѣ».

Но и бояре могли бы быть прозваны поляками — въ смыслѣ дѣйствовавшихъ во многомъ съ ними за-одно. Только то, что свело нашихъ бояръ съ панами, то и разводитъ ихъ съ ними. «Оно-бъ не худо», — говоритъ Голицынъ, —

Шляхетскія намъ вольности имѣть:
Да вотъ бѣда—панъ Юрій Мнишекъ сядетъ
На васъ на всѣхъ, между царемъ и нами».

Они не на шутку задѣты, когда Димитрій говоритъ боярамъ:

Не забудьте,
Что польскіе паны не вамъ чета.

Рѣшеніе ихъ коротко. Оно высказывается тѣмъ же Голицынымъ:

Пора ужъ намъ почетъ, боярамъ, видѣть!
Мы выберемъ себѣ царя межъ нами,
Боярскаго царя.

А Татищевъ поясняетъ это тѣмъ, что

Боярами стоитъ земля отъ вѣка.

Шуйскій идетъ еще далѣе, говоря:

Боярство—Русь великая, а земство
Идетъ туда, куда ведутъ бояре.
Народъ возьметъ, что мы ему дадимъ,
И будетъ знать, что мы ему велимъ.

Шуйскій считаетъ себя и своихъ «Борисовыми учениками», т.-е. прошколенными опытомъ временъ Бориса и Грознаго. «Насъ не проведешь!»—похваляется онъ, прибавляя:

По выбору и ложь, и правда служатъ
У насъ въ рукахъ орудіемъ для блага
Народнаго. Нужна народу правда—
И мы даемъ ее; мы правду прячемъ,
Когда обманъ народу во спасенье.
Мы лжемъ ему: и мрутъ, и оживаютъ
По нашей волѣ люди; по базарамъ
Молва пройдетъ о знаменьяхъ чудесныхъ.
Убогіе, блаженные пророчатъ,
Застонетъ камень, дерево заплачетъ,
Изъ нѣдръ земли послышатся глаголы,
И наша ложь въ народѣ будетъ правдой,
Въ хронографы за правду перейдетъ.

На повѣрку же выходитъ, что они еще далеко не прошколены жизнью, такъ-таки ничему и не выучились. Шуйскій думаетъ помыкать народомъ, направляя его, какъ тупую, грубую силу, противъ самозванца. Но вѣдь и какой-нибудь калачникъ, которымъ онъ при этомъ пользуется, исполненъ самосознанія, когда останавливаетъ десятскаго, накинувшагося на того старика, который доказываетъ, что настоящій царевичъ давно убитъ.

Ты лѣтъ не чтишь, ты, сдуру, поднялъ руки
На старика сѣдого! Ну, такъ стой же!
Учтивости я выучу тебя.

Десятскій.

Ты что шумишь? Ты самъ-то что за птица?

Калачникъ

Что я-то?! Я—не сыщикъ, не доносчикъ;
Я—весь народъ московскій; вотъ—кто я!
Ты радуйся, что мы покуда тихи.
Берись за умъ, одну съ народомъ пѣсню
Затягивай! а то бѣды дождешься...

Шуйскому удается, воспользовавшись легкомысленными ошибками самозванца, вызвать противъ него возстаніе. Приговоренный уже было къ казни, но помилованный, Осиповъ, несмотря на то, величается надъ самозванцемъ, говоря:

Проспался-ль ты, безвременный царекъ!
Поди сюда! Покайся предъ народомъ!

Но Димитрій въ эту минуту даже готовъ на то. Въ немъ проснулись въ роковой часъ лучшія стороны его природы, и онъ говоритъ Шуйскому:

Пойдемъ къ народу,
На Лобное, къ мятежникамъ твоимъ!
Я не боюсь, я правъ; пускай разсудятъ
Меня съ тобой! Я остаюсь на волю
Народную... Боишься ты, не смѣешь
Своей души народу обнажить?
Я все скажу! И пусть народъ узнаетъ,
Что я честнѣй тебя...

Уже слишкомъ поздно, конечно,—участь самозванца рѣшена. Но вы чувствуете, что и Шуйскому не усидѣть на своемъ самозданномъ престолѣ.

Бояре, ради собственныхъ выгодъ содѣйствующіе ему, чтобы взять съ него запись, ограничивающую его въ ихъ пользу, въ то же самое время и завидуютъ-то ему, и презираютъ-то его глубоко. Вотъ какъ описываетъ Шуйскаго Куракинъ:

Что ни начни, все свято у него!
Завѣдомо мошенничать сберется,
Иль видимую пакость поровитъ,
А самъ, глядя, вздыхаетъ съ постной рожей
И говоритъ: «святое дѣло, братцы!»

Чисто личными побужденіями, конечно, руководствуется въ своемъ осужденьи и Голицынъ. Это не мѣшаетъ ему проговориться словомъ глубокой правды — вѣрно указать на то, чего именно не достаетъ Шуйскому для прочности его власти. Вотъ слова Голицына, которыми и заканчивается его хроника:

Крамольникъ онъ отъ головы до пятокъ.
Бояриномъ ему-бъ и оставаться.
Крамольнику не слѣдъ короноваться.
Крамолой сѣлъ Борисъ, а Дмитрій силой:
Обоимъ тронъ московскій былъ могилой.
Для Шуйскаго примѣровъ недовольно;
Онъ хочетъ сѣсть на царство самовольно—
Не царствовать ему! На тронъ свободный
Садится лишь избранникъ всенародный.

Мы снова встрѣчаемся съ Василіемъ Шуйскимъ въ новой драматической хроникѣ Островскаго «Тушино». Изъ собственной его рѣчи видно, что престолъ уже сильно колеблется подъ нимъ. Онъ причитаетъ жалобно:

Моя судьба—мудреная загадка.
Отъ плахи я перешагнулъ на тронъ;
На грязномъ тронѣ я сижу безъ власти!
Безъ власти царь московскій! это дѣло
Не слыхано! Орлу парить высоко
Безъ крылъ нельзя! А я орелъ безъ крыльевъ.
. . . .
Не страшенъ врагъ! Пошли, Творецъ небесный,
Мнѣ равнаго и честнаго врага!
Ведутъ войну цари съ царями, идутъ
На честный бой пытать и гнѣвъ и милость
Твою, Господь! И ты даешь побѣду
Достойному, а гордаго смиряешь.
А я борюсь, а я воюю, Боже!
Съ холопами, съ ворами, съ бѣглецами!
Обругано твое святое имя,
Обругано помазанье твое!

Но Шуйскій все-таки не понимаетъ, отчего оно такъ, чего именно не достаетъ ему, чтобы считать себя на престолѣ прочнымъ.

Между тѣмъ тамъ, въ Тушинѣ — воображаетъ себя возсѣдающимъ на томъ же престолѣ другой, какъ его называли, «царикъ», такъ-же самозванно воспользовавшійся именемъ Дмитрія, какъ и тотъ, кого свергъ Василій Ивановичъ Шуйскій.

У него ли, казалось бы, не житье! Оно вѣдь не только краснорѣчиво, но и въ своемъ родѣ вполнѣ вѣрно описывается Саблуковымъ:

Тамъ всѣ равны; живутъ по Божью слову,
Боярину большому, дворянину
И ратнику простому честь одна.
. . . .
А если ты давнишнюю обиду,
Хотъ за десять годовъ, желаешь вспомнить
И выместить—охотники сберутся,
Товарищи, и вольною толпою
Пойдутъ съ тобой обидчика искать
На днѣ морскомъ, лишь покажи дорогу.

Но тотъ, кто даруетъ подобную волю всякому, кто захочетъ ему служить, самъ не имѣетъ никакой воли: онъ весь въ рукахъ у Рожинскихъ и у Сапѣгъ, которые, чуетъ онъ, должно быть и сами погубятъ его — тѣмъ, что разсчитываютъ только на приманку къ нему вольною волею да разливаннымъ моремъ, а позабываютъ о томъ, что есть же въ народѣ потребность и не въ такой безшабашной волѣ, потребность правды Божьей и возможной только подъ ея сѣнью настоящей человѣческой свободы. Новый названный Дмитрій самъ приходитъ въ ужасъ отъ того, что

Идетъ громить Сапѣга
Великую святыню православныхъ,
Святой оплотъ поборниковъ Христовыхъ.
. . . .
Мы, русскіе, святыню почитаемъ

увѣряетъ онъ, и тутъ же, немного погодя, даетъ приказанье идти на осаду Троице-Сергіевой Лавры, отдаетъ приказанье, и тутъ же приходитъ въ ужасъ, что не только между иноземцами и иновѣрцами, но и между русскими, православными, находятся такіе, какъ М. Редриковъ, который съ полнѣйшимъ спокойствіемъ говоритъ про своего царя:

Служа ему, мы грабить
И разорять въ Московскомъ государствѣ
Всѣ города у Шуйскаго должны.
А Сергіевъ, иной ли городъ грабить,
Намъ все одно...

Тутъ ужъ именно выходитъ по словамъ юродиваго въ предыдущей хроникѣ: «казакъ—полякъ». Т.-е. тутъ можно было бы такъ-же сказать: «русакъ—полякъ».

Сапѣга вѣдь недаромъ говоритъ про Редрикова: «такихъ-то мнѣ и нужно». Правда, мы снова встрѣчаемся съ Редриковымъ уже подъ самыми стѣнами Троицкой обители, но ему вмѣстѣ съ донскимъ атаманомъ Епифанцемъ становится жутко. «Угодники Господни,—говоритъ Епифанецъ,—

Монастырю даютъ святую помощь;
Мы съ музыкой идемъ, съ гудѣньемъ, звономъ,
Пьянехоньки, а тамъ святые старцы,
Молитвою укрѣплены, постомъ,
И ратники съ благословеньемъ Божьимъ
Отпоръ даютъ подъ звономъ колокольнымъ...
Немного тутъ возьмешь! Сбираться на Донъ,
Домой идти покаяться скорѣе,
Замаливать свои грѣхи, покуда живъ.
Вѣдь есть одно у насъ святое дѣло—
Крушить татаръ ногайскихъ мало намъ!»

Для Епифанца спасеніе въ томъ, чтобы вернуться къ своему казачеству въ его настоящемъ, исторически узаконенномъ смыслѣ—въ смыслѣ обороны родной земли отъ ея издавнихъ враговъ—степняковъ. Редрикову пришлось бы вернуться въ безъидейную среду тѣхъ баръ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и служилые люди, вернуться къ отцу, направлявшему его къ царю Василію Ивановичу, а онъ пошелъ служить царику, потому что не все ли равно, кому ни служить — только бы хорошенько выслужиться да добыть побольше простора своей рукѣ-владыкѣ! Но и въ Редриковѣ, всегда остававшемся въ сторонѣ отъ какой-либо бытовой общины, промелькнуло сознаніе тѣхъ особыхъ, высшихъ связей, о которыхъ напоминала и барству, и служилому люду церковная община. «По волѣ царской,—говоритъ онъ,—

Стоимъ мы здѣсь; да, видно, Богъ не хочетъ
Въ раззоръ отдать святыни монастырской.
За разъ бы взять и разговоръ короткій,
Покаялся бъ ужь послѣ за-одно
За всѣ грѣхи. А годъ бороться съ Богомъ
И каждый день, вставая и ложась,
На тѣ-жъ кресты молиться, по которымъ
Изъ пушекъ бьемъ; сшибать колокола
И съ музыкой ходить противъ святыни,—
Разбойникомъ быть мало—окаяннымъ
Быть надобно».

Редриковъ радъ-радехонекъ идти изъ-подъ Троицы къ Ростову. Но на это оказываются у него и особенныя основанія—опять совершенно личнаго свойства; тутъ замѣшаны тѣ же невысокія побужденія, которыя и при-

вели его въ Тушино. Съ самымъ страстнымъ жаромъ говоритъ онъ:

Давно я жду отрады, добираюсь
До города Ростова. Ну, Безпута,
Ты жечь и грабить лютъ; тебя беру я
Въ товарищи. Ростовскимъ воеводой
Обиженъ я, пойдемъ считаться съ нимъ!

Онъ не знаетъ еще — но вѣдь это его бы не остановило — что тамъ предстоитъ ему встрѣча съ младшимъ братомъ, оказывающимся ни больше, ни меньше, какъ зятемъ ростовскаго воеводы. Николая Редрикова точно также тянуло въ Ростовъ и онъ радъ былъ порученью туда отъ царя Василія Шуйскаго; его тянула туда не ненависть, а любовь, любовь, столь же личная, столь же неумѣстная въ такую годину общаго испытанія, какъ и всякое другое личное чувство. Этотъ восемнадцатилѣтній смазливый мальчишка, весь уходящій въ свою преждевременную страсть къ такой же смазливой дѣвчонкѣ, производитъ, по крайней мѣрѣ на насъ, какое-то отвратительное впечатлѣніе. Совершенно нежданно и незаслуженно достается этому шалопаю геройская смерть въ тѣхъ стѣнахъ, въ которыхъ защищается онъ со своимъ тестемъ отъ нападенія тушинцевъ. Но этой смерти предшествуетъ убіеніе имъ родного брата, который спасалъ отъ товарища своего Безпуты жену Николая Редрикова и, неузнанный, былъ имъ принятъ за намѣревающагося ее похитить. Хроника заканчивается словами старика Редрикова, которому остается только погибнуть въ горящихъ развалинахъ вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ и его женою. «И я за вами,—говоритъ онъ.—

Зачѣмъ мнѣ жить? Что видѣть? Святотатство,
Грабежъ церквей! Мученье беззащитныхъ!
Дѣвицъ и женъ позоръ! И поруганье
Святынею и иноческимъ чиномъ!
Дѣтей—убійцъ своихъ отцовъ сѣдыхъ!
Всѣ лютости ужасной той годины,
Предсказанной пророками издревле,
Когда идетъ съ ножомъ на брата братъ!»

VIII.

«Василиса Мелентьева».

Отъ смутной поры Островскій обратился еще далѣе назадъ, ко временамъ Грознаго, съ которымъ покойный Н. И. Костомаровъ не даромъ связывалъ внутреннее зло, бывшее причиною смуты. Мы разумѣемъ лживость. «Сѣмена этого порока,—говорилъ Костомаровъ,—существовали издавна, но были въ громадномъ размѣрѣ воспитаны и развиты эпохою царствованія Грознаго, который самъ былъ олицетворенная ложь. Создавши опричнину, Иванъ вооружилъ русскихъ людей однихъ противъ другихъ, указалъ имъ путь искать милостей или спасенія въ гибели своихъ ближнихъ, казнями за явно вымышленныя преступленія пріучилъ къ ложнымъ доносамъ, и, совершая для одной потѣхи безчеловѣчныя злодѣянія, воспиталъ въ окружающей его средѣ безсердечіе и жестокость. Исчезло уваженіе къ правдѣ и нравственности, послѣ того какъ царь, который, по народному идеалу, долженъ быть блюстителемъ и того, и другого, устраивалъ въ виду своихъ подданныхъ такія зрѣлища, какъ травля невинныхъ людей медвѣдями, или всенародныя истязанія обнаженныхъ дѣвушекъ и въ то же время соблюдалъ самыя строгія правила монашествующаго благочестія. Въ минуту собственной опасности всякій человѣкъ естественно думаетъ только о себѣ; но когда такія минуты для русскихъ продолжались цѣлыя десятилѣтія, понятно, что должно было вырости поколѣніе своекорыстныхъ и жестокосердыхъ себялюбцевъ, у которыхъ всѣ помыслы, всѣ стремленія клонились только къ собственной охранѣ, поколѣніе, для котораго, при наружномъ соблюденіи обычныхъ формъ благочестія, законности и нравственности, не оставалось никакой внутренней правды... Тяжелыя болѣзни людскихъ обществъ, подобно физическимъ, излѣчиваются нескоро, особенно, когда дальнѣйшія условія жизни способствуютъ не прекраще-

нію, а продолженію болѣзненнаго состоянія; только этимъ объясняются тѣ ужасныя явленія смутнаго времени, которыя, можно сказать, были выступленіемъ въ наружу испорченныхъ соковъ, накопившихся въ старинную эпоху Ивановыхъ мучительствъ» [1]).

Эпохѣ Грознаго, какъ и смутной порѣ, приходилось неоднократно становиться предметомъ драматическаго воспроизведенія. (Стоитъ вспомнить бар. Розена, Мея, А. К. Толстого). У Островскаго относится къ ней трагедія «Василиса Мелентьева», по силѣ драматизма превосходящая соотвѣтственные труды его предшественниковъ, а также и его собственныя драматическія хроники. Немногими, но выдающимися чертами выказываютъ тутъ себя предшественники тѣхъ бояръ, коихъ видѣли мы въ его хроникахъ. Въ лицѣ Морозова и Воротынскаго они исполнены того самосознанія, котораго нельзя не назвать въ самомъ дѣлѣ благороднымъ. «Мы, — говоритъ Морозовъ,—князьямъ московскимъ

Не слугами, совѣтчиками были:
Боярами князья держали землю,
Боярами творили судъ и правду,
Съ боярами сидѣли о дѣлахъ.
. . . .
Не рабски мы служили, доброхотно,
И отъѣзжать была намъ вольнымъ воля—
Вотъ старые порядки наши! Царь
Не любитъ ихъ, ну, значитъ, не по праву
Ему и мы. Ему холопы нужны!»

Негодуя на кн. Курбскаго за то, что онъ только подводитъ другихъ, раздражая Грознаго изъ-за угла, кн. Воротынскій видитъ главный корень зла въ совѣтчикѣ царскомъ Малютѣ и, въ пылу негодованія, громко говоритъ боярамъ:

Коль нѣтъ стыда у васъ, князей природныхъ,
Передъ Малютой рабски унижаться,
Коль вамъ ума и словъ недостаетъ

---

1) Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей, отд. I, стр. 565.

И смѣлости заговорить въ защиту
Головъ своихъ и чести,—Воротынскій
На царскій судъ Малюту позоветъ,
И передъ трономъ грознаго владыки
Тягаться станутъ о боярской чести:
Сѣдой старикъ, израненный врагами,
Въ бронѣ стальной и княжескомъ шеломѣ
И злой бѣсоугодникъ въ черной рясѣ,
Съ боярской кровью на рукахъ!..

Но что же! Когда Малюта, предупредивъ Воротынскаго, взвелъ на него поклепъ въ измѣнѣ и волшебствѣ, за то, что Воротынскій одинъ изъ всѣхъ бояръ не удостоилъ Малюту поклона, только у Морозова и хватаетъ духу выступить передъ Грознымъ на защиту Воротынскаго; всѣ же остальные бояре, при одной угрозѣ царя отказаться отъ власти, падаютъ на колѣни и вопіютъ:

Казни, кого желаешь! мы слагаемъ
Всѣ головы у ногъ твоихъ. Отказомъ
Отъ царскаго престола не губи
Рабовъ твоихъ, сиротъ безвинныхъ!

Чувствуя себя сильнымъ отъ ихъ разъединенія, Грозный, совершенно согласно съ духомъ его писемъ къ Курбскому, не противополагаетъ боярскимъ вожделѣніямъ и затѣямъ никакой идеи; онъ уже вполнѣ порвалъ съ тѣми преданіями земской Руси, которыя проявили свою силу во времена Сильвестровскія и Адашевскія; онъ не ищетъ никакой другой опоры, кромѣ той самодовлѣющей власти, которая и внушаетъ ему слова:

На свѣтѣ нѣтъ славнѣе насъ, владыкъ,
Отъ Августа мы родъ ведемъ. Извѣчный
Я государь—произволеньемъ Божьимъ,
Не человѣческой мятежной волей!

Онъ не соглашается отпустить царевича Ѳеодора на королевство, считая его слишкомъ слабымъ, чтобы обуздать многомятежный духъ пановъ и рыцарства. Онъ разсчитываетъ самъ принять польскую корону, онъ мечтаетъ даже о власти въ цѣломъ славянскомъ мірѣ, опять-

таки безъ малѣйшей опоры въ идеѣ, противоположной панству и рыцарству, вполнѣ полагаясь на власть, понимаемую въ чисто византійскомъ смыслѣ, въ смыслѣ ея обожествленія, постановленія ея въ уровень съ властью небесною.

Да будетъ
Едино стадо и единый пастырь,
Единъ Господь на высшихъ небесахъ,
Единый царь во всѣхъ земляхъ славянскихъ!

При такомъ самообожествленіи онъ далекъ отъ того, чтобы требовать отъ себя и божественнаго совершенства, хотя на это-то и дается человѣку право словами Спасителя: «будите убо вы совершени, яко же совершенъ есть отецъ вашъ небесный». Онъ живетъ на всей волѣ своихъ страстей, онъ прямо говоритъ Василисѣ Мелентьевой:

Я человѣкъ, я рабъ грѣха и плоти.
Ты грѣшница съ лукавыми глазами,
Съ манящимъ смѣхомъ на устахъ открытыхъ,
Чего боишься? Я тебя не на духъ
Зову къ себѣ! За блудное житье
Эпитимьи не наложу тяжелой,
Не постникъ я! Подвижниковъ смиренныхъ
Постомъ и бдѣньемъ испитыя лица
Вамъ, грѣшнымъ бабамъ, видѣть тяжело;
Я тоже слабъ своей грѣховной волей
И ежечасно помысломъ не чистъ.
И разговоромъ срамнымъ согрѣшаю,
Какъ вы же, бабы молодыя—
Тебѣ бояться нечего меня.

Тутъ, въ подобныхъ дѣлахъ, ему даже нравится смѣлость въ обращеніи съ нимъ; при подобнаго рода смѣлости ему «веселѣе». Царица для него слишкомъ скромна, боязлива. Къ тому же онъ, можетъ быть, и чуетъ остаткомъ совѣсти то, что она говоритъ на-единѣ съ собою:

Придешь къ царю съ слезами и любовью:
Отъ царскихъ рукъ людскою пахнетъ кровью.

Ему, разумѣется, нипочемъ измѣнить царицѣ, на томъ одномъ основаніи, что она «съ тѣла спала», а онъ

«не любитъ худыхъ». Но еще болѣе улыбается ему мысль возвести Василису прямо въ царицы. Онъ чуетъ, что ужь она-то не станетъ въ немъ шевелить ничего похожаго на совѣсть, что, поблажая ему, она не станетъ «тушить его гнѣвъ», а «будетъ скорѣе его разжигать». Устранить тихую, но и смѣлую вмѣстѣ съ тѣмъ царицу, смѣлую въ самомъ непріятномъ для него смыслѣ—въ смыслѣ ходатайства за опальныхъ бояръ, Грозному нипочемъ. На то у него и есть тутъ «песъ», какимъ величаетъ себя самъ Малюта, внушающій и другимъ боярамъ, что они только «псы государевы». Малюта умѣетъ возбудить въ Грозномъ къ постылой уже царицѣ особаго рода ревность—тѣмъ, что, еще и не думая быть царицею, она любила, будто бы, человѣка, котораго и на свѣтѣ-то уже нѣтъ, сына только что казненнаго, по навѣтамъ того же Малюты, кн. Воротынскаго. Грозный и въ этомъ готовъ видѣть все ту же измѣну себѣ, то же нарушеніе своихъ правъ. Свидѣтелемъ противъ царицы является человѣкъ, готовый на все, ради выгоды продавшій свою душу Малютѣ. Онъ, что называется, «изъ молодыхъ, да ранній». Его-то, облагодѣтельствованнаго тѣмъ же самымъ Воротынскимъ, котораго считала своимъ названымъ отцомъ и царица, его-то, Андрея Колычева, а вовсе не молодого Воротынскаго, и любила когда-то она, чистосердечно и сознающаяся царю въ этомъ. Колычева спасаетъ, должно быть, то, что онъ любимецъ Малюты, и что чистосердечная нота прозвучала царю въ его словахъ:

Не мало винъ на мнѣ передъ тобою
И передъ Господомъ грѣховъ великихъ,—
За тѣ казни, а этой нѣтъ вины.

Грозный отнимаетъ отъ ноги Колычева свой востроконечный посохъ, уже занесенный имъ на нее. Онъ не чуетъ, что, въ самомъ дѣлѣ не любя царицу, Колычевъ страстно любитъ ту, которой *теперь* быть царицей,—Василису Мелентьеву, а такимъ образомъ прямо становится соперникомъ царскимъ. Но участь прежней царицы

уже рѣшена. Не позволяя женѣ и въ прошедшемъ того, что позволяетъ самому себѣ въ настоящемъ, карая ее и за *помыслъ*, при полнѣйшемъ разрѣшеніи самому себѣ на *дѣла*, Грозный является перенесеннымъ на историческую почву старымъ излюбленнымъ типомъ Островскаго, тѣмъ типомъ, съ которымъ по преимуществу и имѣлъ дѣло Добролюбовъ. Но есть, однако, и большая разница въ этомъ видоизмѣненіи типа на исторической почвѣ. Вспомнимъ, что Грозный говоритъ:

.... Да, она виновна, знаю.
Державный Генрихъ, аглицкій король,
Отецъ сестры моей Елизаветы,
Двухъ королевъ казнилъ. У насъ другіе
Обычаи. Заговорятъ въ народѣ,
Митрополитъ что̀ скажетъ....

Это, конечно, въ теченіе всей трагедіи единственный признакъ сознанія своей отвѣтственности въ Грозномъ, признакъ, усмотрѣнный въ немъ Островскимъ, и ярко отличающій его отъ тѣхъ самовластныхъ людей, какіе являлись передъ нами въ комедіяхъ Островскаго... Тѣ никакой уже отвѣтственности не знаютъ.

Но хотя Грозный, по словамъ Василисы, «не далъ воли своимъ рукамъ, не уходилъ костылемъ плаксивую царицу Анну», Василиса вѣрно разсчитываетъ на то, что онъ будетъ радъ, если мѣсто для нея, Василисы, освободится какимъ-нибудь другимъ способомъ. Не кто другой, какъ она сама, беретъ на себя самозванную казнь надъ царицей-разлучницей, стоящей поперекъ дороги ея властолюбію. Исполнителемъ же этой казни выбираетъ она того самаго Колычева, котораго дѣлаетъ ей подневольнымъ безумная его страсть къ ней. Только что пощаженный царемъ, онъ, въ пылу этой страсти, рѣшается отнести царицѣ кубокъ съ ядомъ, не потому, чтобы думалъ этимъ выслужиться передъ царемъ, какъ человѣкъ, угадавшій его желанія, а потому, что Василиса втолковала ему, будто царь, по устраненіи постылой жены, добудетъ себѣ другую, милую; она же, Ва-

силиса, освобожденная тѣмъ отъ его непрошенной ласки, достанется Колычеву. Василиса, правда, говоритъ ему, будто бы такъ приказалъ Малюта, но на этотъ разъ имъ руководитъ не тотъ холодный расчетъ выслуживающагося человѣка, который притупилъ въ немъ лучшія свойства молодости, а та, единственно и уцѣлѣвшая въ немъ отъ молодости, горячая страсть, которая такъ и слышится въ его словахъ Василисѣ:

Запомни ты! Свершивши это дѣло
Грѣховное, я буду господиномъ,
А ты моей рабой. Заставлю я
Не ласкою, а грознымъ словомъ тѣшить
Любовь мою и норовъ молодецкій—
Женой возьму къ себѣ, въ свой домъ...

Царица устранена, но не для кого-либо другого, какъ именно для Василисы, которой нужна не любовь беззавѣтно отдавшагося ей юноши, а тѣ стариковскія ласки, которыя доставляютъ ей положеніе царицы. Колычеву пришлось бы стать потайнымъ соперникомъ Грознаго, на что уже, разумѣется, не въ силахъ его подтолкнуть никакая молодость, и на что тѣмъ еще менѣе подастся она сама. Отъ самой же Василисы и узнавая, для *кого* имъ устранена прежняя царица (онъ, впрочемъ, не былъ въ силахъ не проговориться ей, что въ кубкѣ ядъ, но она его все-таки выпила),—узнавая это отъ самой Василисы, Колычевъ оказывается такимъ образомъ ничѣмъ не вознагражденною жертвою угрызеній совѣсти. За то Грозный достигаетъ цѣли, избавляясь на этотъ разъ и отъ нихъ, такъ какъ и не думаетъ добираться до того, какимъ образомъ устранена прежняя царица. Одна бѣда,—Василиса своимъ бредомъ о бывшей царицѣ напоминаетъ и ему самому про тѣ тѣни, которыя такъ часто ему мерещатся. Въ томъ же бреду она даже прямо говоритъ царю про преслѣдующую ее тѣнь:

Вольно же ей въ полночный часъ являться!
Ужь это мнѣ, помилуй, не подъ силу.
Тутъ женскихъ силъ не хватитъ. Ты скажи мнѣ:
Къ тебѣ *они* приходятъ ночью?

Царь.

Кто?

Василиса.

Убитые тобою: князь Владиміръ,
Михайло Воротынскій, Евдокія.

Царь (встаетъ въ испугѣ, оглядывается по сторонамъ).

Молчи, языкъ тебѣ я вырву. Къ ночи
Заводишь ты такую рѣчь. Накличешь!
Храни Господь! Надъ нами крестна сила
Великая! Чуръ! Наше мѣсто свято!
Безумная! Да развѣ я убійца?
Я судія; по данной Богомъ власти,
Караю злыхъ, крамольныхъ, лиходѣевъ,
И жалую покорныхъ вѣрныхъ слугъ.

Объясненія съ Василисой, которая не хочетъ уходить къ себѣ въ опочивальню и требуетъ, чтобы царь сидѣлъ тутъ до свѣту съ ней, приводятъ уже къ тому, что Грозный хватается за свой ножъ. Но Василиса его поражаетъ тѣмъ, что нимало его не боится. Этимъ отчасти пробуждаются въ немъ тѣ, еще не вовсе заглохшія, человѣческія чувства, пробужденіе которыхъ мы замѣчали и у нѣкоторыхъ типическихъ героевъ комедій Островскаго. Когда Василиса тутъ же и укладывается спать, требуя, чтобы царь покрылъ ей ноги своимъ кафтаномъ, онъ уже окончательно озадаченъ, говоря:

... Да ты въ умѣ ли?
Иль хочешь ты, чтобъ свѣтъ перемѣнился,
Чтобъ къ ястребу стервятнику подъ крылья
Безъ страха жалась кроткая голубка?
Чтобъ онъ своимъ кривымъ кровавымъ клювомъ
Ей перушки любовно разбиралъ.

А между тѣмъ онъ исполняетъ ея желаніе; она засыпаетъ, а онъ съ какою-то странною нѣжностью останавливается надъ ней, говоря:

.... Ну, спи, Господь съ тобой!
. . . .
Ты, глупая, отъ соннаго мечтанья,

От темноты пустой, отъ мертвецовъ
Незлобивыхъ, безкровныхъ, безтѣлесныхъ
Ко мнѣ бѣжишь искать защиты, къ звѣрю,
Къ мучителю! Кругомъ меня трепещутъ
Всѣ близкіе—всѣ ненавистью дышатъ,
Злорадно ждутъ и крестятся тихонько
Въ моемъ дворцѣ, въ углахъ, моимъ иконамъ,
Чтобъ старыя, дрожащія, больныя,
Державныя окостенѣли руки,
Которыя держали въ смертномъ страхѣ
Злодѣйскія, крамольныя ихъ души...
. . . .
Люби меня, и лаской молодою
Напомни мнѣ жену мою Настасью!
Люби меня, и въ сердцѣ оскотѣломъ,
Богъ дастъ, опять откликнется былое,
Забытое и изжитое счастье.

Но ему ли мечтать о счастьѣ—о единственномъ, настоящемъ, о чистомъ душевномъ счастьѣ? Нѣтъ, двери этого рая навсегда заграждены для него огненнымъ мечомъ херувима. Она бѣжала къ нему подъ крыло только потому, что слишкомъ истомилась отъ своихъ страшныхъ грезъ. А затѣмъ онъ ей дорогъ, какъ царь, во власти котораго сдѣлать ее царицей. Она вѣдь такъ и говоритъ ему:

Повластвовать хочу, повеличаться.
Хоть день, да мой, а тамъ хоть умереть.
И умереть-то хорошо царицей.

Да ей и приходится умереть—даже ранѣе, чѣмъ она могла бы подумать. Уста ея, въ присутствіи стоящаго надъ нею все въ томъ же обаяніи царя, невольно шепчутъ любимое имя—не его, разумѣется, имя, а имя Андрея. Колычевъ между тѣмъ тутъ какъ тутъ со своимъ Малютою. Онъ, разумѣется, понимаетъ, что, коль скоро произнесено ею его имя, ему уже не снести своей головы. И вотъ онъ—все равно погибать!—совершаетъ на глазахъ у царя свою страшную месть—самосудъ надъ Мелентьевой. Царь, повидимому, доволенъ, онъ говоритъ:

Вотъ славно, вотъ спасибо!
Андрюшка, ты слуга хорошій! Только
Ты старому мнѣ въ слуги не годишься:

Недаромъ же тобою бабы бредятъ.
. . . .
А женскій родъ по-заячьи труслвъ,
По-кошачьи блудливъ. Возьми, Малюта,
И приберн Андрюшку Колычева
Отъ нашихъ глазъ куда-нибудь подальше...
Хоть въ тотъ же гробъ, гдѣ Василиса будетъ!

Это та-же ужасающая иронія Грознаго, которой исполнена и народная пѣсня, и Лермонтовская пѣсня о купцѣ Калашниковѣ. Этимъ и кончается драма, почему-то не названная у Островскаго трагедіей. Не трудно замѣтить, что въ ней уже вполнѣ сказывается смута нравственная, рано или поздно долженствовавшая произвести и смуту политическую, расшатать государство въ самыхъ его основаніяхъ, такъ расшатать, что единственнымъ для него спасеніемъ могли оставаться только тѣ земскіе устои Руси, преимущественно отдаленныхъ ея концовъ, куда не успѣла проникнуть зараза окончательнаго развращенія, да тѣ устои церковные, въ которыхъ сказывался еще несдающійся духъ митрополита Филиппа.

«Василисой Мелентьевой» заканчивается у Островскаго рядъ историческихъ произведеній большого размѣра и величаваго пошиба. Попытки возвращенія на историческую почву и на почву народныхъ преданій и быта встрѣчаются, правда, у него и позже, но главнымъ образомъ съ этихъ поръ онъ опять посвящаетъ свои силы драматическому воспроизведенію современнаго общества.

IX.

«На всякаго мудреца довольно простоты».—«Горячее сердце».—«Бѣшеныя деньги».—Не все коту масленица».—«Лѣсъ».

Вернувшись къ своему преобладающему роду, Островскій въ томъ же 1868 г. пишетъ большую пяти-актную комедію: «На всякаго мудреца довольно простоты». Она

произвела не особенно благопріятное впечатлѣніе, а у одного изъ почтенныхъ провинціальныхъ литературныхъ дѣятелей (Г. Г-скаго въ Нижнемъ-Новгородѣ) вызвала даже такую замѣтку, въ которой указывалось на положительный упадокъ таланта Островскаго. Объясняется это, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что пошибъ этой комедіи отзывается нѣсколько Щедринымъ; но что хорошо въ сатирѣ, то не совсѣмъ умѣстно въ комедіи. Кое-что отзывается тутъ если не каррикатурой, то шаржемъ. Странное впечатлѣніе производитъ тутъ и самая неопредѣленность мѣста дѣйствія. Оно, судя по содержанію, не въ провинціи, а въ какомъ-то, такъ сказать, столичномъ городѣ Глуповѣ. Время дѣйствія также не указано, но по содержанію ясно, что это—шестидесятые года, когда озлобленные и простоватые консерваторы сталкивались съ не менѣе простоватыми либералами, понимавшими, однако, что съ либерализмомъ, пожалуй, и на службѣ-то дальше уйдешь; когда вокругъ тѣхъ и другихъ увивались, смотря по надобности, различные ловцы рыбы въ мутной водѣ. Вотъ такой-то ловецъ и выведенъ передъ нами въ лицѣ Глумова—этого «мудреца», недоучившагося нигдѣ, но не лишеннаго извѣстныхъ способностей, умѣющаго и говорить, и даже писать, и разсчитывающаго составить себѣ карьеру посредствомъ служебнаго искательства и выгодной брачной аферы. Милая маменька Глумова, строчащая, по его предписанію, письма со сплетнями про его соперника, вотъ какимъ образомъ характеризуетъ дѣтство своего сынка: «Тихій, такой тихій былъ, что удивленіе. Ужъ никогда, бывало, не забудетъ у отца или у матери ручку поцѣловать; у всѣхъ бабушекъ, у всѣхъ тетушекъ расцѣлуетъ ручки. Даже, бывало, запрещаешь ему—подумаютъ, что нарочно научили; такъ потихоньку, чтобъ никто не видалъ, подойдетъ и поцѣлуетъ. А то одинъ разъ, было ему пять лѣтъ, вотъ удивилъ-то онъ насъ всѣхъ! Приходитъ поутру и говоритъ: «Какой я видѣлъ сонъ! Слетаютъ ко мнѣ, къ кроваткѣ, ангелы и говорятъ: люби папашу и мамашу и во всемъ слушайся! А какъ выростешь большой, люби своихъ

начальниковъ. Я имъ сказалъ: ангелы! я буду всѣхъ слушаться». Удивилъ онъ насъ, ужъ такъ обрадовалъ, что и сказать нельзя». Такимъ образомъ рекомендуетъ его маменька дядюшкѣ Мамаеву, съ которымъ этотъ послушный духовидецъ ухитряется устроить себѣ яко бы неожиданную встрѣчу, чтобы не возбудить въ старикѣ опасенія какого-либо посягательства на его родственный карманъ. Милый молодой человѣкъ ухаживаетъ вслѣдъ затѣмъ за г-жею Мамаевою—даже прямо съ разрѣшенія самого дядюшки, который находитъ, что свой человѣкъ въ такой роли будетъ все-таки надежнѣе чужого. Дѣло въ томъ, что Глумову нужна протекція, не только дядюшкина, но и тетушкина. Дядюшка—консерваторъ и друзья его, понятнымъ образомъ, консерваторы, у тетушки же имѣются связи и съ однимъ изъ выдающихся либераловъ. Дядюшка исповѣдуется передъ племянникомъ уже при первомъ своемъ знакомствѣ съ нимъ (у него же на квартирѣ, куда этого дядю, любителя подыскивать себѣ новыя помѣщенія, завезъ какъ бы невзначай слуга его, подкупленный Глумовымъ). «Отчего нынче прислуга нехорошая?—говоритъ разболтавшійся старикъ.—Оттого, что свободна отъ обязанности выслушивать поученія. Прежде, бывало, я у своихъ подданныхъ [1]) во всякую малость входилъ. Всѣхъ поучалъ, отъ мала до велика. Часа по два каждому наставленія читалъ; бывало, въ самыя высшія сферы мышленія заберешься, а онъ стоитъ передъ тобой, постепенно до чувства доходитъ, одними вздохами, бывало онъ у меня истомится. И ему на пользу, и мнѣ благородное занятіе. А нынче, послѣ всего этого... Вы понимаете, послѣ чего?» И читатель, конечно, хорошо пойметъ это характерное: «послѣ чего?» Таковъ же и пріятель Мамаева, старикъ Крутицкій,—«очень важный господинъ» Мамаевъ раскрываетъ передъ нимъ свою душу, говоря: «Да, мы куда-то идемъ, куда-то ведутъ насъ; но ни мы не знаемъ, куда, ни тѣ, которые ведутъ насъ. И чѣмъ все это кончится?»—«Я, знаете ли, смотрю на все

---

[1]) Очевидно, у бывшихъ крѣпостныхъ.

это, какъ на легкомысленную пробу,—отвѣчаетъ Крутицкій,—и особенно дурного ничего не вижу. Нашъ вѣкъ по преимуществу легкомысленный. Все молодо, неопытно, дай то попробую, другое попробую, то передѣлаю, другое перемѣню. Перемѣнять легко. Вотъ возьму да поставлю всю мебель вверхъ ногами, вотъ и перемѣна. Но гдѣ же, я васъ спрашиваю, вѣковая мудрость, вѣковая опытность, которая поставила мебель именно на ноги?» Онъ, по его словамъ, не видитъ во всемъ этомъ «ничего особенно дурного», а между тѣмъ у него сложился въ головѣ прожектъ противъ «всего этого», редакцію котораго поручаетъ онъ такому владѣющему перомъ, какъ Глумовъ. Тотъ прежде всего предлагаетъ слово *прожектъ* замѣнить другимъ—*трактатъ*. «Прожектъ,—поясняетъ онъ ему,—когда что-нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротивъ, все новое отвергается... и совершенно справедливо, ваше превосходительство». Соглашаясь на «трактатъ», Крутицкій доволенъ и самымъ изложеніемъ своихъ мыслей у Глумова. «Любопытствую знать,—говоритъ онъ,—какъ, вы начинаете экспликацію моей главной цѣли?»—«Артикулъ 1. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключаетъ въ себѣ реформа? Реформа заключаетъ въ себѣ два дѣйствія: 1) отмѣну стараго и 2) поставленіе на мѣсто онаго чего-либо новаго. Какое изъ сихъ дѣйствій вредно? И то и другое одинаково: 1) отметая старое, мы даемъ просторъ опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отметается, и составлять таковыя умозаключенія: отметается нѣчто непригодное; такое-то учрежденіе отметается: значитъ, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо симъ возбуждается свободомысліе и дѣлается какъ бы вызовъ обсуждать то, что обсужденію не подлежитъ».—«Складно, толково», рѣшаетъ Крутицкій. Понятно, что онъ очень доволенъ Глумовымъ, такъ прекрасно приложившимъ свою руку къ его трактату, а Глумовъ еще и подъѣзжаетъ къ нему: «Вашимъ превосходительствомъ весьма сильно выражена прекрасная мысль о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать содер-

жаніе чиновникамъ и вообще улучшать ихъ положеніе, что, напротивъ, надо значительное увеличеніе жалованья предсѣдателямъ и членамъ...» «Увеличеніе окладовъ старшимъ,—читаетъ онъ уже прямо изъ трактата,—можетъ быть произведено на тотъ конецъ, дабы сіи наружнымъ блескомъ поддерживали величіе власти, которое должно быть ей присуще. Подчиненный же, сытый и довольный, получаетъ не свойственныя его положенію осанистость и самоуваженіе, тогда какъ, для успѣшнаго и стройнаго теченія дѣлъ, подчиненный долженъ быть робокъ и постоянно трепетенъ». Ну, какъ не согласиться, что это прямо отзывается Щедринымъ, и что Крутицкій черезчуръ ужь наивенъ, не разглядывая ироніи въ подобной передачѣ своихъ мыслей, а равно и искусственнаго, дѣланнаго смиренія въ обращеніи съ собою Глумова. «Коли куришь, такъ кури», говоритъ ему Крутицкій.—Я не курю, ваше превосходительство. А впрочемъ, какъ прикажете?—«Вотъ еще! Мнѣ-то какое дѣло! Дядя не видалъ твоей работы?»—Какъ можно, какъ же бы я осмѣлился!—«Ну, то-то же. Онъ только говоритъ, что уменъ, а вѣдь онъ болванъ совершенный».—Не смѣю спорить съ вашимъ превосходительствомъ.—Не достаетъ только, чтобы Глумовъ иронически прибавилъ къ этому: «и съ пріятелемъ моего дядюшки».

На весьма, конечно, натуральный вопросъ Крутицкаго: «Ты служишь?» (Съ его ли, въ самомъ дѣлѣ, способностями не служить?) Глумовъ отвѣчаетъ, что поступаетъ на службу по протекціи тетушки. Она замолвила о немъ слово Городулину, «молодому, но важному господину» (какъ сказано въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ). «Вотъ еще нашли человѣка,—замѣчаетъ Крутицкій.—Опредѣлитъ онъ тебя! Ты ищи прочнаго мѣста, а эти всѣ Городулинскія-то мѣста скоро опять закроются, вотъ увидишь».—Я не по новымъ учрежденіямъ,—не то объясняется, не то оправдывается Глумовъ. Крутицкій хочетъ дать ему письма въ Петербургъ, но Глумовъ, желая, должно быть, окончательно задобрить его откровенностью, сознается: «Я лѣнивъ былъ учиться, ваше превосходи-

тельство». Но по мнѣнію Крутицкаго это не важно: «Очень-то заучишься, такъ, пожалуй, и хуже». Глумовъ, попавъ уже на почву откровенности, продолжаетъ каяться: «Въ молодости грѣшки, увлеченія... Покучивалъ, ваше превосходительство», спѣшитъ онъ, однако же, успокоить Крутицкаго, увѣренный, надо думать, въ томъ, что тотъ отвѣтитъ на это: «и только?»—«Что-жъ, это даже очень хорошо, — продолжаетъ важная особа. — Въ молодыхъ лѣтахъ надо пить, кутить. Чего тутъ стыдиться? Вѣдь ты не барышня». Онъ даже тутъ же соглашается быть посаженымъ отцомъ у Глумова, полагая, должно быть, что не только для службы, но и для семейной жизни, грѣхи молодости въ видѣ пьянства, кутежа, а, пожалуй, и чего-нибудь похуже, пожалуй, и со слѣдами прежней жизни въ организмѣ—просто плевое дѣло! Тотъ же Крутицкій соглашается съ тетушкой Глумова, что «нынче и молодежь-то хуже стариковъ», и плачется о томъ, что «никакой поэзіи нѣтъ, никакихъ благородныхъ чувствъ». «Я думаю, — продолжаетъ онъ, — это оттого, что на театрѣ трагедій не даютъ... У меня прожектъ написанъ объ улучшеніи нравственности въ молодомъ поколѣніи. Для дворянъ трагедіи Озерова, для простого народа продажу сбитня дозволить. Мы, бывало, всѣ трагедіи наизусть знали, а нынче скромно!.. Оттого въ насъ и рыцарство было, и честность, а теперь однѣ деньги».

Другая, важная, хотя и молодая еще, особа, въ которой заискиваетъ Глумовъ черезъ тетушку — это уже если не либеральныхъ дѣлъ, то либеральныхъ словъ мастеръ. Но онъ нуждается тутъ въ посторонней помощи— и вотъ, по недостатку времени, Городулинъ обращается къ Глумову по дѣлу изготовленія спича. Бесѣда съ нимъ, однако-же, начинается казеннымъ вопросомъ: «Вы служите?» — «Служилъ, теперь не служу, да и не имѣю никакой охоты», развязно отвѣчаетъ Глумовъ, очень хорошо понимая, что именно развязность тутъ и нужна. Далѣе Глумовъ краснорѣчиво распространяется о томъ, что́ требуется для успѣховъ на службѣ въ заурядномъ ея значеніи: «не разсуждать, когда не приказываютъ,

смѣяться, когда начальство вздумаетъ сострить; думать и работать за начальниковъ и въ то же время, увѣрять ихъ со всевозможнымъ смиреніемъ, что я, молъ, глупъ, что все это вамъ самимъ угодно было приказать. Кромѣ того, нужно имѣть еще нѣкоторыя лакейскія качества, конечно, въ соединеніи съ извѣстной долей граціозности: напримѣръ, вскочить и вытянуться, чтобы это было и подобострастно, и холопски, а вмѣстѣ съ тѣмъ благородно, и прямолинейно, и граціозно. Когда начальникъ пошлетъ за чѣмъ-нибудь, надо умѣть производить легкое порханье, среднее между галопомъ, маршъ-маршемъ и обыкновеннымъ шагомъ». Городулинъ въ восторгѣ отъ такой сатирической характеристики, не воображая, что тутъ моделью служилъ самъ Глумовъ въ минуты своего ухаживанія за Крутицкимъ. За то теперь онъ становится въ позитуру и говоритъ: «Дайте мнѣ такую службу, гдѣ бы я могъ лицомъ къ лицу стать съ моимъ меньшимъ братомъ. Дайте мнѣ возможность самому видѣть его насущныя нужды и удовлетворять имъ скоро и сочувственно».

Городулинъ. Отлично, отлично. Вотъ ужь и это запишите! Какъ я васъ понимаю, такъ вамъ, по вашему честному образу мыслей, нужно мѣсто смотрителя или эконома въ казенномъ или благотворительномъ заведеніи?

Глумовъ. Куда угодно. Я работать не прочь и буду работать прилежно, сколько силъ хватитъ, но съ однимъ условіемъ, чтобы моя работа приносила дѣйствительную пользу, чтобы она увеличивала количество добра, нужнаго для благосостоянія массы. Переливать изъ пустого въ порожнее, считать это службой и получать отличія— я не согласенъ.

Городулинъ. Ужь и это бы кстати: «Увеличивать количество добра». Прелесть!

Глумовъ. Хотите, я вамъ спичъ напишу?

Но вѣдь Городулинъ этого только и добивался. Онъ тутъ же почти и объявляетъ Мамаевой: «Черезъ двѣ недѣли онъ будетъ опредѣленъ». А она отвѣчаетъ на это: «Черезъ двѣ недѣли я васъ поцѣлую». Но Городулинъ, сверхъ того, спѣшитъ замолвить за Глумова слово Ту-

русиной, у которой дочь невѣста. То же дѣлаетъ съ своей стороны и консерваторъ Крутицкій. Но у Глумова пущена на этотъ счетъ въ дѣло и юродивая гадальщица Манеѳа, нѣчто въ родѣ знаменитой когда-то въ Петербургѣ Марѳуши или московскаго, не менѣе знаменитаго, Ивана Яковлевича въ юбкѣ.

Какъ эта гадальщица, такъ и приживалки Турусиной и сама Турусина — своего рода комическая Магдалина,— нарисованы довольно топорно, нѣсколько каррикатурно. Дѣло, такъ хитро задуманное Глумовымъ, однако-жъ не выгораетъ. Во всемъ виноватъ его проклятый дневникъ. И безъ того уже въ душѣ недовольная, разумѣется, ухаживаніемъ племянника за m-elle Турусиной, тетушка Мамаева, найдя этотъ дневникъ раскрытымъ у него на столѣ и перелиставъ его, окончательно разубѣждается такимъ чтеніемъ въ чувствахъ его къ себѣ и рѣшается отомстить ему при помощи того-же дневника. Стащивъ его со стола, она знакомитъ съ его содержаніемъ и Крутицкаго, и Городулина, раскрываетъ передъ Турусиной и подкупъ Глумовымъ Манеѳы, и проч. Такимъ образомъ, все пошло прахомъ — и сватовство, и полученіе мѣста. Чтеніе вслухъ дневника Глумова напоминаетъ чтеніе письма Хлестакова въ «Ревизорѣ». Но Глумовъ, этотъ своего рода Хлестаковъ, только безъ Хлестаковской наивности, и не думаетъ унывать. «Я вамъ нуженъ, господа, — преспокойно говоритъ онъ Городулинымъ и Крутицкимъ.—Безъ такого человѣка, какъ я, вамъ нельзя жить. Будетъ и хуже меня, и вы будете говорить: «эхъ, этотъ хуже Глумова, а все-таки славный малый...» Дѣйствительно честному человѣку вы откажете въ протекціи, а за того поскачете хлопотать, сломя голову». И вѣдь онъ, пожалуй, и правъ. Онъ вѣдь тотъ-же Фамусовскій «дѣловой», только *дѣловой* на всѣ руки (дѣловымъ и называетъ его Крутицкій). У Глумова недаромъ сказывается и какое-то чувство собственнаго достоинства. «Васъ возмутилъ мой дневникъ, — говоритъ онъ. — Какъ онъ попалъ къ вамъ въ руки — я не знаю. На всякаго мудреца довольно простоты. Но знайте, господа, что

пока я былъ между вами, въ вашемъ обществѣ, я только тогда и былъ честенъ, когда писалъ этотъ дневникъ!.. Не знаю кто, но кто-нибудь изъ васъ, честныхъ людей, укралъ мой дневникъ. Вы у меня разбили все: отняли деньги, отняли репутацію. Вы гоните меня и думаете, что это все—тѣмъ дѣло и кончится. Вы думаете, что я вамъ прощу. Нѣтъ, господа, горько вамъ достанется». И что же? У нихъ душа въ пятки уходитъ. Имъ не хватаетъ и того куражу, съ какимъ отвѣчалъ онъ самъ на угрозу Голытвина — напечатать про него статью,— угрозу, соединявшуюся съ надеждою выманить у него этимъ деньги. А вѣдь у Глумова-то перо будетъ почище Голытвинскаго. И вотъ Крутицкій приходитъ къ тому заключенію, что «наказать его надо, но черезъ нѣсколько времени можно его опять и приласкать». И Городулинъ и Мамаевъ соглашаются съ этимъ, а Мамаева заканчиваетъ комедію словами: «Ужь это я возьму на себя».

Нужно ли говорить, что при всемъ шаржѣ въ этомъ произведеніи Островскаго, при перевѣсѣ въ немъ сатирическаго надъ комическимъ, оно, по своему замыслу, по заключающейся въ немъ жизненной правдѣ, вполнѣ заслуживаетъ вниманія.

Новая пяти-актная комедія Островскаго «Горячее сердце» (1869 г.) переноситъ насъ, какъ это и прежде у него случалось, за тридцать лѣтъ назадъ въ тотъ-же провинціальный городъ Калиновъ, въ которомъ разыгрывается и «Гроза». При большомъ объемѣ комедія эта отличается нѣсколько топорной работой. Основной ея интересъ въ главномъ женскомъ лицѣ — Парашѣ, которой и принадлежитъ «горячее сердце». Но лицо это, весьма сочувственное, осталось психологически не довыясненнымъ, это скорѣе только талантливый намекъ на живое лицо.

Тутъ мы снова въ области самодурства, того же самаго, на деньгахъ основаннаго, передъ которымъ ни во что обращается тутъ и самое значеніе городничаго (столь грознаго, какъ извѣстно, у Гоголя). Несмотря на свои раны, имъ просто помыкаетъ именитый купецъ Куро-

слѣповъ, которому отъ постояннаго пьянства кажется, что небо на землю валится, а часы бьютъ иногда пятнадцать. Городничему просто житья нѣтъ отъ того, что у Курослѣпова кто-то укралъ 2000 р. Вотъ онъ и спѣшитъ обвинить перваго попавшагося — сына недавно разорившагося купца, Васю, на самомъ дѣлѣ повадившагося подъ вечеръ забираться въ садъ къ Курослѣпову не ради кражи, а ради свиданій съ его дочкой—Парашей. Судъ у пьянаго самодура и у покорнаго ему городничаго не дологъ — забрить Васѣ лобъ, и все тутъ. Когда же Параша, въ отчаяніи, бѣжитъ за своимъ Васей, отецъ требуетъ, чтобъ ее поймали и доставили къ нему съ солдатами на веревкѣ, а городничему приходится его уговаривать: «Что вы за нація такая? Отчего вы такъ всякій срамъ любите? Другіе такъ боятся сраму, а для васъ это первое удовольствіе! Честь-то, понимаешь ты, что значитъ, или нѣтъ?» Курослѣповъ отвѣчаетъ на это: «Какая такая честь? Нажилъ капиталъ, вотъ тебѣ и честь. Что больше капиталу, то больше и чести». Между тѣмъ тотъ же городничій весь въ рукахъ и у другого еще представителя такой же денежной чести, еще недавно вылѣзшаго изъ крестьянъ въ богатѣйшіе купцы, Хлынова. Денегъ у него куры не клюютъ, времени тоже дѣвать некуда, ну, онъ и безобразничаетъ вполнѣ безнаказанно. «Вотъ недавно придумалъ, — разсказываетъ про него Вася, — лѣтомъ въ саняхъ ѣздитъ по полю. Тутъ недалеко деревня; собрали двѣнадцать дѣвокъ и запрягли ихъ въ сани... На каждую дѣвку дали по золотому. А то вдругъ на него хандра нападетъ: не хочу, говоритъ, пьянствовать, хочу о своихъ грѣхахъ казниться. Позоветъ духовенство, посадитъ всѣхъ въ гостиной по порядку кругомъ на кресла и начнетъ подчевать, всѣмъ въ ноги кланяться; потомъ пѣть заставитъ, а самъ сидитъ одинъ посереди комнаты и горькими слезами плачетъ». Словомъ, точно будто бы подражаетъ Грозному. Къ счастью, есть у него «атютантъ, — какъ выражается тотъ же Вася,— мѣщанинъ Аристархъ». Тотъ «ничего его не боится, грубитъ ему и ругаетъ въ глаза. А Хлыновъ его за это

даже любитъ... жить скучно, потому ничего онъ не знаетъ, какъ ему эти деньги истратить, чтобъ весело было. «Коли, говоритъ, не будетъ у меня Листарха, стану ихъ такъ просто горстями бросать». Вотъ ему Аристархъ и нуженъ, чтобъ думать за него. А коли что самъ выдумаетъ, все нескладно». Этому-то Аристарху, доводящемуся крестнымъ отцомъ Парашѣ, и удается подбить Хлынова на доброе дѣло: онъ беретъ на поруки Васю и ставитъ за него на свои средства рекрута. Только достается это Васѣ не даромъ. «Быть тебѣ, — говоритъ ему благодѣтель,—у господина Хлынова запѣвалой. Вотъ тебѣ и чинъ отъ меня».

Вася. Ужь очень страмъ передъ своимъ братомъ, Тарасъ Тарасычъ.

Хлыновъ. А коли страмъ, братецъ, я тебя не неволю,—ступай въ солдаты.

Но дѣло не въ «своемъ братѣ», а въ Парашѣ. Она готова была идти за нимъ, за солдатомъ. «Люди его обидѣли, все, все отняли, — говорила она Аристарху...— Что-жъ! Онъ меня любитъ, можетъ, у него только одно это на свѣтѣ и осталось; такъ неужто я отниму у него эту послѣднюю радость... Чѣмъ мнѣ-то гордиться передъ нимъ? Развѣ онъ меня хуже?.. Все равно, вѣдь ужь мнѣ въ дѣвкахъ не оставаться. Выдадутъ, крестный. Развѣ мнѣ легче будетъ тѣшить какого-нибудь купца-то пьянаго противъ своей воли? Не то, что по охотѣ, а, кажись бы, его ножомъ лучше зарѣзала! А тутъ, безъ грѣха, по любви». У Параши не только горячее сердце, у нея и пылкое, возвышенно настроенное воображеніе. Она заранѣе себѣ представляетъ Васю храбрымъ воиномъ, а себя вѣрною женою, пожалуй, даже молодою вдовою положившаго свою голову на полѣ брани. «Ничего ты своей головы не жалѣй,—говоритъ она ему въ какомъ-то опьянѣніи своею мечтою,—одинъ разъ умирать-то По крайности мнѣ будетъ, плакать о чемъ. Настоящее у меня горе-то будетъ, самое святое. А ты подумай, ежели ты не будешь проситься на сраженіе и переведутъ тебя въ гарнизонъ, начнешь ты баловаться... Что тогда за жизнь

моя будетъ? Самая послѣдняя. Горемъ назвать нельзя, а и счастья-то не бывало—такъ, подлость одна. Изомретъ тогда мое сердце, на тебя глядя». И вотъ ей приходится увидѣть его чѣмъ-то въ родѣ шута у г. Хлынова! «Развѣ ты... струсилъ?—спрашиваетъ она Васю.—Отвѣчай! отвѣчай мнѣ! струсилъ ты? Обробѣлъ? Такой красивый, такой молодецъ, и струсилъ! Съ бубномъ стоитъ!.. Вотъ когда я обижена. Что я? Что я? Онъ—плясунъ, а я что. Возьмите меня кто-нибудь! Я для него только жила, для него горе терпѣла. Я, богатаго купца дочь, солдаткой хотѣла быть, въ казармахъ съ нимъ жить, а онъ!!» Ее, стало быть, увлекала какая-то поэзія, какое-то сладострастіе своего рода мученичества,—и вдругъ такая развязка! Между тѣмъ все выходитъ наружу: деньги оказываются украденными женою Курослѣпова по требованію ея милаго дружка, приказчика Наркиса. Вася ни въ чемъ не повиненъ, а отецъ согласенъ отдать Парашу за кого бы она ни вздумала. Но Параша такъ и не можетъ выйти изъ-подъ оскорбительнаго для нея впечатлѣнія. «Боюсь, что онъ отъ жены въ плясуны уйдетъ,—говоритъ она.—И не пойду я за него, хоть осыпь ты меня съ ногъ до головы золотомъ. Не умѣлъ онъ меня брать бѣдную, не возьметъ и богатую. А пойду я вотъ за него». Она указываетъ на молодого приказчика Курослѣпова по лавкѣ, Гаврилу, который не отставалъ отъ нея въ роковую минуту, сопутствовалъ ей во время ея скитальчества по слѣдамъ Васи. Она—вся порывъ, вся—увлеченіе сердцемъ, увлеченіе и воображеніемъ. «Я вѣрно знала,—говоритъ она,—что онъ меня любить будетъ. Одинъ день я его видѣла, а на всю жизнь душу ему повѣрю». Таковъ этотъ *набросокъ* характера, вѣрный по своей основѣ, но мало, къ сожалѣнію, разработанный.

Новая 5-актная комедія Островскаго «Бѣшеныя деньги» (1870 г.) опять переводитъ насъ изъ купеческаго міра въ дворянскій. Тутъ передъ нами, въ лицѣ Надежды Антоновны—та-же мамаша «Доходнаго мѣста», только, такъ сказать, возведенная въ кубъ. Вотъ какъ она характери-

зуетъ своего супруга: «Онъ имѣлъ видное и очень отвѣтственное мѣсто; чрезъ руки его проходило много денегъ, и, знаете-ли, онъ такъ любилъ меня и дочь, что когда требовалась какая-нибудь очень большая сумма для поддержанія достоинства нашей фамиліи или просто даже для нашихъ прихотей онъ... онъ не зналъ различія между своими и казенными деньгами. Понимаете ли вы, онъ пожертвовалъ собою для святого чувства семейной любви. Онъ былъ преданъ суду и долженъ былъ уѣхать изъ Москвы». У него оставалось большое имѣніе, но управлять приходилось уже «послѣ того», — вы понимаете, читатель, послѣ чего? (повторяемъ вопросъ Мамаева). Тутъ нужно было попридержать свои вкусы, поограничить свои привычки, но, какъ у большинства нашихъ баръ, у г. Чебоксарова и милой его супруги не хватило на то ни умѣнья, ни охоты. Въ началѣ комедіи они уже въ долгу, какъ въ шелку, но разсчитываютъ поправиться при выгодной партіи для дочери. «Вѣдь вы найдете средства выйти изъ этого положенія, — говоритъ своей мамашѣ и сама Лидія, дѣвица уже двадцатипяти лѣтъ, — вѣдь не покинемъ же мы Москву, не уѣдемъ въ деревню; а въ Москвѣ мы не можемъ жить, какъ нищіе! Такъ или иначе, вы должны устроить, чтобъ въ нашей жизни ничего не измѣнилось». Ей представляется выгодная партія съ Васильковымъ; она выходитъ за него, не любя его, но считая возможнымъ его полюбить, послѣ того, какъ онъ ей сдѣлалъ подарокъ въ три тысячи. Она, по крайней мѣрѣ, не лжетъ, а прямо такъ и высказывается ему въ глаза. Онъ и въ самомъ дѣлѣ человѣкъ со средствами, но на ихъ аршинъ этихъ средствъ недостаточно. «Того, что вы называете состояніемъ, — говоритъ ему его belle mère, — довольно для холостого человѣка; этого состоянія ему достанетъ на перчатки. Что же вы сдѣлаете съ моей бѣдной дочерью?» — Я хотѣлъ сдѣлать ее счастливою и постараюсь этого достигнуть, — отвѣчаетъ онъ. «Безъ состоянія? смѣшно», отвѣчаетъ maman. Между тѣмъ онъ уплачиваетъ за свою супругу 34,000 разнаго долга, но предупреждаетъ ее, что они должны будутъ

переѣхать на небольшую квартиру и вообще постѣсниться. Тутъ Лидія рѣшается на все: она вспоминаетъ о старомъ (въ буквальномъ смыслѣ) пріятелѣ ихъ, Кучумовѣ, человѣкѣ семейномъ, но съ юнымъ сердцемъ, и готова отдаться ему, считая его богатымъ. Дѣло въ томъ, что къ тѣмъ годамъ, по вѣрному замѣчанію одного изъ новѣйшихъ критиковъ Островскаго, «купля-продажа перестала уже быть контрабандной торговлей втихомолку въ семейныхъ уголкахъ подъ благовидною маскою законнаго брака, а выступила на базаръ, сдѣлалась публичнымъ, даже аукціоннымъ торгомъ, безъ всякихъ масокъ и околичностей. Теперь стали уже смотрѣть, какъ на глупость, не только на страсть, увлеченіе, но и на желаніе со стороны нѣкоторыхъ старовѣрокъ продать себя не иначе, какъ въ формѣ законнаго брака. Почему не сдѣлаться и содержанкой, камеліей, если это оказывается выгоднѣе! И вотъ является передъ нами новая героиня въ видѣ Лидіи Чебоксаровой [1]). Maman Лидіи сперва оскорбляется тѣмъ, что она называетъ Кучумова «папашей», но Лидія преспокойно ей замѣчаетъ: «Скажите! Стыдно? Я рѣшилась называть стыдомъ только бѣдность, все остальное для меня не стыдно... Вы желаете жить роскошно, какъ же вы можете ждать отъ меня стыда! Нѣтъ, ужь вамъ поневолѣ придется смотрѣть кой на что сквозь пальцы. Такова участь всѣхъ матерей, которыя воспитываютъ дѣтей въ роскоши и оставляютъ ихъ безъ денегъ». На бѣду, и г. Кучумовъ только сохранилъ до старости всякія широкія привычки, только представляетъ, а, пожалуй, и воображаетъ себя богатымъ, на самомъ же дѣлѣ и онъ уже разоренъ. Тутъ Лидія навязывается г. Телятеву, который къ тому же и помоложе Кучумова; но онъ откровеннѣйшимъ образомъ признается ей: «Я вчера узналъ, что я долженъ тысячъ до трехсотъ».— Куда же дѣвались деньги?—недоумѣваетъ Лидія.—Есть же онѣ у кого-нибудь.—«У дѣловыхъ людей,—отвѣчаетъ

---

[1]) «Женщины въ пьесахъ А. Н. Островскаго»—Скабичевскаго («Сѣв. Вѣстн.» 1887 г., авг., стр. 161).

Телятевъ,—которые даромъ ихъ не бросаютъ... Теперь и деньги-то умнѣй стали, все къ дѣловымъ людямъ идутъ, а не къ намъ. А прежде деньги глупѣй были. Вотъ именно такія деньги вамъ и нужны».—Какія?—спрашиваетъ она. — «Бѣшеныя. Вотъ и мнѣ доставались все бѣшеныя, никакъ ихъ въ карманѣ не удержишь. Знаете ли, я недавно догадался, отчего у насъ съ вами бѣшеныя деньги? Оттого, что не мы сами ихъ наживали. Деньги, нажитыя трудомъ, деньги умныя». Лидіи остается только вернуться къ мужу и занять въ имѣніи, гдѣ живетъ его мать, положеніе, какъ онъ выражается, «экономки», т.-е. лица, завѣдующаго домашнимъ хозяйствомъ. Впрочемъ, онъ не лишаетъ ее надежды бывать съ нимъ повременамъ въ Петербургѣ. «Но узнайте, что я изъ бюджета не выйду», предостерегаетъ онъ ее и тутъ. Лидія сдается.

Типы дворянскіе опять начинаютъ чередоваться у Островскаго съ типами купеческими. Казалось, типъ самодура на финансовой почвѣ уже вполнѣ имъ исчерпанъ, а между тѣмъ въ новыхъ сценахъ изъ московской жизни «Не все коту масленица» (1871 г.) нашъ драматургъ придаетъ этому типу еще нѣсколько новыхъ мастерскихъ штриховъ. Добролюбовъ не дожилъ до этихъ сценъ, а въ нихъ было бы для него немало поживы. Племянникъ богатаго купца Ахова и его же приказчикъ Ипполитъ заранѣе знакомитъ насъ со своимъ дядюшкой, говоря: «Кругомъ насъ какое невѣжество-то свирѣпствуетъ, страсть! Каждый хозяинъ въ своемъ домѣ, какъ султанъ Махмутъ турецкій; только что головъ не рубитъ». Но вѣдь такъ же смотритъ на себя въ сущности и самъ Аховъ. «Не страшенъ я, а грозенъ», говоритъ онъ племяннику, прямо утверждая, что Ипполитъ «кромѣ приказу да брани въ жизнь ничего отъ него не слыхивалъ». По его убѣжденію, «страхъ имѣть—это для человѣка всего лучше». На вопросъ Агніи: «а вы имѣете?» онъ отвѣчаетъ со всею полнотою самосознанія: «а мнѣ предъ кѣмъ? Да и не надо, я и такъ уменъ. Мужчинѣ страхъ на пользу, коли онъ подначальный, а бабѣ—всякой и всегда». Когда Ипполитъ,

требуя расчета, пытается указать дядѣ на законъ, тотъ только плечами пожимаетъ. «Какой для тебя законъ писанъ, дуракъ? Кому нужно для васъ, для дряни, законы писать? Какія такія у тебя права, коли ты мальчишка и вся цѣна тебѣ грошъ? Ужъ очень много вы о себѣ думать стали! Написаны законы, а вы думаете, это про васъ. Мелко плаваете, чтобы для васъ законы писать». Самъ онъ въ своихъ глазахъ человѣкъ, такъ сказать, сверхзаконный. Но что особенно отличаетъ Ахова, это ясное сознаніе того, на чемъ основывается его сверхзаконность (беззаконнымъ, конечно, онъ бы себя не назвалъ, хотя въ сущности это вѣдь все равно). «Ты богатаго человѣка,—говоритъ онъ Кругловой, —коли онъ до тебя милостивъ, блюди пуще ока своего. Потому, ты своего достатка не имѣешь; нужда или что, къ кому тебѣ кинуться?.. Для нашего брата, ежели что захотѣлось, дорогого нѣтъ; а у васъ, нищей братіи, ничего завѣтнаго нѣтъ; все продажное. И вдругъ изъ гроша рубль—поняла?.. Коли вся жизнь-то,—продолжаетъ онъ, обращаясь къ ея дочери,—можетъ, не одной даже сотни людей въ нашихъ рукахъ, такъ какъ намъ съ тобой не возноситься? Всякому тоже пирожка сладенькаго хочется... А что ужъ про тѣхъ, кому вовсе ѣсть нечего! Ой, задешево людей покупали, ой задешево! Повѣришь ли, иногда даже жалко самому станетъ». И вѣдь сама Круглова наединѣ съ Агніей приходила-было къ его же исповѣданію вѣры, говоря: «душа-то у насъ коротка, передъ деньгами-то, пожалуй, и растаешь». Однако-жъ на дѣлѣ оно у нея выходитъ не такъ. Круглова по собственному опыту слишкомъ хорошо помнитъ, что̀ значитъ быть за самодуромъ замужемъ, да и Агнію не склонитъ на подобный жребій никакими коврижками. Аховъ противенъ ей, хотя она и говоритъ: «Онъ чѣмъ виноватъ? Какъ же ему не возноситься, когда ему всѣ покоряются». Вотъ она и подстрекаетъ. Ипполита перестать ему покоряться, а заставить его заплатить себѣ разомъ за всѣ, почти задаромъ прослуженные у него, года. Ипполитъ въ самомъ дѣлѣ и прибѣгаетъ къ вѣрному противъ нѣкоторыхъ са-

модуровъ способу — застращиванью ихъ неожиданною смѣлостью. Вооружившись ножомъ, онъ грозитъ Ахову, если тотъ не выдастъ ему 15 тысячъ, полоснуть по горлу—не его, а себя самого, и Аховъ невольно сдается передъ такою угрозою самоубійствомъ, за которое, какъ знать, при всей сверхзаконности такого денежнаго туза, придется, пожалуй, быть притянутымъ къ отвѣту. Но Аховъ все-таки не можетъ допустить, чтобы и при капиталѣ въ 15,000 Агнія могла предпочесть Ипполита ему—хотя и старику, но обладателю несмѣтныхъ сокровищъ. Онъ совсѣмъ уже озадаченъ, когда Агнія, заранѣе сговорившись съ матерью, предоставляетъ ей рѣшеніе своей участи, а Круглова читаетъ ему такую отповѣдь: «Если дашь ты мнѣ подписку, что умрешь черезъ недѣлю послѣ свадьбы, и то еще подумаю отдать дочь за тебя». Тутъ ужь Ахову приходится съѣхать на выпрашиваніе себѣ хотя бы подобающаго ему почета. Онъ хочетъ придать дѣлу такой видъ, будто бы онъ же и женитъ своего Ипполитку. Онъ даже сулитъ этому Ипполиткѣ «награжденіе свыше мѣры». Ахову нужно одно: «женихъ съ невѣстой, какъ изъ церкви, вся шестерня сѣрыхъ, какъ къ воротамъ — стой! А въ вороты чтобы не въѣзжать! И сейчасъ имъ дворникъ по метлѣ: и чтобы вымели они до крыльца... Ты не бойся (онъ обращается къ Кругловой), чисто будетъ, еще до нихъ все выметутъ. А они чтобы только примѣръ показали. А я съ гостями буду на балконѣ стоять. Вотъ тогда я васъ прощу и въ честь васъ произведу. И будете вы у меня промежду всѣми гостями все равно, что равные». Но и тутъ приходится старому грѣховоднику ошибиться въ расчетѣ. «Да осыпь ты меня золотомъ съ ногъ до головы, — съ чувствомъ окончательно торжествующаго собственнаго достоинства говоритъ ему Круглова, — такъ я все-таки дочь свою на позорище не отдамъ». Ахову остается утѣшаться бранью да проклятьями. «Какъ жить?—спрашиваетъ онъ. — Родства народъ не уважаетъ, богатству грубить смѣетъ!» Тутъ ужь въ самомъ дѣлѣ самодурству нанесенъ ударъ, да еще какой! А все дѣло въ той силѣ

устоя, которая такъ рѣшительно сказывается въ двухъ женщинахъ—этой матери и этой дочери. Ипполитъ тутъ только ихъ ученикъ, а потому не его устами, а устами Кругловой высказывается заключительная мораль: «Не все коту масленица, бываетъ и великій постъ!»

Мы опять возвращаемся въ барскій кругъ—въ новой, относящейся къ тому же 1871 г., пяти-актной комедіи Островскаго «Лѣсъ». Тутъ опять попадаются кое-какія черты самодурства à la Улабенкова, которую напоминаетъ пятидесятилѣтняя помѣщица-вдова Гурмыжская, ходящая почти постоянно въ траурѣ, извѣстная своею благотворительностью и думающая пристроить племянницу свою Аксюшу, которую держала почти что въ черномъ тѣлѣ, за недоучившагося гимназиста Буланова. Это, впрочемъ, не просто капризъ съ ея стороны: она думаетъ прикрыть этимъ бракомъ свой, ежели не прошедшій, то будущій грѣхъ (Булановъ по роли своей у Гурмыжской соотвѣтствуетъ молодому лакею въ «Воспитанницѣ»). Аксюша между тѣмъ любитъ сына купца Восьмибратова, которому Гурмыжская продаетъ свои лѣсъ и который обсчитываетъ ее, но на выручку ей является прожившійся племянникъ Гурмыжской, провинціальный актеръ Несчастливцевъ. Ему удается приструнить Восьмибратова, и Гурмыжская получаетъ свои деньги сполна, но не безъ колебанія уплачиваетъ затѣмъ свой старый долгъ племяннику. Ему приходится явиться въ комедіи нежданнымъ устроителемъ счастья Аксюши, т.-е. чѣмъ-то въ родѣ Любима Торцова—съ тою, конечно, разницею, что у него въ кутежѣ не погибъ талантъ, а о непогибшемъ въ немъ благородномъ сердцѣ свидѣтельствуетъ уже прямое самоотверженіе. Несчастливцевъ отдаетъ Аксюшѣ единственныя свои, только что полученныя отъ тетки, деньги, безъ которыхъ Восьмибратовъ не позволяетъ своему сыну жениться на Аксюшѣ.

При этомъ онъ далекъ отъ того, чтобы превозноситься своимъ поступкомъ. Онъ считаетъ себя только обязаннымъ загладить свою вину передъ двоюродною сестрой. «О, дитя мое!—говоритъ онъ ей.—Я преступникъ, я могъ имѣть

21*

деньги, могъ помочь тебѣ, могъ сдѣлать тебя счастливой, и я промоталъ, прожилъ ихъ безпутно». Только подъ самый конецъ, уже поправивъ свой старый грѣхъ выдачею Аксюшѣ денегъ, полученныхъ отъ Гурмыжской, онъ, видя, что его съ товарищемъ его по театральный профессіи выпроваживаютъ, высоко поднимаетъ голову, говоря: «Аркадій, насъ гонятъ. И въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ мы зашли въ этотъ лѣсъ, въ этотъ сыръ дремучій боръ? Зачѣмъ мы, братецъ, спугнули совъ и филиновъ! Что имъ мѣшать? Пусть ихъ живутъ, какъ хочется! Тутъ все въ порядкѣ, братецъ, какъ въ лѣсу быть слѣдуетъ. Старухи выходятъ замужъ за гимназистовъ, молодыя дѣвушки топятся отъ горькаго житья у своихъ родныхъ: лѣсъ, братецъ». Когда же Гурмыжская, пожимая плечами, говоритъ: «комедіанты!», онъ, еще болѣе пріосанившись, продолжаетъ: «Комедіанты? Нѣтъ, мы артисты, благородные артисты, а комедіанты вы! Мы коли любимъ, такъ ужь любимъ; коли не любимъ, такъ ссоримся или деремся; коли помогаемъ, такъ ужь послѣднимъ трудовымъ грошомъ. А вы? всю жизнь толкуете о благѣ общества, о любви къ человѣчеству. А что вы сдѣлали, кого накормили? Кого утѣшили? Вы тѣшите только самихъ себя, самихъ себя забавляете. Вы комедіанты, шуты, а не мы». Какъ трагическій актеръ, онъ наконецъ декламируетъ: «Люди, люди!—порожденье крокодиловъ! Ваши слезы—вода, ваши сердца—твердый булатъ! Поцѣлуй—кинжалъ въ грудь. Львы и леопарды питаютъ дѣтей своихъ, хищные враны заботятся о птенцахъ, а она, а она!.. О, еслибъ я могъ быть гіеною! О, еслибъ я могъ остервенить противъ этого адскаго поколѣнія всѣхъ кровожадныхъ обитателей лѣсовъ!» Присутствующій тутъ богатый помѣщикъ Милоновъ въ благородномъ негодованіи замѣчаетъ: «Но позвольте, за эти слова можно васъ къ отвѣту!» Недоучившійся мальчишка Булановъ, желая угодить своей противной старухѣ, поддакиваетъ: «Да просто къ становому. Мы всѣ свидѣтели». Но Несчастливцевъ вынимаетъ «Разбойниковъ» Шиллера, показываетъ и говоритъ: «Цензуровано. Смотри! Одобряется къ представленію... Я чувствую и

говорю, какъ Шиллеръ, а ты, какъ подъячій». Между тѣмъ, у нихъ заказаны были въ дорогу лошади. Оставшись теперь безъ копѣйки, онъ говоритъ лакею Гурмыжской: «Если пріѣдетъ тройка, ты вороти ее, братецъ, въ городъ; скажи, что господа пѣшкомъ пошли. Руку, товарищъ!»

Въ лицѣ Несчастливцева Островскій вывелъ передъ нами совершенно новый у него типъ артиста. Уже въ Любимѣ Торцовѣ звучала нѣсколько артистическая струнка. Въ Несчастливцевѣ она не заглохла, указала ему на его настоящій путь, не дала ему сгибнуть въ такъ называемой «широкой жизни» и окончательно развила въ немъ ширь иного закала—душевную ширь!

X.

«Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ».—«Комикъ XVII столѣтія».—«Снѣгурочка».—«Поздняя любовь».

Снова переносимся мы лѣтъ за 30 назадъ, къ новой, опять пяти-актной комедіи нашего драматурга «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ» (1872 г.). Тутъ и отставные чиновники, и купцы-лавочники, и мѣщане, и квартальные со стряпчими—люди стараго покроя. О самодурствѣ упоминается тутъ только эпизодически—въ словахъ Фетиньи Мироновны о супругѣ ея Истукаріѣ Лупычѣ: «ты спроси только, чѣмъ я не бита? И кочергою бита, и полѣномъ бита, и объ печку бита». На первомъ планѣ тутъ старый и въ какихъ только литературахъ не затронутый типъ *скупого*. Но не ждите найти въ образѣ Михея Михеича Крутицкаго такую тщательную психологическую разработку этого типа, какъ въ старомъ баронѣ Пушкина или въ Гоголевскомъ Плюшкинѣ. Островскаго, очевидно, занималъ не самый анализъ харак-

тера, а драматическое развитіе послѣдствій его образа дѣйствій, отражающихся на другихъ, на ближайшихъ къ нему людяхъ. Михей Михеичъ, по словамъ сосѣдки его Мигачевой, «служилъ въ какомъ-то судѣ секлетаремъ, ну и отставили его за взятки, что ужь очень грабилъ. Анна Тихоновна (жена Михея Михеича) сказывала, что и сталъ онъ съ той поры сумлѣваться, какъ ему жить безъ дохода. Продалъ домъ, лошадей, сталъ деньги въ проценты отдавать. И зажили мы, говоритъ (т.-е. жена его), день ото дня хуже: переѣхали въ одну комнатку, прислугу всю онъ распустилъ, а тамъ ужь и кухарку сослалъ. И пришлось Аннѣ Тихоновнѣ самой и кушанье готовить, и за водой ходить. А потомъ и совсѣмъ, говоритъ, дома стряпать перестали, купимъ что-нибудь въ лавочкѣ и поѣдимъ, а когда и такъ просидимъ». А тутъ же какъ разъ вернулась къ нимъ въ домъ племянница, которую, когда выгнали Михея Михеича со службы, взяла къ себѣ ея крестная мать, барыня богатая,—взяла, воспитала въ достаткѣ и ничего недѣланіи, да и возвратила дядѣ, когда крестница оказалась съ лѣтами гораздо красивѣе ея дочерей.

Вотъ въ этой-то злополучной Настѣ и сосредоточивается весь интересъ комедіи, переходящей подъ часъ прямо въ драму, не обходящейся даже безъ трагическаго эпизода, а кончающейся совершенно счастливо (съ чисто Шекспировскою, т.-е. чисто жизненною свободой). Настя нимало не героиня — даже въ томъ не приподнятомъ смыслѣ, въ какомъ героинями могутъ быть названы Аннушка въ «Бойкомъ мѣстѣ» или Параша въ «Горячемъ сердцѣ». Настя — дѣвушка совсѣмъ заурядная, пожалуй даже пустая, скучающая о томъ, что щеголять ужь совсѣмъ не приходится, мечтающая, какъ бы выйти замужъ за такого же неподготовленнаго, какъ и она сама, ни къ какому труду, но благовиднаго и приличнаго юношу, Баклушина. Между тѣмъ она, а отчасти и онъ возбуждаютъ нашу симпатію своимъ добродушіемъ, своею готовностью быть хорошими, если бы обстоятельства сложились иначе. Весь изъянъ ихъ въ томъ, что нѣтъ

въ нихъ никакой выдержки, неспособны они ни на какую борьбу. Дядя велитъ ей отправиться вмѣстѣ съ теткою въ хожденіе по домамъ съ подписнымъ листомъ на «бѣдную невѣсту»,—и она идетъ, хотя ей и очень стыдно—идетъ не изъ одного послушанія, но и потому, что самой ей хотѣлось бы и платочекъ шелковый пріобрѣсть, и хоть какъ-нибудь угостить у себя вечеркомъ г. Баклушина. И чего только не приходится ей испытать и тутъ, и потомъ отъ сосѣдей во время угощенія предполагаемаго жениха съ помощью чужого самовара, и наконецъ отъ самого жениха, который приходитъ въ ужасъ, когда сосѣди тутъ же и сплетничаютъ ему про ея хожденіе за сборомъ. «Просить, побираться, — говоритъ онъ ея теткѣ, — вотъ что хуже бѣдности». — Это не хуже бѣдности, — отвѣчаетъ та, — это самая бѣдность-то и есть». Но всего ужаснѣе Настѣ услыхать отъ Баклушина, что и самъ онъ «ищетъ богатой невѣсты, чтобы поправить свои дѣла». Ей, съ ея точки зрѣнія, остается одно — не побрезгать предложеніями того семейнаго купца, который готовъ, по словамъ тетки, поселить ее на особой квартирѣ. «Думай, Настенька, — говоритъ ей Анна Тихоновна,—думай, душа моя, хорошенько. Хуже всего, коли руки опустишь. Затянешься въ нашу нищенскую жизнь, бѣда! Думай теперь, пока еще въ тебѣ чувства-то не замерли, а то и солдатской шинели будешь рада.

Настя. Ай, что вы! Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Ай, что вы!

Анна. Ходить по домамъ, побираться, то кусочекъ сахарцу занять, то огарочекъ свѣчки; подбирать на чужихъ дворахъ щепочки, чтобы вскипятить горшокъ пустыхъ щей...

Настя. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Не говорите, замолчите! *(Подумавъ).* Тетенька!

Анна. Что, душа моя?

Настя. А много дѣвушекъ умираетъ?.. отъ бѣдности, отъ горя?

Анна. Довольно-таки.

Настя. А много и такихъ...

Анна. Какихъ?

Настя. Ахъ, какъ стыдно!

Анна. Охъ, много, много!

Настя. И всѣ смѣются надъ ними, презираютъ, обижаютъ ихъ, бѣдныхъ!

Анна. Есть кто и пожалѣетъ; только мало христіанства-то въ людяхъ.

Эта небольшая сцена, при всей своей незатѣйливой простотѣ, производитъ потрясающее впечатлѣніе! Вѣдь изъ-за этой Насти выглядываютъ столько другихъ дѣвушекъ, ни въ чемъ уже неповинныхъ, совсѣмъ уже не пустыхъ, и тѣмъ не менѣе попадающихъ въ такое же положеніе. Но, что касается Насти, то на повѣрку оказывается, что дядя ея только затаилъ свои деньги, ради нихъ-то, этихъ затаенныхъ денегъ, и расхаживая въ ватной шинели даже въ іюльскіе жары. Вѣдь эта шинель у него выстегана ассигнаціями, но, вслѣдствіе изъяновъ въ ней, происходящихъ частью отъ той же скупости, частью отъ затруднительности, при *содержимомъ* шинели, какихъ-либо ея починокъ, онъ теряетъ въ саду часть содержимаго ею и съ отчаянія лишаетъ себя жизни. Можно находить эту развязку натянутою, такъ какъ большая часть его сокровищъ все же осталась въ его шинели, которая и становится послѣ него наслѣдствомъ, сразу мѣняющимъ положеніе и его жены, и чуть было не погибшей его племянницы (тутъ, разумѣется, преблагополучно выходящей замужъ за своего Баклушина). Но вся сущность драмы (это скорѣе вѣдь драма, чѣмъ комедія), повторяемъ—въ умѣньѣ потрясающимъ образомъ показать, какъ могла бы отозваться безобразная скупость Крутицкаго на существѣ, ужь тутъ-то, конечно, ни въ чемъ неповинномъ!

Написанная въ слѣдующемъ 1873 г. трехъактная комедія въ стихахъ «Комикъ XVII столѣтія» переноситъ насъ снова, какъ и по заглавію видно, на совсѣмъ уже историческую почву. Тутъ передъ нами конецъ XVII вѣка—пора, непосредственно предшествующая Петру, о которой нашъ авторъ вспомнилъ по поводу двухсотлѣтія русскаго театра. Передъ нами тутъ опять самодуръ ста-

раго покроя въ лицѣ Кочетова-отца, философствующаго такимъ образомъ насчетъ дѣтской покорности:

...Когда тебѣ взгрустнется
Иль пьянъ придешь домой, на что утѣшнѣй
Поклоны ихъ земные. Заставляешь
Поклоны бить и веселишься духомъ,
Что какъ-де ты ни малъ, ни пріобиженъ
Отъ властныхъ лицъ, а дѣтямъ, домочадцамъ,
Въ своемъ дому и ты-де государь.

Выращенный въ безгласномъ повиновеніи, Кочетовъ-сынъ въ затрудненіи, какъ совмѣстить повиновеніе отцу съ повиновеніемъ властямъ предержащимъ. Онъ говоритъ:

Боярскіе приказы разбирать
Не смѣемъ мы; велятъ плясать—запляшешь

Кочетовъ.

Еще-бъ ты смѣлъ ослушаться бояръ!

Яковъ.

А стать плясать—тебѣ не угодишь.

Кочетовъ.

Еще-бъ ты смѣлъ отцу не угодить!
Служи царю, боярамъ покоряйся
Безропотно, безпрекословно, рабски
И чти отца да матерь.

По старому самодуру вскорѣ приходится убѣдиться, что одно съ другимъ несовмѣстимо. Сынъ его уже завербованъ въ царскіе комедіанты—дѣло, до тѣхъ поръ неслыханное на Руси. У него есть на то талантъ, но талантъ этотъ ему самому противенъ и страшенъ. Онъ повременамъ спасается отъ требующихъ его къ себѣ орудователей комедійнаго дѣла у своей невѣсты, боясь признаться во всемъ отцу. Но соперникъ его въ сватовствѣ, подъячій Клушинъ, выдаетъ его тайну. Отецъ выходитъ изъ себя, но, какъ служилому человѣку, ему приходится наконецъ сдаться передъ волей Матвѣева, говоря:

Сынка привелъ, возьми его, бояринъ,
Да будетъ онъ царевъ комедіантъ.

И Кочетовъ дѣлаетъ это исключительно по долгу службы, а вовсе не вразумляясь словами главнаго заправщика комедійнаго дѣла, пастора Грегори:

...Въ душѣ у человѣка
Въ числѣ даровъ Господнихъ есть одинъ
Спасительный: порочное и злое
Смѣшнымъ казать, давать на посмѣянье.
Величіе родной земли героевъ
Восхваливать и честно и похвально;
Но больше честь, достойно большей славы
Учить людей, изображая нравы.

Не въ историческую старину, а въ старину народныхъ миѳическихъ преданій, народнаго сказочнаго міра уходитъ Островскій въ своей «Снѣгурочкѣ» — этой «весенней сказкѣ», написанной въ стилѣ Шекспировскаго «Сна въ лѣтнюю ночь». Главная прелесть тутъ въ тѣхъ хорахъ, которые прямо отзываются народною пѣснею или же «Словомъ о полку Игоревѣ» (пѣсня гусляровъ— «что мнѣ звенитъ по зарѣ издалече»), въ томъ чисто народномъ размѣрѣ, который чередуется тутъ съ обычнымъ въ драмѣ пятистопнымъ ямбомъ, наконецъ, вообще въ оборотахъ и образахъ чисто народнаго языка. Самой Снѣгурочкѣ авторъ пытался придать особый психологическій интересъ, но это, кажется намъ, менѣе удалось ему, чѣмъ Жуковскому въ его, въ самомъ дѣлѣ, очаровательной, получившей отъ него живую душу, Ундинѣ. Странное порожденіе Дѣда-Мороза и Весны-Красной, т.-е. свѣтлой, но не теплой весны нашего сѣвера, Снѣгурочка исполнена чарующей красоты, но лишена того внутренняго тепла, которымъ только и придается красотѣ *жизнь* Снѣгурочка сама сознаетъ это, когда говоритъ:

Кругомъ меня всѣ любятъ, всѣ счастливы
И радостны, а я одна тоскую!..
. . . .
Хочу любить, но словъ любви не знаю
И чувства нѣтъ въ груди: начну ласкаться,
Услышу брань, насмѣшки и укоры
За дѣтскую застѣнчивость, за сердце
Холодное. Мучительную ревность
Узнала я, любви еще не зная.

Эта ревность, вытекающая *только* изъ оскорбленнаго самолюбія, вызывается въ ней юнымъ пастушкомъ Лелемъ, уже при первомъ знакомствѣ бросающимъ поданный ему ею цвѣтокъ, а потомъ увивающимся за менѣе, можетъ быть, красивою, но полною жизни Купавою, которую, напротивъ того, бросилъ ея женихъ, молодой и богатый посадскій Мизгирь, привлеченный неописанною красотою Снѣгурочки. Нѣсколько страннымъ представляется, что, и ближе ее узнавъ, Мизгирь не оставляетъ ее, подобно Лелю, не чувствуетъ себя обданнымъ тѣмъ холодомъ, какимъ обдаетъ она всѣхъ, ближе подходящихъ къ ней. Онъ, повидимому, увлекается именно неподатливостью Снѣгурочки, желаніемъ во что бы то ни стало одержать надъ нею такъ трудно дающуюся побѣду, но вотъ Снѣгурочка вымаливаетъ у своей матери Весны-Красной то, чего ей не доставало. Надѣвая на ея голову свой вѣнокъ, Весна надѣляетъ ее своею, хотя на сѣверѣ и довольно скудною, теплотою. Это дѣлается уже подъ утро на Ивана Купалу, т.-е. на великій праздникъ Ярила. Но мать при этомъ предостерегаетъ Снѣгурочку:

Таи любовь отъ глазъ Ярила-Солнца,
Спѣши домой, не медля; не любуйся
Багряными потоками разсвѣта...
. . . .
Предчувствіе тревожитъ сердце мнѣ...

Между тѣмъ, Снѣгурочка, встрѣчаясь со своимъ Мизгиремъ, встрѣчаясь уже не попрежнему, все забываетъ. Сладостно млѣя, она говоритъ:

О, мать-Весна, благодарю за радость,
За сладкій даръ любви! Какая нѣга
Томящая течетъ во мнѣ...

Но, говоря это, она таетъ, таетъ не отъ внутренняго жара, а отъ тѣхъ, прорѣзающихъ утренній туманъ, яркихъ лучей солнца, отъ которыхъ ее предостерегала мать. Царь Берендей этимъ доволенъ. Онъ, говоритъ, что

...Солнце знаетъ,
Кого карать и миловать. Свершился

Правдивый судъ! Мороза порожденье—
Холодная Снѣгурочка погибла.
Пятнадцать лѣтъ она жила межъ нами,
Пятнадцать лѣтъ на насъ сердилось Солнце.
Теперь, съ ея чудесною кончиной,
Вмѣшательство мороза прекратилось.
Изгонимъ же послѣдній стужи слѣдъ
Изъ нашихъ душъ и обратимся къ Солнцу.

Но тутъ совсѣмъ уже странно, что Солнце свершаетъ надъ Снѣгурочкою свой судъ какъ разъ въ ту пору, когда, надѣленная, наконецъ, внутреннею теплотою, она перестала бы производить на всѣхъ то дѣйствіе, котораго слѣдствія такимъ образомъ описывалъ царь Берендей:

...Сердечная остуда
Повсюдная—сердца охолодѣли,
И вотъ тебѣ разгадка нашихъ бѣдствій
И холода: за стужу нашихъ чувствъ
И сердится на насъ Ярило-Солнце
И стужей мститъ.

Символизмъ тутъ, какъ и во всей этой драматической сказкѣ, какой-то неясный и не выдержанный. Вообще она можетъ производить впечатлѣніе на сценѣ пѣніемъ и всею эффектною постановкою, но на читателя она не производитъ какого-либо цѣльнаго и полнаго впечатлѣнія. Кстати замѣтимъ тутъ же, что и та фантастическая примѣсь, какая оказывается въ «Воеводѣ» (появленіе Домового),—тоже представляется чѣмъ-то натянутымъ и не довольно яснымъ. Тутъ Островскій, повидимому, не въ своей области.

Мы снова попадаемъ въ самую обыкновенную житейскую обстановку въ тѣхъ «сценахъ изъ жизни захолустья», которыя озаглавлены: «Поздняя любовь» (1874 г.). Тутъ Островскій взялъ себѣ психологическую задачу, которая не рѣшается такъ легко, а требовала бы болѣе тщательнаго анализа. Людмила Маргаритова, дѣвушка уже не молодая, привыкла жить не для себя, а для своего труженика-отца, для котораго она—все, и который на нее не надышится. И вдругъ, подъ вліяніемъ *поздней любви*,

она сперва отдаетъ возбудившему ее въ ней послѣднія, какія только есть у нихъ, деньги, а потомъ доходитъ и до того, что похищаетъ у отца документъ, необходимый для веденія въ судѣ защищаемаго имъ дѣла (онъ адвокатъ) и передаетъ этотъ документъ противной сторонѣ. Дѣло въ томъ, что объ этомъ проситъ ее тотъ же предметъ ея поздней страсти, а она ни въ чемъ ему отказать не можетъ. Привязанность Людмилы къ Николаю Шиблову—человѣку, вовсе ея не стоющему, это какая-то не человѣческая, а, говоря языкомъ Писемскаго въ «Тысячѣ душъ»—собачья привязанность. Если такія привязанности и возможны, то въ данномъ случаѣ не достаточно показана борьба такой привязанности съ иными, лучшими чувствами Людмилы, съ ея привычными и обычными чувствами къ ея достойнѣйшему отцу. Борьбы тутъ, можно сказать, совсѣмъ даже и нѣтъ, а потому Людмила, которая при такой борьбѣ могла бы по крайней мѣрѣ вызывать сожалѣніе, производитъ на насъ какое-то отталкивающее, чтобы не сказать, отвратительное, впечатлѣніе. Да, она едва ли даже не противнѣе своего негодяя Шиблова; его же мы прямо назвали такъ и не беремъ своихъ словъ назадъ. Онъ вполнѣ образованный человѣкъ, онъ изъ университетскихъ, какъ и Калиновичъ у Писемскаго, онъ человѣкъ способный, дѣйствующій въ новыхъ судахъ, но онъ изъ тѣхъ, которые своею внутреннею дрянностью могутъ дурно зарекомендовать какую угодно образованность, какія угодно новыя учрежденія. «Записался онъ адвокатомъ,—говоритъ про него Людмилѣ его же мать,—пошли дѣла, и пошли, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой. Отъ того отъ самаго, что вошелъ онъ въ денежный купеческій кругъ... И началъ онъ эту самую купеческую жизнь, что день въ трактирѣ, а ночь въ клубѣ, либо гдѣ. Само собою: удовольствіе, человѣкъ же онъ горячій. Ну, имъ что? У нихъ карманы толстые. А онъ барствовалъ да барствовалъ, а дѣла-то между рукъ шли, да лѣнь-то; а тутъ адвокатовъ развелось нѣсть числа. Ужъ сколько онъ тамъ ни путался, а деньжонки всѣ прожилъ, знакомство растерялъ и опять въ прежнее

бѣдное положеніе пришелъ». Такимъ-то образомъ дѣло дошло до того, что онъ, на всякій случай, обзавелся пистолетомъ, который и отбирается у него Людмилою. «Жить незачѣмъ, — говоритъ онъ ей, — какъ хочется жить, такъ нельзя; а какъ можно, такъ не хочется». Онъ изъ тѣхъ, имя-же имъ легіонъ, самоновѣйшаго покроя самодуровъ, которые сами, конечно, не считаютъ себя таковыми. Надъ такимъ, въ широкомъ смыслѣ понимаемымъ, самодурствомъ, недаромъ состоялся приговоръ малороссійской пословицы: «паны, якъ дурни, — що хотятъ, то и роблять». И вотъ ради такого-то «пана дурня» Людмила кривитъ душою и становится близка къ тому, чтобы сгубить своего добраго и честнаго отца. Но дѣло кончается лучше, чѣмъ можно было ожидать. Шибловъ передаетъ той дамѣ, дѣло которой ведетъ онъ, не подлинное заемное письмо, а только копію съ него. «Вы,— говоритъ онъ ей при этомъ,—поручая мнѣ это нечистое дѣло, желали испытать, стою ли я любви вашей; по крайней мѣрѣ, вы такъ говорили. Ну, представьте себѣ, что я, довѣряясь вамъ, тоже желалъ испытать, стоите ли вы моей любви». Довѣріе съ его стороны заключается въ томъ, что онъ передаетъ ей бумагу, не заручившись предварительно никакими «вещественными доказательствами невещественныхъ отношеній». Она отвѣчаетъ ему совѣтомъ подождать — не только любви, но и денегъ, а заемное письмо (считая его подлиннымъ) кидаетъ въ печь. Когда же выходитъ наружу, что ею сожжена копія, ей приходится уплатить деньги купцу Дороднову, который передаетъ Маргаритову половину ихъ, за веденіе дѣла. Старикъ спасенъ и, позабывая все, что сдѣлала его дочь, половину своего заработка передаетъ ей—какъ приданое. Она въ свою очередь передаетъ эти деньги Шиблову, какъ своему жениху, а тотъ предлагаетъ ея отцу быть его помощникомъ. Дѣло такимъ образомъ кончается совершенно благополучно, если смотрѣть на благополучіе по-*водевильному*.

Что въ самомъ дѣлѣ ожидаетъ Людмилу въ замужествѣ съ такимъ молодцомъ, способнымъ, конечно, и впредь

вести дѣла *дамъ*, выгодныя въ *двойномъ* отношеніи, это, конечно, такой вопросъ, надъ которымъ едва ли будетъ задумываться большинство зрителей.

XI.

«Трудовой хлѣбъ».—«Богатыя невѣсты».—«Волки и овцы».—«Правда хорошо, а счастье лучше».—«Послѣдняя жертва».

Литературная дѣятельность Островскаго продолжалась съ прежнею неутомимостью и во второй половинѣ 70-хъ годовъ. Въ ней однако же нельзя не замѣтить тутъ нѣкотораго упадка творческой силы, зависѣвшаго, очевидно, отъ поспѣшности работы. Много, съ одной стороны, прекраснаго, напоминающаго лучшую пору нашего драматурга, представляютъ намъ «сцены изъ жизни захолустья», озаглавленныя: «Трудовой хлѣбъ». Но есть тутъ и странности, кое-что натянутое, дѣланное. Характеры пожилого образованнаго неудачника Корпѣлова и молодого его пріятеля, окончившаго курсъ въ университетѣ, Грунцова, нельзя не признать удавшимися. «Я и на свѣтѣ-то живу,—говоритъ про себя Корпѣловъ,—не человѣкомъ, а за мѣсто человѣка. Я и на службѣ-то былъ за мѣсто кого-то, потому что служилъ исправляющимъ должность помощника младшаго сверхштатнаго учителя приходскаго училища. Прослужилъ я цѣлыхъ три мѣсяца, вышелъ въ отставку и аттестатъ два раза терялъ, и живу теперь по копіи съ явочнаго прошенія о пропавшемъ документѣ. Признаться вамъ сказать, друзья мои и сродники ужь начинаютъ сомнѣваться, самъ-то я не копія-ли съ какого-нибудь пропавшаго человѣка». Водится за нимъ и грѣшокъ—запивать съ горя. Но человѣкъ онъ безукоризненно честный и никогда-то не унывающій. Есть у него и сознаніе своего умственнаго превосходства передъ такимъ, въ авантажѣ обрѣтающимся, бывшимъ

товарищемъ, какъ Потроховъ, котораго онъ, по старой гимназической привычкѣ, величаетъ stultus и отъ котораго не хочетъ принять высланной съ лакеемъ трехрублевки. Вотъ отъ Грунцова онъ всегда приметъ помощь,—Грунцовъ и самъ честный труженикъ, и дѣлится послѣднимъ отъ всей души. Грунцовъ, какъ и Корпѣловъ, готовъ даже трунить надъ своею бѣдностью, предпочитать ее положенію тѣхъ, повидимому, роскошно живущихъ людей, которымъ отъ ненасытимости ихъ стремленій хоть петлю надѣвать на шею. «Какая у насъ нужда, domine, — говоритъ онъ Корпѣлову, — вотъ я нынче видѣлъ нужду-то! Прихожу я къ Мурину (ростовщику); отъ него выходитъ молоденькій франтикъ, въ коляску хочетъ садиться... пара рысаковъ тысячи полторы стоитъ... вышелъ отъ Мурина-то, шатается: прислонился у двери, едва духъ переводитъ—блѣдный, какъ полотно, губы трясутся, а самъ шепчетъ: «душитъ онъ меня, душитъ, кровь пьетъ; зарѣжу я его». Вотъ она, нужда-то! въ коляскѣ на рысакахъ ѣздитъ, а мы что!» Грунцовъ не знаетъ, что этими словами рисуетъ портретъ человѣка, сдѣлавшагося предметомъ племянницы Корпѣлова, Наташи. Вотъ какимъ образомъ высказывается этотъ ея предметъ передъ Потроховымъ: «Ты человѣкъ развитой, современный, ты самъ понимаешь, я думаю, что людямъ съ нашими потребностями меньше 300 тысячъ имѣть нельзя. Это, что называется, въ обрѣзъ; разочти самъ. Иначе жить порядочно нельзя—жить какъ-нибудь я не соглашусь ни за что!.. Ты пожалѣй меня, мнѣ жить хочется...» И Потроховъ—свой своему поневолѣ братъ—жалѣетъ Копрова: даетъ ему денегъ взаймы, а бывшему своему товарищу-труженику высылаетъ три рубля съ лакеемъ. Копровъ готовъ занимать у всякаго. Онъ признается Наташѣ, что у него было много денегъ, но онъ запутался, потому что хотѣлъ имѣть еще больше, «затѣмъ, что больше—лучше».—А потомъ опять больше,—замѣчаетъ она,—и такъ далѣе, гдѣ же конецъ?—«Конца нѣтъ,—возражаетъ онъ.—Вѣдь совершенства тоже нѣтъ на землѣ, а все-таки всякій

стремится къ нему; умный желаетъ быть умнѣе, ученый—ученѣе, добродѣтельный—добродѣтельнѣе; ну, а богатый желаетъ быть еще богаче».—Зачѣмъ же такъ ужь много денегъ?—все не можетъ вразумиться Наташа. «Чтобъ имѣть возможность удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ,—поясняетъ Копровъ.—Потребности неудовлетворенныя причиняютъ страданіе, а кто страдаетъ, того нельзя назвать счастливымъ. Напримѣръ, у меня синяя коляска и сѣрыя лошади, вдругъ мнѣ понравится зеленая коляска и вороныя лошади... Конечно, я не умру, если не куплю ихъ сейчасъ же, но все-таки это причинитъ мнѣ нѣкоторое страданіе. И я только тогда сочту себя покойнымъ и счастливымъ, когда получу возможность имѣть во всякое время всякую коляску, какая только мнѣ понравится».

Наташа—дѣвушка совершенно другого покроя. Когда сестра ея, ожидая прихода къ ней Копрова, конфузится бѣдной своей обстановки, Наташа урезониваетъ ее: «Кто посмѣетъ отъ насъ требовать, чтобы у насъ богато было? Чисто, опрятно, и довольно. Ты не конфузься, не теряй своего достоинства! Наша бѣдность — гордость наша!.. Милая Женичка! мы съ тобою хорошія, добрыя дѣвушки; что мы бѣдны, мы не виноваты; забудь эти стѣны и представь себѣ, что мы королевны во дворцѣ». Но именно такой-то дѣвушкѣ и не къ лицу такъ беззастѣнчиво употреблять то слово, которое является у нея на языкѣ при первомъ же ея появленіи на сценѣ. Сестра ея чувствуетъ себя обиженною тѣмъ, что ихъ квартирный хозяинъ, Чепуринъ, говоритъ про Наташу: «у нихъ есть любовникъ».—Онъ правду говоритъ,—замѣчаетъ Наташа. «Да какъ же онъ смѣетъ любовникомъ называть?» остается при своемъ Евгенія. — А какъ же назвать-то? Конечно, любовникъ, — утверждаетъ Наташа. Это пошлое слово, когда-то очень употребительное на сценѣ (въ сентиментальныхъ пьесахъ стараго покроя), почему-то полюбилось нашему драматургу и часто употребляется имъ въ его комедіяхъ 70-хъ годовъ. Но если это устарѣлое слово по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ характеру другихъ его

женщинъ этой поры, то ужь Наташѣ-то оно совсѣмъ не къ лицу. Вѣдь говоритъ же она Копрову: «Любить? Любить можно, и не уважая человѣка и не вѣря ему... да вѣдь такая любовь—обида». Намъ кажется съ другой стороны, что Наташа слишкомъ легко сдается на подталкиванье легкомысленной Евгеніи, отдавая Копрову тотъ завѣтный капиталъ, который на случай замужества оставленъ ей матерью, отдавая его ему—вмѣстѣ съ своею рукою, т.-е. намъ кажется, что она слишкомъ довѣрчиво относится къ его просьбѣ отдать ему и свою руку,—просьбѣ, оказывающейся только слѣдствіемъ того условія, съ какимъ соединено полученіе денегъ. Мы не можемъ наконецъ допустить, чтобы такая дѣвушка, какою намѣтилъ Островскій Наташу (намѣтилъ, но не вполнѣ выполнилъ), могла такъ легко успокоиться послѣ обмана со стороны Копрова, сейчасъ же и соглашаясь выйти замужъ за Чепурина и ничѣмъ не отзываясь на разсказъ Корпѣлова о томъ, что Копровъ «хвать себя изъ револьвера». Намъ представляется также совершенно излишнею исторія съ тою коробочкой, которую, какъ «блаженненькому», передастъ Корпѣлову такое полутаинственное лицо, какъ «старая ключница». Вѣдь находящійся въ этой коробочкѣ сторублевый билетъ—совсѣмъ не такая сумма, которая могла бы вознаградить Наташу за деньги, отобранныя у нея Копровымъ, и безъ которой бы Чепуринъ не могъ на ней жениться. Интересана этимъ не привлечешь, а Чепуринъ, какъ выходитъ на повѣрку, даже вовсе не интересанъ. Когда Наташа отталкиваетъ его, оскорбившись его предостереженіями насчетъ Копрова, онъ съ чувствомъ глубокаго оскорбленія говоритъ: «стою-ль я вашей любви, нѣтъ-ли-съ, только мнѣ ея не надо-съ. И все-жъ я человѣкъ съ душой-съ, и чужія слезы мнѣ не на радость». Между тѣмъ онъ-то и остается ей вѣренъ послѣ постигшаго ее горя.

Отъ такой бѣдной невѣсты, какъ Наташа, Островскій переходитъ къ «Богатымъ невѣстамъ». Такъ озаглавлена у него большая четырехъ-актная комедія, въ которой

одна изъ невѣстъ — купеческая вдова лѣтъ подъ сорокъ, другая — молодая и красивая дѣвушка, сбываемая съ рукъ 60-лѣтнимъ родственникомъ и «благодѣтелемъ». Исторія замужества первой коротка и проста. Послѣ долгихъ зазываній, она и заполучаетъ наконецъ жениха въ лицѣ мелкаго чиновника Пирамидалова, состоящаго на посылушкахъ у его превосходительства г. Гнѣвышева. Пирамидаловъ не прочь бы себѣ добыть другую невѣсту,— ту, которую сбываетъ съ рукъ этотъ штатскій генералъ, сбываетъ, несмотря на ея красоту, такъ какъ ожидаетъ возвращенія своей супруги. Для этой красавицы имѣется у него въ виду другой женихъ—Цыплуновъ, знавшій ее еще тринадцатилѣтнею «ангеломъ-дѣвочкою» и неожиданно сходящійся съ нею 10 лѣтъ спустя. Вотъ какимъ описываетъ Цыплунова своему генералу его штатскій адъютантъ: «сидитъ все дома за бумагами да за книгами, не бываетъ нигдѣ въ обществѣ, даже у товарищей; бѣгаетъ отъ женщинъ. А если съ нимъ женщина заговоритъ, онъ краснѣетъ и конфузится». По мнѣнію Пирамидалова, Цыплуновъ не что иное, какъ дуракъ дуракомъ. Не раздѣляя такого мнѣнія, мы не можемъ не признать этого идеальнаго молодого человѣка (лѣтъ 30-ти) не особенно-то удавшимся Островскому. Горькое разочарованіе въ той, кого онъ знавалъ «ангеломъ-дѣвочкой», и кто является теперь передъ нимъ «милымъ, но погибшимъ созданіемъ»—это тема, отчасти напоминающая ту, которая была затронута Гоголемъ въ «Невскомъ проспектѣ» (гдѣ паденіе милаго существа только глубже). Мы считаемъ эту тему очень благодарною и вполнѣ драматическою, только Островскій, по нашему мнѣнію, не совладалъ съ нею. Въ Цыплуновѣ слишкомъ мало живого благороднаго чувства, слишкомъ много за то ходячаго резонерства. Сцены его съ Бѣлесовой выходятъ поэтому какими-то дѣланными, а подчасъ и скучноватыми. Что-то искусственное сказывается и въ объясненіяхъ Цыплунова съ матерью, которую авторъ хотѣлъ выставить вполнѣ достойною матерью такого сына, только обладающею опытомъ и зависящимъ отъ него благоразуміемъ, а выставилъ

тоже довольно безцвѣтною резонеркою — какимъ-то на полупрактической почвѣ Стародумомъ въ юбкѣ. «Быть можетъ, я ошибаюсь, — говоритъ ей Цыплуновъ, — но мнѣ всегда казалось, что женщины отдаютъ явное и очень обидное предпочтеніе людямъ не строгой нравственности, и даже иногда порочнымъ, передъ людьми чистыми. Мало того, къ людямъ совершенно чистымъ онѣ показываютъ какую-то ненависть. Извините, мнѣ такъ кажется».

— И ты думаешь,—возражаетъ ему мать,—что сказалъ что-нибудь очень ужасное про женщинъ, что-нибудь очень обидное для насъ? Такъ знай же, что женщины совершенно правы въ этомъ случаѣ, потому что нѣтъ болѣе несносныхъ деспотовъ, какъ вы, люди чистые. Вы создаете въ своемъ воображеніи какихъ-то небывалыхъ богинь, да потомъ и сердитесь, что не находите ихъ въ дѣйствительности. Вы, чистыя натуры, не только не прощаете, но даже готовы оскорбить любимую женщину, если она не похожа на тѣ блѣдные, безжизненные шаблоны, которые созданы вашимъ досужимъ воображеніемъ. — Намъ кажется, что никакая хорошая мать не стала бы такъ говорить со своимъ сыномъ. Если бы она считала его только лицемѣромъ, только разыгрывающимъ роль какого-то безгрѣшнаго, то она прямо и заговорила бы о фальши, о томъ, что онъ хочетъ казаться не тѣмъ, что онъ на самомъ дѣлѣ есть. Но она не сомнѣвается въ немъ, въ его искренности, а прямо нападаетъ на его «чистоту», т.-е. на рѣдкое качество въ той господствующей половинѣ человѣческаго рода, къ которой принадлежитъ и онъ. Вся бѣда вѣдь въ томъ, что далеко не чистые изъ этой половины позволяютъ себѣ требовать безупречной чистоты отъ другой, подчиненной половины человѣчества, т.-е. въ томъ, что у нихъ одна мѣра для мужчины и другая для женщины. Но Цыплуновъ, къ сожалѣнію, т.-е. то, чѣмъ онъ вышелъ у Островскаго, дѣйствительно похожъ на «блѣдные, безжизненные шаблоны, созданные воображеніемъ». Въ немъ не видать ни дѣйствительно сильнаго горя, когда онъ узнаетъ, во что обратилась на самомъ дѣлѣ его «ангелъ-дѣвочка», ни того

дѣйствительно сильнаго состраданія любящей души, которое только и могло ему внушить отказъ, данный имъ за нее, отъ того капитала, которымъ думаетъ ее вознаградить Гнѣвышевъ,—отказъ, связанный съ рѣшимостью жениться на ней на такихъ, непредвидѣнныхъ Гнѣвышевымъ, условіяхъ.

Съ другой стороны и эта, когда-то «ангелъ-дѣвочка», Бѣлесова не довольно живое существо, а также—какія-то ходячія перекрещивающіяся разсужденія. Въ ней не видно настоящей борьбы того, что осталось въ ней отъ прежняго «ангела-дѣвочки», съ тѣмъ, что въ ней развилось отъ позднѣйшаго положенія «милаго, но падшаго созданія». Она—просто какая-то деревяшка, когда на вопросъ Цыплунова: неужели не оскорбляютъ ее Гнѣвышевскія деньги? говоритъ: «нѣтъ, оскорбляютъ. Я иногда плачу; но что-жъ дѣлать, я, признаюсь вамъ, не имѣю столько силы воли, чтобъ...» Это-то и заставляетъ Цыплунова отказаться за нее отъ такихъ позорныхъ денегъ. Послѣ того, какою вышла она у Островскаго, странными представляются слова о ней матери Цыплунова: «я нашла то, чего мнѣ не доставало и чего я такъ желала — я нашла дочь себѣ». Точно также приходится покачать головою и на слова самого Цыплунова: «это она — наша прежняя Валентина».

Въ пяти-актной комедіи «Волки и овцы» встрѣчаемся мы со старой знакомой. Старая дѣва—помѣщица Мурзавецкая—это вѣдь новое изданіе Улабенковой и Гурмыжской, съ тою надбавкою, что Мурзавецкая, при такомъ же ханжествѣ и «благотворительности», не прочь и отъ того, чтобы воспользоваться фальшивыми документами, ловко фабрикуемыми для нея бывшимъ членомъ уѣзднаго суда Чугуновымъ, при помощи его совершенно безпутнаго племянника-землемѣра, Горецкаго. А между тѣмъ, если Шекспировскій Лиръ былъ и остался королемъ отъ головы до пятокъ, то и Мурзавецкая, несмотря ни на что, сохраняетъ все свое достоинство барыни-самодура. «Что мнѣ себя связывать? — говоритъ она, — отдамъ — вотъ и все тутъ. Я еще не знаю, сколько у меня денегъ и есть

ли деньги, да и копаться-то въ нихъ за грѣхъ считаю Когда понадобятся, да не то что когда понадобятся, а когда захочу отдать, такъ деньги найдутся, стоитъ только пошарить кругомъ себя. И найдется ровно столько, сколько нужно. Вотъ какія со мною чудеса бываютъ». Дѣло просто: Чугуновъ сфабрикуетъ ей какое-нибудь письмо отъ покойника въ дополненіе къ его завѣщанію — о томъ, что наслѣдники должны столько-то доставить Мурзавецкой на ея благотворительныя дѣла, — а она и расплатится этими деньгами съ кѣмъ слѣдуетъ. Сказавъ, что это «Богъ послалъ», она однако же пойдетъ затѣмъ класть поклоны, подобно Грозному, чтобы, также подобно ему, вернуться на слѣдующій день къ тому же. Въ качествѣ благодѣтельницы, забираетъ она себѣ въ голову исправить своего безпутнаго племянника, выжитаго изъ полка самими товарищами-офицерами, посредствомъ женитьбы его на ея дальней родственницѣ, молодой вдовѣ Купавиной,— и вотъ, чтобы склонить ее на такой, не совсѣмъ-то заманчивый, бракъ, она разсчитываетъ пригрозить ей тѣмъ, что ея покойный мужъ обѣщалъ ссудить покойнаго брата Мурзавецкой, отца сулимаго ей жениха, 25 тысячами, да не исполнилъ своего обѣщанія, и что деньги эти можно взыскать съ нея, наслѣдницы умершаго. Напрасно самъ Чугуновъ старается вразумить Мурзавецкую: «Нельзя этихъ денегъ получить-съ. Никто не обязанъ взаймы деньги давать, на это есть добрая воля. Хоть Купавинъ и не далъ взаймы вашему братцу, а все-таки по закону взыскать ничего съ него за это нельзя...» Мурзавецкая никакихъ такихъ резоновъ не принимаетъ. «Да развѣ я глупѣе тебя?—говоритъ она.—Развѣ я не понимаю, что по законамъ, по тѣмъ, что у васъ въ книгахъ-то написаны, тутъ долга нѣтъ. Такъ у васъ свои законы, а у меня свои; я вотъ знать ничего не хочу, кричу, что ограбили моего племянника». Но такъ какъ, волею судебъ, Мурзавецкой пришлось пережить пору бывшихъ сословныхъ судовъ и дожить до поры реформенной, то такому находчивому человѣку, какъ Беркутовъ, и удается прибрать ее къ рукамъ тѣмъ, что она, по милости негодяевъ,

которые, конечно, безъ спросу у нея, фабрикуютъ ея именемъ фальшивые документы, можетъ вдругъ очутиться на скамьѣ подсудимыхъ.

Выданный своимъ перекупленнымъ племянникомъ, Чугуновъ не теряетъ однако же сознанія своего превосходства, когда въ концѣ комедіи говоритъ Мурзавецкой: «За что насъ Лыняевъ волками-то называлъ? Какіе мы съ вами волки? мы куры, голуби... по зернышку клюемъ, да никогда сыты не бываемъ. Вотъ они волки-то! Вотъ эти сразу по многу глотаютъ».

А вѣдь онъ, пожалуй, и правъ. То ли проглатываетъ г. Беркутовъ, когда, при помощи Мурзавецкой, благодарной ему за спасенье ея отъ скамьи подсудимыхъ, пріобрѣтаетъ такія угодья посредствомъ брака съ Купавиной—той самой, на которой Мурзавецкая хотѣла сперва женить своего забулдыгу-племянника. То ли также глотаетъ и племянница Мурзавецкой, Глафира, прикидывавшаяся такою же святошей, какъ тетушка, когда ей удается себя пристроить за пожилого холостяка Лыняева, того самаго, которому и принадлежитъ изреченіе: «волки кушаютъ овецъ, а овцы смиренно позволяютъ себя кушать». Когда же Мурзавецкая спрашиваетъ его послѣ этого: «И барышни тоже волки?», онъ точно пророчески отвѣчаетъ: «Самые опасные. Смотритъ лисичкой, всѣ движенія такъ мягки, глазки томные, а чуть зазѣвался немножко, такъ въ горло и влѣпится».

Вотъ такъ-то именно и влѣпляется въ него молодая еще и красивая Глафира, влѣпляется въ этого, растолстѣвшаго отъ лѣтъ и отъ привольной жизни, богатаго помѣщика, прямо сознаваясь Купавиной, что она вовсе его не любитъ (еще бы любила!), а просто хочетъ выйти за него замужъ, видитъ въ этомъ «свою единственную надежду, единственную мечту». Глафира — это, если угодно, своего рода лэди Макбетъ — не въ злодѣйствѣ, конечно, а въ безстыдствѣ. Она употребляетъ всѣ самые отвратительные виды кокетства, чтобы привлечь къ себѣ отяжелѣвшаго, туго подающагося старика или почти старика. Мы не видали «Волковъ и овецъ» на сценѣ, но

полагаемъ, что, при хорошей игрѣ, продѣлки Глафиры должны производить на зрителей самое омерзительное впечатлѣніе. Она и въ монастырь собирается идти, и подзадориваетъ Лыняева ревностью къ мальчишкѣ Горецкому, котораго называетъ своимъ «любовникомъ», и уколоть-то норовитъ Лыняева, говоря ему: «Вы не обижайтесь, Михайло Борисычъ! Вы очень хорошій человѣкъ, но любить васъ невозможно. Вы ужъ и въ лѣтахъ, и ожирѣли, и, вѣроятно, дома въ тепломъ халатѣ ходите и въ колпакѣ, ну, словомъ, вы стали похожи на добраго, милаго папашу». И она же ластится къ этому папашѣ во время его послѣобѣденнаго сна на диванѣ, она льнетъ къ его жирному тѣлу, страстно посягая на его капиталъ, въ расчетѣ на то, что ихъ въ эту минуту застанутъ и ему уже нельзя будетъ отступить назадъ.

Несравненно менѣе циниченъ въ своихъ пріемахъ волкъ мужского пола, Беркутовъ, добивающійся руки Купавиной, которая, впрочемъ, и сама не мало о немъ мечтала. Потому-то, правду сказать, ему бы и не зачѣмъ было подзадоривать ее мнимымъ къ ней равнодушіемъ, выражающимся въ словахъ: «выходите за Мурзавецкаго». Намъ кажется даже, что эта, совсѣмъ не нужная съ его стороны, уловка могла бы повлечь за собою вовсе не желанные для него результаты, глубоко оскорбивъ и тѣмъ самымъ оттолкнувъ отъ него Купавину, которая все-таки же не какая-нибудь Глафира. Мы считаемъ недостаткомъ въ комедіи, что Купавина недостаточно оскорбляется его словами.

Къ числу недостатковъ ея относимъ мы и тотъ шаржъ, какой замѣтенъ въ характерѣ Горецкаго, этого безшабашнаго негодяя, которому Лыняевъ предлагаетъ вопросъ: «Вы знали когда-нибудь разницу между хорошимъ дѣломъ и дурнымъ?» Вѣдь Горецкій отвѣчаетъ на это съ чисто сатирическою откровенностью: «Какъ вамъ сказать-съ? Нѣтъ, хорошенько не знаю». То, что разсказываетъ онъ далѣе о своей «заѣдающей средѣ» (употребляю излюбленное выраженіе 60-хъ годовъ), все же

недостаточно для того, чтобы объяснить такое полнѣйшее отупѣніе нравственнаго сознанія.

Какъ бы то ни было, «Волки и овцы» относятся къ наиболѣе замѣчательнымъ произведеніямъ позднѣйшей поры нашего драматурга.

Къ числу ихъ несомнѣнно должна быть отнесена и 4-актная комедія «Правда хорошо, а счастье лучше». Купеческая среда, въ которую мы опять попадаемъ въ ней, представляетъ намъ тутъ тѣ же, давно знакомыя черты патріархальнаго самодурства, хотя и нѣсколько посмягчившагося въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ подъ вѣяніями времени. Особенность комедіи съ этой стороны въ томъ, что ея «государыня-матушка», Мавра Тарасовна, держащая въ ежовыхъ рукавицахъ своего 40-лѣтняго сына, Амоса Панфилыча, который не прочь кутнуть, неожиданно попадаетъ въ положеніе, не особенно подобающее матерой вдовѣ. За нею вдругъ оказываются старые грѣшки, напоминающіе такихъ помѣщицъ, какъ Улабенкова и Гурмыжская, или же мать Манеѳу (у Мельникова). Память объ этихъ грѣшкахъ возстаетъ передъ нею живьемъ въ лицѣ того стараго ундера, котораго гдѣ-то выкапываетъ няня Филицата, чтобы появленіемъ его, когда-то «милаго дружка» бѣдовой старухи, прибрать старуху къ рукамъ и заставить ее, подъ вліяніемъ страха, согласиться на то, что требуется,—на бракъ ея внучки Поликсены со служащимъ у отца ея въ приказчикахъ Платономъ Зыбкинымъ. Мавра Тарасовна не на шутку испугана появленіемъ ундера, когда-то взявшаго съ нея, по его словамъ, «самую страшную клятву, что ежели эту клятву не исполнить, такъ разнесетъ всего человѣка...» «А клятва эта была,—продолжаетъ ундеръ,—въ томъ, что ежели я ворочусь благополучно, и что ни истребую у нея, чтобъ все было... А на что мнѣ? такъ пугалъ». И вотъ, явившись, какъ снѣгъ на голову, послѣ того, какъ она давно привыкла его считать погибшимъ еще на старой турецкой войнѣ, онъ начинаетъ съ того, что пугаетъ ее, матерую вдову-купчиху, вотъ какими требованіями: «Выберу у тебя гостиную, которая по-

лучше,—да и останусь тутъ; гвоздей по стѣнамъ набью, амуницію развѣшаю... А вы каждое утро ко мнѣ всей семьей здороваться приходите, въ ноги кланяться, и вечеромъ опять то-же, прощаться, покойной ночи желать. И сундукъ-то тотъ, желѣзный, ко мнѣ въ комнату подъ кровать». (Можно себѣ представить, что у нея тамъ припрятано въ этомъ завѣтномъ сундукѣ). — «Ахъ, бѣда моей головушкѣ!» невольно вырывается у бѣдовой старухи. Но Грозновъ совсѣмъ не такъ грозенъ—онъ только пошутилъ. Онъ сейчасъ-же и мѣняетъ тонъ, утирая слезы: «Уголъ мнѣ нуженъ—вѣкъ доживать, уголъ—гдѣ-нибудь въ сторожкѣ, подлѣ конуры собачьей».—«Ахъ ты, миленькій, миленькій», также утирая слезы причитаетъ и Мавра Тарасовна. И тутъ же, успокоившись насчетъ его намѣреній, видя, что онъ готовъ въ услуженіе въ домъ къ нимъ поступить, сейчасъ же опять обращается въ прежнюю заскорузлую скопидомку, которой бы только лишнюю копѣйку у кого-нибудь оттягать. «А много-ль съ насъ-то запросишь?» спрашиваетъ она.

Грозновъ. Четырнадцать рублей двадцать восемь копѣекъ съ денежкой—я на старый счетъ.

Мавра Тарасовна. Ну, ужь съ насъ-то возьми по знакомству двѣнадцать.

Грозновъ. Ахъ, ты! *(Топнувъ ногой).* Полтораста.

Мавра Тарасовна. Ну, четырнадцать, такъ четырнадцать... Четырнадцать, четырнадцать, я пошутила.

Грозновъ. Не четырнадцать, а четырнадцать 28 копѣекъ съ денежкой. И денежки не уступлю. А какъ харчи?

Мавра Тарасовна. Харчи у насъ людскіе хорошіе, по праздникамъ водки подносимъ; ну, а тебя-то когда Фелицата и съ нашего стола покормитъ.

Грозновъ. Я разносоловъ вашихъ не люблю, мнѣ что помягче.

Мавра Тарасовна. Да, да, состарѣлся ты, ахъ, какъ состарѣлся!

Память о бывшихъ грѣхахъ окончательно беретъ верхъ: бабушкѣ (*въ этомъ* напоминающей, пожалуй, и

Гончаровскую въ «Обрывѣ») уже не слѣдъ винить внучку въ томъ, что застала ее вечеркомъ въ саду съ Платономъ Зыбкинымъ.

Этотъ молодой человѣкъ является самымъ оригинальнымъ, а вмѣстѣ и самымъ интереснымъ лицомъ въ комедіи. На бѣду себѣ, онъ уродился таковъ, что ужь больно правду любитъ, а, поучившись кое-чему, думаетъ въ этомъ найти опору для своего правдолюбія. «Неученье—тьма, а ученье—свѣтъ»—его исповѣданіе; но свѣтъ вѣдь на то и свѣтъ, чтобы указывать путь-дорогу къ правдѣ. «Всю жизнь я, маменька, сражаюсь съ невѣжествомъ, только дома утѣшеніе и вижу, и вдругъ какой ударъ, въ родной матери я то-же самое нахожу». Онъ говоритъ это изъ-за того, что у матери, долго державшей его сторону, вырвалось вдругъ слово ропота, когда они должны были все заложить, чтобы только выкупиться Платону у Амоса Панфилыча (который принялъ его на службу въ видѣ уплаты за деньги, занятыя у него матерью Платона, и отъ котораго Платонъ рѣшился уйти послѣ всяческихъ притѣсненій и напраслинъ, особенно же послѣ того, какъ украли у него письмо его, предназначавшееся для дочки Амоса Панфилыча, такъ имъ при этомъ и не выдаваемой, сколько ни пристаютъ къ нему съ тѣмъ). Мать Платона вообще высоко цѣнитъ своего сына, хотя и понимаетъ всю непрактичность его достоинствъ. «Говоритъ очень прямо, — описываетъ его мать, — ну, значитъ, ничего себѣ въ жизни составить и не можетъ. Учился онъ хоть на мѣдныя деньги, а хорошо, и конторскую науку онъ всю понялъ; учителя всѣ его любили и похвальные листы ему давали, — и теперь у меня въ рамкахъ на стѣнкѣ висятъ... Учатся бѣдные люди для того, чтобы званіе имѣть да мѣсто получить; а онъ чему учился-то, все это за правду принялъ, всему этому повѣрилъ». Она совершенно вѣрно поняла и опредѣлила своего сына, который могъ бы въ этомъ отношеніи послужить примѣромъ для многихъ и не изъ его среды. «По-нашему, матушка, по-купечески, — продолжаетъ она, — учись, какъ знаешь, хоть съ неба звѣзды хватай, а живи

не по книгамъ, а по нашему обыкновенію, какъ изстари заведено». И вѣдь разсуждаетъ-то такъ не одна вдова Зыбкина, разсуждаютъ такъ, какъ извѣстно, и люди всякихъ положеній и званій — ну, хоть, напримѣръ, по поводу той книги, что евангеліемъ прозывается: мало ли что въ ней написано, а въ отношеніяхъ общественныхъ, въ отношеніяхъ международныхъ все будто бы должно оставаться «по нашему обыкновенію, какъ изстари заведено». Такія мысли зачастую проводятся у историковъ, политиковъ, публицистовъ—и не мирятся съ ними только такіе «юродивые» или «блаженненькіе», какъ Платонъ Зыбкинъ, которымъ и достается же за то горе—не отъ ума ужь, конечно, а отъ безумія. На бѣду Платона, онъ и говоритъ-то своимъ особеннымъ языкомъ, какимъ-то книжно-изысканнымъ и туманнымъ, хотя, при нѣкоторой сообразительности, и не особенно трудно понять, что онъ говоритъ. «Всякій человѣкъ, что большой, что маленькій,—философствуетъ Платонъ,—это все одно: если онъ живетъ по-правдѣ, какъ слѣдуетъ, хорошо, честно, благородно, дѣлаетъ свое дѣло себѣ и другимъ на пользу,—вотъ онъ и патріотъ своего отечества. А кто проживаетъ только готовое, ума и образованія не понимаетъ, дѣйствуетъ только по своему невѣжеству, съ обидой и съ насмѣшкой надъ человѣчествомъ и только себѣ на потѣху, тотъ мерзавецъ своей жизни». Но вѣдь эти слова, несмотря на ихъ странную форму, право золотыя слова, ясно указывающія на тѣ два громадныхъ стана, на какіе распадается весь человѣческій родъ. Такое же чистое золото и въ томъ, что Платонъ говоритъ Поликсенѣ. «Одна у васъ природа съ Амосомъ Панфилычемъ,—опредѣляетъ онъ ее ей же самой въ глаза. — Только свой капризъ тѣшите... вы воображаете, что въ васъ существуетъ любовь, а совсѣмъ напротивъ... Прикажетъ вамъ бабушка замужъ идти, и всей этой любви конецъ, и обрадуетесь вы первому встрѣчному. А мучаете вы человѣка такъ, отъ скуки, чтобы покуда, до жениха, у васъ даромъ время не шло».

Поликсена. Какъ ты смѣешь такія слова говорить?

Платонъ. Отчего же и не говорить, коли правда?

Поликсена. Да ты и правду мнѣ не смѣй говорить!

Платонъ. Нѣтъ, ужь правду никому не побоюсь говорить. Самому лютому звѣрю—льву, и тому въ глаза правду скажу.

Поликсена. А онъ тебя растерзаетъ.

Платонъ. Пущай растерзаетъ. А я ему скажу: «терзай меня, ну, терзай, а правда все-таки на моей сторонѣ».

И что же? вѣдь безъ такихъ «юродивыхъ» окончательно не было бы людямъ житья отъ лютыхъ звѣрей. Конечно, подчасъ не достаточно говорить имъ правду, а приходится—не во гнѣвъ будь сказано Л. Н. Толстому—силою вырывать жертву изъ ихъ пасти. Но Платоны Зыбкины, надо думать, и на это готовы. Это тѣ же Давиды, идущіе со своею пращею на Голіаѳовъ. Вспомнимъ, какимъ глубокимъ самосознаньемъ исполнены его слова: «Все вы у меня отняли и убили меня совсѣмъ, но только изъ-подъ политики, учтиво... и за то спасибо, что хоть не дубиной. Ахъ, благодѣтели, благодѣтели мои! Замучите-то вы и ее (т.-е. Поликсену), и меня замучите, высушите, въ гробъ вгоните, да все-таки учтиво, а не по-прежнему. Значитъ, наше взяло! Ура!! Вотъ оно правду-то вамъ говорить почаще, вотъ! Какъ вы много противъ прежняго образованнѣе стали! А коли учить васъ хорошенько, такъ вы, пожалуй, скоро и совсѣмъ на людей похожи будете».

Многое въ словахъ Платона свидѣтельствуетъ о томъ, что «темное царство» самодурства кое въ чемъ уже пошатнулось. Но вѣдь сила Платона въ томъ, что на его сторонѣ не одна правда словъ, но и правда дѣлъ. На повѣрку выходитъ, что онъ-то и относился честно къ своему хозяину, что онъ-то и оберегалъ его интересы отъ такихъ подслуживающихся ему мошенниковъ, какъ приказчикъ его Мухояровъ съ компаніей. Мавра Тарасовна, дѣйствующая, конечно, подъ вліяніемъ Грозновской грозы, остается и себѣ на умѣ, когда не только выдаетъ Поликсену за Платона, но и назначаетъ его главнымъ

приказчикомъ и всю торговлю и капиталъ ему довѣряетъ Видно, и въ «темномъ царствѣ» начинаютъ чувствовать, что правдивые, смѣлые люди—это въ то же время и въ самомъ дѣлѣ честные люди, а безъ честныхъ людей далеко не уйдешь. Послѣ всего этого нельзя, кажется, не признать, что Платонъ Зыбкинъ является настоящимъ «лучомъ свѣта въ темномъ царствѣ» — онъ, а не погубившая себя съ отчаянья Катерина!

Пяти-актная комедія «Послѣдняя жертва» снова насъ переноситъ въ среду повальной безчестности и распущенности. Тутъ передъ нами опять и «волки», и «овцы». Главнымъ волкомъ является тутъ жуиръ Дульчинъ, пользующійся нѣжностью молодой вдовы Юліи Павловны Тугиной, которая мало-по-малу передаетъ ему все свое состояніе—въ надеждѣ на то, что онъ наконецъ на ней женится. Послѣдняя жертва съ ея стороны заключается въ томъ, что она занимаетъ для него шесть тысячъ у богатаго купца Прибыткова, стараго селадона, къ которому и приходится ей для этого подъѣзжать при помощи ультра-кокетливыхъ пріемовъ, отчасти напоминающихъ Глафиру въ «Волкахъ и овцахъ». А Дульчинъ, вмѣсто того, чтобы этими, такъ солоно ей достающимися, деньгами (она съ отвращеніемъ подъѣзжаетъ къ Прибыткову) выпутаться изъ петли, проигрываетъ ихъ въ карты. Она, между тѣмъ, полагая, что послѣднею жертвою купила наконецъ свое счастье, отправляется заказать себѣ подвѣнечное платье, — а вернувшись домой, находитъ у себя на столѣ пригласительный билетъ отъ племянника старика Прибыткова, Лавра Мироныча, на свадьбу дочери его Ирины съ г. Дульчинымъ. Дѣло въ томъ, что, повѣривъ слуху о громадномъ будто бы приданомъ, обѣщанномъ старикомъ Прибытковымъ своей внучкѣ, Дульчинъ хочетъ женитьбой на ней радикально поправить свои обстоятельства. Отношенія между нимъ и Ириною таковы, что тутъ хорошенько и не разберешь — кто овца, а кто волкъ, т.-е. тутъ каждая сторона—и овца, и волкъ въ одно и то-же время. На повѣрку выходитъ, что дѣдъ даетъ за Ириною пустяки. Между тѣмъ она,

начитавшись романовъ, доводитъ сентиментальность свою до того, что прибѣгаетъ къ Дульчину на квартиру, говоря: «отсюда только одинъ выходъ—подъ вѣнецъ!»

Дульчинъ. Можно и подъ вѣнецъ, только нѣтъ никакой надобности.

Ирина. Какъ нѣтъ надобности?

Дульчинъ. Рѣшительно никакой! У васъ приданаго только пять тысячъ, у меня ни копѣйки и пропасть долгу.

Ирина. А гдѣ же ваше состояніе?

Дульчинъ. Было когда-то...

Ирина. Ахъ, какая гадость!

Дульчинъ. «Съ голубыми ты глазами, моя душечка!» Угодно вамъ со мною подъ вѣнецъ?

Ирина. Я думала, что вы очень богаты.

Дульчинъ. И я думалъ, что вы очень богаты.

Ирина. Какъ я ошиблась!

Дульчинъ. И я ошибся.

Но вотъ та же самая сплетница, которая разблаговѣстила ему про полмилліона Ирины, приноситъ ему вѣсть о томъ, что Юлія умерла съ горя. Тутъ только какъ будто бы пробуждается въ этомъ человѣкѣ какой-то остатокъ человѣческихъ чувствъ—что-то въ родѣ горя, что-то въ родѣ раскаянія. Но Юлія тутъ какъ тутъ. Вслѣдъ же за нею является и Прибытковъ, торжествующимъ тономъ объявляющій Дульчину: «я имѣю согласіе Юліи Павловны на вступленіе со мной въ бракъ; такъ ваши документы поступаютъ ко мнѣ вмѣсто приданаго». Онъ разумѣетъ ту расписку, которую онъ заставилъ ее, давая ей деньги, взять съ Дульчина. Юлія такимъ образомъ не умерла, какъ разблаговѣстила вѣстовщица Глафира Фирсовна; она заживо попадаетъ въ могилу—въ замужество съ противнымъ ей старикомъ, этимъ волкомъ, пользующимся случаемъ проглотить овцу. Но что же г. Дульчинъ? Ему, повидимому, предстоитъ немедленно очутиться въ «ямѣ»—вѣдь ужь Прибытковъ-то не пощадитъ своего бывшаго соперника, какъ не пощадитъ его и ростовщикъ-армянинъ, Салай Салтановичъ, не поща-

дятъ и многіе другіе. Онъ, однако, не унываетъ. «Глафира Фирсовна,—спрашиваетъ онъ ту же вѣстовщицу,—у Пивокуровой много денегъ?

Глафира Фирсовна. Милліонъ.

Дульчинъ. Сватай мнѣ вдову Пивокурову.

Глафира Фирсовна. Давно бы ты за умъ взялся.

Дульчинъ. Вези меня къ ней сейчасъ.

Такова развязка комедіи — развязка въ будущемъ. Основные характеры выяснились вполнѣ; не въ развязкѣ дѣло.

XII.

«Безприданница». — «Сердце не камень». — «Невольницы».—«Таланты и поклонники».

Намъ приходилось не разъ убѣждаться, что въ комедіяхъ Островскаго встрѣчается очень много совсѣмъ некомическаго. Но нѣкоторыя изъ своихъ произведеній онъ называетъ *драмами*, хотя въ нихъ не мало и комическаго. Сюда относится у него и «Безприданница», оканчивающаяся самымъ грустнымъ, даже трагическимъ образомъ. Мы тутъ опять на берегу Волги — въ большомъ торговомъ городѣ Бряхимовѣ. Передъ нами тузы торговаго міра, но уже съ преобладающимъ лоскомъ заправской цивилизаціи (не Гордѣю Карповичу Торцову чета). И знаютъ же они себѣ цѣну. Мокій Парменычъ Кнуровъ, пожилой человѣкъ изъ крупныхъ дѣльцовъ послѣдняго времени, «все молчитъ», по отзыву клубнаго буфетчика. «Да и какъ же ему разговаривать, если у него милліонъ! Съ кѣмъ ему разговаривать? Есть человѣка два-три въ городѣ, съ ними онъ разговариваетъ, а больше не съ кѣмъ; ну, онъ и молчитъ. Онъ и не живетъ здѣсь подолгу, отъ этого отъ самаго; да и не жилъ бы, кабы не дѣла. А разговаривать онъ ѣздитъ въ Москву, въ Петербургъ, да за границу, тамъ ему просторнѣе». Вотъ Василій Данилычъ Вожеватовъ, молодой представитель богатой

торговой фирмы, тотъ еще разговариваетъ, «а въ лѣта войдетъ,—по сужденію того же буфетчика,—такой же идолъ будетъ». Пока онъ благодушествуетъ въ кофейной на берегу Волги, радушно угощая всякихъ знакомыхъ, и мужчинъ, и дамъ, холоднымъ чаемъ, т.-е. шампанскимъ въ чайникахъ. Самый же блестящій баринъ въ городѣ, это, конечно, Сергѣй Сергѣичъ Паратовъ—судохозяинъ, лѣтъ за тридцать. Приближеніе его къ городу сразу становится всѣмъ извѣстнымъ. «Тамъ на биржѣ пушка есть,—разсказываетъ все тотъ же буфетчикъ Гаврило,—когда Сергѣя Сергѣича встрѣчаютъ или провожаютъ, такъ всегда палятъ. Вотъ и коляска за ними ѣдетъ извозчицкая, Чиркова. Видно, дали знать Чиркову, что пріѣдутъ. Самъ хозяинъ Чирковъ на козлахъ. Это за ними.... четыре иноходца въ рядъ, и цыганъ съ Чирковымъ на козлахъ сидитъ въ парадномъ казакинѣ». Но Паратовъ, къ сожалѣнію, уже меркнущее свѣтило... Дѣла его, отъ широкой жизни, запутались; пароходъ продаетъ, только въ богатой невѣстѣ спасеніе видитъ. Нравилась ему, было, дѣвушка, крѣпко нравилась, да, на бѣду, она «безприданница». Мать ея, однако, двухъ дочекъ уже пристроила: одну, по словамъ Вожеватова, за какого-то кавказца, зарѣзавшаго ее на дорогѣ отъ ревности; другую — за предполагаемаго иностранца, на самомъ же дѣлѣ—шулера. «Огудалова разочла не глупо, — замѣчаетъ Кнуровъ,—состояніе небольшое, давать приданое не изъ чего, такъ она живетъ открыто, всѣхъ принимаетъ». На бѣду, «средства у нея такъ не велики, что даже, по замѣчанію Вожеватова, и на такую жизнь не достаетъ». Вотъ и появился у нея въ домѣ Паратовъ, по разсказу того же Вожеватова, «мѣсяца два поѣздилъ, жениховъ всѣхъ отбилъ, да и слѣдъ его простылъ, исчезъ неизвѣстно куда». Упустивъ такого звѣря изъ рукъ, мамаша безъ устали продолжала свою ловлю. У дочери «иногда слезынки на глазахъ, видно, поплакать задумала, а маменька улыбаться велитъ. Потомъ вдругъ проявился этотъ кассиръ. Вотъ бросалъ деньгами-то, такъ и засыпалъ Хариту Игнатьевну (мать). Отбилъ

всѣхъ, да не долго покуражился; у нихъ въ домѣ его и заарестовали. Скандалище здоровый!» Не въ моготу стало бѣдной дѣвушкѣ. «Тутъ ужъ,—продолжаетъ свой разсказъ Вожеватовъ, — Лариса наотрѣзъ матери объявила: «довольно съ насъ сраму-то; за перваго пойду, кто посватается, богатъ ли, бѣденъ ли, разбирать не буду». А Карандышевъ и тутъ какъ тутъ съ предложеніемъ».

Драма и начинается тѣмъ, что Лариса его невѣста, потому что ей, какъ Пушкинской Татьянѣ, всѣ жребіи стали равны. Онъ небогатый чиновникъ, влюбчивый и недалекій; не оглядывается назадъ и не глядитъ впередъ, а считаетъ своимъ долгомъ, въ какомъ-то нелѣпомъ чаду, звать къ себѣ на обѣдъ всѣхъ богатыхъ Огудаловскихъ посѣтителей, затѣмъ, разумѣется, чтобы они насмѣялись надъ нимъ и надъ его обѣдомъ, а невѣста, вмѣсто равнодушія, почувствовала къ нему презрѣніе. Между тѣмъ, у нея изъ мыслей не выходитъ Паратовъ. Да она и не скрываетъ этого отъ жениха. «Сами по себѣ вы что-нибудь значите,—говоритъ она ему,—вы хорошій, честный человѣкъ, но отъ сравненія съ Сергѣемъ Сергѣичемъ вы теряете все.... Сергѣй Сергѣичъ это идеалъ мужчины. Вы понимаете, что такое идеалъ?» И вотъ она разсказываетъ, какъ онъ далъ одному кавказскому офицеру, въ доказательство мѣткой стрѣльбы, выстрѣлить въ стаканъ, который поставилъ себѣ на голову. «Сергѣй Сергѣичъ,— продолжаетъ она разсказъ, — говоритъ: «вы прекрасно стрѣляете, но вы поблѣднѣли, стрѣляя въ мужчину и человѣка вамъ не близкаго. Смотрите, я буду стрѣлять въ дѣвушку, которая для меня дороже всего на свѣтѣ, и не поблѣднѣю». Даетъ мнѣ держать какую-то монету, равнодушно, съ улыбкой, стрѣляетъ на такомъ же разстояніи и выбиваетъ ее». Въ словахъ этихъ вся Лариса съ мечтательнымъ увлеченіемъ, доходящимъ до того, что бездушный поступокъ Паратова представляется ей какимъ-то геройскимъ подвигомъ. Напрасно бѣдняга-женихъ восклицаетъ: «И вы послушали его?»

Лариса. Да развѣ можно его не послушать?

Карандышевъ. Развѣ ужь вы были такъ увѣрены въ немъ?

Ларисса. Что вы? Да развѣ можно быть въ немъ неувѣренной?

Карандышевъ. Сердца нѣтъ, оттого и смѣлъ.

А она тутъ же и говоритъ своему жалкому жениху: «Если бы явился Сергѣй Сергѣичъ и былъ свободенъ, такъ довольно одного его взгляда... Успокойтесь, онъ не явился, а теперь хоть и явится, такъ ужь поздно. Вѣроятно, мы никогда и не увидимся болѣе».

А пушка тутъ-то какъ разъ и возвѣщаетъ его прибытіе. Изъ дальнѣйшаго хода драмы выходитъ, что онъ явился совсѣмъ еще не поздно, для того, чтобы снова увлечь за собою Лариссу. Средство имъ выбрано вѣрное: приглашенный также на обѣдъ къ ея жениху, онъ, при помощи прирученнаго имъ странствующаго актера, напаиваетъ Карандышева и доводитъ его до произнесенія тѣмъ болѣе смѣшного спича въ честь невѣсты. Карандышевъ не былъ настолько уменъ, чтобы, махнувъ рукою на всякія празднества, поскорѣе исполнить просьбу Лариссы—увезти ее изъ «этого цыганскаго табора». Насмѣявшись на обѣдѣ надъ ея женихомъ, такъ глупо увѣреннымъ въ прочности своего положенія, Паратову достаточно сказать упрекающей его Лариссѣ: «Погодите, погодите винить меня! Я еще не совсѣмъ опошлился, не совсѣмъ огрубѣлъ; во мнѣ врожденнаго торгашества нѣтъ; о, благородныя чувства еще шевелятся въ душѣ моей. Еще нѣсколько такихъ минутъ, да... еще нѣсколько такихъ минутъ... Я брошу всѣ расчеты, и ужь никакая сила не вырветъ васъ у меня, развѣ вмѣстѣ съ моею жизнью». Ему достаточно, тутъ же, съ жениховскаго обѣда позвать ее ѣхать съ ними со всѣми (за исключеніемъ жениха) кататься по Волгѣ съ пѣсельниками, и она страстно кидается въ этотъ «цыганскій таборъ». Она такъ увѣрена, что этимъ быстрымъ откликомъ на его зовъ привяжетъ его къ себѣ навсегда, заставитъ его позабыть о полумилліонной невѣстѣ. Между тѣмъ, возвращаясь ночью съ прогулки, ей приходится только выслу-

шать его благодарность за доставленное имъ удовольствіе. «Вы мнѣ фразъ не говорите,—отвѣчаетъ она,—вы мнѣ скажите только: что я—жена ваша или нѣтъ?» А онъ указываетъ ей на то, что пора ей ѣхать домой, что они еще успѣютъ поговорить. Онъ даже не предлагаетъ ей, что отвезетъ ее самъ, а поручаетъ это своему пьяному актеру, который, впрочемъ, оказывается сострадательнымъ къ ея положенію. А Паратовъ указываетъ ей на обручальное кольцо, какъ на «цѣпи, которыми онъ на всю жизнь скованъ». При всей пустотѣ, при всей суетности Ларисы, она сразу становится лицомъ драматическимъ, возбуждающимъ къ себѣ самое глубокое участіе. Это участіе растетъ, когда Кнуровъ, тутъ же ночью, въ бесѣдкѣ на берегу Волги, предлагаетъ ей свое покровительство: «неугодно ли вамъ ѣхать со мной въ Парижъ на выставку... И полное обезпеченіе на всю жизнь... Стыда не бойтесь, осужденій не будетъ. Есть границы, за которыя осужденіе не переходитъ; я могу предложить вамъ такое громадное содержаніе, что самые злые критики чужой нравственности должны будутъ замолчать и разинуть рты отъ удивленія... Я бы ни на одну минуту не задумался предложить вамъ руку, но я женатъ...» Онъ судитъ о ней по ея мамашѣ: согласилась же та на его предложеніе сдѣлать на его счетъ для Ларисы приданое, выпросила же она у него сверхъ того триста рублей, будто бы на покупку для Ларисы брошки, на самомъ дѣлѣ уже подаренной ей Вожеватовымъ... Но Лариса—далеко не мать... Предложеніе Кнурова окончательно ей открываетъ глаза... Она недаромъ просила своего жениха поскорѣе ее увезти изъ цыганскаго табора... Теперь это поздно: она не уѣдетъ съ нимъ, онъ ужь слишкомъ ей опротивѣлъ, онъ окончательно отталкиваетъ ее отъ себя и своими попреками, и своимъ покровительствомъ... Но куда она дѣнется?.. Тутъ, внизу подъ бесѣдкою—Волга, на которую она и указывала Паратову,—Волга, не какъ мѣсто катанья, а какъ то мѣсто успокоенія, которое выбрала себѣ Катерина... Но у Ларисы чего-то не достаетъ на это. «Разставаться съ

жизнью совсѣмъ не такъ просто, какъ я думала,—говоритъ она...—А вѣдь есть люди, для которыхъ это легко. Видно, ужъ тѣмъ совсѣмъ жить нельзя, ихъ ничто не прельщаетъ, имъ ничто не мило, ничего не жалко... Да вѣдь и мнѣ ничто не мило, и мнѣ жить нельзя, и мнѣ жить незачѣмъ! Что-жъ я не рѣшаюсь?... Жалкая слабость. Жить, хоть какъ-нибудь, да жить... когда нельзя жить и не нужно... Кабы теперь меня убилъ кто-нибудь...» И Островскій совершенно неожиданною развязкою приводитъ желаніе ея въ исполненіе. Такое желаніе съ ея стороны понятно, естественно, но приведеніе его въ исполненіе Карандышевымъ ничѣмъ хорошенько не подготовлено, вовсе не вытекаетъ ни изъ его характера, ни изъ его обстановки. Ему совсѣмъ не къ лицу носиться съ пистолетомъ, праздно красовавшимся у него на стѣнѣ, носиться съ нимъ со времени ея исчезновенія послѣ обѣда, съ тѣмъ, чтобы спустить, наконецъ, курокъ прямо на нее; странно уже одно то, что, при его житьѣ-бытьѣ пистолетъ оказывается заряженнымъ. Такой неожиданный заключительный эффектъ портитъ всю драму. А между тѣмъ, сколько глубокаго, сколько примиряющаго насъ съ Ларисою въ ея послѣднихъ словахъ Паратову, унимающему неумѣстныя пѣсни цыганъ: «Пусть веселятся, кому весело, я не хочу мѣшать никому! Живите, живите всѣ! Вамъ надо жить, а мнѣ надо умереть... Я ни на кого не жалуюсь, ни на кого не обижаюсь (она даже увѣряетъ, что и выстрѣлила сама)... Вы всѣ хорошіе люди... Я васъ всѣхъ... всѣхъ люблю».

Появившееся подъ названіемъ комедіи новое произведеніе Островскаго «Сердце не камень» въ сущности оказывается настоящею драмою. Мы тутъ опять попадаемъ въ область стараго самодурства,—самодурства, ничѣмъ не приглаженнаго, хотя и вызывающаго извѣстнаго рода затаенный протестъ съ женской стороны. Онъ—въ словахъ Ольги, жены племянника богатаго купца-старика, Потапа Потапыча Каркунова. Въ глаза старику она бы этого, конечно, не высказала, какъ не выска-

зала бы и въ глаза мужу; но она обращается къ своей молодой и доброй теткѣ: «Мы не люди, что ли? Да посмотрите, что мужчины-то дѣлаютъ, какую они себѣ льготу даютъ! Что они, боятся, али стыдятся чего? Какая только придетъ имъ въ голову фантазія, все и исполняютъ. А отъ насъ требуютъ, чтобы не только мы законъ соблюдали, а въ душѣ и помышленіи непорочность имѣли. Какъ еще они, при своей такой безобразной жизни, смѣютъ отъ насъ чего-то требовать». Протестъ ея такимъ образомъ направленъ противъ всей господствующей половины человѣческаго рода, которая—на зло всѣмъ успѣхамъ цивилизаціи,—въ сущности является такою-же повсемѣстно. Ольга, разумѣется, и слухомъ не слыхала о Миллѣ, а тирада ея точно будто бы взята изъ книги его о «подчиненіи женщины». Но мы вовсе этимъ не хотимъ сказать, чтобы Островскій обратилъ свою купеческую женку въ какую-то умственную ворону въ павлиньихъ перьяхъ. Напротивъ, Ольга не говоритъ у него ни одного слова, котораго не могли бы сказать въ такомъ же положеніи очень многія, никогда ничего не читающія, Ольги. Островскій только обобщилъ это положеніе, придалъ ему общечеловѣческій характеръ. Но Ольга продолжаетъ: «Я шла замужъ-то, какъ голубка была, а мужъ меня черезъ недѣлю по трактирамъ повезъ арфистокъ слушать; сажалъ ихъ за одинъ столъ со мной, обнимался съ ними, а что говорилъ, такъ у меня волоса дыбомъ подымались!» Да вѣдь и это опять, хотя бы и въ другихъ совершенно формахъ, возможно не въ одной купеческой средѣ, возможно и не у насъ однихъ! До чего же доходитъ ея супругъ въ тѣхъ своихъ похожденіяхъ, отъ которыхъ держитъ ее въ сторонѣ, въ которыхъ участвуетъ вмѣстѣ со своимъ старикомъ-дядей, требующимъ отъ него, несмотря на то, какого-то особеннаго, основаннаго на лѣтахъ, уваженія? Потапъ Потапычъ за то не посвящаетъ своей молодой жены ни въ какія тяжкія; слишкомъ для этого старъ, т.-е., подъ вліяніемъ старости, онъ слишкомъ ревнивъ. Разъ какъ-то, вскорѣ послѣ женитьбы, повезъ было онъ Вѣру Филипповну въ

театръ, да сейчасъ же и увезъ ее домой еще до начала представленія, замѣтивъ, что кто-то изъ креселъ смотритъ на нее въ трубку. Но ужь себѣ-то за то онъ все позволяетъ не хуже молодого племянника, который недаромъ ему говоритъ: «Безобразіемъ-то, дяденька, мы вмѣстѣ занимались; ежели я и пьянствовалъ, такъ для вашего удовольствія». Между тѣмъ, онъ вполнѣ сознаетъ, какія его лѣта и что пора бы ему «о душѣ позаботиться». Но вѣдь такія заботы не затруднительны—при его колоссальныхъ средствахъ. Задумавъ написать завѣщаніе, онъ собирается щедро въ немъ отпустить на бѣдныхъ; онъ даже близокъ къ тому, чтобы все имъ однимъ отдать, ибо какое же множество душъ станетъ тогда его грѣхи отмаливать! «Мое вѣдь,—говоритъ онъ, — кому хочу, тому и даю. Душа-то дороже жены. Вотъ еще приказчикъ... У пріятеля сыночка взялъ, обѣщалъ въ люди вывести, наградить... а не вывелъ. И жалованье-то платилъ малое, все посулами проводилъ... И о немъ тоже, видишь, плачу. Только у меня дорогого то, что жена да приказчикъ; а душа все-таки дороже... Можно ему что-нибудь изъ платья... шубу старую... Такъ и напиши!..» На возраженіе: «будетъ ли польза душѣ-то?» старикъ самоувѣренно утверждаетъ: «Будетъ, будетъ; съ умными людьми совѣтовался, съ благочестивыми... И больше все, чтобы по мелочамъ, въ раздачу нищей братіи—по гривнѣ сто тысячъ, по пятаку триста». На замѣчаніе, что отъ этого «питейныя заведенія заторгуютъ хорошо», онъ преспокойно отвѣчаетъ: «Пущай! все-таки каждый передъ стаканомъ-то помянетъ добрымъ словомъ».

Завѣщаніе старика и служитъ узломъ комедіи. Въ концѣ-концовъ оказывается, что ни молодая жена, ни собутыльникъ-племянникъ тутъ далеко не забыты. Слухомъ земля полнится,—слухъ о щедрой долѣ доходитъ и до Вѣры Филипповны. Простая, искренняя душа, она не скрываетъ, что рада этому, хотя выходила замужъ не по собственному расчету на богатство старика, а потому, что при ихъ бѣдности этого ея мать хотѣла. Но она рада завѣщанію потому, что «много бѣднымъ даетъ, такъ

часто и не хватаетъ». Такой причинѣ ея радости, конечно, не вѣрятъ; и племянникъ-кутила, несмотря на оставляемую и ему большую часть, и его разбитная жена завидуютъ Вѣрѣ Филипповнѣ. Племянникъ сговаривается съ молодымъ приказчикомъ подвести ее: приказчикъ долженъ ее расположить къ себѣ, зазвать на свиданіе, а племянникъ съ дядею ихъ накроютъ. Вѣра Филипповна такимъ образомъ лишится наслѣдства; лишится, разумѣется, и приказчикъ, но племянникъ Каркунова его щедро вознаградитъ.

Такова интрига. Расчетъ тутъ — на молодость Вѣры Филипповны и на молодость приказчика (они почти однолѣтки); расчетъ тутъ также на простоту Вѣры Филипповны и на ея сострадательность. Сама она говоритъ про себя, что двадцать лѣтъ взаперти просидѣла. Если сопоставить это съ тѣмъ, что ей, по указанію въ спискѣ дѣйствующихъ лицъ, лѣтъ около 30-ти, то ее, стало быть, просватали страшно рано, какъ водилось оно въ старину, просватали чуть не ребенкомъ. Утѣшеніе нашла она въ томъ, о чемъ слишкомъ мало думала Катерина (въ «Грозѣ»)—въ заботѣ о бѣдныхъ. Только средствъ у нея не всегда хватало, а у Потапа Потапыча просить боялась. Думала она и о томъ, что̀ манило Катерину — «пріемыша взять, сиротку, чтобы не такъ скучно было: Потапъ Потапычъ не велитъ». Собесѣдница ея Аполлинарія Панфиловна ехидно истолковываетъ ея слова: «такъ лѣтъ 25-ти, кудрявенькаго, отъ скуки пріятно». Едва-ли она тутъ не намекаетъ на приказчика Ераста, который однако же старше, лѣтъ 30-ти. Быть можетъ, онъ и самъ представлялся Вѣрѣ Филипповнѣ, когда она, на не менѣе ехидныя слова племянницы (по поводу завѣщанія): «какъ богатаго не полюбить», чистосердечнѣйшимъ образомъ отвѣчаетъ: «богатаго труднѣе полюбить. За что я его буду любить? Ему и такъ жить хорошо. Бѣднаго скорѣе полюбишь. Будешь думать: «того у него нѣтъ, другого нѣтъ», станешь жалѣть и полюбишь». Видно, душа у нея такая же сострадательная, какъ у многихъ дѣйствующихъ лицъ Достоевскаго. И Ерастъ ее давно

понялъ. «Она у насъ сердобольная, — говоритъ онъ, — чувствительная, такъ я на жалость ее маню, казанскимъ сиротой прикидываюсь... Кажется, подѣйствовало, ужъ полдюжины голландскихъ рубашекъ получилъ вчера. Отъ кого-жъ, какъ не отъ нея». Вѣдь она-жъ, въ своемъ положеніи хозяйки, можетъ смотрѣть на заботы свои объ Ерастѣ, какъ на чисто материнскія отношенія къ пріемышу своего мужа. На такомъ-то основаніи и позволяетъ она ему поцѣловать у нея руку. Вотъ на этой-то струнѣ и играетъ сначала Ерастъ. «Кромѣ васъ, — говоритъ онъ,—я никому на свѣтѣ не вѣрю и никого не уважаю. Вамъ я желаю разсказать всю свою жизнь: какъ жилъ, что дѣлалъ и всѣ свои помышленія, и спросить у васъ совѣта, какимъ манеромъ и для чего мнѣ существовать на этомъ свѣтѣ и влачиться на землѣ... Къ себѣ въ комнату я васъ приглашать не смѣю; поэтому самому пожалуйте завтра внизъ, въ контору, въ 10 часовъ вечера. Потапъ Потапычъ по обыкновенію въ эти часы находятся въ отъѣзжихъ поляхъ, въ домѣ все будетъ погружено въ глубокомъ снѣ; значитъ намъ полная свобода». Ерасту удается еще болѣе подстрекнуть ее своими сомнѣніями въ возможности этого: «Вотъ если мужчина на вашихъ глазахъ тонетъ,—говоритъ онъ,—а вамъ только руку протянуть, и онъ спасенъ. Вѣдь вы руки не протянете, потому это стыдно; пущай онъ тонетъ». Она недаромъ отвѣчаетъ ему: «Да если человѣкъ тонетъ, до стыда ли тутъ! Стыдъ вѣдь только въ обыкновенной жизни очень нуженъ, а то онъ не очень важенъ; какъ что посерьезнѣе, такъ его и нѣтъ». Изъ этого уже прямо слѣдуетъ и то, что она говоритъ далѣе: «что-жъ, видно, надо придти». — «Такъ я и ожидалъ,—отвѣчаетъ онъ,—потому у васъ душа особенная». И она въ самомъ дѣлѣ приходитъ къ нему, несмотря на его слишкомъ страстный и преждевременный поцѣлуй, доводящій ее до слезъ.

Но козни не удаются, какъ не удается и попытка бродяги-богатыря Иннокентія ограбить ее подъ стѣнами монастыря, да еще и другая попытка того же пропа-

щаго человѣка со стакнувшимся съ нимъ племянникомъ Каркунова еще почище ограбить ее у нея же въ домѣ. Она точно будто бы, подобно древней Дамаянти, застрахована своимъ безстрашіемъ, которое вытекаетъ изъ полнаго вѣры сознанія ею своей правоты. Придя къ Ерасту въ контору, она совершенно неожиданно и невольно подслушиваетъ разговоръ, разъясняющій ей, какая ловушка для нея тутъ устроена. Въ эту ловушку случайно попадаетъ не она, а Ольга, въ пылу страсти, безъ приглашенія, пришедшая на свиданье къ тому же Ерасту. Вотъ ихъ-то и накрываетъ старикъ Каркуновъ, приведенный къ Ерасту племянникомъ. Старикъ такъ потрясенъ, что съ нимъ дѣлается параличъ. На первыхъ порахъ принимая это за смерть, молодой Каркуновъ и не думаетъ сердиться на свою жену—такъ онъ доволенъ смертью старика. Но онъ радуется слишкомъ рано. Старикъ пока еще живъ и, увѣрившись въ своей женѣ, съ безграничнымъ довѣріемъ отдается ей въ руки. Она этимъ пользуется по-своему. «Мнѣ для себя ничего не нужно,—говоритъ Вѣра Филипповна,—тѣмъ довольна, что всякому бѣдному помочь могу; никому отказывать не приходится, всякій съ чѣмъ-нибудь да уйдетъ отъ меня... Точно я изъ моря черпаю, ничего не убываетъ...» Она при этомъ и не думаетъ никому мстить: «за племянника Константина Лукича долги заплатила, изъ заключенія его выкупила».—А ужь Потапъ Потапычъ въ ваши дѣла не вступается? — спрашиваютъ ее. «Нѣтъ, къ нему только кланяться ходятъ, которые люди съ чувствомъ. А онъ только плачетъ, крестится, да меня благодаритъ. Никогда бы мнѣ, говоритъ, такъ о своей душѣ не позаботиться, какъ ты объ ней заботишься; я хоть бы и хотѣлъ бѣднымъ людямъ помочь, такъ не сумѣлъ бы!» Точно будто бы и про него сказалась пословица: «укатали бурку крутыя горки». Да, укатали,—да не совсѣмъ! Онъ по прежнему требуетъ отъ нея, чтобы она дала ему слово—и послѣ его смерти никого не любить, ни за кого, по крайней мѣрѣ, не выходить замужъ. Въ этомъ одномъ онъ остался тѣмъ же властнымъ самоуправцемъ. Она бы,

пожалуй, и дала ему это слово, все еще хорошенько въ своемъ простодушіи не понимая себя. Но ей приходится снова увидѣться съ Ерастомъ, о которомъ она, не помня зла, позаботилась такъ-же, какъ и о Константинѣ. И вотъ тутъ-то, при этомъ свиданіи, она стала наконецъ понимать, что не только она ему все простила, но что, пожалуй, она и любитъ, какъ и прежде любила, этого самаго своего обидчика. А онъ же еще и говоритъ ей: «вы теперь всѣхъ людей любите и добрыя дѣла постоянно дѣлаете, только одно у васъ это занятье и есть, а себя любить не позволяете; но пройдетъ годъ или полтора, и вся эта ваша любовь... Я не смѣю сказать, что она вамъ надоѣстъ, а только зачерствѣетъ, и всѣ ваши добрыя дѣла будутъ въ родѣ какъ обязанность или служба какая, а ужъ душевнаго ничего не будетъ. Вся эта ваша душевность изсякнетъ, а на мѣсто того даже раздражительность послѣ въ васъ окажется и сердиться будете и на себя, и на людей».

Это, конечно, не вѣрно: такое широкое сердце, какъ у нея, никогда не сузится и не обмелѣетъ; но онъ правъ въ одномъ: онъ понялъ, что въ ней сказалась еще и потребность личнаго чувства, личной привязанности. И она это поняла, а потому и предупреждаетъ угасающаго мужа: «я вамъ откровенно скажу, — я замужъ пойду... Не могу я лгать, не могу». Старая закваска еще крѣпка въ старикѣ, а потому онъ, собирая остатокъ силъ, готовъ ее убить своею палкой, чтобы только она не пережила его. Но, вглядываясь въ ея глаза, эти добрые, честные глаза, онъ невольно отказывается отъ своего умысла, онъ и стыдится его, и кается въ немъ. «За двадцать-то лѣтъ любви, покоя, — говоритъ умиленный старикъ, — за все ея усердіе убить хотѣлъ. Вотъ какой я добрый, а еще умирать собираюсь... Пусть живетъ, какъ ей угодно; какъ бы она ни жила, что бы она ни дѣлала, она отъ добра не отстанетъ и о душѣ моей помнить будетъ... Владѣй, всѣмъ владѣй! тебѣ и владѣть! А я долженъ благодарить Бога, что нашелъ человѣка, который знаетъ, на что богатымъ людямъ деньги даны

и какъ богатому человѣку проживать ихъ слѣдуетъ, чтобы непостыдно могъ стать онъ передъ послѣднимъ судомъ».

Тутъ, стало быть, отпразднована у Островскаго новая, чисто нравственная побѣда надъ самодурствомъ.

Изъ двухъ, только что разобранныхъ драмъ (и «Сердце не камень» считаемъ мы драмою), исполненныхъ такого глубокаго психологическаго интереса, Островскій переходитъ къ довольно даже легкой комедіи — той, которая озаглавлена у него «Невольницы». Мы тутъ опять на той противоестественной семейной почвѣ, какая всегда оказывается послѣ женитьбы пожилыхъ, а тѣмъ болѣе старыхъ людей на молодыхъ. Заглавіе комедіи объясняется, во-первыхъ, словами 60-лѣтняго богача Стырова: «Евлалію Андреевну выдали за меня почти насильно. Мать до 25 лѣтъ держала ее взаперти и обращалась съ ней, какъ съ десятилѣтней дѣвочкой. Я ее купилъ у матери». А между тѣмъ Евлалія — «мадамина дочь, въ родѣ какъ изъ иностранковъ», по выраженію лакея Мирона. Мать ея не только женщина образованная, но и воспитательница. Сама Евлалія не только не чета такимъ необразованнымъ дѣвушкамъ, какъ Авдотья Максимовна или Любовь Гордѣевна: на замѣчаніе пріятельницы своей Софьи Сергѣевны, что не всегда же можно правду говорить, она изумленно отвѣчаетъ вопросомъ: «такъ зачѣмъ же насъ учили?» Между тѣмъ она воспитана и учена лишь затѣмъ, чтобы стать «невольницей». Софья Сергѣевна недаромъ и проповѣдуетъ ей извѣстную рабью мораль, что «надо обманывать». «Вы подумайте только, — говоритъ она Евлаліи, — какъ на насъ смотрятъ мужья и мужчины вообще! Они считаютъ насъ малодушными, вѣтреными, а главное, хитрыми и лживыми. Вѣдь ихъ не разубѣдишь; такъ зачѣмъ же намъ быть лучше того, что они о насъ думаютъ? Они считаютъ насъ хитрыми, — и надо быть хитрыми. Они считаютъ насъ лживыми, — и надо лгать. Они только такихъ женщинъ и знаютъ; имъ другихъ и не нужно, только съ такими они и умѣютъ жить». Евлалія,

не чуждая книжнаго идеализма, пытается заявить на это: «мы должны стать выше ихъ».—«Да какъ вы станете,—упорствуетъ Софья,—коли въ ихъ рукахъ власть, власть, ужасная тѣмъ, что она опошляетъ все, къ чему ни коснется. Я говорю только про нашъ кругъ (т.-е. про кругъ людей съ большими промышленными предпріятіями). Посмотрите, взгляните, что въ немъ. Посредственность, тупость, пошлость; и все это прикрыто, закрашено деньгами, гордостью, неприступностью, такъ что издали кажется чѣмъ-то крупнымъ, внушительнымъ». Евлалія, опять-таки подъ книжнымъ вліяніемъ, думаетъ остановить ее тѣмъ, что «въ ихъ кругу много иностранцевъ». — «Да развѣ они лучше нашихъ? — возражаетъ Софья.—Наши дружатся съ ними, братаются, перенимаютъ отъ нихъ новыя пошлости да сальные каламбуры и воображаютъ, что живутъ по-европейски. Мой мужъ тоже уважаетъ Европу и очень хвалитъ. Онъ бывалъ на югѣ Франціи, знакомъ тамъ со многими фабрикантами; но что же онъ вынесъ изъ этого знакомства? Онъ говоритъ: «тамъ мужья-то еще круче нашего съ женами обращаются, тамъ они ихъ вовсе за людей не считаютъ». Этотъ, бывавшій на югѣ Франціи, Кобловъ, и даетъ совѣтъ своему товарищу по промышленному предпріятію (Стырову) «учредить негласный надзоръ за женой». Когда же Евлалія замѣчаетъ супругу своей пріятельницы: «мнѣ кажется, вы на жену смотрите, какъ на невольницу», онъ и не думаетъ отъ того отпираться: «А что-жъ такое, хоть бы и такъ? Слово-то, что-ли, страшно? Вы думаете, я испугаюсь? Нѣтъ, я не пугливъ. Но мнѣ невольница все-таки лучше, чѣмъ вольница». Онъ не понимаетъ, конечно, что изъ *невольницъ* именно и выходятъ *вольницы*.

Стыровъ далеко не такъ рѣшителенъ, какъ его пріятель, можетъ быть, потому, что гораздо старше его, а оттого и чувствуетъ себя нѣсколько виноватымъ передъ женою. Совѣтомъ пріятеля онъ, однако же, пользуется, съ другой же стороны, передъ своею отлучкою на недѣлю по дѣлу, поручаетъ жену служащему у него въ

конторѣ молодому человѣку, Мулину, разсчитывая, конечно, на его служебную преданность. Дѣло могло бы кончиться довольно печально, если бы не та находчивость, какую проявляетъ Евлалія, несмотря на свою «правдивость». Доносъ на нее прислуги отражается ею самымъ ловкимъ образомъ,—доносъ, далеко не лишенный основанія, но она умѣетъ поставить въ фальшивое положеніе не кого другого, какъ мужа, заставить его же передъ собой извиняться и, въ порывѣ довѣрія, предоставить ей съ этихъ поръ полнѣйшую свободу. Она бы, конечно, сумѣла воспользоваться этою свободою по-своему—по крайней мѣрѣ до поры до времени—если бы эта въ своемъ ролѣ «идеалистка» не пришла въ столкновеніе съ такою «практическою» женщиною, какъ Софья Коблова. Пускаясь съ нею въ откровенности, Евлалія жалуется ей на то, что милый человѣкъ «обѣщаетъ иногда придти; ждешь, ждешь его, а онъ не придетъ; а если придетъ, такъ не надолго». Софья, узнавъ, что онъ не богатъ, преспокойно даетъ ей совѣтъ—«денегъ давать ему побольше». Сентиментальный ужасъ Евлаліи заставляетъ Софью вдаться въ подробности: «Купите хорошій, дорогой бумажникъ, а въ бумажникъ-то положите рублей двѣсти или триста. Вотъ и конфузиться нечего: вы дарите бумажникъ, а деньги въ него нечаянно попали». Евлалія находитъ, что это не будетъ уже «возвышенная любовь».—«Да, конечно»,—соглашается Софья, но оговаривается, что «возвышенная любовь гораздо скучнѣе, она очень надоѣдаетъ молодымъ людямъ; на нее надо много времени даромъ тратить. Онъ бы почиталъ что-нибудь, пошелъ къ пріятелямъ, поигралъ въ карты; а тутъ надо возвышаться до возвышенной любви. Это очень тяжелое занятіе». Ясно, что Евлалія еще институтствующая кандидатка на то, чѣмъ давно уже сдѣлалась Софья. Но откровенность заводитъ обѣихъ пріятельницъ такъ далеко, что Софья называетъ своего милаго друга, и онъ оказывается тѣмъ же Мулинымъ, за которымъ неудачно ухаживаетъ Евлалія. Тутъ разъясняется ей и тайна его неподатливости. Евлаліи остается только усѣсться за винтъ со

своимъ супругомъ и съ его пріятелемъ, недавно еще утверждавшимъ, что самый лучшій признакъ благонадежности—именно если жена заинтересуется винтомъ. Стыровъ въ старческомъ упоеніи цѣлуетъ Евлалію. Этимъ оканчивается комедія, но едва ли оканчивается «невольничье» поприще m-me Стыровой съ предоставленной ей «свободой».

Нужно ли замѣчать, что, при всей легкости нашей комедіи, семейный вопросъ тутъ затронутъ мѣтко и притомъ не только въ нашемъ отечественномъ, но отчасти и въ его обще-европейскомъ смыслѣ.

Въ комедіи «Таланты и поклонники» Островскій переводитъ насъ въ театральный закулисный міръ, вводя въ него молодую, неподходящую къ нему, личность—студента-идеалиста Мелузова. Онъ есть — этотъ типъ или, по крайней мѣрѣ, онъ нарождается... Что ежели *нарождался*, но обстоятельства уже задержали его развитіе?

Подъ вліяніемъ Мелузова, талантливая артистка провинціальной сцены, Нѣгина, отбояривается отъ стараго селадона, князя Дулебова, да еще какъ разъ передъ своимъ бенефисомъ, чѣмъ очень озабочена ея совершенно простая мать. «Вотъ и глупа, вотъ и глупа,—говоритъ она ей.—Ты бы, какъ можно, старалась учтивѣе. «Молъ, ваше сіятельство, мы завсегда вами очень довольны и завсегда вами благодарны; только подлостевъ такихъ мы слушать не желаемъ. Мы, молъ, совсѣмъ напротивъ того, какъ вы объ насъ понимаете». Вотъ какъ надо сказать! Потому честно, благородно и учтиво». Она не понимаетъ, должно быть, что Дулебову именно безъ «этихъ подлостевъ» и нельзя. Это очень хорошо за то понимаетъ Мелузовъ, очень искоса поглядывающій поэтому и на молодого, деликатнаго въ обращеніи, Великатова. Когда тотъ, подавая руку ему, говоритъ: «очень пріятно съ вами познакомиться», Мелузовъ безъ всякихъ учтивостей ему отвѣчаетъ: «Что же тутъ пріятнаго для васъ? Вѣдь это фраза. Ну, познакомились, такъ и будемъ знакомы. Вотъ и все».

Великатовъ *(почтительно)*. Совершенно справедливо: очень много говорится пустыхъ фразъ, я съ вами согласенъ, но то, что я сказалъ,—извините, не фраза. Мнѣ пріятно, что артистки выходятъ замужъ за порядочныхъ людей.

Мелузовъ, дѣйствительно рѣшившійся жениться на Нѣгиной, какъ будто сдается передъ такой задушевностью. Великатовъ, повидимому, еще болѣе располагаетъ его къ себѣ тѣмъ, что жалуется на одолѣвающую прозу жизни. «И радъ бы въ рай,—говоритъ онъ,—да грѣхи не пускаютъ».

Мелузовъ. Какіе же грѣхи за вами водятся?

Великатовъ. Тяжкіе. Практическія соображенія, матеріальные расчеты — вотъ наши грѣхи. Постоянно вращаешься въ сферѣ возможнаго, достижимаго; ну, душа-то и мельчаетъ, ужь высокихъ, благородныхъ замысловъ и не приходитъ въ голову.

Мелузовъ. Да что вы называете благородными замыслами?

Великатовъ. А такіе замыслы, въ которыхъ очень много благородства и очень мало шансовъ на успѣхъ.

Великатовъ, повидимому, говоритъ искренно. Но слова его пророчатъ студенту недоброе. Бѣдный юноша, въ пылу своего идеалистическаго увлеченія, и не чуетъ, какъ мало и у него самого этихъ «шансовъ на успѣхъ». «Ты постепенно улучшаешься,—увѣренно говоритъ онъ Нѣгиной,—и современемъ будешь...»

Нѣгина. Что буду, милый мой?

Мелузовъ. Будешь совсѣмъ хорошей женщиной, такой, какой надо, какъ это нынче требуется отъ вашего брата.

Нѣгина. Да, я тебѣ благодарна. Я ужь и такъ много лучше стала, я сама это чувствую... А все тебѣ обязана, голубчикъ...

Но она тутъ же и признается ему, что завидуетъ своей товаркѣ по профессіи, Смѣльской, когда Великатовъ возитъ ее кататься на чудесныхъ своихъ лошадяхъ... Ему приходится негодовать, когда Смѣльская

привозитъ ей отъ Великатова матеріи на платье и увозитъ Нѣгину на катанье. «Вы не ревновать ли вздумали?— говоритъ ему Смѣльская.—Такъ успокойтесь, онъ черезъ день уѣзжаетъ, да и я не уступлю его Сашѣ».—«Не уступлю,—желчно передразниваетъ ее Мелузовъ.—Вы меня извините, я такихъ отношеній между мужчинами и женщинами не понимаю».

А вѣдь кончается именно тѣмъ, что Смѣльская уступаетъ Великатова Нѣгиной, сама переходя къ Дулебову. Дѣйствительно, уѣзжая послѣ бенефиса Нѣгиной, Великатовъ уѣзжаетъ не одинъ... Онъ начинаетъ съ того, что покупаетъ у нея весь бенефисъ, съ вѣрнымъ, впрочемъ, расчетомъ на сбытъ билетовъ (почему и Мелузовъ соглашается на подобную операцію). Но Нѣгина тутъ же, при женихѣ, говоритъ Великатову: «вы такой благородный человѣкъ, такой деликатный... Я вамъ такъ благодарна, я не знаю, какъ и выразить... Я васъ поцѣлую завтра...»

Но вотъ завтра, послѣ бенефиса, она получаетъ два письма. «Да, милая Саша, — говорится въ первомъ, — искусство не вздоръ, я начинаю понимать это. Сегодня въ игрѣ твоей я нашелъ такъ много теплоты и искренности, что, просто тебѣ сказать, пришелъ въ удивленіе. Я очень радъ за тебя. Послѣ спектакля у тебя, вѣроятно, будетъ кто-нибудь; при твоихъ гостяхъ я всегда чувствую что-то непріятное: не то смущенье, не то досаду, и вообще мнѣ какъ-то неловко. Всѣ они смотрятъ на меня или враждебно, или съ насмѣшкой, чего я, какъ ты сама знаешь, не заслуживаю. По всѣмъ этимъ соображеніямъ я послѣ театра къ тебѣ не зайду, но если ты найдешь минуты двѣ-три свободныхъ, такъ выбѣги въ нашъ садикъ, я тамъ подожду тебя». Письмо это, разумѣется, отъ Мелузова. Но вотъ другое: «Я полюбилъ васъ съ перваго взгляда... Извините, что я объясняюсь съ вами на письмѣ; по врожденной робости, я никогда не осмѣлился бы передать вамъ мои чувства словами. Теперь мое счастье отъ васъ зависитъ. А счастье мое, о которомъ я мечтаю, обожаемая Александра Николаевна, вотъ

какое: въ моей усадьбѣ, въ моемъ роскошномъ дворцѣ, моихъ палатахъ есть молодая хозяйка, которой все покло-няется, все, начиная съ меня, рабски повинуется... Осенью мы съ очаровательной хозяйкой ѣдемъ въ одинъ изъ южныхъ городовъ; она вступаетъ на сцену въ театрѣ, который совершенно зависитъ отъ меня, вступаетъ съ полнымъ блескомъ; я наслаждаюсь и горжусь ея успѣхами... Приговоръ вашъ я прочту завтра въ вашихъ глазахъ...» Письмо это, конечно, отъ Великатова. Нѣгина совѣтуется съ матерью; мать во всѣхъ этихъ «учтивостяхъ» не разглядываетъ никакихъ «подлостевъ». Нѣгина, въ борьбѣ съ собою, хочетъ оставить это до завтра. «А теперь не мѣшайте мнѣ,—говоритъ она матери.— Я теперь такая добрая, такая честная, какой никогда еще не была и, можетъ быть, завтра уже не буду». Не стало увѣренности въ себѣ,—и ей, конечно, не устоять. На другой день бѣдный Мелузовъ получаетъ отъ нея такую записку: «Петя, нынче ты не приходи къ намъ, сиди дома, жди меня, я сама зайду къ тебѣ вечеромъ». Долго пришлось бы ему ждать, если бы онъ не узналъ, что она уѣзжаетъ. Онъ спѣшитъ на желѣзную дорогу. «Все правда, все правда, что ты говорилъ,—исповѣдуется она ему,—такъ и надо жить всѣмъ, такъ и надо... А если талантъ, если у меня впереди слава? Что-жъ мнѣ, отказаться, а? А потомъ жалѣть, убиваться всю жизнь?.. Если я родилась актрисой?

Мелузовъ. Что ты, что ты, Саша! Развѣ талантъ и развратъ нераздѣльны?

Нѣгина. Да вѣдь не развратъ! Ахъ, какой ты!.. Ты думалъ, что я могу быть героиней, а я не могу... да и не хочу. Что-жъ, мнѣ быть укоромъ для другихъ? Вы, молъ, вотъ какія, а я вотъ какая... честная! Да другая, можетъ быть, и не виновата совсѣмъ...

Мелузовъ. Саша, Саша, да развѣ честная жизнь укоръ для другихъ? Честная жизнь—хорошій примѣръ для подражанія.

Нѣгина. Ну, вотъ видишь ты; значитъ, я глупа, ничего не понимаю... А мы съ маменькой такъ разсу-

дили.. мы поплакали, да и разсудили... А ты хочешь, чтобы я была героиней. Нѣтъ, ужь куда мнѣ бороться... Какія мои силы! А все, что ты говорилъ, правда. Я никогда тебя не забуду.—И она уѣзжаетъ съ Великатовымъ

Мелузовъ остается на жертву насмѣшкамъ какого-нибудь г. Бакина (одного изъ театральныхъ «поклонниковъ»). Но ему слишкомъ горько, чтобы обижаться ими. «Смѣйтесь надо мной,—говоритъ онъ,—я не сержусь, я этого заслуживаю... Вѣдь смѣшно, дѣйствительно смѣшно: бѣдняга на трудовыя деньги выучился трудиться—ну, и трудись! А онъ вздумалъ любить! Нѣтъ, этой роскоши намъ не полагается». Но онъ тутъ же старается и ободрить себя. «У насъ, у горемыкъ, у тружениковъ есть свои радости, которыхъ вы не знаете, которыя вамъ недоступны. Дружескія бесѣды за стаканомъ чаю, за бутылкой пива—о книжкахъ, которыхъ вы не читаете, о движеніи науки, которой вы не знаете, объ успѣхахъ цивилизаціи, которыми вы не интересуетесь.. » Бакинъ удивляется, что онъ такъ не обидчивъ; онъ думалъ, по его словамъ, что Мелузовъ его на дуэль вызоветъ. «Дуэль? зачѣмъ? — отвѣчаетъ студентъ.—У насъ съ вами и такъ дуэль, постоянный поединокъ, непрерывная борьба. Я просвѣщаю, а вы развращаете». И онъ, не унывая, хочетъ дѣлать свое дѣло до конца. «А если я перестану учить,—говоритъ онъ,—перестану вѣрить въ возможность улучшать людей или малодушно погружусь въ бездѣйствіе, махну рукой на все, тогда покупайте мнѣ пистолетъ—спасибо скажу!»

И вѣдь это не фразы. Это не Жадовскія жалкія слова, идущія въ разрѣзъ съ дѣлами... Мелузовъ вѣренъ себѣ отъ начала и до конца, онъ цѣленъ... Это одна изъ симпатичнѣйшихъ личностей у Островскаго.

XIII.

«Красавецъ-мужчина».—«Безъ вины виноватые».—«Не отъ міра сего».

Казалось бы, идти далѣе того, до чего доходитъ любящая женщина въ «Послѣдней жертвѣ», такъ же точно нельзя, какъ и превзойти въ подлости пользующагося такою жертвою въ той же комедіи. Но оказывается, что и то и другое возможно, если только вѣрить тому, что выставлено Островскимъ въ четырехъ-актной комедіи «Красавецъ-мужчина» [1]). О томъ, какъ сложился характеръ героя этой комедіи, Окоемова, мы узнаемъ отъ сестры его руководителя на поприщѣ разврата. «Я его зазнала,—разсказываетъ она про Окоемова,—хорошенькимъ мальчикомъ съ ограниченнымъ состояніемъ; онъ учился плохо, но въ обществѣ его любили и баловали... Онъ не кончилъ нигдѣ курса и рано попалъ въ дурное общество. Къ сожалѣнію, я должна сказать, что это... общество моего брата... Я живу съ братомъ для того, чтобы нашъ домъ имѣлъ хоть сколько-нибудь приличный видъ... Я старая вдова, ко мнѣ ничего не пристанетъ, а если я брошу домъ, такъ они будутъ верхомъ по комнатамъ ѣздить. Вы видѣли нѣкоторыхъ изъ нашихъ... Это недоучившіеся шалопаи... Они ужь были развратны, прежде чѣмъ узнали жизнь, они ужь надѣлали долговъ, прежде чѣмъ выучились считать деньги. И теперь ждутъ только богатыхъ дуръ, чтобы поправить свои обстоятельства... Такой же и Окоемовъ. Онъ по душѣ не дурной человѣкъ (?), но пріобрѣлъ трактирныя привычки и легкій, почти презрительный взглядъ на женщину и ея душу... Зоя влюбилась въ него и вышла за него замужъ, чему главнымъ образомъ способствовала ея тетка, помѣ-

---

[1]) Въ Собраніе сочиненій пока не вошла. Напечатана была въ «Отеч. Запискахъ» 1883 г. (январь) Дѣйствіе, сказано тутъ, происходитъ въ городѣ Бряхимовѣ, т. е. гдѣ-то въ провинціи.

шанная на мужской красотѣ». (Потомъ эта тетка сама выходитъ за одного изъ тѣхъ молодыхъ шалопаевъ, которыхъ тутъ описала Сосипатра Семеновна). Руководитель Окоемова на столь благородномъ поприщѣ, Лупачевъ, съ величайшимъ цинизмомъ излагаетъ бѣдной Зоѣ свою философію: «Когда люди сходятся по любви, такъ они и живутъ въ любви, пока не надоѣдятъ другъ другу; а когда бѣдный человѣкъ беретъ за женой большое приданое, такъ онъ, радъ ли, не радъ ли, а обязанъ любить». — «И вы можете, — возражаетъ ему Зоя, — такъ дурно думать о моемъ мужѣ и вашемъ другѣ?» Но Лупачевъ не конфузится: «Пора вамъ, Зоя Васильевна, — говоритъ онъ, — приходить въ совершеннолѣтіе. Браки между людьми не равнаго состоянія по большей части торговыя сдѣлки. Богатый мужчина, если женится на бѣдной, то говорятъ, что онъ беретъ ее за красоту, т.-е., проще сказать, платитъ деньги за ея красоту».

Зоя. Какъ это хорошо покупать женщинъ за деньги!

Лупачевъ. Точно также не хорошо и женщинамъ покупать красивыхъ мужей.

Зоя. Да этого никогда не бываетъ, вы клевещете на женщинъ.

Лупачевъ. Нѣтъ, бываетъ и очень часто... Въ бракахъ, которые основаны на денежныхъ расчетахъ, любовь пропорціональна деньгамъ: чѣмъ больше денегъ, тѣмъ больше и любви; убываютъ деньги, и любовь убываетъ; кончаются деньги, и любовь кончается, а часто и раньше, если въ другомъ мѣстѣ оказывается для нея богатая практика.

Зоя. Послушайте, я на васъ буду мужу жаловаться.

Лупачевъ. Жалуйтесь! А если вашъ мужъ думаетъ такъ же, какъ и я? тогда кому жаловаться?

Зоя. Во всякомъ случаѣ ужъ не вамъ.

Лупачевъ. Напрасно. Вы меня не обѣгайте, я гожусь на многое... быть хорошенькой женщиной — привилегія большая.

Зоя. Да, это по вашей денежной теоріи.

Лупачевъ. Что-жъ дѣлать! Прежде была теорія любви, теперь теорія денегъ.

Дѣло въ томъ, что Лупачевъ готовитъ ее къ сюрпризу со стороны ея мужа-красавца. Ему, далеко не выпутавшемуся изъ долговъ при помощи ея средствъ, нужно съ ней развестись, чтобы жениться хоть на уродѣ, да на богатой, а для этого она должна принять вину на себя. И Зоя, сперва негодующая, соглашается наконецъ: она разыгрываетъ любовную сцену съ пріятелемъ мужа, Олешунинымъ, чтобы дать себя накрыть. Она ведетъ свою роль до того искусно, что у негодяя-мужа начинаетъ шевелиться ревность. Онъ дѣлаетъ ей еще новое, совсѣмъ уже неимовѣрное предложеніе. Онъ, видите ли, о ней же заботится — хочетъ, чтобы она сошлась съ человѣкомъ богатымъ, хотя и пожилымъ, а именно съ его наставникомъ Лупачевымъ, который, къ тому же, давно ее любитъ. И что же? она, повидимому, готова согласиться даже на это, чтобы только угодить мужу. Начавъ было такими словами: «Я не могу, я не могу, ты тутъ (*показывая на грудь*) разорвалъ все», она кончаетъ тѣмъ, что беретъ его за лицо, пристально смотритъ на него и въ какомъ-то умиленіи говоритъ: «Красавецъ!» Мы мало знаемъ страницъ не въ одной только отечественной литературѣ, которыя производили бы болѣе отталкивающее впечатлѣніе. Если, къ несчастью, можно повѣрить, что «красавцы-мужчины» способны доходить до подобныхъ мерзостей, то мы совершенно отказываемся вѣрить, чтобы женщина, до того оскорбленная въ своихъ чувствахъ, могла не только такъ рабски повиноваться своему оскорбителю, но еще и любоваться его позорною красотой.

Мораль въ комедіи соблюдена за то вполнѣ. Зло наказано, такъ какъ Окоемовъ ошибается въ своемъ расчетѣ и на урода Оболдуеву (которая выходитъ за другого), и на другую, менѣе богатую, но красивую невѣсту, которой даютъ раскусить этого яснаго сокола. Не кто другой, какъ вѣрная ему, несмотря ни на что, Зоя спасаетъ его отъ окончательной погибели, выкупая его век-

селя и предоставляя ему затѣмъ совершенную свободу. Комедія оканчивается патетическимъ монологомъ Зои. «Добрая, честная женщина, — говоритъ она, — способна на безконечную преданность, способна прощать мужу его недостатки, пороки, переносить незаслуженныя оскорбленія; въ горькихъ обстоятельствахъ терпѣнью ея нѣтъ конца; но знайте, что есть границы, за которыя честная женщина не перейдетъ никогда». Въ сущности она перешла всѣ такія границы и все это только фразы, фразы, фразы... Но авторъ заставляетъ Зою, въ довершенье всего, еще и питать какія-то невѣроятныя надежды на исправленіе «красавца-мужчины». «Всякій хорошій поступокъ вашъ,—сентиментально резонерствуетъ Зоя,—будетъ приближать васъ ко мнѣ и всякій дурной—отдалять отъ меня. Я ужь не убѣждаю васъ, я прошу васъ... вы видите мои слезы... постарайтесь быть порядочнымъ человѣкомъ (!!!) и доставьте мнѣ счастье опять полюбить васъ». Во всемъ этомъ, по нашему крайнему разумѣнію, самая вопіющая фальшь, полнѣйшая психологическая несообразность, объясняемая, думаемъ мы, рѣшительнымъ ослабленіемъ творческой силы Островскаго [1]). Если Настенька привязана къ Калиновичу какой-то собачьей привязанностью (въ «Тысячѣ душъ» Писемскаго), то Зоя даже ее превосходитъ. Мы тутъ рѣшительно попадаемъ въ область психіатріи, хотя автору, повидимому, казалось, что онъ, въ лицѣ Зои, противопоставилъ своему «красавцу-мужчинѣ» въ своемъ родѣ идеальную женскую личность. Дѣло было бы еще понятно, если бы онъ выставилъ ее увлекающеюся какою-нибудь пародированною теоріею «непротивленія злу», доводящею увлеченье этимъ ученьемъ, такъ сказать, «до чортиковъ». Но вѣдь Зоя не имѣетъ о немъ никакого понятія.

Замѣтные признаки упадка творческой силы, связанные, надо думать, съ постепенно развивавшеюся бо-

1) Не трудно замѣтить, что въ пьесахъ послѣдняго періода и самый языкъ оказывается часто какимъ-то *его собственнымъ*, а не языкомъ, подобающимъ тому или другому дѣйствующему лицу.

лѣзнью нашего драматурга, обнаруживаются и въ его предпослѣднемъ произведеніи — четырехъ-актной комедіи «Безъ вины виноватые»[1]). Это тѣмъ болѣе жаль, что тутъ онъ коснулся такого жизненнаго положенія, къ которому прежде не обращался. Къ значительной у него галлереѣ типовъ изъ міра «униженныхъ и оскорбленныхъ» присоединился тутъ типъ «подзаборника». (Печальная кличка молодого актера Незнамова. По двумъ своимъ послѣднимъ актамъ, замѣтимъ кстати, комедія эта относится къ артистическому міру). Первое дѣйствіе скорѣе можетъ быть названо прологомъ къ ней, разыгрывающимся за 17 лѣтъ до трехъ остальныхъ дѣйствій комедіи, скорѣе заслуживающей названія драмы или даже мелодрамы (къ сожалѣнію, во всемъ строѣ пьесы есть что-то мелодраматическое, точно будто навѣянное столь знакомыми нашей сценѣ французскими устарѣлыми образцами). Основа, сама по себѣ, тутъ простая, нерѣдко уже встрѣчавшаяся намъ у Островскаго: бездушный негодяй, увивающійся за доброю и довѣрчивою дѣвушкою, готовою отдать ему даже свои послѣднія трудовыя деньги, и бросающій ее ради выгодной партіи. Но тутъ оказывается еще и не встрѣчавшееся до сихъ поръ у Островскаго осложненіе: у нихъ есть сынъ, которому, во время измѣны Мурова Любови Ивановнѣ, уже около пяти лѣтъ. Узнавая Мурова на той карточкѣ, которую показываетъ ей разбогатѣвшая ея пріятельница, какъ карточку своего жениха, она прогоняетъ его, спрятавшагося отъ этой гостьи у нея же въ комнатѣ, и тутъ же узнаетъ, что ихъ ребенокъ, помѣщенный ею у мѣщанки Галчихи, при смерти боленъ. Мы встрѣчаемъ ее затѣмъ, уже семнадцать лѣтъ спустя, въ качествѣ извѣстной провинціальной актрисы, пріѣхавшей дать нѣсколько представленій въ тотъ самый губернскій городъ, въ которомъ разыгралась ея печальная исторія съ Муровымъ. Ей приходится тутъ, между прочимъ, играть мать, у которой на рукахъ умираетъ сынъ. Почита-

[1]) «Отеч. Записки» 1884 г. (Январь).

тель ея таланта Дудукинъ пораженъ тѣмъ чувствомъ, которое вложила она въ свою игру, а она, въ порывѣ откровенности, сознается ему, что она не играла, а переживала то, что когда-то было съ нею самою. Вся разница въ томъ, что сама она слегла тогда въ постель, впала въ безпамятство и не могла закрыть глазъ своему мальчику, ни присутствовать на его похоронахъ. Но есть тутъ и другая, болѣе существенная разница, ею и не предполагаемая: ее только увѣрили, что сынъ ея умеръ (это были продѣлки того же негодяя-отца его, боявшагося своей богатой супруги); онъ на самомъ дѣлѣ живъ и играетъ тутъ же на провинціальной сценѣ. О томъ, что онъ живъ и черезъ какія мытарства пришлось ему пройти, она узнаетъ отъ выраствившей его, случайно попадающей къ ней, уже старой теперь мѣщанки Галчихи. Вотъ эти-то мытарства, внезапное раскрытіе всего обмана, узнаніе посредствомъ медальона —и переносятъ насъ на почву мелодрамы, а равно и то, что тутъ на первомъ планѣ драматическая *интрига*, а не *психологія*. Въ этой послѣдней, т.-е. въ раскрытіи душевныхъ отношеній между матерью и сыномъ, и долженъ бы заключаться настоящій интересъ, но онъ, къ сожалѣнію, возбуждается слишкомъ слабо. Самою живою является та сцена, гдѣ Незнамовъ, за котораго Кручинина (артистическая фамилія Любови Ивановны) ходатайствовала передъ губернаторомъ послѣ вышедшей у него исторіи, — гдѣ этотъ еще неузнанный сынъ, и самъ не узнающій въ ней мать, ей же еще и выговариваетъ за непрошенное вмѣшательство. Смягченный тою кротостью, съ какою она ему отвѣчаетъ, онъ начинаетъ сознавать свою вину и проситъ у нея позволенія поцѣловать у нея руку. «То-есть вы протянете мнѣ ее, какъ милостыню, — говоритъ онъ.—Нѣтъ, если вы чувствуете ко мнѣ отвращеніе, такъ скажите прямо».

Кручинина. Да нѣтъ же, нѣтъ, я очень рада.

Незнамовъ. Вѣдь въ сущности я дрянь, да еще подзаборникъ.

Онъ не можетъ забыть этого слова, изъ-за котораго

и вышла у него исторія. Но и Кручинина, протягивая ему руку, вскрикиваетъ: «не говорите этого слова, я не могу его слышать». Незнамовъ цѣлуетъ ея руку, она прижимаетъ его голову къ груди и крѣпко цѣлуетъ. Тутъ, подъ вліяніемъ внутренняго голоса, уже совершается узнаніе. Оставалось бы дать ему до конца совершиться тѣмъ же чисто психологическимъ путемъ, вполнѣ возможнымъ послѣ того, что узнала Кручинина отъ Галчихи, а равно и послѣ довольно ясно высказываемыхъ передъ Кручининой предположеній Дудукина. Но нашъ драматургъ отказался отъ такого пути; онъ предпочелъ ему другой—болѣе эффектный, мелодраматическій. Правдиво и просто, конечно, то, что говорится Незнамовымъ своему товарищу подъ неотразимымъ, совершенно особеннаго рода обаяніемъ для него Кручининой. «Я только разъ поговорилъ съ ней, и всѣ наши выходки, молодечество, ухарство, напускное презрѣніе къ людямъ показались мнѣ такъ мелки и жалки, и самъ я себѣ показался такъ ничтоженъ, что хоть сквозь землю провалиться. Мы при ней и разговаривать-то не должны, а стоять намъ, дурачкамъ, молча, опустя голову, да ловить, какъ манну небесную, ея кроткія, умныя рѣчи». Правдивъ и простъ и его отвѣтъ на передаваемыя ему сплетни о какихъ-то ея «старыхъ грѣшкахъ»: «Вы сами же и сочинили какую-нибудь гадость, да и разславляете ее вездѣ». «Ты скажи всѣмъ (обращается онъ къ одному изъ актеровъ), что я обижать ее не позволю, что я за нее... Вѣдь я круглый сирота... повѣришь ли, я вчера въ первый разъ въ жизни видѣлъ ласку матери» (т.-е. именно отъ нея). Но мы не можемъ уже считать простымъ и правдивымъ того, что онъ тутъ же почти и начинаетъ уступать возбуждаемымъ въ немъ подозрѣніямъ и, вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ задушевной бесѣдѣ съ нею, рѣшается на вечерѣ нанести ей публичное оскорбленіе тостомъ «за матерей, которыя бросаютъ дѣтей своихъ». Это нужно для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ произнесть ему еще и патетическую публичную рѣчь на тему о «подзаборникахъ»—съ намекомъ на «зо-

лотую бездѣлушку», которую «вѣшаютъ своему ребенку бросающія ихъ матери». Это нужно и для того, чтобы Кручинина бросилась къ нему и достала съ его груди медальонъ, т.-е. это нужно для эффектнаго узнанья ими другъ друга. Публика должна быть потрясена и тѣмъ, что Кручининой дурно, что она какъ бы близка къ смерти, но приходитъ въ себя, говоря: «отъ радости не умираютъ». Но въ одномъ отношеніи развязка оказывается правдивою и простою. Кручинина не хочетъ и знать Мурова, который тутъ какъ тутъ, давно уже овдовѣвшій и готовый предложить ей теперь свою руку. «Твой отецъ не стоитъ того, чтобъ его искать», говоритъ она Незнамову, упавшему передъ ней на колѣни съ крикомъ: «мама! мама!» и спрашивавшимъ затѣмъ, гдѣ его отецъ?

Отъ радости не умираютъ, хотя бы и радости неожиданной. За то умираютъ отъ горя, тѣмъ болѣе, если это внезапное горе. Вотъ что хотѣлъ показать Островскій въ своемъ послѣднемъ произведеніи «Не отъ міра сего» (семейныя сцены въ 3-хъ дѣйствіяхъ) [1]). Съ другой стороны, онъ въ немъ какъ бы предсказалъ свою собственную, тоже почти внезапную смерть (хотя и подготовленную давнишнимъ недугомъ). У матери совершенно отъ сего міра, чего-то въ родѣ полупросвѣщеннаго самодура въ юбкѣ, купчихи, вышедшей замужъ за генерала Снафидина, показнымъ маneромъ вдающейся въ ханжество и читающей прописную мораль, оказывается тутъ дочь—Ксенія Васильевна, совсѣмъ не похожая на свою практическую сестрицу, скорѣе напоминающую пословицу о яблочкѣ, не падающемъ далеко отъ яблони. Но Ксенія Васильевна, себѣ на бѣду, вышла замужъ за человѣка и очень себѣ на умѣ, и порядочно таки безпутнаго. Онъ подъ вліяніемъ пріятеля своего, Муругова, «богатаго барина, живущаго очень широко» (какъ значится въ расписаніи дѣйствующихъ лицъ). Понятнымъ образомъ разстроивъ себѣ, при подобномъ же ошибкѣ мужа, свое и

---

[1]) «Русская Мысль», 1885 г., февраль.

безъ того ненадежное здоровье, Ксенія Васильевна уѣхала отъ него за границу. Она возвращается вслѣдствіе нарочно распущенныхъ слуховъ о растратѣ въ томъ частномъ банкѣ, гдѣ онъ служитъ,—растратѣ, которой, быть можетъ, онъ же и причиною. Слухи разсчитаны на то, чтобы окончательно ее удалить отъ Кочуева и побудить тещу не выдавать ему остальныхъ, обѣщанныхъ за нею, 100 тысячъ. Но на любящую и прощающую душу Ксеніи Васильевны слухи эти дѣйствуютъ прямо обратнымъ образомъ. Она спѣшитъ къ мужу, чтобы уплатить за него, если причиной растраты онъ. Слухъ оказывается ложнымъ, но она пріѣзжаетъ кстати, такъ какъ онъ рѣшилъ измѣнить свое поведеніе, чтобы не отталкивать отъ себя жену, т.-е. не терять тещиныхъ денегъ. Онъ даже отказывается отъ Муруговскаго пикника (по 300 р. «съ физіономіи»), но въ тотъ вечеръ, когда пріѣзжаетъ жена, оказывается однако находящимся въ театрѣ. Ее встрѣчаетъ пріятель его Елоховъ, человѣкъ порядочный, настраивающій ее въ пользу добрыхъ намѣреній Кочуева. Она съ увлеченіемъ вѣритъ имъ, не запинаясь и за отсутствіе мужа, которое не совсѣмъ-то кстати въ такую пору, когда приходилось поджидать ее со дня на день. Намъ кажется, что пьеса выиграла бы въ драматизмѣ, если бы въ Ксеніи Васильевнѣ обнаруживалось колебаніе между вѣрою въ исправленіе мужа и сомнѣніями, совершенно понятными послѣ его прежней жизни. Между тѣмъ она слишкомъ ровно вѣритъ, и только воспоминанія наводятъ ее на раздумье, выражающееся съ другой стороны нѣсколько резонерски. «Кроткая женщина,—говоритъ она,—не столько радуется тому, что ее любятъ, сколько торжествуетъ, что родъ людской еще не совсѣмъ палъ, что не одна красота, а и скромное, любящее сердце могутъ найти себѣ оцѣнку. Это святое, духовное торжество, это ни съ чѣмъ не сравнимая радость побѣды добра и честной жизни надъ зломъ и развратомъ. Ну, вотъ и посудите теперь, честно ли обмануть такую женщину...» «У страстной, энергической женщины,—продолжаетъ она (и тутъ уже безъ

резонерства),—явится ревность, она отомститъ или мужу, или соперницѣ, для оскорбленнаго чувства найдется выходъ, а кроткая женщина и на протестъ не рѣшится; для нея все это такъ гадко покажется, что она только уйдетъ въ себя, сожмется, завянетъ...» Ксенію Васильевну вдругъ пригрѣваетъ солнцемъ, она оживаетъ,—но не надолго. Напрасно мужъ манитъ ее надеждою на будущую жизнь вдвоемъ въ Крыму—на вновь покупаемой ими дачѣ; злые люди мѣшаютъ осуществленію этой надежды. Искатель руки ея сестры, добивающійся того, чтобы все состояніе Снафидиной (матери обѣихъ сестеръ) перешло въ руки его невѣсты, вполнѣ входящей въ его виды, находитъ на столѣ у Кочуева неосторожно неприбранные имъ убыточные счеты для m-elle Клемансъ. Овладѣвъ ими, онъ кладетъ ихъ въ видѣ закладки въ книжку, которую посылаетъ женѣ Кочуева. Этому предшествуетъ счастливая сцена между мужемъ и женой, гдѣ Ксенія Васильевна добросовѣстнѣйшимъ образомъ перечисляетъ свои недостатки, къ которымъ причисляетъ и крайнюю впечатлительность, нервность. Она сознается мужу, что не выноситъ его пріятеля Муругова (того самаго, который устраивалъ пикникъ по 300 р. «съ физіономіи»). «Какъ я увижу его,—говоритъ она,—такъ мнѣ кажется... мнѣ кажется,—повѣришь ли?—что онъ пришелъ за душой моей». А Муруговъ тутъ какъ тутъ. Стремясь увлечь ея мужа изъ дому (чему тотъ однако не поддается), онъ болѣзненно затрагиваетъ ее разсказомъ про одну даму, которая «минуты не можетъ быть безъ мужа и очень печалится, когда мужъ не беретъ ее съ собой въ окружной судъ на каѳедру: я бы, говоритъ, никому не мѣшала; я бы глядѣла ему въ глаза и держала его за руку». Муруговъ уходитъ, а она сама сознается, что какъ-то при немъ «смѣшалась и поглупѣла». «Сама чувствую,—говоритъ она,—что глупости говорю, а остановиться не могу. Хочу поправиться, и скажу что-нибудь еще глупѣе». Мужъ проситъ ее успокоиться, самъ отправляясь съ Елоховымъ въ шахматы поиграть. Вотъ тутъ-то и приносятъ Ксеніи Васильевнѣ

книжку съ роковыми счетами. Если не предвѣстникъ Муруговъ, то эти счеты явились за ея душою. Она вдругъ падаетъ съ того неба, на которомъ думала успокоиться. Приступы бреда, галлюцинацій. Она опять поминаетъ Муругова, не велитъ его пускать, посылаетъ за мужемъ. Еще нѣсколько мгновеній, и ея рука на прощанье протягивается къ нему, опускающемуся передъ ней на колѣни. «Я... люблю... тебя»... шепчетъ она черезъ силу. «И прощаешь?» спрашиваетъ онъ, цѣлуя у нея руку. «И прощаю», подтверждаетъ она, испуская духъ.

Предсмертная пьеса Островскаго закончилась такимъ образомъ трагическимъ мотивомъ. Послѣднимъ произведеніемъ его кисти осталась идеальная женская личность, къ сожалѣнію, далеко не дорисованная. Оттого-то и внезапная смерть Ксеніи является не достаточно подготовленною.

XIV.

Заключеніе.

Мы разсмотрѣли, болѣе или менѣе подробно, всѣ 47 пьесъ Островскаго, отличающихся самымъ различнымъ объемомъ—начиная отъ сценъ въ одномъ дѣйствіи и кончая пяти-актными комедіями и драмами. Онъ переиспыталъ свои силы, какъ видѣли мы, во всѣхъ родахъ драматической литературы (кромѣ, разумѣется, водевиля), при чемъ грани отдѣльныхъ родовъ переступались имъ очень свободно, такъ что лучшія произведенія его являлись соединеніемъ, такъ сказать, въ различныхъ дозахъ двухъ основныхъ стихій драматическаго творчества—комической и трагической.

Мы разсматривали труды Островскаго по преимуществу въ томъ порядкѣ, въ какомъ появлялись они одинъ за другимъ (съ самыми незначительными уклоненіями отъ этого правила); мы доискивались въ каждомъ изъ нихъ

того, что въ немъ есть; мы старались уразумѣть нашего драматурга, какимъ онъ проявилъ себя самъ, въ своемъ совершенно свободномъ, не тенденціозномъ творчествѣ. Мы могли убѣдиться въ томъ, что Добролюбовская формула «самодурства» слишкомъ узка для него, что въ нее далеко не укладываются его разнообразныя произведенія, особенно же произведенія второй половины его литературной дѣятельности (которыхъ не могъ имѣть въ виду Добролюбовъ). Мы потому-то и предпочитаемъ нѣсколько неопредѣленную, но за то широкую формулу Аполлона Григорьева—формулу «народности». Она, мы согласны, черезчуръ широка; за то она не служитъ для произведеній Островскаго прокрустовымъ ложемъ.

Да, Островскій—*народный поэтъ*, хотя у него и всего менѣе того, что принято у насъ называть *народными типами*, т.-е. типами изъ жизни простого народа, являющагося основною стихіею русской народности. Самые крестьяне являются у него, по преимуществу, въ несочувственномъ для народа видѣ оторвавшихся отъ своей земледѣльческой почвы и перешедшихъ на почву торговую. Главнымъ же образомъ встрѣчаемся мы у него съ купцами не со вчерашняго дня,—купцами, которые могли бы, пожалуй, указать на свою особую, купеческую родословную. На-ряду съ ними встрѣчаемся мы у Островскаго съ барами—какъ издавними и владѣющими помѣстьями, такъ и со всякими пролѣзающими въ барство по ступенькамъ служилой лѣстницы. Все это, стоящее надъ народомъ, можно сказать, окрашивается въ его глазахъ одною краскою, разсматривается имъ съ одной общей точки зрѣнія. Вотъ эта-то точка зрѣнія прямо и заимствована у самого народа нашимъ драматургомъ; она дѣйствительно сводится къ *самодурству*, которое, стало быть, недаромъ усматривалось у Островскаго, но къ самодурству, понимаемому такъ широко, что тутъ далеко не достаточно тѣхъ успѣховъ умственнаго развитія, на которые возлагали всю надежду Добролюбовъ и вслѣдъ за нимъ Писаревъ (послѣдній едва ли еще не болѣе). Типъ самодура давно уже данъ въ народной поэзіи—въ лицѣ того новго-

родскаго не то купеческаго, не то боярскаго сынка Васеньки Буслаева, которому вполнѣ далась грамота и который, несмотря на то, пошучивалъ такимъ образомъ, что кого схватитъ за руку—рука прочь, кого за ногу—нога прочь. Васенька, набравъ себѣ особую наемную дружину приманкою: «кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго, тотъ вались къ Васькѣ на широкій дворъ», испытавъ выносливость этой дружины ударами по лбу червленымъ вязомъ, становится во главѣ ея, не признавая надъ собою никакого закона, и кончаетъ тѣмъ, что, вызывая на бой весь Великій Новгородъ, даетъ своей рукѣ-владыкѣ разгуляться по мужикамъ новгородскимъ—такъ и валяетъ ихъ съ моста въ Волховъ, въ этомъ смыслѣ становясь какимъ-то эпическимъ предвозвѣстникомъ историческаго Грознаго. Основа подобнаго рода подвиговъ — это сила, просто, какъ *сила*, возмнившая себя и *властью*, — сила, позабывшая о какихъ-либо нравственныхъ основахъ власти, о той «правдѣ-царицѣ», въ которой коренится настоящая власть. Въ Васькѣ Буслаевѣ, можно сказать, предуказаны всѣ самодуры Островскаго. Типъ народнаго эпоса широкъ—подъ него могутъ быть подведены, какъ ни грубы его богатырскія очертанія, соотвѣтственныя явленія всевозможныхъ странъ и временъ. Въ своемъ родѣ широкъ и типъ самодура въ комедіяхъ и драмахъ Островскаго (не слѣдуетъ тутъ забывать и «Василису Мелентьеву»),—онъ несравненно шире того, какъ понимала его наша критика, сводя его собственно къ заурядныимъ купцамъ и помѣщикамъ патріархальнаго покроя. Въ народномъ эпосѣ типъ самодура Васьки, не то купчика, не то боярченка, прямо противоположенъ типу крестьянскаго сына Ильи, избирающаго «мѣстечко середнее межу голями», не позволяющаго самодурствовать и Владиміру, сдающагося передъ его челобитьемъ собственно ради матушки свято-Русь-земли, ради бѣдныхъ вдовъ и малыхъ дѣтей. Это типъ земскій, произведеніе той общинной почвы, отрозненность отъ которой представляется народу жизнью не по разуму, не по Божьему, а на вольной волѣ своихъ дурящихъ причудъ. Если міръ

Гоголевскихъ типовъ назвали мы въ своемъ мѣстѣ «областью отрозненной личности» [1]), т.-е. личности, обособившейся отъ великаго цѣлаго (таковъ и міръ Грибоѣдовскій, за исключеніемъ, разумѣется, Чацкаго), то то-же названіе вполнѣ подобаетъ и той, на половину купеческой, на половину помѣщичьей и служилой средѣ, которую охватилъ Островскій, какъ широкую область *барства вообще*. Но у него постоянно сказываются, въ людяхъ изъ разныхъ слоевъ общественныхъ, и отзвуки того противоположнаго Васькѣ Буслаеву типа эпическаго, корни котораго находятся тамъ, гдѣ нѣтъ и въ поминѣ барства или какихъ-нибудь поползновеній на барство. Такіе отзвуки слышатся у Островскаго во всевозможныхъ варіаціяхъ — начиная съ гулящаго, но не загубившаго въ себѣ душу живу Любима Торцова и до степеннаго, обрекающаго на служенье общему дѣлу и свою патріархальную власть въ семьѣ Козьмы Минина или же поневолѣ уходящаго въ вольницу, но сохраняющаго и въ ней твердую память объ идеалѣ семейномъ и идеалѣ общественномъ, Дубровина. Писаревъ въ свое время утверждалъ, возражая Добролюбову, далѣе котораго онъ думалъ идти, будто «ни одно свѣтлое явленіе не можетъ ни возникнуть, ни сложиться въ «темномъ царствѣ» патріархальной русской семьи, выведенной на сцену въ драмѣ Островскаго» [2]). Островскій, напротивъ, умѣлъ указать намъ въ ней, и указать правдиво, не одно такое явленіе — конечно, помимо превознесенной Добролюбовымъ Катерины, которую Писаревъ вполнѣ основательно отказывался окружать какимъ-либо свѣтлымъ ореоломъ. Мы видимъ у Островскаго, помимо ея, цѣлый сочувственный рядъ женскихъ личностей, начиная съ самоотверженной и въ своей приниженности Дуни, такъ чутко отмѣченной широкимъ сердцемъ Добролюбова, и кончая старушкой Кругловой, не сдающейся ни на какіе соблазны купца Ахова. Мы видимъ у него и нравственно

[1]) «Историческій Вѣстникъ» 1886, іюнь.
[2]) Сочиненія, т. I, стр. 211.

стойкую Аннушку (въ «Бойкомъ мѣстѣ»), и одаренную «горячимъ сердцемъ» Парашу, и отличающуюся не только теплотою, но и всеобъемлющею широтою сердца Вѣру Филипповну (въ комедіи «Сердце не камень»). Ключъ къ пониманію воспроизводимой имъ, въ ея разностороннихъ явленіяхъ, многообъемлющей жизни далъ намъ Островскій въ нѣсколько странныхъ по формѣ, но глубокихъ по смыслу словахъ своего Платона Зыбкина, раздѣляющаго людей на «мерзавцевъ своей жизни» и «патріотовъ своего отечества». Если нашъ драматургъ вывелъ передъ нами цѣлое множество «мерзавцевъ» и «мерзавокъ», живущихъ во всю ширь своего заѣвшагося и оскотѣлаго эгоизма, то онъ же вывелъ передъ нами и не мало «патріотовъ», т.-е. разнаго рода и разнаго положенія людей, не позабывающихъ о томъ, что они не одни на свѣтѣ, постоянно тяготѣющихъ къ широкому и все болѣе и болѣе расширяющемуся кругу—семьѣ, обществу, отечеству. При подобной нравственной закваскѣ и незначительная доля умственнаго развитія уже идетъ въ прокъ. Такъ оно вышло съ тѣмъ же Платономъ, про котораго недаромъ говоритъ его мать, что «онъ чему учился-то, все это за правду принялъ, всему этому повѣрилъ» («Правда хорошо, а счастье лучше»). Тѣмъ еще болѣе проку можетъ, разумѣется, принести такая уже большая доля развитія, какая достается студенту Мелузову («Таланты и поклонники»),—опять-таки при полнѣйшемъ отсутствіи въ немъ всякой барской, вводящей въ соблазнъ закваски. Эта послѣдняя все же, должно быть, есть у прошедшаго черезъ тотъ же университетъ Жадова, а потому-то онъ и не принялъ за правду того, чему его тамъ учили.

Такъ ярко рисуя намъ барственность въ широкомъ смыслѣ, т.-е. совокупность тѣхъ качествъ, которыя вытекаютъ изъ пользованія большими средствами и сознанія преимуществъ такого пользованія, Островскій рисуетъ намъ и тѣ и другіе изъяны душевные, ту степень всякаго рода приниженности, которые вытекаютъ изъ сознанія бѣднымъ людомъ всей своей зависимости отъ бо-

гачей, — при далеко не обезпечивающемъ трудовомъ заработкѣ. Но и тутъ онъ умѣетъ намъ показать, въ лицѣ нѣкоторыхъ, замѣчательную силу нравственнаго устоя, не останавливающагося ни передъ какими испытаніями. За то съ другой стороны—и это особенно въ произведеніяхъ второй половины своей жизни—онъ выставляетъ передъ нами способность на сдѣлки, зависящую уже не отъ того, что ѣсть нечего, а отъ желанія пожить широко, пожить всласть, пожить, какъ живутъ богачи-самодуры. Такая способность сказывается у него въ лицѣ разныхъ, выражаясь словами его Платона, «мерзавцевъ» и «мерзавокъ» — преимущественно въ видѣ различныхъ свадебныхъ сдѣлокъ самаго грязнаго обманно-воровского характера. Мы видѣли, что одну изъ своихъ комедій послѣдней поры Островскій озаглавилъ «Невольницы». Но онъ вывелъ такихъ невольницъ не только въ ней, но и во многихъ другихъ, онъ вывелъ въ нихъ также и невольниковъ, — да, невольниковъ своихъ чувственныхъ наклонностей, своей жажды «широкой жизни», приводящей ихъ къ культу золотого тельца, къ принесенію ему въ жертву самой основной изъ святынь,—святыни семейнаго начала. Островскій глубоко понялъ этотъ человѣкоубійственный культъ, какъ ту болѣзнь нашего вѣка, которая подкапываетъ всѣ его успѣхи на поприщѣ гражданской свободы, подкапываетъ до того, что при этомъ культѣ невольно теряется довѣріе къ самымъ усовершенствованнымъ формамъ политической жизни. Островскій ярко изобличаетъ этотъ культъ въ типахъ русскаго общества, но ихъ приходится часто понимать широко — въ общечеловѣческомъ современномъ смыслѣ. Съ обличеніемъ культа золотого тельца въ его пьесахъ соединяется могучій запросъ на ту силу нравственную, безъ которой, выражаясь языкомъ Посошкова, «ни коими дѣлы невозможно» [1]). Онъ рисуетъ намъ и картины самаго глубокаго нравственнаго паденія, и картины высокаго нравственнаго устоя, пересиливающаго всякую среду.

[1]) Т.-е. ни въ какомъ дѣлѣ обойтись нельзя.

Онъ, подобно другимъ нашимъ современнымъ писателямъ (за исключеніемъ Писемскаго), является въ одно и то же время и полнѣйшимъ реалистомъ, и истымъ идеалистомъ (Писемскій только реалистъ или даже натуралистъ). Подобно имъ, онъ и въ этомъ, какъ въ широтѣ понимания имъ самодурства со всѣми его общественными послѣдствіями и единственными вѣрными средствами противъ него, настоящій народный писатель [1]).

---

[1]) Въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1887 г. появилась статья объ Островскомъ П. Н. Полевого. Въ ней также развивается мысль объ односторонности Добролюбовской формулы, но авторъ, какъ кажется намъ, уже слишкомъ умаляетъ значеніе критики «темнаго царства».

ОГЛАВЛЕНІЕ

С. Т. АКСАКОВЪ.

стр.

С. Т. АКСАКОВЪ 1
I. «Семейная хроника». 7
II. «Дѣтскіе годы Багрова внука».—«Наташа».—«Воспоминанія». . . . 30

П. И. МЕЛЬНИКОВЪ (А. Печерскій).

I. Разсказы и очерки 63
II. «Въ лѣсахъ» 79
III. «На горахъ» 108

А. Н. ОСТРОВСКІЙ.

А. Н. ОСТРОВСКІЙ. 133
I. Драматическія сцены первой поры.—«Свои люди—сочтемся».—«Бѣдная невѣста» 135
II. «Не въ свои сани не садись».—«Бѣдность не порокъ».—«Не такъ живи, какъ хочется» 162
III. «Доходное мѣсто».—«Въ чужомъ пиру похмѣлье».—«Не сошлись характерами».—Бальзаминовская трилогія 195
IV. «Воспитанница».—«Гроза». 217
V. «Старый другъ лучше новыхъ двухъ».—«Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ».—«Шутники».—«На бойкомъ мѣстѣ».—«Пучина». 245

ОГЛАВЛЕНІЕ

		стр.
VI.	«Козьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ»	265
VII.	«Воевода».—«Димитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій».—«Тушино».	277
VIII.	«Василиса Мелентьева»	297
IX.	«На всякаго мудреца довольно простоты».—«Горячее сердце».—«Бѣшеныя деньги».—«Не все коту масленица».—«Лѣсъ»	306
X.	«Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ». — «Комикъ XVII столѣтія».—«Снѣгурочка».—«Поздняя любовь»	325
XI.	«Трудовой хлѣбъ».— «Богатыя невѣсты».—«Волки и овцы» —«Правда хорошо, а счастье лучше».—«Послѣдняя жертва»	335
XII.	«Безприданница».—«Сердце не камень».—«Невольницы».—«Таланты и поклонники»	352
XIII.	«Красавецъ-мужчина».— «Безъ вины виноватые».—«Не отъ міра сего».	372
XIV.	Заключеніе	382

Историко - литературный и критико - библіографическій журналъ

издаваемый т-вомъ м. с. вольфъ

ИЗВѢСТІЯ ПО ЛИТЕРАТУРѢ

*** НАУКАМЪ И БИБЛІОГРАФІИ ***

и

ВѢСТНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ

1 р. Годовая подп. цѣна „Извѣстій по Литературѣ“ и „Вѣстника Литературы“, съ дост. и перес. **1 р.**

Съ перес. за границу—1 р. 50 к. (=4 франка).

Подписка принимается въ редакціи, въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 16 линія, 5—7, с. д., а также въ книжныхъ магазинахъ Т-ва М. О. Вольфъ: въ С.-Петербургѣ: 1) Гостиный Дворъ, 18, и 2) Невскій пр., 13; въ Москвѣ: 1) Кузнецкій Мостъ, 12, д. Джамгаровыхъ, и 2) Моховая, ул., 22, д. Чижова и Курындиной (противъ университета).

СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ

Собраніе общедоступныхъ очерковъ, статей и лекцій русскихъ ученыхъ, подъ редакціею проф. **Э. Д. Гримма**, проф. **Н. А. Котляревскаго**, прив.-доц. **В. Н. Сперанскаго** и проф. **В. М. Шимкевича**.

Названіе изданія — «СВОБОДНОЕ ЗНАНІЕ» — ясно опредѣляетъ его характеръ, значеніе, цѣли, и въ этомъ названіи намѣчена его программа.

Предпринимая настоящее собраніе, мы имѣемъ въ виду посильно удовлетворить запросъ на научныя знанія со стороны русскаго общества—изданіемъ ряда самостоятельныхъ книжекъ, касающихся вопросовъ, непосредственно интересующихъ всѣхъ и каждаго по разнымъ отраслямъ знанія, въ обработкѣ извѣстныхъ, преимущественно русскихъ, ученыхъ и писателей. Строгая научность при доступномъ изложеніи, небольшой объемъ при возможно широкой, всесторонней обработкѣ предмета—таковы отличительныя черты, которыя мы намѣрены придать означенному изданію.

Редакторы и издатели.

— — —

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

Будущее человѣчества съ точки зрѣнія натуралиста, *В. М. Шимкевича*, проф. Спб. университета. Съ 11 рисунками. Ц. 30 коп.

Кровь, изъ чего она состоитъ и для чего она нужна животному организму, *А. С. Догеля*, проф. Спб. университета. Съ 13 рисунками. Ц. 25 коп.

Исторія литературы, какъ наука, *В. В. Сиповскаго*, прив.-доц. Спб. университета. Ц. 30 коп

Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни, *Н. Н. Фирсова*, проф. Казанскаго университета. Съ 3 портр. Ц. 30 коп.

Что такое инстинктъ и почему даже у многихъ зоологовъ о немъ существуетъ весьма смутное представленіе? *Владимира Вагнера*, д-ра зоологіи. Съ 15 рис. Ц. 30 коп.

Помѣси и ублюдки, *В. М. Шимкевича*, проф. Спб. унив. Ц. 30 коп.

Строеніе и жизнь мелкихъ частицъ (клѣтокъ), у животныхъ, *А. С. Догеля* проф. Спб университета. Съ 17 рис. Ц 30 коп.

Паденіе абсолютизма въ западной Европѣ. Историческіе очерки, *Е. В. Тарле*. Часть первая. Ц. 1 р. 50 к.

Нравственная личность женщины при современномъ общественномъ строѣ, Проф. Каз. университ. *Е. Будде*.

Почему не говорятъ животныя? Къ вопросу о происхожденіи языка, проф. *А. Л. Погодина*.

Отцы и дѣти. Зоологическій очеркъ *В. М. Шимкевича*, проф. Спб. у-та Съ 16 рис. 40 стр. Ц. 30 коп.

Пугачевщина. Опытъ соціолого-психологической характеристики, *Н. Н. Фирсова*, проф. Казанск. ун-та. Съ рис. 185 стр. Ц. 1 р.

Психологія краснорѣчія. Д-ра мед. *В. Ларіонова*, прив.-доц. ун-та *Св. Владимира*. Съ рис. Ц. 30 к.

Духовная полиція въ Россіи, *М. А. Рейснера*, прив.-доц. Спб. ун-та. 107 стр. Ц. 75 к.

Уродства и происхожденіе видовъ, *В. М. Шимкевича*, проф. Спб. ун-та. Съ рис. 107 стр. Ц. 75 к.

Органы защиты организма отъ самоотравленія, *А. С. Догеля*, проф. Спб. ун-та. Ц. 40 к.

Политическія воззрѣнія Ипполита Тэна, *Э. Д. Гримма*, проф. Спб. ун-та. Ц. 60 к.

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

ИЗДАНІЯ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ
ПОСЛѢ ГОГОЛЯ

ЧТЕНІЯ, РѢЧИ И СТАТЬИ
ОРЕСТА МИЛЛЕРА

Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ проф. И. А. ШЛЯПКИНА.

ТОМЪ I

И. С. Тургеневъ.—Ѳ. М. Достоевскій.
(Изданіе пятое).—Ц. 1. р. 50 к.

ТОМЪ II

И. А. Гончаровъ.—А. Ѳ. Писемскій.—М. Е. Салтыковъ.—
Гр. Л. Н. Толстой.
(Изданіе четвертое).—Ц. 1 р. 75 к.

ТОМЪ III

С. Т. Аксаковъ.—П. И. Мельниковъ.—А. Н. Островскій.
(Изданіе четвертое).—Ц. 2 р.

НОВАЯ КНИГА

ОТЪ ЧЕХОВА ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

К. ЧУКОВСКАГО

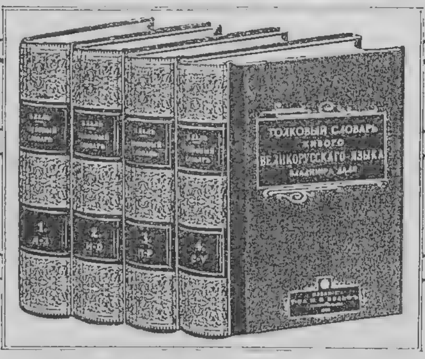
Изданіе третье исправленное и дополненное.—Ц. 1 р. 25 к.

А. Чеховъ
К. Бальмонтъ
А. Блокъ
О. Дымовъ.
С. Сергѣевъ-Ценскій
А. Купринъ
М. Горькій
Скиталецъ

А. Каменскій
М. Арцыбашевъ
Г. Чулковъ
Т. Ардовъ
А. Рославлевъ
Е. Тарасовъ
Я. Годинъ
Д. Цензоръ и др.

С. Юшкевичъ
Ѳ. Сологубъ
Б. Зайцевъ
Д. Мережковскій
В. Брюсовъ
Л. Андреевъ
Приложеніе: Бальмонтъ и Шелли

ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ



ЗАКОНЧЕНА ПЕЧАТЬЮ И ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

ЭНЦИКЛОПЕДІЯ ЖИВОЙ РУССКОЙ РѢЧИ:

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКАГО ЯЗЫКА

Владиміра Даля.

Третье исправленное и значительно дополненное изданіе, подъ редакціей проф. СПБ. университета И. А. БОДУЭНА-де-КУРТЕНЭ.

4 большихъ тома, въ б. 8 д. л., напечатан. убористыми, но четкими шрифтами, на плотной глазиров. бумагѣ. Ц. 24 руб.; въ четырехъ библиотечн. перепл. Ц. 28 руб.

ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ ДАЛЯ увѣнчанъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіей Наукъ **ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІЕЙ**; ИМПЕРАТОРСКИМЪ Русскимъ Географическимъ Обществомъ удостоенъ **КОНСТАНТИНОВСКОЙ МЕДАЛИ**; Совѣтомъ ИМПЕРАТОРСКАГО б. Дерптскаго, нынѣ Юрьевскаго Университета награжденъ **ПОЛНОЙ ПРЕМІЕЙ** имени Роберта Геймбюргера.

Представляя собою всю наличность словъ и оборотовъ родной рѣчи, со всѣми мѣстными особенностями и оттѣнками, „Словарь Даля", — по выраженію одного изъ критиковъ, — „это весь словесный капиталъ русскаго народа, расходуемый имъ по мелочамъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, на всемъ протяженіи земли русской, а въ трудѣ Даля явившійся стройнымъ цѣлымъ, составляющимъ неисчерпаемый источникъ для всевозможныхъ справокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ „Словарь Даля"—это необходимая, единственная въ своемъ родѣ и самая обширная энциклопедія русской рѣчи, охватывающая одновременно всѣ проявленія внутренней и внѣшней обиходной русской жизни и быта и объясняющая всевозможные грамматическіе и орѳографическіе вопросы".

— ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ —

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

Поставщиковъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный Дворъ, 18 (по Невскому проспекту). МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, 12, и » Моховая ул., 22.

ПРОДАЕТСЯ

РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ:

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ.

Великій писатель Русской Земли, его жизнь, семья, друзья, критики и толкователи — въ портретахъ, гравюрахъ, медаляхъ, живописи, скульптурѣ, каррикатурахъ и т. д. Болѣе 300 иллюстрацій, съ пояснительнымъ текстомъ.

Составили Пл. Н. Красновъ и Л. М. Вольфъ.

Передъ глазами зрителя или читателя въ альбомѣ проходитъ, точно въ калейдоскопѣ, вся жизнь графа Л. Н. Толстого, проходятъ всѣ событія его литературной карьеры, всѣ важнѣйшіе эпизоды и факты его личной жизни. Что касается текста, то онъ представляетъ собою лишь поясненіе къ рисункамъ, цѣль котораго дать возможность оріентироваться среди громадной массы иллюстраціоннаго матеріала.

Большой альбомъ въ изящн. золототисн. коленкор. переплетѣ. Цѣна 2 р. 25 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Имѣются экземпляры на веленевой бумагѣ, цѣною, въ роскошн. перепл., — 4 рубля, съ перес. 4 р. 65 к.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. С.-П. Вас. Остр., 16 лин., д. 5—7.